

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОКОВЫЕ ЗОРЫ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2024

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2024 — 3(74)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Горькое послевкусие культуры..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 20

Игорь Карлов. Русский Стамбул. Столетие (очерк-реферат)..... 39

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантазмагория..... 65

Вадимир Трусов. «Эха-на!» (главы из романа-антиэссе)..... 76

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин. Коловращение..... 93

Игорь Отчик. Два рассказа: Дымок. Глубокое дыхание..... 103

Татьяна Белявская. Венский вальс: записки о маме..... 110

Николай Макаров. Тульские летчики-афганцы. Даты датам — рознь..... 125

Александр Шерстюк. Ненаглядное мое пособие..... 136

Яков Шафран. Дом разумных (фантастический рассказ)..... 151

Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон»..... 167

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Савостьянов. Из книги «Похожая на образа»..... 193

Владимир Гуляев. Родина..... 200

Тася Ярина. Россия..... 202

Аркадий Польшин. К литературным юбилеям..... 205

Александр Ковалев. Я рожден на планете Земля..... 210

Валерий Демидов. Из цикла «Деревенские мотивы»..... 217

Николай Тимохин. Однажды заблудилась королева..... 227

Виктор Борисов. Тверже шаг, седьмая рота!..... 230

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Евгений Трещев. «Я рожден для службы царской»..... 238

Вадимир Трусов. Повесть о ласковых широтах (о повести Алексея Яшина «Военная цивилизация»).....	242
Надежда Григорьева. Педагогические мотивы прозы Владиславы Васильевой (рецензия на сборник рассказов «Сахар»).....	245
Ольга Артемова. В поисках утраченного рая (несколько мыслей о новой книге Алексея Яшина).....	249
ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА.....	252
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	268

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — председатель Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ
 Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)
 — журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
 Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

© «Приокские зори», 2024

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ГОРЬКОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ КУЛЬТУРЫ

Радикальнейший отрыв прошлого от настоящего есть факт, который суммарно характеризует наше время, возбуждая при этом смутное подозрение, что именно он повинен в каком-то особенном чувстве тревоги, переживаемом нами в эти годы. Неожиданно мы ощутили себя еще более одиночками на нашей земле; мертвые умерли не в шутку, а всерьез и окончательно, и больше они ничем не смогут помочь нам. Улетучились последние остатки духа преемственности, традиции. Модели, нормы и правила нам больше не служат. Мы принуждены решать свои проблемы без активной помощи прошлого, в абсолютном актуализме, будь то проблемы искусства, науки или политики. Европеец остался одиноким...

Хосе Ортега-и-Гассет «Запах культуры»

♦ ...Этими словами выдающийся испанский писатель и философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955), один из наиболее выдающихся мыслителей прошлого века, *in summa* выразил свои тревожные ощущения, предчувствия оскудения и нивелирования европейской, то есть мировой, культуры. И если Ортега-и-Гассет еще ощущал к середине XX века остатки традиционной культуры, ее «запах», то на нашу долю осталось только горькое ее послевкусие. Сказанное — к определенной преемственности названий книги выдающегося философа и настоящего очерка, очередного в цикле работ, посвященных теме расчеловечивания, имманентного бурно стартовавшей на рубеже веков и тысячелетий глобализации — «последнего и решительного» боя интернационала мировой финансово-олигархической капиталократии, высшей и завершающей стадии империализма... который и сам, говоря словами В.И. Ленина, явился последней стадией капитализма. Словом, конец конца, но двойные отрицания наиболее пагубны для человеческой психики.

И еще одна преамбула к теме очерка. Автора их цикла, по мере написания публикуемого в разных литературных журналах, «по первому прочтению» часто упрекают в неизбывном пессимизме: дескать, все у вас, товарищ сочинитель, получается по образцу «раньше и вода мокрее была», а даже в недалекое будущее и вовсе страшно в мыслях заглянуть! Что ответить? Сослаться разве что на позднеримских философов, живших и творивших в пору упадка Римской империи — а ведь тогдашний Рим и был весь мир! — того же Боэция, что начинал свой знаменитый трактат «Утешение философией» строками:

*Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы,
Вынужден ныне на путь скорбный направить, увя!*

Именно гнетущая эпоха великих перемен к наилучшему от устоявшегося в наибольшей степени сказывается на людях с чувствительной организацией ума и души, к каковым относятся служители творческих муз. Хотя бы в разных степенях успешности служащих. Но дело не в «количественно-качественных» градациях, а именно в данных от рождения и воспитания творческих устремлениях.

Для Бозция и его круга неотвратимость ухода всего прошлого величия Рима и воспринималась как конец Мира — Рима. И мы с «высоты» прошедших веков и тысячелетий, зная последующую историю европейской цивилизации, в полной мере соглашаемся с Бозцием. Но кто же согласится с нами, ныне живущими, о содержании восполнения переживаемого времени чудовищных перемен, полного перевоплощения человека? Ведь история не только сослагательного наклонения не имеет, но даже и ближайшую будущность от нас скрывает?

А будущность эта даже в промиллях (это термин не из гаишного обихода...) не схожа с упадком Древнего Рима. Тогда ведь человек оставался все тем же биологическим разумным, а приток «свежей крови» варварских племен, наложившись на высокую цивилизацию средиземноморской античности, пережив растянувшееся на многие века «смутное время» мрачного раннего Средневековья, дал второе рождение уже всеевропейской цивилизации с единым корнем христианской этики и морали, с высочайшим развитием гуманизма и сциентизма античности; первого у романских народов, второго по преимуществу у потомков германских племен. Даже отрезанные от Европы мощным натиском монгольских и тюркских племен из восточной Азии славяне Руси и бывшей Византии в общем потоке всеевропейской христианской пассионарности исподволь создавали свои молодые государственности и национальные культуры.

У нас даже намек на возрождение нет: выгляньте в окно и все сами увидите.

♦ *Переход биосферы в ноосферу и категория расчеловечивания**. ...В окно не насмотришься: в будни и праздники все одно улицы пусты, только среднеазиатские «арбайтеры» свою пайку обрабатывают: через два дня на третий громяют своими механизмами, чуть подросшую травку под корень изводят и воздуходувками (вместо метел) редкий мусор с тротуаров сдувают. Плотно трудятся бригадами под десяток декхан на один двор. Грохот страшный, пыль уличная до пятого этажа взлетает, запах дешевого бензина на весь квартал... Запуганный всеми и вся народ даже помышлять о жалобах не смеет. Тем более, что главный квартальный правдоискатель Гриша Неунывакин разъяснил, мол, вся техника новодворниковская китайская, а сейчас даже единого косога взгляда в ту восточную сторону не допускается! Но — это к слову, тем более, что пишу вечером, когда декхане разошлись на покой, намазы творят, аллаха благодарят: легкой работой за два-три сезона (зимой к себе уезжают, не лед же колоть на тротуарах!) соберут на приличный дом в своем кишлаке.

...В начале 1920-х годов выдающийся русский и советский ученый, академик Владимир Иванович Вернадский, тот самый, что десятью годами ранее подавал царю Николаю Второму докладную записку о необходимости «Уранового проекта» (опять же ранее на треть века до американского «Манхеттинского» и далее сталинско-бериевского...), получив приглашение из Франции, читал в Сорбонне курс лекций о грядущем переходе биосферы в новое биогеохимическое состояние Земли — в ноосферу, то есть в сферу разума. Это гениальное предвидение сейчас воочию сбывается. Но если советский оптимист Вернадский полагал этот переход как оптимистичный для человека будущего, что характерно для любой провидческой науки, то <ны-

* См.: Яшин А. А. Многотомная монография «Живая материя и феноменология ноосферы», 2007—2024; на сегодняшний день издан 21 том в различных издательствах: «УРСС» (Москва), «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета. В электронной форме на ведущих научных сайтах (см. по поисковику). Ряд томов удостоен научных и литературных премий, в том числе старейшей в России Макариевской премии в области естественных и точных наук за 2022 год.

нешняя> реальная действительность показала: такой переход, как следствие движения эволюции человека, вовсе не предполагает «всестороннее раскрытие творческих возможностей численно растущего человечества»... словом, не по Томасу Морю, Кампанелле, Карлу Марксу, Плеханову и Ленину, даже не по Сталину, осторожному в прогнозах, но вот по антиутопиям — от «Железной пяты» Джека Лондона до «1984» Джорджа Оруэлла этот биосферно-ноосферный переход свершается. Таково указание биоэволюции, а эволюция «не считается» с мнением человека. Словно обухом по голове человека нынешнего оглушила зловещая глобализация — начальный этап этого перехода.

Это следует понимать однозначно: человек биологический разумный выполнил свою эволюционную миссию. Следующий этап эволюции — расчеловечивание, понимаемое как биотехнизация человека, то есть лишение его ряда основных традиционных качеств, преимущественно морально-этических, и директивное внедрение в «человеческую оболочку», то есть в мышление, иных качеств, ранее ему не присущих, особенно активно сейчас проводимой замены аналогового творческого мышления утилитарным цифровым. Отсюда и рекламно-телевизионные лозунги навроде: «От слова к цифре». Реклама пресловутых «новых технологий» суть исполнение девиза: «От знания к информации». Навязывание обобщенно понимаемой «свободы» есть закабаление человека информационным шумом и так далее. Теме расчеловечивания мы посвятили один из предыдущих очерков из их цикла; также см. ряд томов указанной выше серии книг по феноменологии ноосферы. Здесь же ограничимся кратким введением и перейдем к основной теме очерка.

Обобщенно понимаемая культура, все более становящаяся артефактом истории: гуманизм и сциентизм. Обычно о невозвратимой утрате культуры принято говорить со ссылкой на Ницше, философия которого на рубеже XIX и XX веков соперничала известностью разве что с морально-этическим учением Льва Толстого. Откройте любой роман или том литературной публицистики русской или европейской классики того времени и сами убедитесь по высказываниям персонажей или самих авторов (это в публицистике). Как всякий сумасшедший на грани с клиникой — а затем и вовсе в клинической стадии, — Ницше был великим провидцем... разумеется не по причине психического недуга, а данного богом (или чертом?) выдающегося таланта. Недуг же позволял ему, как на Руси юродивым, резать правду-матку. «*До наступления следствия верят в одни причины, после — в другие*», — этими немногими словами из трактата «Веселая наука» Ницше определяет философскую категорию причинности в отношении к современной культуре. Точнее — антифилософскую. То есть сам субъект культуры становится все более управляемым Великим глобализатором. Так назовем для образности совокупность тех мощных сил, что сейчас взяли в свои железные объятия («Железная пята» у Джека Лондона) всю мировую жизнь. — По аналогии с Великим инквизитором Достоевского из «Братьев Карамазовых».

И к месту будут пророческие строки Тютчева:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?*

(Стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...»; «мыслящий тростник» — у Паскаля образ человека: слаб как тростник, но мыслью своей весь мир побеждает).

Западная культурология, социология и прочие «логии» со знаковыми именами Джорджа Сороса, А. Дж. Тойнби, Э. Тоффлера, Дж.К. Гэлбрейта, Дж. Э. Мура и др. с 80-х годов прошлого века усиленно дудят в одну дуду: мол, живем в постисторическую (по философу Фукуяме) и постиндустриальную эпоху, в нынешнем человеке

борются два начала: гуманизм и сциентизм, то есть научное устремление, причем сциентизм уверенно одерживает верх... Соответственно и культура все более отходит в область исторических артефактов.

Маскировка правды в полуправде пагубнее прямой лжи: Великий глобализатор глушит в человеке одновременно гуманизм и сциентизм, то есть традиционную культуру и извечное устремление к знанию. Последняя стремительно замещается пресловутой технологией, преимущественно информационно-цифровой с облаком информационного шума, плотно окутывающего человека и лишаящего его права на индивидуальное мышление, тем более творческое. Облик человека «несветлого будущего» полтора века тому назад обсуждали в «Бесах» Ф. М. Достоевского Кириллов и Ставрогин. Д. С. Мережковский в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский» так передает этот диалог: «— *Тогда новая жизнь,— говорит Кириллов Ставрогину,— тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до...* (выд. Д. С. Мережковским. — А.Я.).

— *До гориллы?* — с холодной усмешкой подхватывает Старыгин».

Именно гориллу с чисто цифровым аналогом человеческого мышления, затененной информационным шумом оперативной памятью и «отключенным» подсознанием — базисом творческого аналогового мышления — видит Великий глобализатор заместителем человека биологического творческого в самом недалеком (по историческим меркам) будущем.

И не устаю в настоящих очерках напоминать: хотите зримо видеть расчеловечивание и нивелирование культурного фона почти до нулевой отметки — не поленитесь встать с дивана (вопреки телерекламе: «...не вставая с дивана!» а еще доходчивее — с унитаза...) и выгляните в окошко: вот она зримая будущность мимо вас шагает!

...Когда в первой половине дня, условным утром, иду на службу (известно, что все люди без погон работают, а профессора и театральные артисты служат), а ближе к вечеру домой возвращаюсь, причем путь лежит по тротуару вдоль главного проспекта города, а обок корпуса университета, то есть публика встречно-поперечная сплошь студенческая, то от монотонности ежедневно повторяющейся картины в голове словно всплывают кадры западного модернистского фильма, снятого по осовремененному сценарию Августа Стриндберга в стиле Хичкока, Кустурицы или кого-то из второй волны итальянского неореализма, например, Тарантино. А именно: полтора часа камера, установленная на боковом тротуарном фонарном столбе, снимает в черно-белом свете идущих пешеходов, студентов и — на их языке — «преподов из университета», перемеживаемых случайным посторонним народом: бабками с аптечными рецептами, среднеазиатскими гастарбайтерами в оранжевых жилетах, молодящимися дамами с прогулочными собачками, школьниками, одетыми альпийскими туристами с рюкзачными вещмешками за спиной... впрочем, и студиязусы тоже с сидорами через плечо. И музыка звукооператор фильма подпустил тревожно-страшноватую, от которой пьющему мужику поутру повеситься хочется. Это когда альты заунывно тянут на нижних нотах, а скрипки тревожно пиччатотто отбивают.

В кадре же на мельтешащем фоне мелкого октябрьского дождика нескончаемой вереницей идут те самые, про которых сейчас можно сказать: глобализм — это молодость мира, и его возводить молодым! Поскольку университет наш провинциальный, дешевый по оплате, то в процессии идущих студентов соотечественников перемеживают черные лица из беднейших африканских стран, малорасные вьетнамцы, громко и гортанно, все одновременно говорящие ближневосточные арабы, чем-то озабоченные среднеазиаты из бывших «советских социалистических». Словом, полный интернационал «третьего мира» — по терминологии Запада.

У каждого, даже разговаривающего со спутниками, в правой руке (у левшей в левой) смартфон, на голове наушники. Не отрываются глазами от экранов, словно даже

по прямому тротуару проспекта идут (а может и действительно идут?) по курсоуказателю. Бесперывно одиночно и группками идущих, выделявая чудеса лавирования, обгоняют самокатчики: после принятия закона о запрете езды вдвоем на китайской электротехнике, в их среде полагается неприличной езда в одиночку... Понятно дело, самокатчики тоже с вещмешками, в наушниках, зачастую и со смартфоном в свободной от руля руке.

...Это первые полчаса фильма. Затем голоса смолкают, остается лишь гробовая музыка. Разъединившись, идут как сомнамбулы соотечественники, посланцы тропической Африки, отдыхающие от вечного беспокойства жизни на родине ближневосточные арабы, малорослые студенты из социалистического Вьетнама, среднеазиатские потомки чингисхановских ордынцев: тюркоязычные и индо-европейские таджики... Интернационал. И так до последнего кадра «Конец фильма». Оно же окончание традиционной культуры. Гуманизм и сциентизм в их якобы противоборстве здесь не при чем. Если разобраться, то ведь и сциентизм есть составная часть традиционной культуры — культуры логически мыслить о законах Мироздания. И если человек утратил качество гуманизма (это не тавтология!), то и культура мышления обнулилась под телерекламные вопли: «От слова к цифре!» и «Вместо знания — <цифровая> информация!» Извиняемся за повтор, но он того стоит: повторенье — мать учения...

Родной старший брат культурного расчеловечивания — это мещанство, особенно мещанство мысли. Об этом провидчески писал в начале прошлого века Д.С. Мережковский в своем очерке «Грядущий Хам»: *«Мещанство победит и должно победить,— пишет Герцен в 1864 г. в статье «Концы и начала».— Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации (выд. Д.С. Мережковским. — А.Я.)».*

Именно в массовом омещанивании великие русские и европейские писатели XIX — начала XX веков видели главную, гибельную угрозу выработанной тысячелетиями цивилизации культуре. Мещанство, возведенное в социумный статус, и явилось предтечей нынешнего глобального расчеловечивания. Грядущий Хам Мережковского ныне переродился в старшего приказчика той лавочки, из которой Великий глобализатор вроде как в долг без отдачи щедро, но расчетливо одаривает подготовленную мещанством мелкобуржуазную биомассу все новыми, раз от разу все в более блестящих упаковках, инструментами «частного расчеловечивания»: интернетом-уманетом с кешбэковскими смартфонами, новыми томами сказок тысячи и одной ночи под названиями: «Открытое общество», «Атлантическая цивилизация», «Культурное равенство постиндустриального общества», «Общество равных возможностей», гибридизацией всей жизни — от дошкольного образования до «войны и мира» и прочая, прочая...

Культура и мещанство — понятия несовместимые. Когда среднестатистический европейский бюргер именуется себя «культурным человеком», он полагает культурой умение пользоваться столовыми приборами, смывать за собой в туалете... в доинтернетовскую эпоху он даже держал в доме две книги: библию и толстый том рецептов приготовления вкусной и здоровой пищи. Сейчас они заменены, соответственно, телеканалом о половом воспитании и магазинным фастфудом или многоэтажными американскими бутербродами в соседней забегаловке. Нечто схожее — вот вам и вечное отставание России! — и в нашем отечестве наметилось в девяностые-нулевые годы, но сейчас, слава тебе, господи, директивно затормозилось по известной причине — это о половом воспитании; бутерброды же остались под другими, впрочем, тоже американскими названиями... Как и интернет-уманет, смартфоны с сопливо-кешбэкистыми экранами. Насчет сказок тысячи и одной ночи определенно сказать не могу: их и раньше у нас не читали, что уж говорить про нынешние времена...

Кешбэкистые (ну, нравится мне это прелестное американское словцо! — как ду-

раку фантики) парниши, ваукающие и по-американски же взвизгивающие девицы, простодушно — себе-на-уме отстраненные мужики среднего возраста, обязательно со своим авто, а также все остальные, но все одно со смартфонами... боже! о какой культуре может идти речь? И не «запах культуры» мудрого испанца, а бензиновая задымленность, как следствие массовой частновладельческой автомобилизации, городских улиц — базис современной «постцивилизации».

Могут раздраженно возразить, что, дескать, к смартфонам привязался? И будут совершенно правы: если «широченные» массы всего мира в считанные годы, точнее в год-полтора, привыкли носить с собой повсюду, наравне с носовым платком и ключами от дома, смартфон, а большинство и в карман его не кладут, держа мертвой хваткой в руке, то к чему дурацкие придирки? В том-то и весь леденящий ужас замены всей культуры на дощечку из металла и пластика. И вообще: кешбэк вашу культуру онлайн!

Наш конек, как помнит читатель, знакомый с предыдущими очерками, — это повреждение русского языка в последние три десятилетия. Поэтому хотя и вкратце, но и здесь помянем этот важный фактор раскультуривания. В советской школе на уроках немецкого языка мы переводили тексты из газеты «*Neues Leben*» («Новая жизнь»), что издавалась в Казахстане для самоидентификации переселенных туда во время войны поволжских немцев*, но продавалась в киосках Союзпечати по всей стране, ибо советские немцы уже расселились по всему СССР. Язык «Новой жизни», как и язык бывших поволжских немцев был уникален, на котором уже под две сотни лет никто в мире не разговаривал — это был язык Шиллера и Гёте, который принесли с собой сектанты-гернгутеры, которых Екатерина Вторая переселила в Россию на пустовавшие заволжские плодородные земли. Вдали от фатерланда этот язык таковым и остался, не испытывая никаких изменений. Только новые русские слова уже советского периода были им восприняты. И читали мы в «*Neues Leben*» следующие стихотворные строки: «*Mein Bruder ist ein Traktorist in unserem Kolchose...*» (далее про обильный урожай, что братец этот собирает по осени), — понятные любому человеку без перевода. И ни полслова про кешбэк! (признаюсь: так и не уяснил смысла этого американского слова, поэтому больше не буду употреблять...).

Про слегка русифицированный язык Шиллера и Гёте ностальгически вспоминали к тому, что все это детские шалости по сравнению с нынешней американизацией русского языка. Перейдем к следующей теме очерка.

♦ *Суббота для человека или человек для субботы? Оцифровывание мышления — биотехнизация человека без культуры.* Некогда довелось читать для студентов-медиков курс медицинской этики — это где клятва Гиппократова и ее расширенное толкование. И параллельно дисциплину «История медицины». К тому вспомнил, что в истории и этике для будущих эскулапов фигурирует знаменитый древнееврейский врач Маймонид, известный тем, что здоровье человека, его излечение поставил выше одного из главных догматов иудаизма: святости субботы — шабада, в которую правоверному иудею положено законом Торы вообще ничего не делать. Так бог Адонай установил. В том числе и запрет любых медицинских действий и процедур. Но вот Маймонид эту заповедь нарушил, провозгласив — в части лечения больных, что не человек для субботы, но суббота для человека.

...Заодно в памяти всплыла беседа давнишних времен, когда периодически вспыхивали арабо-израильские войны (будь нынешняя не к ночи помянута!) с участием советских военных советников. Довелось же мне, студенту последнего курса, оказаться за одним столиком в пивной с полковником, только что вышедшим в запас —

* Сколько я ни разговаривал со многими своими знакомыми, потомками тех самых жителей бывшей Автономной республики немцев Поволжья, все в один голос убежденно говорили: этим переселением Сталин спас советских немцев от возможной ситуации «между молотом и наковальней» в случае (в войне все просчитывается!) вступления армии Паулоса на левый берег Волги...

таким вот военным советником по части применения гранатометов и противотанковых управляемых снарядов. От него и услышал присказку; дескать, воевали мы четыре дня в неделю: в пятницу арабы намаз творят, в субботу еврею тяжелее рюмки водки в руки не положено ничего брать, а воскресенье — вынь да положь законный выходной в Советской Армии! Посмеялись.

Века и тысячелетия со времен Маймонида минули, но вот сейчас Великий глобализатор провозгласил обратный девиз: если сразу не можете выбросить из головы артефакт культуры, то давайте условимся: не культура для человека, но человек для культуры! Само собой разумеется, не традиционной, цивилизацией выработанной культуры, но ее антигуманитарного эрзаца.

...Здесь один «щекотливый» момент. Рассуждая о расчеловечивании и обескультуривании в глобализации, уже сейчас вступившей в активную фазу, мы первоочередно, вообще говоря исключительно однозначно, имеем в виду западную, атлантическую стезю империализма-глобализма и его «вечно верноподданных» прихлебателей из Европы — почти что до западных границ современной России (и Белоруссии), а также всего англосаксонского мира: бывших, а формально и нынешних британских доминионов (в левом верхнем уголке их флагов присутствует английский «Юнион Джек»). Но, поскольку пишем мы исключительно для соотечественников, ибо, во-первых, для западников сочинять бесполезно — они уже полностью расчеловечены; во-вторых, как с гордостью в сталинские годы писали в графе различных анкет «Знание иностранных языков»: «Не знаю и знать не желаю!» — так и мы ничтоже сумняшеся скажем... А для своих конкретику естественно и берем из нашей жизни: все же за четверть века от разрушения СССР многое — усилиями наших славных СМИ — из западной патологии проникло и закрепилось у нас. Имейте в виду, уважаемый читатель, такой вот момент, что-то навроде: бей своих, чтобы чужие боялись!

После такой необходимой оговорки продолжим по теме... хотя, еще довавим в части приведенного *nota bene* предостережения полуторавековой давности тем соотечественникам, в основном с «либерализмом головного мозга», что извечно бегут за «цивилизованной» Европой (и Америкой конечно) «задрать штаны» (это из Маяковского, хотя бы и про комсомол...). А именно снова процитируем Федора Ивановича Тютчева:

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральный, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.*

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

А вот другой светило, но уже в ранге гения, русской литературно-философской мысли и тоже Федор, только Михайлович, так пишет о «наших» либералах: «*Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет также право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а есть не-русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую*» («Идиот»; высказывание Евгения Павловича).

Мы с тем вспомнили и процитировали Тютчева и Достоевского, чтобы «от пер-

вого лица» подтвердить ту мысль, мало кем из самодостаточно мыслящих людей оспариваемых, что натиск Великого глобализатора на человека нынешнего — без идентификации его к конкретному социуму, этносу и государству — основными инструментами использует установку на либерализм. Именно на либерализм в той его трактовке, которая отвергает традиционные морально-этические ценности... не путать с пресловутыми «общечеловеческими ценностями», то бишь долларами и евро. Именно традиционная культура, неразделенная фарисейски на «старую» и «новую», как исторический чрепоколенный продукт аналогового творческого мышления, и создала человека биологического разумного — вершину земной биэволюции. И если традиционная культура была создана человеком и для человека, то интернационально-глобалистская эрзац-культура, то есть антикультура, есть составной элемент того конгломерата расчеловечивания, для которого человек есть субъект, винтик, «органный штифтик» по Достоевскому. Вот и человек для антикультуры. Надеемся, мысль архипонятна.

Именно такая антикультура, горькое послевкусие истинной, прежней культуры, жидется на оцифровывании прежде творческого, аналогового мышления. Оглянитесь округ: насильственное внедрение пресловутых «новых технологий» есть привязывание человека, его мышления к глобальной мегамашине расчеловечивания. Цифровое мышление не следует понимать буквально, хотя бы назойливая ТВ-реклама и верещит круглосуточно о переименовании слова в цифру. Таковое суть отход от реальности отображения бытия в сознании человека и переход в виртуальный, предельно упрощенный мир представления.

Характерный пример такого перехода, причем с более чем столетней исторической предтечей, есть отход от реализма в область символизма, что особенно явно наблюдается в живописи и музыке. Символ есть предельно упрощенный, абстрагированный образ реальности, вроде как и наивный... Не зря же это отражено и в терминологии: художники-примитивисты, тот же Марк Шагал («Полет над Витебском» и многие другие его картины). А вот самый известный югославский примитивист Иван Генералич на сербском языке так и именуется: *наивка*. О деградирующей символизации в музыке прошлого столетия мы уже подробно рассуждали в одном из предыдущих очерков (а вообще-то наиболее полно и основательно о музыке сказал Артур Шопенгауэр в своем «Мире как воле и представлении»), поэтому остановимся на живописи.

Посмотрите на телеканале «Культура» пару-тройку передач об абстрактной живописи. Этот канал, уж тем приятный что идет без рекламы средств от поноса и бюро похоронных услуг (сразу вспоминается роман одесских классиков), еще не перестроился на новейшие веяния во всей нашей жизни, поэтому по «тридцатилетней старинке» часто обращается к художникам с приставками «абстракционист», «символист», «русский импрессионист» (это о Грабаре, авторе впечатляющей ленинианы в живописи, который (полутайно) тяготы к этому самому импрессионизму...).

Посмотрите... и присмотритесь. Как правило, такие передачи ведут искусствоведы женского пола, а присутствующие «для тусовки» мужички с художественными бородками «клинышком» и с волнисто опадающими на плечи копнами волос предпочитают отмалчиваться. Может сами полутайно импрессионируют... Потом мужчины от природы лишены способности эмоционально управлять тембром голоса, выражением лица, мимическими жестами. Словом, что у них на уме, то и на языке... лице тоже. Но даже женщины, все сплошь от рождения артистки, мастерицы перевоплощения, рассказывая с телеэкрана о величайших достоинствах и непреходящей художественной ценности всевозможных авангардистов от живописи, никак не могут преодолеть определенную толику отстраненности, дескать, особо-то не верь словам моим!

Обычные доводы искусствоведческих дам: авангардизм несет в себе, в отличие от традиционного реализма в живописи (это которым заполнены все музеи мира),

выраженный психологизм в восприятии отображения объектов и процессов человеческого бытия, обостряет (вроде как в голове?) видение динамичной современности, заставляет зрителя вернисажа задуматься как о сущности этого самого бытия, так и об устремленности человека в будущее... слово «светлое» опускается. И так далее, набор наукообразных, безотносительных слов. Теплом *со-чувствия* от них не веет. Действительно, если вдумчиво смотреть на картины Сальвадора Дали, Анри Матисса, *нашего* Филонова, то образное восприятие достаточно объективное — но и только. То есть объективное как исходная посылка для субъективного восприятия. Мало чем отличается в психологическом плане от созерцания традиционной реалистической живописи. Это на первый взгляд... А на второй возникает вопрос: зачем в художественном отображении реального мира использовать схематизм (названные три художника еще достаточно осторожно его применяют...)? Ведь схема по своему определению есть упрощение реальности?

Со схемы началась собственно живопись — наскальные изображения охотничьих сцен, хотя бы пещерный человек мыслил смутно-аналогово. Возврат же современного человека к схематичному примитивизму в художественном авангарде есть отображение процесса перехода от аналогового творческого мышления к схематичному утилитарному, «вершиной» которого и является цифровое мышление.

♦ *«Закат Европы», или «Америка Европе подарила пароход...»* Послевкусие культуры. Символично, что объемистое, двухтомное исследование Освальда Шпенглера «Закат Европы» вышло в свет столетие тому назад, когда Европа находилась после окончания Первой мировой (империалистической) войны в состоянии определенной «озадаченности»: страны победившей Антанты подсчитывали людские, моральные, главное — финансовые потери; веймарская Германия, выплачивающая победителям гигантскую контрибуцию, «посаженная на картошку», в полной промышленной и экономической стагнации, кипит нескончаемыми митингами и демонстрациями тельманцев, штурмовиков Рема и десятка других партий; в Италии приходит к власти Муссолини; Польша, Румыния и осколки распавшейся Австро-Венгерской империи под заботливой британской рукой образуют «санитарный кордон» по рубежам Советской России.

Дорого яичко в пасхальный день. Так и книга Шпенглера появилась в нужном месте и в нужное время. Именно в послевоенной подавленности Европы автор и видит зловещую предтечу заката великой культуры, с учетом античности три тысячелетия там создаваемой.

Но Первая мировая война привнесла в жизнь Европы совершенно новый для нее фактор мощнейшего влияния извне, а именно внешнюю гегемонию Америки — САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), как тогда нынешние США именовались. В части же культуры случился парадокс: главенствовать в образовавшемся Атлантическом мире над Старым Светом с его высочайшей культурой стала Америка, страна, которая по словам Томаса Манна, *пришла к цивилизации, минуя этап культуры*.

В пацанском своем детстве распевали мы песенку из старого фильма: «Америка Европе подарила пароход. Огромные колеса, ужасно тихий ход». Не в бровь, а в глаз, если ассоциировать с культурой. Уже с первых оборотов этих огромных колес ритмы негритянского джаза начали теснить традиционную европейскую мелодику, Гершвин — глушить высокую оперную музыкальную культуру, голливудская кинофабрика теснила только начавшееся формирование кинематографических школ Старого Света. Из политкорректности умолчим о Чарли Чаплине... Конечно, была в Америке и достаточно «взрослая» литература: Уильям Фолкнер, позже Сэлинджер, а также Лонгфелло, О’Генри, «старинный» Марк Твен, Джек Лондон, раньше — Уолт Уитмен, позже — Хемингуэй и Теодор Драйзер. Можно еще пятьдесят фамилий назвать, что в просвещенное советское время были на слуху. Но... и «но» — существенное:

все эти мастера литературного творчества были европейской закваски, если даже и родились в Америке, ибо Новый Свет не успел еще (или не хотел в так называемом общественном мнении?) выработать свою литературную традицию.

Понятно, что Европа в части культурной сопротивлялась американскому натиску, порой достаточно активно, до 50—60-х годов. В том же кинематографе, как наиболее массовой отрасли культуры. Та же Италия. Известно, что итальянцы во всемерьяные патриоты, демонстративно не признающие чужого, даже свой язык полагающий единственно приемлемым на Аппенинах. В Сицилии тем более. Именно такой протест вызвал к жизни феномен итальянского кино 60—70-х годов: итальянский неореализм. А нахрапистое засилье Голливуда во французском телевидении и кинопрокате — нашла коса на камень! — потребовало государственных решений. Де Голль ведь не только собрал по всей Франции долларовые бумажки, забил им военно-транспортный самолет и отправил его по месту напечатания, но и установил жесткую квоту на американские фильмы. Как позитивное последствие — взлет в те же шестидесятые-семидесятые годы французского, преимущественно игрового кино. Но не только Фантомас, комиссар Жюв, будущий условно российский подданный Декардье радовали благодарных зрителей. Широким экраном шли «Шербурские зонтики» и «Мужчина и женщина», антивоенное «Старое ружье» и многие другие блестящие фильмы в европейской культурной традиции...

Словом, все те великолепные французские и итальянские фильмы 60—70-х годов, что нам сейчас, как подарок, иногда показывают на ТВ к праздничным дням — на фоне отечественной бандитско-ментовской халабуды и все той же торжествующей голливудчины, на которой специализируются многие телеканалы, в том числе входящие в общедоступный список из двух десятков, что введены в обиход как бесплатные после перехода от аналогового телевидения на цифровое — с китайскими техническими причандалами. Такая вот гибридная культура...

Основной инструмент агрессивно наступающей на весь мир американской эрцаз-культуры — это ее примитивизм, использующий естественное биологическое свойство всех живых видов, то есть свойство фундаментальное, эволюционное, а именно: экономия жизненной энергии. Для человека это называется... ленью! А как для вида не только биологического, но и разумного, лень охватывает не только сугубую физиологию («как потопашь, так и полопашь»), «работа не Алитет, в горы не уйдет» и полное изобилие подобных присказок в историческом и современном фольклоре), но и разум человека. Обычный «отдых ума»: писатель в свободное время читает детективы (если сам их не пишет); симфонический оркестровый музыкант на досуге слушает не Бетховена с Чайковским, тем более не Вагнера с Хиндемитом и Шнитке, но старинные романсы и венские вальсы. Фольклорную музыку и пение не слушает: громкие звуки и без того уши глушат на своих выступлениях... Художники же отдыхают без затей: просто пьют. Главное, чтобы соблюдать «норму» лени — отдыха.

Так и «обычный» человек в части восприятия объектов культуры легко может перешагнуть от нормы лени к ее преобладанию. Натиск американской эрцаз-культуры тут как тут. Опять же из одесских классиков: ритмические «негрские пляски у истоков Замбези» в джазовой обработке воспринимаются человеком с меньшей *затратой умственной энергии*, нежели мелодика европейской эстрадной музыки. То же самое и в сопоставлении додекафонии, инспирированной теми же американскими композиторами, с европейской классикой. Как и в части всех остальных родов искусства, включая поистине рвотнорефлексорные (для традиционного зрителя-слушателя) модернизированные пластические «искусства».

Но одного примитивизма для расчеловечивания в сфере культуры недостаточно: лень слушателя-зрителя-читателя может настолько овладеть человеком, что он просто перестанет слушать-смотреть-читать (последнее уже сбилось на 100 %). Поэтому Великий глобализатор, возвращенный за океаном, для нас за тремя океанами: Атланти-

ческим, Северным Ледовитым и Тихим (по границам), это прекрасно знает. Поэтому примитивизация, как пресноватая еда специями, щедро сдабривается той гниловатой клубничкой, что на сигнальном биологическом уровне воспринимается человеком, спущенным с тормозов в части умственной лени. А эта обобщенно понимаемая клубничка включает в себя совокупность биологических инстинктов, полученных человеком от эволюции: от любопытства (не любознательности!) до «премиального», как в ТВ-рекламе говорят, того, что ниже пояса — в побеждающей особенности! Если в классической опере на сцене стоит «форд» новейшей марки, декорации — вид на улице мегаполиса, а артисты в джинсах и кожаных пиджаках — это вирус любопытства включен. Опять же при исполнении симфонического концерта музыканты во фраках, но без штанов (в каком-то фильме это обыгрывается) — это уже ближе к включению фрейдистского либидо, всепобеждающего общеживотного инстинкта. И так далее до полного оскотинивания.

Современное послекусие культуры все явственнее отдает прелостью давно не стиранного постельного белья, бензиновой гарью, смогом городских бетонных урочищ, гибридизацией всех сторон жизни современного человека, сбитого в человеиник — полный аналог пчельника (улья), муравейника, термитника и пр. На том и аминь. Пароход с огромными американскими колесами Европа схавала ничтоже сумнящая...

♦ *Черная тень гибридизации культуры.* Еще раз (в серии очерков) оговоримся: цель их написания не есть извечный «спор о древних и новых» — закавычивали по той причине, что так принято в истории философско-эстетической мысли называть имевшую быть место во Французской Академии на рубеже XVII и XVIII веков дискуссию по вопросу отношения к античному наследию, связанную с именами Шарля Перро, Буало, Фонтенеля, Расина, Фенелона, Лафонтена и Лабрюйера. ...Но есть современное раскрытие той темы, о которой писал первый из названных выше в поэме «Век Людовика Великого»:

*Чтить древность славную прилично, без сомненья,
Но не внушает мне она благословенья.
Величье древних я не склонен умалять,
Но и великих нет нужды обожествлять.*

Говоря яснее, это не обычная дилемма по образцу тургеневских «отцов» и «детей», что характерно, социобиологически обусловлено для сменяющих друг друга поколений в периоды «ровного», естественного течения исторического времени. Увы, уже почти четверть века мы имеем несчастье жить не то, что в беспокойную эпоху, но во времена коренного перелома, бифуркации всех социальных и даже биологических норм жизни <бывшего> человека биологического разумного, что уже привычно называют глобализацией и расчеловечиванием. Человечество стремительно перерождается в человеиник, а человек в биоробота Глобальной информационно-технологической мегамашины. И так, предвещенная академиком В. И. Вернадским ноосфера оказалась не раем земным, но электронно-цифровым концлагерем. Это даже и не наши слова, настолько они уже вошли в обиход.

Вот в такой-то катаклизменный период человеческой эволюции указанная «возрастная» дилемма не то что не действует, но о таковой и речи идти не может. Поэтому и не следует воспринимать всякие реминисценции типа «а вот прежде было... а вот сейчас есть... а вот что-то дальше будет...» за основу рассуждений о происходящем, тем более грядущем. Только «плоды холодных размышлений». Но поскольку даже ближайшего будущего человеку законами все той же эволюции знать не дано, то остается только одно: следовать законам теории истины. В современном логико-философском учении за основу берется теория истины Альфреда Тарского (Львов-

ская логико-математическая школа первой половины XX века), которая гласит: истинны только факты. Таким образом, опираемся на факты «сегодняшнего дня» плюс допустимая степень интуитивной экстраполяции. И никаких «мудростей жизни» и «оптимизма дерзающих»! Таков код эволюции, с которой не поспоришь...

А факты таковы, что интуиция подсказывает: надо за истину принимать наблюдаемое. Наблюдаем же *пандемию гибридизации мира*. Все на слуху, из любого включенного говорящего, пишущего на экране устройства. Порой кажется, что и включенный в сеть утюг шепелявит... Гибридная политика, гибридная война, гибридная мораль — и конечно же *гибридная культура*. Вот и до такого ее определения добрались! Это самый мощный, стратегический ход Великого глобализатора в части раскультирования человека. Опять же — к Тютчеву («День и ночь»):

*Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покровов,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!*

«Утро начинается с рассвета» — у кого сохранился кухонный динамик городской радиотрансляции, тот включает его за завтраком. И день начинается с гибридного, похожего на собачий лай, эсмэишного американо-нижегородского языка. Хотя еще сохранилось (пока!) определенное двуязычие: народ-то в массе своей пока упорно говорит на обычном русском языке. Но именно *пока*. Извиняемся перед жителями славного Нижнего Новгорода. Это, во-первых, по литературной традиции, от классиков: «смесь французского с нижегородским»; во-вторых, нынешние молодые поколения, а особенно их имитаторы на телевидении, почему-то говорят как Максим Горький с явной акцентацией на *о́*. Отчего такой прононс? — Никто мне объяснить не смог. Даже сами эти бронеподростки; дескать, все так говорят, а я что же буду выпендриваться? Понятно, принцип тусовки. Достаточно здравую мысль высказал знакомый филологический доцент: это, мол, оттого, что готовясь в мечтах со временем покинуть «эту рашку» и перебраться на Запад, усиленно учат в школе английскую мову. А учат их по некоей методике, принятой со времен училищ-соросовок, которые за единоразовую «штуку баксов» обязывались учить по учебникам «традюксьон оф американиш». То есть упор ставится на мимическую артикуляцию. Это как в голливудских фильмах американские актеры говорят: скосоротив губы и выставив вперед волевой подбородок, сквозь замечательно отбеленные зубы-импланты произносят, выделяя эти самые *о́*, обычные слова, которые переводчик за кадром на русский толмачит: «Джек, дружище! Сожалею, но должен тебя пристрелить: ничего личного, только бизнес!»

Попробуйте (без стрельбы) с такой артикуляцией говорить, и у вас то же оканье появится...

Само понятие гибридизации суть смешение всего что угодно, но разных качеств, с получением нового продукта. Весь вопрос в этом новом качестве. Мичурин методом гибридизации получил новые сорта яблок и груш огромных размеров и замечательного вкуса. Это позитивная гибридизация. Но если смешивать совершенно разнородные вещи, например, мелко порезанную селедку атлантическую бочкового посола № 2 с сахарным сиропом, или грузинский коньяк «греми» десятилетней выдержки с современным пивом (недобродивший солод + спирт-ректификат + CO₂ из баллона), то получим совершеннейшее дерьмо.

В части этики и морали дико смотрится сегодняшний гибрид добра и зла. Это возможно только в высокой политике и международной дипломатии. В экономике немислимо сочетание частной собственности и социальной ориентации. Гибрид института семьи и однополых браков суть социобиологический нонсенс. И так далее. Но ведь все это присутствует, приветствуется и уже начинает довлеть в современном «цивилизованном мире»! Почему же культура должна — на том же Западе — отставать? Все, мол, идут в ногу, а она, родимая, все оглядывается на прошлые века цивилизации (настоящей), потому прихрамывает и портит строй дружно и весело идущих, как библейские гадаринские свиньи, к высокому обрыву над бушующим океаном расчеловечивания.

...Самые паскудные понятия, внедряемые Великим глобализатором в сознание людей, суть «общечеловеческие ценности», «свобода выбора человеком», «мировое культурное единение» и так далее — все они, в той или иной степени, завуалировано повторяют статьи американской конституции. Вот это-то «мировое культурное единение» и есть прямой путь к гибридизации культуры, получение эквивалента тех же смесей селедки с сиропом и коньяка с пивом.

Для наглядности поясним личным примером, откатившись в воспоминаниях в далекое советское время. Как-то, лет с ...дцать тому назад, проводили веселой компанией летний инженерный отпуск в Феодосии. Тогда даже инженерные же отпускные позволяли ужинать в самом престижном в этом древнегреческом городе ресторане «Одиссей», что прямо напротив железнодорожного вокзала. Дав «входную зелененькую» (за всю компанию) местной знаменитости — великолепному фигурой швейцару с белоснежной, вьющейся бородой до пояса, прямо-таки *a la* тот древний герой Гомера (он же охотно сообщал, что за поддержание такой бородищу ему четвертной в месяц бухгалтерия доплачивает), — заходим в заведение, в котором и задерживаемся в зависимости от обстоятельств. Как-то познакомились с солидным пятидесятилетним мужчиной, отдохавшим в Феодосии в военном санатории, что под горой Митридата находится. Чина и звания он не сообщал, но много рассказывал о жизни в Германии, опять-таки не уточняя в какой — западной или «нашей» восточной. Кто-то из нашей компании (заказали болгарский коньяк «плиску») сгоряча неодобрительно отозвался о «засилье» в нашей музыкальной культуре профессиональных народных хоров. На что собеседник со снисходительностью более умного человека, много повидавшего и знающего, сожалючи посмотрел на говоруна и рассказал о том, как относятся к нашим фольклорным ансамблям в европейских странах: полные аншлаги в залах выступлений, предельное внимание, восторг и нескончаемые аплодисменты и овации. Он сам это видел и слышал во многих странах. А ведь разгар «холодной войны»! И объяснил причину такой приязни: у них у самих, у европейцев, давно уже исчезла из обихода исторически сложившаяся народная культура, а вот в Советской России, вообще в СССР, она сохранилась, государственно поддерживается и во многом развивается! Лощенные европейцы, конторские клерки, шнапсвюртские* бюргеры, добропорядочные фрау — все они, смотря на сцену, слушая музыку и голоса прославленных «Березки», Тамбовского и Кубанского казачьего хоров, невольно извлекают из своего подсознания генофенотипическую память и о своей, ныне напрочь забытой, исконной национальной культуре...

И все это уже в Европе забыто, смято, гибридизировано. А что сейчас там творится? — уже не просто гибридизация, но сбитая в мелкодисперсную смесь толокенная каша, ничем не отличимая от содержания тарелок всех и вся.

Опять же «сестра наша родная» литература. В рамках гибридизации п/у Великого глобализатора она поставлена в ситуацию самоликвидации (писать — пока сложно

* Это как в «Войне и мире» Толстой иронизирует по поводу бюрократии в австрийском генштабе: *Hoffkariengewurstschnapsrat* (Высший военно-колбасно-водочный совет)...

организационно запретить, но довести до самоликвидации — милости просим!), то есть либо сочинять полнейшую абстракцию — абракадабру — фэнтази на тему исследования морфологии космических ящеров, или же вернуться к декадентству «искусства для искусства». Или... но третьего не дано; вот тебе, Федя, и самоликвидация для нормального, человеческого литературного самовыражения. Как это делает Великий глобализатор? — о том уже многое, почти все, было сказано в предыдущих очерках.

Передовой отряд гибридизаторов не то что культуры, но уже минимально-достаточной масс-культуры, — это, конечно, «голубой дьявол», бывший «голубой экран». Я не ханжа, просто для меня, как потомка старообрядцев (поповцев Белокрыницкого толка; центры в Калуге и Боровске), масс-культура вообще *не существует*. Это и позволяет абсолютно объективно оценивать степень ее гибридизации. Поскольку интернетом не пользуюсь, а к западному телевидению, понятно дело, отношения-смотрения не имею (и иметь не хочу, добавлю поясняюще), то сужу по «отголоскам» либерализации-глобализации девяностых-двухтысячных («нулевых») годов на отечественном экране... впрочем, отголоски эти весьма и весьма существенны: СМИ неохотно сдают свои позиции. Как в полшутку-полусерьез говорят с того же «голубого экрана» «ведущие политкомментаторы»: все надеются на скорое возвращение вольнолюбивых времен разнузданного либерализма «общечеловеческих ценностей». Сами о себе, мало чего стесняясь, говорят с ухмылкой.

Итак, не менее половины — с уклоном в средний и выше возраст, а скорее всего до 60...70 % населения страны смотрят те самые «восемнадцать бесплатных» телеканалов. А на них четкая специализация: сугубо новостной, пара безрекламных с «культурной доминантной», два — сплошной голливудчины, «экстрасенсорный», церковный, сплошь детективный, конечно же женский мелодраматичный с турецкими сериалами по выходным дням; конечно же, «полтора канала» про жратву; и так далее. Обоснование вполне логичное и гуманное: на любые вкусы — пресловутая «свобода выбора», любимейший либеральный старт-девиз.

Понятно, что все приемы телевизионной гибридизации масс-культуры наши телевизионщики в девяностые и «нулевые» в масштабе 1:1, как говорят инженеры, взяли с «просвещенного» Запада, начиная от программ типа (мы их называем по-своему, по сути) «Как украсть миллион», «Угадай слово», «Найди своего прадеда» и пр. и завершая той самой специализацией каналов. Сами телеведущие порой проговариваются.

Пресловутая эта «свобода выбора» оборачивается тем вариантом гибридизации масс-культуры, что научно именуется информационным шумом, а попросту говоря — эффектом соломенной трухи в голове-бестолковке. Во вкусовом аналоге это ощущение жеваной ваты во рту... Инфошум же, во-первых, блокирует активное сознание, препятствует нормальной работе сознания человека; во-вторых, нарушает естественный обмен между активным (оперативным) сознанием и подсознанием — источником творческого мышления.

...Черная тень гибридизации культуры захватывает нашу, прежде оразумленную планету. Это сугубая реальность, от которой никуда не деться. Возможно, читатель слегка воспрянет духом, приободрится, прочитав следующий, завершающий раздел очерка.

♦ *«Не нужен нам берег...» любой ненашенский, но ведь пока держимся, ребята?* Вспомним русские пословицы, несколько трансформировав некоторые. «Нет худа без добра». «Лиха беда начало — каков будет конец?». «Не было бы счастья, да несчастье принесло». А в дополнение недавний рассказ знакомого: «Сегодня дважды как вернулся к прежним временам. Во-первых, из окна троллейбуса видел чудотворное: на углу Ленина (проспекта) и Советской прогуливается тройка мужиков с красными повязками дружинников. Во-вторых, зашел в конторку всяких услуг —

потребовалось для матери снять копии с документов, смотрю, а тамошняя офисная девица сортирует фотографии в пачки. Удивился: «Неужели еще кто-то бумажные фото сейчас заказывает?» — «И не говорите,— отвечает,— с каждым днем все больше и больше. Я сама спрашиваю, отвечают, мол, осточертели эти безликие и бесконечные смартфонские фотки, хочется в руках подержать и на память оставить *настоящие!*»

Волею исторических судеб, в настоящее время *полностью* программируемых и исполняемых Великим глобализатором, наша страна в очередной раз отгорожена «железным занавесом» от Запада. Причем на этот раз беспредельно агрессивным с его стороны — вплоть до выдвинутого им девиза считать русскую культуру, историческую, нынешнюю и будущую, несуществующей, нулевой для мирового, в смысле евро-атлантического социума. Ответного антитезиса Россия не провозгласила. Это мудрый и продуманный шаг, поскольку русская культура, молодая и почти что юная, как сама социумность-государственность России, идущей от Московской Руси, крепко впитала в себя трехтысячелетние корни культуры европейской, идущей от античности. Трезво рассудили: Европа, тем более в нынешнем ее амплуа расчеловечивания и практического обескультуривания, без культурной составляющей русской цивилизации свободно обойдется; она Западу нынешнему чужда и им не востребована. Но разумно ли нам обрезать свою-то культуру до анекдотических балалаек в обнимку с медведем? Главное, чтобы присказка «славны бубны за горами» в нынешнем отечественном культуртрегерстве четко акцентировалась: действительно, славны в отношении исторической, цивилизационной западной культуры, но «славны» — в кавычках, что есть грамматическое отрицание — в части нынешней евро-атлантической антикультуры по определению.

Понятно, что добиваться искусственного возрождения культуры дело неблагородное и смехотворное, как любая кампанейщина. Дальше матрешек и расписных деревянных ложек не пойдет. Здесь следует заняться отделением зерен от плевел. Последние суть вся та примитивная, подражательная, обезьянническая масс-антикультура, что была привнесена с Запада в период агрессивной «либерализации головного мозга» в известные недавние годы. Зерна же есть та здоровая основа, что в России, в отличие от Запада, еще достаточно, порой подспудно, но сохранилась, невзирая на агрессивно-бешеный натиск глобализации. Не все же продали душу ни за овсяный блин? Долгосрочного оптимизма здесь испытывать не стоит: законы эволюции корректировке не подлежат. Глобализация во всей ее «красе» суть неизбежный и долгосрочный (80...200 лет по разным оценкам ученых-эволюционистов) период в уже развертывающемся биосферно-ноосферном переходе. Но отсрочить его задача посильная. Тем более не в достопамятной «отдельно взятой стране»: не одна Россия противостоит глобализации в ее западном, однополярном варианте «имени Великого глобализатора». Есть и «глобальный Юг» (ныне принятый политологический термин) и вообще-то весь пресловутый Третий мир: пять-шесть миллиардов против одного «золотого»! Но и опыта противостояния «одной отдельно взятой», с сохранением культурной самоидентификации, своего, советского, предостаточно. И сейчас есть КНДР, отчасти Куба, Вьетнам, Китай... та же Япония.

Но самый главный и серьезный противник здесь внутренний: возвращенная за четверть века либеральная «шестая колонна», даже сейчас особо не маскирующаяся. Подробно останавливаться... вообще останавливаться на этом не будем. Власти страны, исходя из сложившейся ситуации, тоже озабочены, поэтому и столь регулярны на телеканалах циклы передач на эту тему. Ведут их люди достаточно известные, особенно из профессиональных актеров. А хороший актер он и остается замечательным, убедительным актером, тем более, когда он заангажирован на праведную тематику. Бог в помощь!

...Не так уж и давно покинувший мир «в минуты эти роковые» выдающийся со-

циальный философ, литературный публицист и ученый — создатель многозначной комплексной логики Александр Александрович Зиновьев в своей последней книге* особо отметил, что современная Россия есть сочетание советизма, западничества и феодализма (имеет в виду институт церкви). Действительно, среднестаршие и старшие поколения суть по воспитанию и мировоззрению советские люди. Западники — та самая «шестая» либеральная колонна, а в чем-то и молодые генерации. Православная церковь рассматривается государством и самодостаточно мыслящими людьми как институт сохранения традиционной морали. Равно ислам и буддизм.

В таком сочетании социумной организации отъединение от «тлетворного влияния Запада» (это так и есть; закавычиваем только по причине цитирования) и есть определенная потенция в традиционной стойкости русской культуры... хотя бы на определенной, начальной стадии глобализации. А там глядишь: «нам бы ночь переждать и утра дожждаться»... Ведь человеку не дано знать будущие ходы эволюции. Возможно гениально предсказанный академиком В.И. Вернадским переход биосферы в ноосферу и не окажется столь губительным в части расчеловечивания и потери традиционной культуры? Как утверждает глава научной школы ноосферизма, выдающийся современный ученый, социальный философ, мой научный коллега и друг Александр Иванович Субетто (СПб), будущее за возрожденной Россией с ее русской культурой, созидательной наукой и высокообразованными людьми. Исполать оптимистам-ноосферистам! И мы всей душой того желаем.

Отметим существенное. Говоря о традиционной культуре, мы имеем в виду не только, главное — не столько «музейно-административную», учрежденческую институцию, но прежде всего и главенствующе — динамически действующую культуру. Последняя состоит из двух основных категорий. Первая есть корпус поведенческих, воспитанных и благоприобретенных, морально-этических норм. Причем не формально соблюдаемых, но истинных, необсуждаемых. Как сказал Достоевский (в религиозной оболочке), что не вера рождается из чуда, но чудо происходит от веры... Для России эти морально-этические нормы суть исторически христианские, тем более православные, то есть, в отличии от католичества и протестантизма, сохранившие в первозданной чистоте Христовы заповеди (заповеди блаженств Нового Завета, идущие от Нагорной проповеди Христа). За тысячелетнюю историю православной Руси эти нормы в определенном смысле автономизировались от церкви-учреждения и безотносительно воплотились в нормы поведения, чувствования и действия русского человека. В Советском Союзе эти нормы, в полной мере сохранные (в иной терминологии) в своде «Морального кодекса строителя коммунизма», вовсе приобрели сугубо гражданское звучание...

В определенной степени поддержкой, хотя бы номинальной, таких традиционных морально-этических норм является развернутая в последние два десятилетия обширная программа церковного строительства, включающая культурно-архитектурную составляющую (восстановление старых храмов) и сугубую церковно-учрежденческую (строительство новых зданий). Схожий прецедент имел место быть в Российской империи в самом начале XX века, когда по представлению Свщ. Синода правительство утвердило программу строительства *ста тысяч* (!) новых церквей с мотивировкой поддержания православного духа, единения народа и противодействия революционным настроениям. В чем-то аналога сегодняшнего глобалистского либерализма. Существенно, что к началу Первой мировой (империалистической) войны, когда программа была свернута по понятным причинам, большая ее часть была исполнена. Это можно видеть и сейчас в городах и селах: церкви эти строились по одному архитектурному проекту: тяжело-приземистые, из темно-красного кирпича. И у

* Зиновьев А. А. Русская трагедия.— М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007.— 608 с. (Серия «Философский бестселлер»).

нас в Туле две такие сохранились: на центральной площади Ленина, обок кремля и напротив здания администрации области — бывшего обкома КПСС, а другая на краю исторической Чулковской (Оружейной) слободы, где она переходит в (новоисторический) район Криволучья...

Все же церковь является достаточно серьезным контраргументом глобализации. Опять же Достоевский: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

...Так в «Бесах» говорит Шатов, дискутируя с Шигалевым; вошедший в публицистический обиход термин «шигалевщина» и есть ранний аналог «глобализации».

Переходим ко второй категории динамически действующей культуры, а именно собственно культуры, как совокупности объектов и процессов человеческого творчества, направленных на удовлетворение эстетических, эмоциональных, социально-познавательных и пр. потребностей человека — как индивидуума, так и социально организованного. Вроде бы так, или почти так, определяют феномен культуры в различных энциклопедиях (под рукой нет чтобы уточнить...).

Вряд ли «в отдельно взятой стране», даже с учетом явного или подспудного антиглобализма земшарного Юга и всего Третьего мира, Исламской дуги и всех, кто не входит в «золотой миллиард», возможно сохранение, тем более прогресс традиционных культур. Ибо процесс глобализации уже перешел — в части расчеловечивания и обескультуривания, — как говорят физики и математики, в аperiodическую, невозвратимую стадию. Говоря образно, змея на масонском символе уже укусила себя в хвост. А у нас еще шанс (см. выше) какое-то время продержаться. Бог не выдаст, свинья не съест... пока. В какой бы камуфляж она не обрядилась: от звездно-полосатого до либерастического семицветья...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ Главы из романа

*Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

12. Дворец

На следующий день Ивея продержалась лишь до обеда. Все время она расспрашивала о чем-то старика. Лицо ее все больше мрачнело. Мы только закончили обед, как она решительно встала. Я понял, что останавливать ее бесполезно.

— Тебе надо что-то накинуть на себя. В таком одеянии мы быстро окажемся в *Подмире*, причем не по своей воле. И головы прикрыть не мешает.

— Что за Подмир?

— Все, что ты видел здесь, наверху, это сотая часть Гипополам Лупус. Основная жизнь под нами, в Подмире. Здесь же Надмир. Он, как ты успел заметить, беден и почти пуст. Тут живут только самые беспомощные. В основном одинокие старики вроде Мона.

Ивея указала на старика.

— Его лишили хорошей работы и оставили нищим. Вот и поселился он здесь. Благо, сюда законы о налогах пока еще не добрались.

Ивея вновь обратилась к Мона. Тот поклонился, встал, достал что-то из приземистого комода.

— Я быть молодой, когда.

Он протянул мне одежду. Зелено-серого цвета штаны с широким длинным шлейфом на поясе. Старик помог обмотать шлейф, вшитый в наверхие штанов, и закрепил его на поясе. Однотонная рубаха свободно запахивалась и регулировалась плотным поясом из кожи. Ивее он тоже дал штаны, похожие на мои. На головы нашлось что-то подобное капюшонам. Они крепились к вороту и при желании свободно откидывались на спину.

Мы поблагодарили старика Мона за все. Ивея обняла его. Он протянул нам узелок.

— Еда три дня.

Потом сел на колени и поклонился до самого пола. У меня сжалось сердце. По-

кинув свой ярус, я вдруг начал встречать живых людей, лишенных холода отстраненности.

На пустынных улицах гулял ветер. Лишь раз мы заметили какую-то старуху, копавшуюся на чухлом огорожке на крыше. Она с трудом разогнулась и, держась за поясницу, долго смотрела нам вслед.

— И все же тут чувствуется нормальная жизнь, в отличие от Севера. Тебе не кажется? — спросил я.

— Да, ты прав. Но все же тут все сильно изменилось. Еще два года назад эти улочки были наполнены людьми, украшены цветами. Детский смех, разговоры. Жизнь кипела! Старик говорит, все резко изменилось, как только Дворец распустили.

Ивея оглядывала улочки. Я видел печаль на ее лице.

— Я никогда не вникала в политику. Дядя Этон для меня был просто моим дядей. Он заменил мне отца. А в чем-то и ближе стал. И я точно знаю, что он пытался служить своему народу. На Гипополам Лупус уже давно установилась стабильная жизнь. Все было разумно устроено. Во всяком случае, на южной части яруса. Дядя вышел на новый уровень. Его главной мечтой было духовное развитие. У мана есть древнее учение, следуя ему, человек укрепляет свой дух и достигает Света Вселенной. Достигая Света Вселенной, человек освобождается от лишнего груза, мешающего ощущать жизнь как она есть. На такое способны дети. Но ты, наверное, и сам знаешь, что с возрастом мы теряем легкость восприятия жизни. Если бы я осталась здесь жить, наверное, окунулась бы в это учение. Но дядя почему-то не хотел этого. Однажды, когда я упрямо просила разъяснить мне его нежелание, он сказал: «Тебе не нужны никакие учения. В них нуждаются слабые. Ты же из тех, кто знает истину, не зная о ней». Так он сказал. И еще сказал, что такие люди, как я, есть, но их немного.

Впереди показалась большая пустынная площадь. В центре возвышалась многоярусная усеченная пирамида. Несмотря на свои строгие формы, она казалась воздушной и легкой. Может, из-за того, что каждый ярус состоял из прозрачных стен, украшенных тончайшим каменным узорным переплетением. Знакомая мне вязь оплетала всю громаду здания. Солнце и его отражение в Конусе проходили насквозь каждый ярус. Казалось, что пирамида наполнена светом изнутри.

— Это и есть Дворец. Но во что он превратился! — сокрушенно произнесла Ивея.

— А мне кажется, он просто великолепен.

— Адан, если бы ты видел то, что видела я! Приглядишься. Видишь, вязь кое-где блесит. Это остатки былой роскоши. Он весь был покрыт позолотой. Стены из тончайшего горного хрусталя, оплетенного каменной вязью. Все сияло так, что больно было глазам. Сейчас позолота сошла, хрусталь поблек от грязи. А какой был парк! Все заросло. Идем скорей! Если все это произошло с дворцом, то что же стало с дядей!

13. Дядя Этон

Кружевная вязь ворот, ограждавших огромный парк, переплелась нежным вьюнком с мелкими белыми цветками. Ворота, раза в два превышающие человеческий рост, приоткрыты. Я вновь невольно залюбовался каменным узором.

— Как можно такое создать? — не удержавшись, спросил я.

— Тот же принцип растущих гор. Помнишь северные скульптуры, каменные деревья, каменные цветы, каменных насекомых? Это все старинное знание Мана. Здесь не строят, здесь выращивают. Дворец, насколько я знаю, выращивали три поколения. Последний ярус закончили лет сорок назад. Там сейчас покои дяди.

Мы подошли к широким ступеням, ведущим к входу во дворец. Парк был наполнен гудением цикад. Редкие голоса птиц эхом перекликались в вершинах мощных деревьев. Мы не встретили ни одного человека.

Пустым и заброшенным оказался и дворец. Внутри он был так же великолепен,

как и снаружи. Цветной мозаикой были украшены пол, и стены, и потолок. Цвета сочетались умело, поражая сложными оттенками. Ивея торопила меня, а я не в силах был оторваться от грандиозного фонтана, устроенного по центру огромного зала. Он все еще работал, и плеск воды звонко раздавался повсюду.

— Лифты не работают.

Ивея уже успела обследовать другие залы и вернулась за мной.

— Адан, пойдешь со мной наверх?

Мы поднимались. С каждым уровнем залы становились меньше. Пыль толстым слоем покрывала ступени. Заметив ее, я только сейчас осознал, что Дворец действительно заброшен. Уровней было так много, что я вскоре сбился со счета. Мы шли и шли наверх. Ивея ускорила шаг, и я понял, что мы почти поднялись. Вошли в квадратный зал. Весь пронизанный солнцем, переплетенный тенями от узорной вязи. Я осмотрелся. Ноги утопали в чем-то мягком. Ковер. Ворс длинный, скрывающий всю ступню. У прозрачных стен на низких полках множество книг. Настоящих. Это не визоны. Из-за рассеянного солнечного света мы не сразу заметили посреди зала парящую над полом фигуру. Подойдя ближе, Ивея упала на колени. Ее голос дрогнул.

— Дядя!

Я увидел каменную скульптуру. Она поражала тончайшей отработкой деталей. Каждая складочка на одежде, каждая прожилка на сложенных на груди руках виднелись четко. Черты лица казались живыми. Фигура держалась на силовых полях, плавно покачиваясь в пространстве. В руках книга.

Ивея подошла совсем близко, коснулась рук скульптуры. Я увидел, как слезы полились из ее глаз.

— Я не понимаю, Ивея. Это скульптура?..

— Дядя умер. И это не скульптура. Здесь так хоронят.

— Ты хочешь сказать, что внутри этого камня...

— Тело правителя Гипополам Лупус.

14. Гробница

Ивея, стараясь справиться с горем, гладила каменную руку дяди. От ее легкого касания фигура покачивалась в воздухе. Это было странное зрелище. В предзакатных лучах, смягчавших детали, казалось, будто это не каменная скульптура, а живой человек висит над полом. Еще чуть-чуть — и он заговорит. Но он молчал. Лицо выражало безмятежность и внутренний покой.

— Адан, ты выше меня посмотри, что за буквы выгравированы на книге?

Я подошел вплотную. Сложенные на груди руки придерживали каменную книгу. Присмотревшись, я прочел:

«Ивея».

Буквы едва выступали барельефом на обложке, и казалось, будто это древние, полустертые временем руны.

— Тебе не кажется это странным? — спросила она.

— Может, таким образом он показал, как ты ему дорога?

— Глупости! Я и без этого знала. Адан, еще отец говорил мне, что мое имя единственное во всем Эвкайфе. Это имя принадлежит только Седьмому ярусу. А здесь, судя по всему, древняя книга. Но как на ней может стоять мое имя?

Ивея протянув руку, коснулась книги.

— Придержи фигуру со спины, не давай ей двигаться, — попросила она.

Я встал сзади, ухватил обеими руками каменный торс. Ивея, оглянувшись, нашла какой-то длинный острый стержень, назначения которому я не знал, и ткнула с силой в книгу. Послышался хруст, словно треснула скорлупа яйца. Фигура дяди заходила ходуном, я едва сдерживал колебания.

— Здесь письмо! — воскликнула Ивея и извлекла скрученный в трубочку лист бумаги.

Мы сели на ковер у низенького столика, заваленного книгами. Ивея развернула письмо. Вот что она прочла.

15. Письмо

«Ивея, у меня мало времени, чтобы успеть рассказать тебе все. Чтобы ты попыталась понять меня и не осуждать.»

Сейчас я под аппаратом онемения. Я включил его сам, настроил программу на самую маленькую скорость. Жидкий камень покрыл уже ступни, так что я должен торопиться поведать тебе причину моего добровольного ухода из жизни.

Ивея, я оказался слаб. Моя Философия Духа здесь никому не нужна. Совсем иные ценности живут в умах людей. Банальная борьба за власть... Те, кому я доверял, предали. Но пока я — законный правитель Гипополам Лунус. И являюсь для многих большим препятствием.

Недавно мне в руки попали секретные документы. Из них я узнал, что за моей спиной происходят ужасные вещи. Некая программа Адаптации уже больше года действует на Шестом ярусе. Но сейчас у меня нет времени рассказывать об этом. Сейчас я должен сосредоточиться на более важном — на твоём спасении!

Жидкий камень добрался уже до моего паха. Но я успею...

Ведь я даже не знаю, найдешь ли ты это письмо. Я даже не знаю, вернешься ли ты когда-нибудь сюда. И все же надежда на твоё спасение живет во мне. Ты умница, тебе не составит труда разгадать, что в моих каменных руках спрятано послание для тебя.

Я составил программу онемения таким образом, что книгу на моей груди образует самый тонкий слой камня. А уже по имени на обложке ты догадаешься. Ведь твоё имя принадлежит только тебе. Надеюсь, твой отец рассказывал тебе об этом.

Наконец я подошел к самому главному. Но знала бы ты, моя дорогая, моя родная Ивея, как дрожит моя рука, ведь я должен сделать сейчас невероятное признание. Сейчас я сжимаю все свои эмоции в кулак и прошу от тебя только одного. Понимания!

Ивея, твоё мама жива!..

И ты, и твой отец уверены, что она покончила жизнь самоубийством. Но это неправда. Я виноват перед тобой. Я виноват перед твоим отцом. Но я выполнял её просьбу. И молчал все эти годы. Энея умоляла меня молчать. Но сейчас все круто изменилось. Я попал в большую беду. Всему виной я сам и моя мягкотелость. Я не имею права оставлять себя в живых, иначе послужу проводником великих бед. И я не могу покинуть Гипополам Лунус — я правитель.

Времени все меньше. Я тороплюсь рассказать тебе все. Более двенадцати лет я выращивал остров в океане. Сейчас тебе будут встречаться неизвестные термины, но на объяснения нет времени. Просто верь мне.

Наши Конус не единственный на планете. Существуют как минимум ещё шесть. Они расположены на других континентах. А континенты соединяет океан. Океан — это водная стихия. Это миллионы и миллионы бассейнов. Он находится за внешними горами, которые манили тебя часто в детских мечтах. К ним можно добраться либо на крестоверте, либо спустившись по туннелю на Первый ярус. Достать крестоверт у тебя не будет возможности. Поэтому путь один — через пустыню.

Остров оборудован всем необходимым. Я встроил в него современную систему жизнеобеспечения, подобную системе на Седьмом ярусе. Я тщательно следил за ходом работ все эти годы. Я специально выискивал умельцев среди северян. Да, на Севере встречаются и гении. Поверь мне! Я выбирал самых старых среди них. И

теперь, спустя двенадцать лет, они уже умерли. Поэтому я не боюсь, что существование острова раскроется. Найти его сможешь с помощью карты. Чтобы остров пропустил тебя, нужен активатор. Все это хранится в моей молекуле в Подмире.

Ты никогда не была в Подмире. Я сознательно не хотел везти тебя туда. Хотел, чтобы ты росла и развивалась на природе, среди чистых духом людей. Увы, Подмир совершенно иной. Это порождение цивилизации с ее жесткими законами. Там царят лишь прагматизм и холодный разум. Ты уже заметила, как опустел Надмир. Остались лишь беспомощные старики, брошенные в нищету. Я ничем не смог им помочь. Но сейчас нет времени сокрушаться. Жидкий камень скоро скует мои руки и мне останется лишь ждать, когда он доберется до шеи, рта, прикроет глаза...

Ивея, твоя мать на острове. Она осталась там совершенно одна. Ей не грозят ни голод, ни холод. Но ей грозит полное одиночество. Она ждет моего возвращения. Раньше я летал туда так часто, как мог. В последний раз я виделся с ней около месяца назад...

Я люблю твою мать, Ивея. Я люблю тебя... Но я повержен. Меня победили. Впрочем, не до конца. Я лишаю своих врагов главного козыря. Я отодвигаю их планы на долгий срок. Может, хоть этим я окажусь полезным несчастному Эвкаифу.

Активатор скрыт в визоне. Ты поймешь, в каком. Открыть сможешь только своим касанием, как ты открываешь проходы в туннель.

До молекулы можно добраться только на летоне. Вход в Подмир в дворцовом парке. Помнишь маленький грот, где ты любила играть? Уверен, ты поймешь, как вызвать лифт.

В Подмире нет привычных дорог. Все перемещаются на летонах. Выйдя из лифта, найдешь стоянку. Выбирай любой летон. Пластина с адресом прикреплена в конце письма. Приложи ее к панели справа от кресла, и летон доставит тебя по адресу.

И еще! Не пытайся добраться до острова в одиночку. Найди...

На этом письмо обрывалось.

— Мама, — почти выдохнула Ивея и потеряла сознание.

Часть четвертая Подмир

1. Карта и активатор

Подмир ворвался в нас светящейся пропастью хаоса. Тут не было дна. Бездна, наполненная роем летонов, среди башен-стержней. Башни светились кобальтовым синим и резали глаза. От лифта мы вышли на площадку — стоянку летонов. У края площадки не было даже ограждений. Заеваешься — и сгоришь звездой в бесконечной пропасти. Конечно, пропасть имела дно и, скорее всего, составляла высоту яруса. А это был не один десяток километров.

Летоны улетали, подлетали, забирали и выпускали пассажиров. Стремительно бросались вниз камнем, но через минуту ложились на курс и терялись среди башен. Мы выбрали только что освободившийся. Прошли мимо пары молодых людей, равнодушно скользнувших по нам цветными светящимися кругляшами вместо глаз. Уже садясь в кабину, я заметил, как один из них указывал на нас. Их лица скривились в презрительной ухмылке. Наверное, из-за нашей одежды. По сравнению с их светокостюмами она выглядела как нищенские обноски. Впрочем, почти так оно и было.

Летон резко бросился вниз, но кресла с плечевыми ограничителями не дали нам выпасть. Мы понеслись в бездну света. В глазах все мелькало и рябило. Я отвык от цивилизации. Да и Четвертый ярус явно уступал Шестому. Мне всего пару раз в жизни довелось пользоваться летоном. Сейчас мое тело покрыл озноб. Я почувствовал подступившую тошноту. Взглянув на Ивею, понял, что ей не легче. Голова откинута

на изголовье, бледное лицо в испарине. Как ни тянуло меня рассмотреть новый мир, я вынужден был закрыть глаза и мечтал поскорее добраться до твердой поверхности. Посадка, к счастью, оказалась мягкой. Летон завис в полуметре от узкой площадки со светящимся входом, где-то в середине бесконечного стержня башни.

Мы осторожно вышли. Я придержал Ивею. Заметил, что сотни летонов, словно пчелы, подлетали к башне на разных уровнях. Выдвигалась площадка, спускались люди и исчезали в узких светящихся проемах. Похоже, тут у каждого был индивидуальный вход.

Мы шагнули внутрь. Дверь плавно задвинулась. Осмотревшись, мы поняли, что находимся в небольшом помещении без окон. Благодаря светостенам здесь было хорошее освещение. По форме помещение напоминало кусок торта. Узким концом оно уходило в глубину. Здесь было пусто, и сначала нам показалось, что мы попали в коридор, ведущий в жилую часть. Но дверей больше не было. Ивея осмотрелась, заметила у двери небольшую нишу и вставила туда пластину с адресом.

— Чтобы активировать программу, ответьте на вопросы,— раздался мягкий голос.

— Сколько вас человек? Какое время вы планируете пробыть здесь? Являетесь ли вы хозяином молекулы или близким человеком хозяина?

Ивея ввела какие-то символы.

— Пожалуйста, встаньте на светящийся круг.

Голос напомнил мне тот, что сводил меня с ума в Конусе. Внутренне я передернулся. Неужели мы снова попали в подобную систему? Стоя в светящемся круге, мы наблюдали, как выдвигались панели прямо из стен, где только что не было и намека на швы и щели. Самая узкая часть комнаты перекрылась полупрозрачной панелью. По зеленому свечению я понял, что это душевая. У одной из стен выдвинулся диван. Довольно удобный. Над диваном показались визоны с портретами. Из пола появился круглый столик с информационной стелой. Кресла и даже небольшой мягкий ковер с длинным ворсом. Цвет стен изменился, освещение стало менее интенсивным. На одной из стен появилась полка, уставленная книгами. Теперь мы поняли, что находимся в молекуле дяди. Ивея показала мне на один из визионов. Маленькая девочка бежит по лугу среди цветов. Раздается звонкий смех. Этот визон сохранил эпизод счастья. Девочка бежит, смеется, рвет цветы. Хотелось смотреть и смотреть. У Ивеи выступили слезы. Легкая тень легла на траву. Вышел человек. Девочка, заметив его, подбежала. Человек поднял ее на руки и закружил над головой.

— Как я была счастлива тогда,— произнесла она, коснувшись визиона.

Изображение затуманилось, показалась рабочая панель.

— Активатор и карта здесь.

2. Отдых

Нам нужно было все обсудить и отдохнуть. Все это время, с начала болезни Ивеи, я терялся в догадках, пытался понять, что происходит и чего ожидать дальше.

Ивея легко ориентировалась в молекуле.

— Нам нужно поесть,— сказала она и вновь вставила пластину в панель у двери. Набрала код.

— Ваш уровень номер десять,— раздался вежливый голос.

Я напрягся. Чего ожидать от этой новости? Кто, не зная нас, уже наградил нас каким-то уровнем? И чем нам это грозит? Именно — грозит. Я уже не ожидал от этого места ничего хорошего.

Столик исчез в полу. Через пару минут выдвинулся. Он был заставлен привычными уже шарообразными колбами с цветным желейным пойлом. Насколько вкуснее была простая и скудная еда старика Мона! Выбирать не приходилось. При всем желании мы не смогли бы купить здесь другой еды.

— Что ты про все это думаешь? — спросил я.

— Мир стал другим. И прежним он уже не будет. Со смертью дяди здесь все изменилось. Адан, активатор у нас. И нас здесь уже ничто не держит. Подкрепимся, выспимся и покинем это Подмирье. Я не чувствую себя здесь уютно. Даже среди вещей дяди.

— А я чувствую, как у меня развивается клаустрофобия. Мне срочно нужно глотнуть свежего воздуха и увидеть клочок неба.

— Продержись до завтра,— Ивея положила руку мне на плечо и слегка улыбнулась.

Мы молча принялись за еду, если это можно было назвать едой.

Не успели закончить, как световые панели убавили яркость. А душевая кабина, наоборот, наполнилась зеленым фосфорическим светом. Столик тихо исчез в полу. Диван ожил. Нам невольно пришлось встать и отойти на светящийся круг. Диван плавно трансформировался в два отдельных спальных места. Комната сама нам предлагала принять душ и лечь спать.

— Странно тут все. Словно чужая воля ведет меня и не сомневается, что я подчинюсь.

— Не будем испытывать эту волю, Адан. Завтра нас здесь не будет.

Я принял душ. Вернее, некую полупрозрачную субстанцию, вязко растекшуюся по телу и вновь лишившую меня едва отросших волос. Я казался себе до омерзения стерильным и каким-то неживым. Лежал на своем месте, прикрытый подогретым силовым полем, и старался унять подступающее возмущение.

Свет стен померк. Спите, фигурки. Завтра мы вас разбудим, умоем, накормим жижей и позаботимся обо всех ваших насущных потребностях.

Не жизнь, а сказка! Рай в отдельно взятой молекуле!

Я вдруг осознал, что во мне вновь просыпается тот, прежний Адан, живший когда-то на Четвертом ярусе. Но тогда свою жизнь от безысходности я старался воспринимать с иронией. Сейчас же мне хотелось метаться, подобно дикому зверю в клетке. Останавливало лишь завтра. Я мысленно успокаивал себя. Завтра нас здесь не будет. Я уже грезил тем самым островом. Где он? Как далеко до него добираться? Я никогда не видел океан...

Я провалился в сон.

3. Пробуждение

Я падаю вниз. Я все же умудрился выпасть из летона. Не помогли даже плечевые ограничители. Подо мной тысячи светящихся игл, они грозят пропороть меня, насадить, как дичь, на острую пику. Я ударяюсь пяткой об иглу. Я готов кричать от боли. Но я просыпаюсь. Это сон. Какое облегчение.

Окончательно прихожу в себя и вижу, что лежу на полу. Ивея, видимо, тоже только что со сна. Сидит рядом и хлопает глазами. Мы поднимаемся. Вместо спальных кушеток диван. Когда он успел трансформироваться?!

Я явно не выспался. Но свет в комнате был ярок до боли в глазах.

— Ваша одежда не соответствует стандартам десятого уровня. Вам присвоен пятый уровень.

Мы переглянулись с Ивеей.

— Нужно как можно быстрее уходить отсюда,— произнес я и двинулся к выходу.

Ивея вставила пластинку.

— Прежде чем покинуть молекулу, вам необходимо надеть одежду пятого уровня. Пройдите в душевую комнату.

Я подергал дверь. Конечно, она не поддавалась. Нам ничего не оставалось, как выполнить указание. Это уже не походило на прежние вежливые просьбы. Теперь голос звучал сухо и требовательно.

Ивея пошла первой. Вскоре вышла и ошеломила меня своим странным одеянием. С шеи до ног она была обмотана широкими полосами светящейся красной ткани.

Я шагнул в душевую, сбросил старую просторную одежду старика Мона, и она исчезла в какой-то нише. На ее месте появился ворох ярко-синей *светоленты*. Я коснулся его и, не успев сообразить, как все произошло, оказался запеленат, как и Ивея. Это не стесняло движений, но тем не менее не давало ощущения свободы. Словно тебя держали в эластичных силках. Ты вроде бы свободен, но избавиться от этой ленты было невозможно. Я даже не понял, где она закончила бинтовать меня. Теперь мы стали двумя светящимися фигурами с гладко выбритыми черепами.

Я едва не забыл свой цифропакет. Он лежал на столике. Ивея положила туда визон с активатором.

— Ваши руки должны быть свободны,— услышали мы.

Этого еще не хватало! Мы не могли уйти без карты. Я даже готов был пожертвовать своими стихами, хранящимися в цифропакете, но активатор и карту взять необходимо.

— Визон гибкий, может, удастся как-то подсунуть в эти бинты,— сказал я Ивее.

Она попыталась раздвинуть материю на бедре. Ничего не вышло. Ткань, словно почувствовав, что ее хотят разъединить, слилась в этом месте, убрав даже намек на швы.

— Эта лента словно живая,— произнес я.

— Не говори так, Адан, мне становится гадко.

Ивея была напугана и удивлена не меньше моего.

Я вновь подошел к двери.

— Вам надо торопиться,— раздался сухой голос,— скоро начнется рабочий день. Руки должны быть свободны.

Ивея открепилась от карт и сунула его в рот. Но она все еще не решалась оставить планшет с картой. Мы услышали легкую пульсацию. Свет в комнате стал ярче. Еще ярче, еще. Пульсация участилась и уже била по ушам. Мы почти ослепли и оглохли. Ивея кинула планшет на диван. Воцарилась тишина. Свет пришел в норму. Мы обреченно подошли к выходу. Дверь раздвинулась с легким шипением. На узкой площадке нас уже ждал летон.

— Приложите карточку к груди,— произнес голос.

Ивея уже не пыталась сопротивляться. Карточка, коснувшись красной материи, словно спаялась с ней, слабо засветившись тусклой бронзой.

Сели в летон. Дверь закрылась, площадка исчезла, мы ринулись вниз.

4. Платформа

Мое нутро взбунтовалось, но тошнота быстро отступила. Только сейчас вспомнил, что мы не завтракали. Эта гелевая жижа, наш вчерашний ужин, оказалась весьма питательна, и чувства голода я не испытывал. Сейчас я уже смелее разглядывал мельтешащий перед моими глазами хаос световых пятен. Это вблизи. Вдали можно было различить гигантские башни-стержни, светящиеся иглы. Вокруг роились искры летонов. Иногда мимо нас проносилось нечто гигантское, заслонявшее на время свет. Мы погружались в темноту и невольно прислушивались к тяжелой пульсации, бывшей по барабанным перепонкам.

Масштабы увиденного били по сознанию, и я казался себе маленьким, потерянным и никчемным. И только Ивея, еще более потерянная, заставляла меня собраться и оставаться сильным ради нее. Она не отпускала мою руку, и я чувствовал, как от напряжения подрагивают ее пальцы.

— Адан, если нам удастся вернуться в молекулу, я знаю, как забрать карту. Только бы нам вернуться.

— Мы вернемся, Ивея. Чего бы это ни стоило. И выберемся отсюда,— я постарался произнести это как можно увереннее.

Внизу показалась огромная овальная платформа со светящейся полосой по контуру. Платформа свободно парила в воздухе. Время от времени к ней приближались летоны, высаживались светящиеся фигурки. Ярко-красные — женщины и ярко-синие — мужчины. Мы поняли, что тоже приближаемся к этой платформе. После каждой высадки людей она плавно подрагивала, но сохраняла горизонтальное положение.

— Давай попытаемся вернуться прямо сейчас,— вдруг предложил я.

Не нравились мне ни эта платформа, ни фигурки, сиротливо толпившиеся на ней.

Ивея попыталась открепить пластину от груди, но та словно сроднилась с материей и стала с ней одним целым. Снять ее оказалось невозможно. Тем временем наш летон завис у платформы. Мы еще с минуту сидели не двигаясь, смотрели на лица людей. Те безразлично скользили по нам взглядами. Летон нетерпеливо дернулся, словно давая нам понять, что пора покинуть кабину. Я спрыгнул на платформу. Та слегка пошатнулась. Помог сойти Ивее. Летон тут же скрылся в бездне.

У платформы не было бортов, и мы невольно отошли вглубь, подальше от края. Человек пятьдесят — мужчин и женщин — бесцельно стояли или сидели прямо на грязном полу. Еще несколько летонов высадили пассажиров. Неожиданно платформа достаточно резко дернулась. Я едва успел заметить, как люди ухватились обеими руками за выдвинувшиеся из пола поручни. Упал, вскочил, подхватил падающую Ивею, заметил свободный поручень. Схватился одной рукой, другой держал Ивею. Платформа резко ринулась вниз. Кажется, кто-то слетел с нее, не успев удержаться. Красная и синяя фигурки исчезли в бездне. Остальные намертво схватились за поручни. Видимо, они были опытными и знали о подобных трюках. Мне хотелось кого-то убить. Прямо сейчас. Но кого? Не этих же несчастных. Наконец нам удалось найти равновесие. Ивея ухватилась за соседний поручень.

Я вглядывался в лица соседей. Во взглядах отсутствие мысли, глаза чуть больше нормы. Бритые наголо костлявые черепа. Это люди Севера.

5. На дне

Над головой синее небо. Проплывают легкие молочные облака. Небо высоко-высоко. Взлететь бы... Но это обман. Мы на самом дне Подмира. Даже не на дне. Мы под дном. И это голубое небо всего лишь проступающие сквозь прозрачный пол огни Подмира. У наших ног тьма и сырость.

Теперь я знаю, как устроены ярусы. Дно принадлежит отходам. И мы, и все эти светящиеся сине-красные фигурки почти то же самое, что отходы.

Система утилизации здесь, надо сказать, устроена весьма неразумно. Все эти хваленые технологии Шестого яруса разбиваются о собственное дно. Светящийся Подмир со своими башнями и летонами терпит крах. Стыд и позор! Они не в состоянии наладить нормальную аннигиляционную систему. Все отходы попадают сверху через мощные трубы. Сваливаются тонны и тонны мешков. Мешки рвутся. Все дерьмо, что находится в них, разлетается и растекается. Наша задача — грести. Сгребать и скидывать мусор в движущиеся желоба, которые увозят все это. И, может быть, где-то там далеко мусор все же попадает в аннигиляционную камеру. Иначе куда же все это девается? Я представить себе не мог, как грязен человек!

Запах гниения бил в нос. В наших руках широкие скребки с длинными ручками. Мы стараемся держаться рядом. Сгребаем жижу, и конца этому не видно. Ивея выбилась из сил. Присесть здесь негде, всюду густые лужи и грязь. Ивея тяжело оперлась о ручку скребка, но едва не упала. Скребок в мгновение ока сделался мягким, потерял форму и выпал из рук. На полу он вновь стал твердым. Я остановился и решил поэкспериментировать со своим. Тот не замедлил согнуться, словно дряхлый

старик. Здесь даже инструменты играли роль надсмотрщика. Расслабляться могли только они. Но это в том случае, если расслаблялись мы.

Безумно долгие часы мы скребли, сбрасывали, вдыхая яды Подмира и сходя с ума от усталости. Наконец, сквозь пот, застилавший глаза, я разглядел, как фигурки стали собираться у лифта. Работа окончена.

Лифт поднял нас, мы выгрузились на висящую в воздухе платформу. Я вновь едва успел схватиться одеревеневшими руками за поручень. Где-то в пространстве нас ждал летон.

Мы дома. Душ помог немного опомниться. На ужин зеленая жижа. Теперь мы можем, наконец, лечь горизонтально. Каждый на свое место.

Ивея какое-то время лежала с закрытыми глазами, потом заговорила:

— У дяди во Дворце много книг. Я любила читать настоящие, не визионы. В одной книге, очень древней, рассказывалось, что человек состоит не только из видимого, но и из невидимого. И что это невидимое гораздо важнее. Оно вмещает в себя наши помыслы. А помыслы бывают светлые и темные. Если у человека больше светлых помыслов, после смерти тела он попадает в Рай. Если больше темных — в Ад.

— Что это — Рай и Ад? — спросил я, борясь со сном.

— Рай... — Ивея задумалась и долго не отвечала. Я уже думал, что она спит.

— Мой Рай — это мое детство. Когда мама, папа, бабушки, дедушки, Фадо... Это мой Рай...

— Кажется, я понял, что такое Ад...

Я провалился в сон. Тяжелый, темный и душный. Я спускаюсь по ступеням. Все вниз и вниз. Надо мной огромная арка, за аркой пронзительная тьма. Я слышу крики, стоны, плач. Я просыпаюсь. Плачет Ивея. Я трясую ее за плечо. Она тяжело дышит.

— Мне приснилось, Адан... Глубокий колодец, я падаю. Там вода. Я едва стою на цыпочках, чтобы не наглотаться. Так мало места в колодце. Я чувствую, как нечто длинное, извивающееся вытягивается из воды. Яркий фиолетовый стебель. На конце бутон.словно это цветок. Но бутон растет, раскрывает лепестки. Я вижу зубы, они касаются моего лица. Как гадко, Адан... гадко...

6. Марафон безумия

Утром все повторяется. Кухетки сбрасывают нас на пол, трансформируется диван. Мы по очереди бредем в душ.

— Адан, дай свой планшет с картой, — выглядывает Ивея из душевой.

— Зачем?

— Попытаюсь приложить к телу, прежде чем эти змеи забинтуют меня.

Ивея отлично придумала! Теперь мы можем не возвращаться сюда. Чем скорее покинем этот злосчастный Подмир, тем лучше для нашей психики. Ивея вышла. В глазах разочарование, в руках планшет.

— Бесполезно. Эта лента, словно живая, отторгает все инородное.

На дне, работая скребком, я пытался придумать способ, как забрать карту из молекулы. Но что можно придумать? В рот-то ее не засунешь, как активатор. Полнейший абсурд. Мы попали в безвыходное положение, сделались рабами какой-то безумной системы. По-моему, здесь не только Север — весь Шестой ярус болен.

Вконец измученные после работы, мы вернулись. Снова ужин. До меня вдруг дошло, что мы едим один раз в день. Что намешано в этой жиже?

Однообразные дни. Они проносятся сплошной чередой. Я, кажется, тупею. Нет сил подумать. Мы по уши в дерьме. И порой мне кажется, что это даже не в переносном смысле. Особенно со скребком в руках.

Я уже начал распознавать некоторые лица. Придумал для развлечения клички. В

основном их названия касаются черт лица. Все, что касается носов, глаз, ушей, рта, формы черепа. Углонос постоянно спотыкается, выходя из лифта. Я уже с каким-то злорадством жду это маленькое представление. Однажды он не споткнулся, чем сильно разочаровал меня на полдня. Губодуй вытягивает нижнюю губу и дует себе в нос. Видимо, таким способом пытается сбить гнилостный запах помоев. Не уверен, помогает ли ему это. Хотя собственное дерьмо ближе. Лупоглазка пялится на меня время от времени. Влюбилась, что ли? А вообще, способны ли эти красно-синие к чувствам?

Все они разнятся только чертами, да и то если присматриваться. На самом деле они одинаковые. Неказистые, худые, и у всех одно и то же выражение на лицах. Полная апатия.

А я? Чем я отличаюсь от них? Почему я противопоставляю себя этим беднягам? Может, они, глядя на меня, тоже придумывают клички. Наделяют меня известными только им характеристиками. Скорее всего, меня можно прозвать Хмурым или даже Злобным. Да, я Злобный. Потому что я зол. Зол на все, что произошло со мной с того самого дня, когда я потерял эту чертову работу, лишился статуса, собственной молекулы, жены и пары законных выходных. Тогда я был недоволен своим существованием. Мне, видите ли, свободы не хватало, возможности высказывать свои мысли! Сейчас мне казалось это блажью. Черт возьми! Я хочу обратно к своему вечернему пиву, балкону с газончиками, к вечно неудовлетворенной Лили. Где она сейчас? О, я знаю! Наслаждается жизнью с каким-нибудь чмом на Пятом ярусе.

Бред! Бред! Неужели это мои мысли! Неужели это я?

— Ивея! — я бросил скребок, схватил ее за плечи.

— Адан, что с тобой?

— Мы не должны сдаваться. Слышишь! Они угрожают нас. Должен быть выход!

7. Мы не должны сдаваться

Свободного времени у нас всего ничего. Поужинать, в душ и спать мертвым сном. Как только легли, светостены погасли. Я раскрыл планшет, его страницы засветились. И при этом свете мы стали изучать карту.

Я впервые столкнулся с самим понятием — карта. Мне знакомы были схемы, световые путеводители. Но карта! Я увидел лист визона с линиями, кружками, пунктиром. Все это было подписано. Ивея уловила в моем взгляде растерянность, улыбнулась, мягко забрала у меня визон.

— Дядя с детства учил меня пользоваться картой. Помнишь, я рассказывала тебе, как искала тропу жизни? Можно было пользоваться и картой, и своим внутренним чутьем. Я, если честно, больше карте доверяла.

Ивея принялась двигать изображение, то уменьшая его, то увеличивая.

— Смотри, это наш Эвкаиф.

Я увидел треугольник с большой буквой Э внутри.

— А эта линия обозначает путь.

Ивея немного приблизила изображение. Пунктирная линия проступила четче. Она петляла среди кружков, заполненных надписями.

— Что это за круги?

— Судя по всему, селения или просто ориентиры. Тут все просто. Главное, следовать по этой линии.

Еще больше увеличив изображение, мы увидели названия. Ард — написано было в ближайшем от Эвкаифа кружке. Я вспомнил рассказы Даны о народе арданов. Подвел изображение к треугольнику с литерой и прочел — Земля арданов.

— Странно, что у них все имеет названия. Наши каскады отличаются только номерами, — удивился я.

— Это только на Четвертом и Пятом ярусах. Частично на Третьем. Но, помнишь, на Третьем люди сами придумывали названия. Хотя власти упрямо внедряют нумерацию.

— С названиями как-то теплее,— заключил я.

Ивея продолжала двигать изображение по пунктирной линии. Кружки попадались все реже и наконец исчезли совсем. Дальше шло пустое пространство с множеством мелких точек.

— Пустыня,— прочитал я.

— Она огромна.

— Откуда ты знаешь?

— Сравни масштаб. Вот эта черточка внизу обозначает десять километров. Посчитай приблизительно, сколько таких черточек вместится в пространство между горами и Эвкаифом.

Я попытался прикинуть, но черточка была слишком мала. Ивея задвигала изображением. Что-то нажала, выпали цифры.

— Тысяча сто пятьдесят три километра,— невесело произнесла она.

— Пешком?

— Причем по пересеченной местности.

Пунктирная линия привела к горам — на карте они были изображены ломаными треугольниками с острыми вершинами. За горами пространство с плавными линиями и надписью «Океан». Маленькая точка в океане с надписью «Остров».

Ивея вновь задвигала изображением. Пунктирная линия терялась среди гор. Лишь при большом увеличении мы вновь нашли ее. Сложный, петляющий рисунок линий вел через горные ущелья.

— Запомнить это невозможно,— тихо сказала Ивея.

— Попробуем. У нас нет другого выхода.

— Ты прав, Адан. Но я при всем своем желании не смогу запомнить эти петли. От Эвкаифа до гор все достаточно ясно, но здесь, через ущелье, слишком сложный рисунок.

Глаза наши уже слипались. Безумно уставшие за день, мы нуждались в отдыхе. Скоро утро.

— Я знаю, что надо делать,— произнес я,— ты нацарапаешь карту на моей спине.

8. Выход-дно-й

Совершенно неожиданно я узнал, как можно покинуть Подмир. Во время работы остановился желоб. Это событие привело в замешательство красно-синие фигурки. Поначалу мы продолжали скидывать мусор, но желоб быстро переполнился. Горы мешков росли. Работа встала. Никто не переговаривался. Все лишь угрюмо смотрели на неподвижный желоб.

Я почувствовал легкую пульсацию. Сверху спустился крытый летон. Из него вышли двое в светокостюмах. Не обращая внимания на нас, подошли к желобу. Один присел, держа в ладони какой-то прибор.

— Куда направлять? — услышал я.

— Конус. Сектор три,— ответил напарник.

Желоб слегка дрогнул, ожил и вновь потек в привычном направлении.

На следующий день наши спальные места не спешили скидывать нас на пол. Раздался системный голос. Но повел он себя странно, словно начал заикаться. Странные дела творятся в Подмире. Вчера желоб, сегодня еще какой-то сбой. А завтра? Начнут отказывать летоны? Весь этот светящийся мир скоро рухнет,— подумалось мне.

— Выход... д... — услышал я,— дно... й.

Забавный ребус. Я поначалу даже не уловил настоящего смысла. Выход — крутилось в моей голове — дно... Выход на дне.

Может, это знак свыше от того Неведомого, к кому я обращал свои мысли в минуты отчаяния? Выход. Дно. Мы должны решиться на это. Желоб привезет нас в Конус. А там для Ивеи открыты все двери.

— Выходной,— снова, уже без заикания, произнес голос.— Вам предоставляют-

ся сутки отдыха. Вашим телам необходимо набраться энергии. Вам будет предоставлено трехразовое питание.

Ого, какая роскошь! Сине-красные фигурки оставили для подзарядки.

Я вновь начал иронизировать. А это хороший знак. Значит, почувствовал, что грядут перемены. Я сходил в душ. Вернулся до гадости гладким и голым. Я наотрез отказался бинтовать себя этой светящейся синей змеей. Что скажет Ивея? Может быть она поймет меня.

Тихо присел на корточки рядом с тахтой. Сон ее был глубок. Худое лицо, глаза закрыты, брови напряжены, складка между ними не разгладилась даже во сне. Сквозь тонкую кожу век я видел, как беспокойны ее зрачки. Снится сон. Судя по всему, не радужный. Мы такие разные. И в то же время как лихо пошутила над нами судьба, выкинув из привычных условий, заставив бороться за жизнь. Я вновь поймал себя на мысли, что так мало знаю ее. Она закрыта, молчалива. Да и как мы можем узнать друг друга, когда только и делаем, что боремся с обстоятельствами.

Я вновь спросил себя, как спрашивал однажды, еще в прошлой, такой далекой уже жизни на Третьем ярусе,— смог бы я полюбить Ивею, почувствовать в ней свою женщину? Она, скорее, была мне сестрой. Маленькой, беззащитной, хрупкой.

Но сейчас я сидел перед ней, голый, свободный от пут синей ленты, с внезапно обретенной животной свободой. Я почувствовал, что мог бы любить ее. Так захотелось разгладить эту складку между бровями. Я легко коснулся губами ее лба, погладил колючий ежик волос. Она пошевелилась, но не проснулась. Я подумал — если бы она проснулась, мы смогли бы быть вместе. Что-то изменилось бы. Но она не проснулась. А я, поспешно встав, пошел в душевую, бинтовать себя этой синей змеей. Может, и к лучшему, думалось мне. Может, и к лучшему...

За завтраком обсудили идею побега.

— В Конус въезжать опасно. Мы можем оказаться в аннигиляционной камере,— сказала Ивея.

— Успеем выбраться раньше. Главное, добраться до него. Ведь мы же сможем найти вход?

— Конечно. На всех ярусах по диаметру Конуса расположены технические двери. Мы без труда проберемся внутрь.

Я проглотил зеленый гель и весело улыбнулся.

— Ивея, мы скоро будем свободны!

На ее лице отразилось лишь слабое подобие улыбки.

— Ты не веришь мне? — спросил я.

— Верю, Адан. Просто... Давай сначала выберемся отсюда.

— Сегодня куча свободного времени, и ты можешь начать царапать мне спину,— попытался пошутить я.

Она резко встала. Я заметил, как побледнело ее лицо. Она отошла к полкам с книгами и медленно начала оглаживать пальцем корешки.

— Я не смогу,— едва слышно произнесла она.

— Ивея, это единственный выход.

Я подошел, положил руки ей на плечи, повернул к себе.

— Ты же понимаешь, иначе нам не вынести карту.

— Адан, я знаю себя. Я не выдержу, если... Кровь. Адан, когда убили Фадо и Дану, что-то случилось во мне. Что-то надломилось. Я потеряла какую-то внутреннюю защиту. Словно нервы наружу...

Она вдруг заплакала, да так сильно и горько, что я невольно крепко обнял ее. Подвел к дивану. Мы сели. Я обнимал и гладил ее, успокаивал и целовал. Ивея похожа на маленький лесной цветок. От ветра его спасают только высокие деревья. Не будь их, он погибнет.

Должен же быть какой-то выход! Будь проклят этот Подмир и вся его совершенная система!

Время словно замедлилось. Мы уже всем своим нутром зависели от работы, и неожиданно свалившийся выходной привел меня в легкую растерянность. Меня взяла досада. За эти часы можно было бы нанести всю карту. Но я чувствовал, что Ивею лучше не трогать. Может, ей удастся справиться с собой. Ведь она, так же как и я, должна осознавать, что этот выход в нашем положении единственный.

Она уже час сидит на полу у ниши с книгами, листает визальбом дяди Этона. Улыбается и плачет одновременно, она сейчас в своем счастливом прошлом.

Я подсел рядом. Счастливая девочка с огромными глазами. Танцует, бегаёт, собирает цветы. Сколько здесь утерянного счастья! А что было в моем детстве? Скорее — чего в нем не было. Не было этого простора, воздуха, неба без облачной рекламы. Конечно, я был по-своему счастлив. Ведь рядом были мама и папа. И мы часто поднимались на Верхнее плато. И я тоже собирал букеты и дарил их маме.

Визоны с маленькой Ивеей закончились. Шум густой листвы наполнил комнату. Теперь мы видим много огромных деревьев. Таких огромных, что вершины, как мне показалось, цепляются за само небо. Пронзительно-синее, с ослепительными белыми облаками. Вот такие облака мечтал увидеть Фадо. Среди деревьев теряется в густой траве тропинка. Впереди что-то блестит, ослепляя глаза. Тропинка выводит к обрыву, и мы видим бесконечное синее пространство. Оно звучит. Заполняет слух нарастающим рокотом. Потом стихает. И вновь...

— Что это?

— Океан...

— Океан...

Мы еще долго листаем визоны, не в силах оторвать взгляда от буйства природы. Это тот самый остров. Он захватил меня в плен. Я вдруг понял, что там моя жизнь. Там наша с Ивеей жизнь. На одном визоне показался далекий, скрытый голубой дымкой Эвкаиф. Полоска пустыни. Волны. Каменный берег острова приблизился к нам. На большом валуне сидит женщина. Ветер развеивает ее длинные светлые волосы. Она с тоской вглядывается в море, за которым виден Эвкаиф.

— Мама,— голос Ивеи дрожал. Крупные слезы стекали по лицу.

Ее взгляд изменился. Какая-то решительность появилась в нем. Она отстегнула пластину с груди. В молекуле та свободно отстегивалась.

— Сними одежду.

Для этого надо было «обмануть» синюю змею. Я пошел в душ. Только там она выпустила меня из своих удушливых объятий.

Острый конец пластины касался моей спины. Изредка я ощущал влагу на коже. Это слезы. Ивея, преодолевая себя, царапала карту.

Мы пропустили обед. Он так и уехал под пол. Свет стен начал плавно тускнеть. Приближался вечер. Нежные пальчики касаются едва-едва. Нежные... губы, мокрые глаза.

— Не могу больше...

Я оборачиваюсь, касаюсь ее мокрых щек.

— Сними...— шепчу

И она идет в душ. И выходит чистая и свободная от одежд.

И мы стоим друг перед другом. И я знаю, что буду любить ее и защищать до конца своих дней.

В этот странный выходной все не по правилам. Коснувшись дивана, мы привели его в движение. Он впервые раздвинулся одним широким прямоугольником. Я запретил себе додумывать мысль, что и это запрограммировано в системе. Сейчас я думал только об Ивее, о ее нежном теле. Моя. Единственная...

Потом мы лежали на спинах, касаясь друг друга руками. Потом спали. И вновь обнимали друг друга. А вечер все не кончался. Ужинать захотелось. Но и на этот раз жижа не показалась вкусной. Лишь утолила голод.

— Пока еще светло, продолжи наносить карту,— сказал я.

Ивея побледнела, но подняла с пола пластину.

— Скоро доберусь до подножия гор.

Я повернулся к ней, обнял. Она выронила пластину. Та, упав на пол, странно шелкнула.

— Что это?

В пластине обнаружилась скрытая панель. Еще тоньше и уже.

— Адан, это вход в *A-корень*!

— Не понимаю.

— Теперь я могу действовать от имени дяди! Ведь у меня универсальный код.

9. Двадцатый уровень

Мы проснулись в объятиях друг друга. Диван не скинул нас. Странно.

— Ваша одежда не соответствует двадцатому уровню.

В душевой вокруг моего тела вьются ароматные ветерки. Они наполняются цветом. Сложные оттенки бордового сгущаются вокруг рук, ног, живота. Я чувствую легкое прикосновение нежнейшего шелка. Такого одеяния мне еще не доводилось носить. Материал, созданный из силового поля, почти невесом. Кажусь себе голым, но тем не менее я одет. Да еще как!

Взглянул на отражение в зеркале. Вздрогнул от неожиданности. Волосы на голове стали длиннее. Ивея выпорхнула в чем-то полупрозрачном. Голубом с золотым. И волосы ее удлинились до плеч. Лежали послушным темным облаком. Мерцали вкраплением бриллиантов при каждом повороте головы. Взгляд сияет.

Я обнял ее.

— Мы сейчас же улетим отсюда,— прошептал ей.

— Я заберу альбом с визонами.

— И карту.

— Как хорошо, что не надо больше делать тебе больно.

К раскрывшемуся входу приблизился летон. Мы устроились. Я крепко держал в руках планшет и карту. Ивея захватила визальбом. Она задала курс — Надмир.

— Выбор неверный,— услышали мы.

Ивея снова задала курс.

— В программе двадцатого уровня не предусмотрена подобная функция.

Я в сердцах ударил по светящейся панели кулаком. Но бездушному летону не было до этого дела.

— Вы можете выбрать любую точку Подмира, соответствующую двадцатому уровню.

Появились какие-то символы. Глаза Ивеи потускнели. Она коснулась, не глядя, одного из них. Летон, рухнув вниз, плавно вышел на выбранный курс.

Бездна света, режущая глаза. Мельтешение летонов. Здесь не было покоя ни днем, ни ночью. Я слышал, как глухо долбило сердце о грудную клетку. На нас несли яркий болид, из него было слышно частое, громкое дыхание. Усиленный звук нескольких голосов на грани оргазма. Кажется, эта музыка была у них в моде. В болиде три головы. Черные точки вместо глаз. Болид уклонился от столкновения за секунду. Головы равнодушно пронесли мимо.

Мы приблизились к золотой игле, острие которой терялось в вышине. Игла была изрезана зигзагами входов. Сквозь них были видны толпы светящихся людей и вновь слышны громкие крики оргазма.

Летон выпустил нас у одного из зигзагов. Здесь было громко. Я не слышал самого себя. Взял руку Ивеи, сжал крепче. Мы протиснулись сквозь светящуюся толпу. Нашли свободный столик. Тут же подошел официант. Коснулся центра стола, и мне показалось, что я оглох. Потом вдруг осознал, что внешние звуки исчезли. Мы будто оказались в слуховом вакууме.

— Что желаете?

Официант, в отличие от толпы, был туго забинтован, как и мы прежде. Только цвет змеи ярко-оранжевый и в глазах оранжевые размером с глазное яблоко стеклышки.

— Коктейль?

— Назовите номер.

— Три,— кинул я наобум.

Официант коснулся центра стола, и я вновь оглох, только теперь от ворвавшегося в мой мозг шума. Официант ушел. Я поспешно коснулся центра стола. Мы вновь слышали друг друга.

— Безумие,— прошептала Ивея.

— Безумие,— согласился я.

Я наблюдал за толпой. Многие участвовали в общей оргии. Я смутно осознавал, что, посети мы другое заведение, там было бы то же самое. И Ивея, и я вместе сидели за столиком, словно в вакууме сознания. Мы видели все, но это проходило сквозь, не цепляло. Все это было где-то в стороне. Будто другая страница визона, и мы не имели к ней никакого отношения.

— Если нельзя подняться,— сказал я,— значит, попробуем спуститься.

— У меня предчувствие, что мы не сможем сделать этого. Вряд ли те места соответствуют двадцатому уровню.

— А если настроить нас на другой уровень? Какой-нибудь... десятый, например.

Подошел официант. Поставил на стол два коктейля. Я увидел на его лице легкое недоумение. Видимо, он не ожидал, что мы включим «тишину» сами.

— Скажи, какому ты соответствуешь уровню? — спросил я у него.

Казалось, он растерялся, но ненадолго.

— Мой уровень номер семь,— с некоторой гордостью заявил он.

— И что, тебя устраивает?

— Вполне. Я чувствую свою социальную значимость. Это не какой-нибудь пятый. Его присваивают лишь северянам.

— А ты хотел бы достичь, к примеру, десятого?

— О, нет! Там ответственности больше. Да и не дадут. Я не обладаю техническими навыками десятого.

Я поблагодарил официанта. Он ушел.

— Нам стоит попробовать.

10. Десятый уровень

Я снова чувствовал апатию. Этого следовало ожидать. При десятом уровне мы не могли ничего выносить из молекулы. Это было прерогативой высших.

Мы вновь сидели в молекуле. Я ломал голову — как вынести карту и при этом попасть в Конус?

Ивея сидела на полу, листая визальбом, словно пыталась вобрать в себя прошлое, которое невозможно забрать с собой. Я взял с полки какую-то книгу, раскрыл. Оттуда выпала небольшая стопка бумаг, скрепленных между собой изящным золотым зажимом.

— Какие-то записи.

Ивея взяла листы:

— Почерк дяди. Здесь что-то интересное! Послушай.

Мы сели рядом, и Ивея начала читать.

...История нашего народа трагична. Много десятков веков назад цивилизация мана была развита, мана жили в городах и занимали большую часть Западного континента. Процветали наука и культура. Наши поэты и художники выстроили нерушимый фундамент образа мана. Ученые развивали медицину, достигли немыслимых высот в исследовании Вселенной. Побывали на многих планетах и уже готовились покорять соседние системы. Мана достигли пика своего развития. Но как дыхание Вселенной — это не только вдох, но и выдох, так и история человечества приблизилась к своему выдоху. Некое единое пространство, объединенное одной экономикой и общими законами, начало распадаться на мелкие государства. Участились

конфликты, военные вмешательства. Приостановилось развитие науки. Экономика резко пошла на спад.

Но отдельно взятый человек в отдельно взятом времени так же слеп, как слепая Вселенная, которая и есть лишь отображение в сознании человека. Не будь человека, не существовало бы и Вселенной.

Люди жили в своем времени, поглощенные лишь мимолетными событиями, и не способны были прозреть весь масштаб трагедии, нависшей над цивилизацией.

Человечество сконцентрировалось на междоусобных конфликтах. Готовилось к масштабной войне. Все силы бросило на развитие высокомогучного оружия, способного напугать и остановить противника. И лишь единицы из них понимали, что настоящая беда и реальный враг находятся совсем в другом месте. Ошибки и трагедии прошлого возопили о справедливости. Уже давно позабылись позорные поступки, совершенные против соседних народов. Канули в прошлое военные походы, когда ради наживы опустошались целые страны. А ведь именно из-за этих войн народ мана возрос, обогатился и окреп. Разграбленные страны с чуждым сознанием и чуждой религией безжалостно уничтожались. И веками из-за ухищрений политиков мана эти страны не имели возможности встать с колен и наладить жизнь.

Но пришел день и пришел час, в который случилась «Тихая война», о которой поведала карлица Ида. Вот ее рукопись.

«Цивилизованное человечество не предполагало такого конца. Напичканное сверхмогучным оружием, наведенным против своих же братьев, за надежными стенами современных зданий со всевозможной охраной, уверенное в своем величии и неприкосновенности, оно погибло за один час. Тихий предрассветный час, когда все спят. Погибло тихо, почти без криков, без агонии. Погибло от рук тех, кого считало безобиднейшими созданиями, нуждающимися в помощи и защите. Этот народ, суры, чуть более века жил бок о бок с народом мана.

Покидая свою нищую страну, они целыми семьями селились в наших городах, ища защиты, стабильной работы и нормальных условий для жизни. Народ мана в свое время благородно позволил сурам беспрепятственно въезжать и жить на его территории.

Строились целые кварталы с уютными жилищами, выплачивались деньги на образование детей. Единственное, что не позволено было сурам, — занимать руководящие должности. В остальном они были свободны и могли обогащать себя любыми цивилизованными способами. Многие семьи суров вскоре сделали богаче мана. И это приписывалось их невероятному трудолюбию и скромности. В каждой семье мана в услужении было по два-три человека из народа суров. Из года в год маны и суры жили в мире и согласии. Каждый занимал свою нишу в обществе, и все были довольны.

Суры отличались от цивилизованных мана. Они жили большими семьями. В одной семье, как правило, было по три-пять мужей и около двадцати жен. Когда у них рождались дети, они становились общими. И никто из них никогда не знал своего родного отца и родившую его мать.

Мана считали чуждым подобное устройство, но благородно соглашались и принимали традиции суров.

С каждым десятилетием суров становилось все больше. И пришел день, когда все города мана были заполнены ими.

Мана были сосредоточены на своих проблемах и в час X, увы, смотрели в другую сторону.

Глубокой осенью, когда ночи становятся длиннее и утром так тяжело просыпаться, народ сура, наточив ножи, перерезал сонные артерии всем взрослым мана. Случилась «Тихая война». И это название придумано мною, карлицей Идой. Меня из-за роста приняли за ребенка. А детей суры оставили в живых. Детей они не убивают. Они заботой и лаской медленно, но верно внедряют в их сознание свою культуру и религию.

Мне 18 лет, но выгляжу я намного моложе из-за особенностей лица и своего маленького роста. Но суры и не подозревают, кого они пригрели на своей груди.

Зная с детства о своем уродстве и не теша себя напрасными мечтами о женском счастье, я окунулась в науки. Я училась отлично, у меня идеальная память. И любая информация, прочитанная мною один раз, остается в памяти. Можно сказать, что я не училась, а просто читала. За полгода освоила много наук. Посвятила себя космофилософии и уже знала, что преподаватели готовили меня к работе в центральной космолаборатории. Я знала, что через два года будет осуществлен полет за пределы нашей Системы. Мне прочили великое будущее.

Я — вместилище знаний. Я единственная, кто может еще спасти свой народ от окончательного исчезновения. Я делаю для этого все, что в моих силах. Мы, дети мана, живем по-прежнему в своих домах. Гуляем на детских площадках, учимся в школах. Но воспитывают нас суры. Я каждый день хожу в школу вместе с остальными детьми и нахожу там время, чтобы собрать хоть пять детей мана. Украдкой рассказываю им об их настоящем происхождении. Об их настоящей культуре. Я верю, что однажды придет время, и кто-то из детей, став взрослым, понесет мои знания дальше, и народ мана вновь возродится. А пока я записываю знания в тетради и продолжаю читать все то, что еще не уничтожено сурами в «кострах очищения», которые они периодически торжественно устраивают на площадях наших городов, сжигая наследие нашего народа...».

Только благодаря карлице Иде народ мана возрожден. Жалкая кучка ее учеников бежала с собственных земель, неся культуру и науки своего народа.

Достигнув Эвкаифа, они попросили убежища. В те века правители Эвкаифа искали пути обеспечения жителей продуктами питания. В Эвкаифе не было специалистов, способных возродить аграрную науку. Мана принесли и эти знания. Поселившись на Шестом ярусе, за несколько лет они восстановили земли. А принесенные ими семена маны оказались самыми устойчивыми и давали хороший урожай. Таким образом, проблема голода в Эвкаифе была решена. За это правители наградили народ мана пожизненным правом владения Шестым ярусом.

Увы, сущность людская грешна. Все, что случилось с мана много веков назад, может повториться. Только теперь уже мана хотят поработить народ, даровавший ему когда-то земли и позволивший жить и размножаться.

Скоро весь Эвкаиф постигнет искусственное безумие. И наступит оно мгновенно. И случится новая «Тихая война». И не спасется никто. И превратится в послушного раба. И я, Этон, пока еще правитель Гипополам Лупус, не в силах прекратить это. Я оказался слишком добрым и мягким правителем...

*За моей спиной предавшие меня создали программу Адаптации, о которой мне стало известно только сейчас. Эта программа уже больше года действует в секретных лабораториях Конуса. Людей Севера заманивают на Юг. Для этого выстроен **подъярусный туннель**. Людей доставляют в Конус. Там проводят тестирование и сканируют рисунок генных соединений.*

Народы Севера уникальны. Я часто посещал их земли, изучал образ жизни. И был поражен двумя несочетаемыми вещами. С одной стороны — умственная отсталость, с другой — необъяснимая гениальность почти каждого человека. Кто-то гений в строительстве, кто-то в изобретении различных механизмов, кто-то гениален в искусствах. Я видел поражающие разум вещи. Целые города каменных скульптур и восхищающие своей красотой архитектурные строения. И в то же время встречал совершенно безумные, не поддающиеся никакой логике и разуму изобретения.

*Весь этот потенциал решили прибрать к рукам те, кого я еще совсем недавно считал единомышленниками. Ученым удалось выявить схему мигрирующих единиц в структуре гена, отвечающего за слабоумие. Разработана искусственная **ноль-точка**. Внедряя ее в здорового человека, всего за месяц можно получить безвольного,*

послушного раба. Делается это просто. Через обычный воздушный вход. Но такой вход существует лишь у жителей Четвертого и Пятого ярусов. Частично есть на Третьем. Сейчас воздушнику распространяют на Втором ярусе. Ноль-точку достаточно добавить в пищу. Она попадает в кровь и доставляется в мозг. А там уже начинаются программируемые разрушительные процессы.

Эта новость обрушилась на меня не одна. Мне сказали, что ноль-точка уже находится во мне. Через месяц от меня останется только тело, но управлять мной будут другие. Это облегчит продвижение по ярусам и ускорит захват власти на всем Эвкайфе.

Но они просчитались. Я не дам им такой возможности. Я уничтожу себя сам. И, может быть, с моей смертью я смогу хотя бы на год приостановить безумные планы. Но на большее я не способен. В скором будущем Эвкайф ждет «искусственное безумие»!..

На этом запись прерывалась.

Мы с Ивеей оглушены этой новостью. Мне сложно осознать прочитанное, настолько все это звучит безумно. Но все, через что нам пришлось пройти, и все, что нам еще предстоит, говорит о том, что это правда.

— Ничего другого не остается,— произношу я.

Она понимает. Ей вновь нужно царапать мою спину.

— Адан, ведь вторую часть можно нанести на мою спину.

И тут я понимаю, что слабее Ивее в тысячи раз. Моя рука не поднимется, чтобы сделать ей больно.

— Ты побледнел.

Она ползет на коленях, обнимает меня. Я глажу ее голые плечи, касаюсь волос.

— Мне будет проще выдержать свою боль,— шепчет,— чем твою.

Если бы ты знала, Ивее!

Я опускаюсь рядом с ней на пол. Сжимаю, целую. Наверное, мы по-своему безумцы. Наверное, после всего, что нам открылось, надо начать паниковать, и заламывать руки, и кричать в отчаянии. А мы ласкаем, вдыхаем друг друга, и единственное наше желание — слиться и стать одним целым.

В душе плотная пелена, омывающая мое тело, вдруг на мгновение стала ледяной. Но быстро потеплела. Раздался голос:

— Регенерация закончена.

Я в недоумении взглянул на свое отражение. Потрогал волосы. Они на месте. Хорошо хоть при десятом уровне их не стали сбривать.

Что за регенерация?

Вышел. Голый, растянулся на широком диване. Ивее в полудреме прижалась ко мне. Тонкие пальчики нежно гладили мою спину. Вдруг она воскликнула:

— Адан!

Вскочила. В комнате было темно. Ее руки ощупали меня.

— Что?

Дотянулся до планшета. Раскрыл. Единственный источник света.

— Что там?

— Твоя спина гладкая, как у ребенка. Карта исчезла!

Мы, ошеломленные, сели. Я наконец понял, что значит «регенерация». Душевая здесь играет роль не только циркульника, но и лекаря. Они залечили мои «раны»!

Все, что здесь с нами происходит, похоже на чье-то извращенное издевательство. И ужаснее всего то, что за этим никто конкретно не стоит. Просто хорошо отлаженная система выполняет свои функции...

Игорь Карлов
(г. Стамбул, Турция)

РУССКИЙ СТАМБУЛ. СТОЛЕТИЕ (очерк-реферат)*

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Чем дальше находились беженцы в Стамбуле, тем сложнее становилось им выживать. С каждым днем таяли сделанные накопления (да и не у каждого были накопления), постепенно сворачивали свою деятельность отечественные и иностранные благотворительные организации. Со всей суровостью перед нашей диаспорой вставали призраки нищеты и голода.

«Перестали уже удивляться Константинополю. Прошла пора описаний и этюдов Галатских переулков, падших женщин, русских беженцев и нищеты. А они по-прежнему толпятся в шумном городе, и нищета все черней, все могучей ширится по русским уголкам»,— писал журналист Эльпе. А. Н. Вертинский так описывал положение соотечественников: «Те, кто «устроился», так или иначе еще существовали, остальные, истратив все и продав все «фамильные драгоценности», невольно вынуждены были как-то устраивать свою дальнейшую судьбу».

И тут было три выхода: либо реализовать свои профессиональные способности, либо осваивать непривычные способы заработка, либо в поисках лучшей доли двигаться эмигрантским путем дальше — в другие страны, на другие континенты и материки.

Разумеется, первый путь был самым надежным и почтенным. Тем более что в Константинополь приехало немало первоклассных специалистов в различных сферах.

Пожалуй, легче всего осваивались в новой среде доктора и фармацевты. Солидные деньги (около 70 лир) получали служащие «Русской морской аптеки». Аптека, работавшая «согласно требованиям российской фармакопеи», располагалась в районе Галата рядом с поликлиникой. Поликлиника же, в свою очередь, находилась в помещении Андреевского подворья. Прием вели врачи различного профиля и очень хорошей квалификации. В Константинополе ценили русских докторов.

Однако наряду с уважаемыми представителями сей благородной профессии появлялись и сомнительные личности. Так, на пересечении Гран-рю-де-Пера с улицей Тарлабаши можно было видеть рекламный плакат, гласивший, что «опытная акушерка В. Д. Зиновьева с многолетней практикой в Харькове» готова принять «секретно беременных во всякое время».

Неплохо могли устроиться на новом месте ученые и инженеры. Например, Константин Паккер стал известной в Турции личностью, профессором Стамбульского

* Окончание; начало в № 4, 2023 «Приокских зорь».

университета, инженером, который еще в середине прошлого века предлагал начать строительство метро в городе. Сейчас в университетской лаборатории, где он работал, установлена памятная доска в честь преподавателя, однако мало кто знает, что этот талантливый человек был русским.

На одной из окраин русского Стамбула, на площади Таксим, располагался русско-американский гараж, а при нем действовали биржа шоферов и водительские курсы. В качестве водителей наши соотечественники зарабатывали и честно, и стабильно, и хорошо. В турецком языке на какое-то время словосочетания «русский шофер» и «хороший шофер» стали синонимичными, а выражение «русский механик» в Константинополе означало «лучший механик».

Наряду с русской прессой, русской почтой, русской аптекой в Стамбуле действовало... русское детективное агентство. Его открыл легендарный сыщик Аркадий Кошко, русский Нат Пинкертон, русский Шерлок Холмс, как его называли.

Аркадий Францевич Кошко (1867—1928) — криминалист, начальник Московской сыскной полиции, делопроизводитель Департамента полиции Российской империи, в эмиграции писатель-мемуарист. Кошко оказался за границей человеком давно состоявшимся, заслуженным и уважаемым: один из руководителей имперской полиции (а в 1913 году Международным съездом криминалистов русская полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений), статский советник, кавалер Ордена Св. Владимира.

Однако в Константинополе приходилось начинать жизнь с нуля. Аркадий Францевич вместе с бывшим начальником московской охраны А. П. Мартыновым создал частное детективное бюро. «Розыски по всем делам уголовного характера. Агенты всюду. Все поручения в строгой тайне», — гласила реклама. Кошко начал с консультационных услуг, потом перешел к выполнению заказов частных лиц. Первым делом легендарного сыщика в Турции стал поиск... потерявшейся кошки взбалмошной богачки. Розыск был завершен быстро и с успехом: агентами на этот раз выступили мальчишки из окрестных переулков. Со временем ориентированное на эмигрантов агентство Кошко превратилось во вполне прибыльное предприятие. Знаменитейший детектив Империи самолично находил пропавших домашних животных, выслеживал неверных мужей и жен, выискивал награбленное, давал ценные советы состоятельным господам относительно того, как сберечь имущество.

Гранд базар. Наше время

Те из эмигрантов, кто владел каким-либо ремеслом, открывали собственные ателье. Так, на Пере, по соседству с русским посольством, в помещении, где прежде располагался ресторан «Медведь», работала «Сапожная и балетная мастерская Б. Аблаева». Согласно сохранившемуся рекламному объявлению, здесь трудился «специальный мастер балетных туфель». Шляпная студия принимала заказы в районе Долмабахче, рядом с султанским дворцом и той пристанью, где на рейде стояла яхта Врангеля «Лукулл». На Гранд-базаре работали русские «холодные сапожники». За 10—20 пиастров в течение 5—10 минут производилась починка обуви, владелец коей в ожидании располагался на ступеньках ближайшей мечети.

Постепенно предпринимательство наших бывших соотечественников, до того сосредоточенное исключительно в сфере услуг, охватывало и сферу производства. Две эмигрантские семьи — Супруновы и Сокольские — открыли в пригороде Константинополя первую мукомольную фабрику современного образца, а затем и фабрику по изготовлению сыров. Как видим, сохранилась привычка начинать дело вскладчину, да и изготовлять старались продукты питания (может быть, память о пережитом беженцами голоде толкала к развитию этой отрасли производства?).

Так или иначе, а только в Константинополе век назад началась история одного из мировых брендов пищевой промышленности.

Упомянутый выше Владимир Петрович Смирнов, основатель кафе «Паризиана», где вместе в Валентиной Пионтковской пел в «Прекрасной Елене», справедливо рассудил, что соловья песнями не кормят, и основал завод по производству знаменитой «Смирновской» водки — кульбит неожиданный, вроде опереточной развязки.

В Константинополе, как мы помним, бывший миллионер и известный коннозаводчик оказался почти без средств к существованию. Смирнов, как уже не раз случилось в его биографии, больше похожей на авантюрный роман, показал настоящий русский характер и умение выходить из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Чтобы выжить, он решил заняться алкогольным бизнесом. Тут есть нюанс: за двадцать лет до того Владимир Петрович вышел из семейного предприятия, отказавшись от всех прав. Следовательно, юридически он не мог использовать торговую марку своего отца, о чем между различными ветвями клана Смирновых распри идут по сей день. Впрочем, не будем вдаваться в тонкости маркетинга и лезть в чужие семейные дела. Наша тема — жизнь белой эмиграции в Константинополе.

Первая выпущенная здесь «Смирновская» называлась «Одеколон 80° тройной». Производилась водка в соответствии с рецептурой, составленной основателем фирмы П. А. Смирновым и сохраненной его сыном.

Владимир Петрович лично выбрал форму водочной бутылки и своей рукой нарисовал новую этикетку. Название было написано по-английски специально, чтобы могли прочесть иностранцы — SMIRNOFF. Именно таким образом обозначал свою экспортную продукцию отец. Так и возник запатентованный позже товарный знак.

Ассортимент продукции постепенно расширялся. Вскоре в рекламе новоявленного водочного барона указывалось несколько напитков: «Торговый дом. Быв. Поставщик Высочайшего Двора Петра Смирнова С-н бывш. в Москве у Чугунного моста. Пера. Улица Калионджи-Кулук № 41. Единственная настоящая Водка № 20. Водка № 40. Требуйте везде». Во франкоязычном варианте рекламы упоминались еще два сорта водки — апельсиновая американская № 19 и лимонная № 23, а также содержался совет остерегаться подделок.

С В. П. Смирновым пытались конкурировать два других производителя водки: Кромской и Романенко. Зубровка, рябиновая, перцовка и прочие «настоящие русские водки» заполнили собою все витрины греческих и русских магазинов и ресторанов.

И вроде бы водочный бизнес не может не быть прибыльным, а ведь «не пошло», как говорится. Турки и греки предпочитали свои традиционные «ракы» да «дузико»,

Этикетка Смирнова была нарисована в Константинополе

оккупационные войска стабильную выручку тоже обеспечить не могли. За границей наш национальный напиток тогда еще не распробовали, а работа сразу трех заводов в расчете лишь на эмигрантов не могла окупиться.

После четырех лет предпринимательской деятельности в Константинополе Смирнов переехал в Европу и перенес производство в польский город Львов. Не стало слышно о Кромском и Романенко...

Новые предприятия возникали быстро и также быстро лопались. О своеобразии эмигрантского бизнеса иронично рассказывает А. Аверченко: «Никогда не предлагайте константинопольцу верных дел — они не для него.

От дела, могущего принести 50 процентов пользы, он брезгливо отвернется.

Но в воздушный ресторан на привязном шаре он ринется с головой, с руками и ногами; но на оригинальный симфонический оркестр, составленный исключительно из гермафродитов, он убухает все денежки...

Никогда не пытайтесь убедить его минимальными цифрами затрат; Боже вас сохрани прельщать его скромной, дешевой сметой расходов.

Звоните, бухайте, сверкайте, дерите — тогда он, замороженный, как кролик змеиной головой, — сам бросится вам в пасть.

— Помилуйте, наша прачечная, которую я предлагаю вам открыть, будет лучшая в городе! Десять паровых машин по сорок атмосфер, двести восемьдесят прачек, 102 гладильщицы — все красавицы, как на подбор! Конечно, свой мыльный завод и небольшой участок для посева картофеля — собственный крахмал будем делать. Восемь грузовичков будут развозить белье по всей периферии города, электрическая станция, тройная испанская бухгалтерия!!

Дзинь, бум, трах-та-ра-рах!»

Вот откуда возникли поставленные на широкую ногу русские рестораны в каждом пассаже на Гран-рю-де-Пера, вот откуда в кинотеатрах оркестры в полсотни музыкантов и балетные спектакли в мусульманской стране, вот откуда все эти отблески имперской России на берегах Босфора: фантомные боли потерянной родины, помноженные на прекраснотушные надежды устроить все привычно, прочно, комильфо. Все это мило, может быть, в этом и кроется секрет обаяния нашей эмиграции. Но насколько оторвано от реальности! Все эти прожекты из разряда «по щучьему веленью, по моему хотенью»: за ними не было знания реальной жизни, практического опыта, точного расчета, а потому были они нежизнеспособны.

И все же наши люди с головой бросались в омут коммерции. Как мы отметили, основным ее видом был ресторанный бизнес. Основным, но не единственным. Предприимчивые россияне, объединяясь по несколько человек, открывали ателье, книжные, продовольственные и комиссионные магазины. По свидетельству А. Слободского, происходило это так: «Обыкновенно компания беженцев человека в 3—4, в прошлом адвокаты, купцы, врачи, чиновники, помещики, а иногда и офицеры складывали капитал 100—200 турецких лир и открывали комиссионный магазин. О клиентуре говорить не приходится. Вся беженская масса — вечные клиенты, продавцы своих вещей. Вся союзная армия и моряки с военных судов союзников — вечные покупатели. Все барахло беженского багажа, вывезенного из России, начиная от бриллиантов, золота, старинных картин и вещей старинного русского искусства — все сносилось сюда и продавалось за бесценок. Порой можно было видеть в этих магазинах такие вещи, о которых, вероятно, редко кто слышал. Все это становилось достоянием, главным образом, иностранцев, покупавших ту или иную вещь как «память о русской революции» для подарка кому-либо из близких».

А тем эмигрантам, у кого предпринимательская жилка была не столь развита, чтобы содержать магазин, приходилось довольствоваться малым — торговлей с рук.

Кто-то где-то закупал какой-то товар, но большинство распродало собственное имущество. И это была, конечно, никакая не коммерция — шаг отчаяния, про-

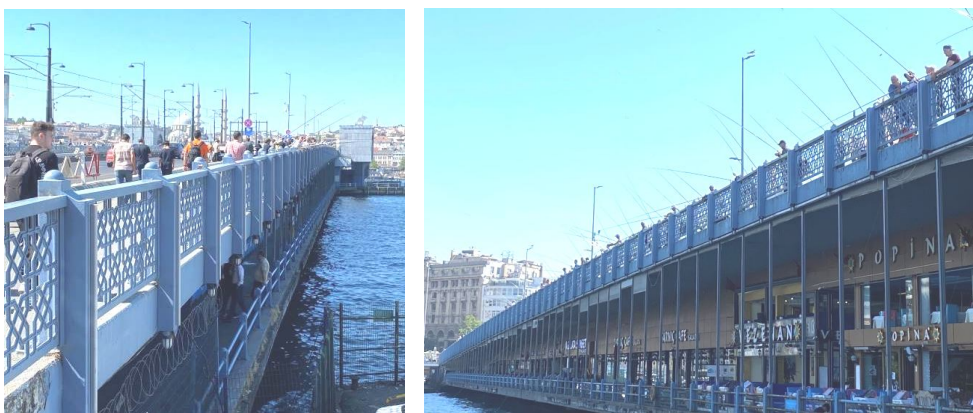
диктованный безвыходным положением беженцев: поесть сегодня, а завтра... Как Бог даст...

На всем протяжении той же «Перской улицы» стояли примелькавшиеся константинопольцам фигуры в потрепанных английских шинелях с торговыми лотками на веревочках, перекинутых через шею.

Лоточники на Гран-рю-де-Пера при случае выполняли функции комиссионеров или агентов других «торговых фирм». За минуту они могли превратиться в продавцов газет. А Слободской вспоминает: «После трех часов у редакции местной русской газетки «Вечерняя Газета» толпа беженцев ожидает выпуска очередного номера газеты. Наконец, газета выдана, и все с криком несутся по улице Пера и дальше вверх и вниз. Среди них резко выделяется беженка, всегда, летом и зимой, в английской мужской шинели и ботинках-дредноутах, с непокрытой головой. До трех часов она — комиссионер по подысканию комнат и квартир, о чем говорит дощечка с надписью на французском и русском языке, повешенная на веревке через шею. После трех часов она снимает свою вывеску и превращается в газетчика».

Книгопродавцы такой мобильностью не отличались. Они раскладывали свой товар прямо на тротуаре или, с разрешения владельца ближайшего магазина, на подоконнике его витрин. Тем, кого букинисты знали лично, книги выдавались на дом для прочтения в оговоренный срок. И за особую плату.

В стихийный рынок превратился даже Галатский (называемый также Стамбульским) мост, перекинутый через бухту Золотой Рог. Журналист из «Зарниц» под псевдонимом Эльпе в заметке «Константинопольские дни» описывал это место так: «Разноязычная пестрая толпа на Галатском мосту. Суетливые мальчишки в измызганных фесках с плитками шоколада, кубиками синьки и связками шнурков. Молчаливые меланхолические «сборщики податей» в своих нелепых капотах...»

Галатский мост в наши дни. Проход бесплатно, торговли нет, рыбалка

В скобках заметим, что за переход с берега на берег сто лет назад городские власти взимали плату (один куруш с пешехода, два с пешехода с крупным багажом). Куруш, т.е. одну сотую турецкой лиры, европейцы, в том числе русские, называли пиастром. Многие эмигранты вспоминают такую деталь: с русских, которых узнавали за версту, сборщики денег не брали. Почему? Кто-то считает, что из сострадания к беженцам, в других источниках есть сведения, что бесплатный проход по мостам Константинополя и бесплатный проезд в трамвае для русских были закреплены в подписанном Турцией акте о капитуляции (?!)...

Так вот, о ярмарке, раскинувшейся на старинной переправе через Золотой Рог, вспоминает А. Слободской: «На Стамбульском мосту, среди вечно шумливой, вос-

точной толпы, расположились те же продавцы-беженцы. Они одиночками стояли и сидели на тротуаре, прижавшись к перилам. Торговали с лотка на ходу всем, что кому попало. На лотках спички, конверты, карандаши, бублики, конфеты, пончики и прочее. Изнуренно-жалкий, оборванный вид продавцов составлял резкий контраст с сытой и хорошо одетой проходящей публикой. Все привыкли к торгующим и проходили мимо, не замечая их. Изредка наиболее сердобольный турок или турчанка покупали ненужную им вещицу и проходили торопливо дальше. Торговавшие здесь беженцы были абсолютные неудачники, почти нищие. Зарабатывали в день 20—30 пиастров, что едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду».

А Эльпе продолжает свою зарисовку: «На Галатском мосту... хрупкая девушка, зябко кутаясь в черный газовый шарф, стоит с маленьким золотым медальоном.

Может быть, там еще вчера был портрет старушки мамы. Может быть, это последняя память о далекой могилке на Перекопе, где стынут под осенним дождем полусгнившие маленькие кресты.

— Ярым лира... Ярым лира.

В больших серых глазах такая печаль...

Гудит Стамбульский базар тысячью голосов, звенят трамваи, зловеще режут гудки автомобилей, и, как ромашка в помойной яме, русская девушка срывающимся голосом бросает в этот хаос криков:

— Медальон... Ярым лира».

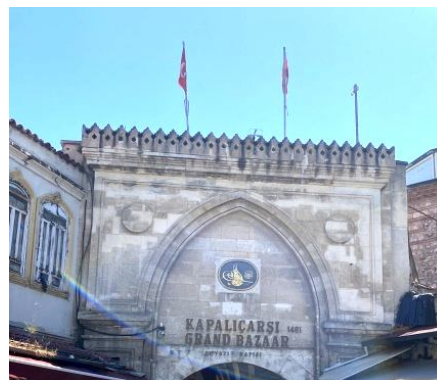
За медальон несчастная беженка просила пол-лиры! Столько мог заработать за день чернорабочий.

А таких среди наших соотечественников было немало. Грузчикам, водовозам, прачкам, уборщицам платили от 60 до 80 пиастров в день. Разумеется, это бесчеловечно мало; и, разумеется, дешевая рабочая сила из России обесценивала труд и местных жителей. Для сравнения: госслужащий в Константинополе вековой давности получал 100 лир в месяц; при этом турки жаловались, что до войны на эти деньги можно было прожить, а после — никак.

Так что эмигранты, получавшие 70—80 лир в месяц, считались прилично обеспеченными. Столько же (около 75 лир) можно было заработать уличной торговлей, если повезет, конечно.

Один из входов на Гранд-базар

«Гран-базар» — «Капалы Чарши» по-турецки

Средоточием такой «коммерции» был «Гранд-базар», по сути, город в городе, несколько улиц киосков, лавочек, магазинчиков (и точек общепита, как мы уже выяснили). Л. Е. Белозерскую это древнее торжище весьма насторожило и даже, пожалуй, напугало. Вот что пишет одна из муз М. А. Булгакова: «Зловещее впечатление осталось

не только от галатских притонов. В описаниях Востока часто рассказывается об оживленных крытых базарах. Но «Большой базар» — «Гран-базар» — «Капалы Чарши» в Константинополе, наоборот, поражал своей какой-то затаенной тишиной и пустынно-стью. Из темных нор на свет вытащены и разложены предлагаемые товары: куски шелка, медные кофейники, четки, безделушки из бронзы. Не могу отделаться от мысли, что все это декорация для отвода глаз, а настоящие и не светлые дела творятся в черных норах. Ощущение такое, что если туда попадешь, то уж и не вырвешься...»

Гранд-базар — крупнейший крытый рынок

А летописец русского Константинополя А. Слободской рассказывает про «Гранд-базар» следующее: «Турки, греки, румыны, матросы союзной эскадры, продавцы и покупатели и среди них русские беженцы ходят с товарами в руках. Все волнуются, кричат на всевозможных языках и движутся одной сплошной массой, справа налево. Посредине прохаживается английская и турецкая полиция, поддерживающая порядок. Изредка кое-где вспыхивают ссоры и драки, но они быстро ликвидируются силами «объединенной» полиции. Мужчины-беженцы в неизменных, обтрепанных английских шинелях, огромных ботинках дредноутах и фуражках блинами. На женщинах остатки прежней российской одежды и на головах платочки. На ру-

ках у всех всевозможные товары, легко переносимые в руках. Вначале вещи, вывезенные из России: обручальные кольца, кольца с драгоценными камнями, часы, цепочки, серьги, столовое серебро, подушки, одеяла, носильное платье и т. д., имели какую-нибудь ценность и могли быть проданы. Первое время сюда шли все, кто хотел что-либо продать и заработать более, чем через магазины. Здесь были все, начиная от барона Шиллинга, распродававшего вывезенные из Одессы ковры, до рядового казака, продававшего свои последние рваные сапоги. Здесь же продавались через агентов, целыми партиями обмундирование и белье, пожертвованное иностранцами для русских и беженцев и украденное ловкими руками из беженских складов. В последнее время, когда уже все свое было распродано, на этом базаре обосновалась группа беженцев, нашедшая свой талант в торговле. Покупали всякую дрянь или просто брали на комиссию в греческих конторах товар и затем здесь все это сбывали. Некоторые превратились просто в «фармазонщиков», продавая доверчивому турку и даже своему брату, беженцу, медные изделия за золотые и стекла за драгоценные камни. В случае быстрого обнаружения обмана, «фармазонщика» ловили и били смертным боем все, кто только находился вблизи».

Многим эмигрантам приходилось зарабатывать мелкими бытовыми услугами. «Положение женщин было лучше, чем мужчин. Они «привились», и их охотно брали на всякие должности, — вспоминал Александр Вертинский. — Мужчинам же найти работу было очень трудно. Они устраивались, главным образом, около ресторанов, чистили картошку или ножи, мыли посуду. Почтенные генералы и полковники охотно шли на любую работу чуть ли не за тарелку борща».

А вот эпизод, описанный В. В. Шульгиным: «Если хотите почистить обувь, то вот чистильщик...

— Combien?

— Пять пиастров будет стоить...

— Вы русский?

— А как же... тут на этом углу все чистильщики — русские».

Понимая, что в Константинополе работу найти крайне трудно, некоторые беженцы

рассеялись по окрестностям города, нанимаясь к местным жителям в качестве пастухов, сторожей, дворников, садовников, лакеев. Работать приходилось по 14—16 часов в сутки, а оплата составляла 10—15 лир в месяц. Но люди соглашались на такие условия и даже были довольны, поскольку имели постоянный заработок и крышу над головой.

Некоторые беженцы нанимались на работу в оккупационную администрацию. Англичане набирали русских исключительно на окопные и земляные работы на позициях, которые возводили вокруг города для защиты от возможного наступления армии Кемаль-Паши. Вербовали также полицейских и шпионов.

Французы сделали ставку на технические навыки наших соотечественников. Вплоть до 1922 года весь их автомобильный транспорт обслуживался русскими беженцами, которые считались состоящими на военной службе, а потому получали полное довольствие солдата, обмундирование и до 40 лир жалованья. По эмигрантским меркам это было вполне приличное существование.

Но нашим существование не подходит! Русскому человеку нужна жизнь, а не существование, иначе он впадает в тоску. Поэтому у полуголодных господ офицеров возникло поветрие «продаваться французам». Суть аферы состояла в следующем. Россиянин заключал контракт в качестве шофера или автомеханика сроком на три года. Жалование выплачивалось вперед. Получив эти деньги, офицер начинал лихо кутить, спускал большую часть аванса, а затем по французским документам уезжал в Африку и поступал в «Иностранный легион». Логика поступка объяснялась следующим образом: «Лучше смерть в Африке от какого-либо дикаря в бою, чем вечная пытка и унижение из-за куска хлеба перед греками и иностранцами. Уехал бы в Россию, но боюсь неизвестности». Да-с... Что тут сказать?.. Загадочная русская душа!

Чем только не занимались наши эмигранты, каких только способов заработка не изобретали! Неизменным было лишь место любой экономической активности русских в Константинополе — все та же Пера, сердце русского Константинополя.

Непосредственно на Гран-рю-де-Пера, известной своими пассажими, находится (и сейчас еще находится!) знаменитый «Цветочный пассаж» — по-турецки, «Чичек

Цветочный пассаж. Наши дни

Здесь, на углу универсама, русские девушки продавали цветы

пассаж» — который и получил свое название благодаря «безз руслар». Прежде универмаг принадлежал Христини Зографосу и считался самым роскошным на всей улице. На панели рядом с магазином Зографоса русские беженки продавали цветы — место вполне подходящее. Разумеется, поползли слухи, что торгуют здесь блестящие в прошлом аристократки и даже одна баронесса. Покупателей на букеты, похоже, было немало, но и поглазеть на русских красавиц, познакомиться с ними находились желающие. Случалось, что барышням приходилось прятаться в галереях от навязчивых турецких кавалеров, и хозяин универмага относился к этому с пониманием. Постепенно цветочная торговля полностью переместилась в сам магазин, позже там же появились цветочные лавки, и название «Цветочный пассаж» закрепилось. Теперь оно является официальным, хотя цветов здесь сейчас не найти.

По-турецки, «Чичек пассаж»

Сегодня цветов здесь не найти

А сто лет назад в Цветочном пассаже велась и нелегальная торговля — эмигранты сбывали оставшиеся у них драгоценности и золото. Впрочем, как мы упоминали, на Пера работало множество русских комиссионных магазинов, в которых те, кто сумел устроиться в жизни, продавали драгоценности, золото, серебро и меха, за бесценок скупленные у менее удачливых соотечественников.

Однако, не все то золото, что блестит. Фармазонщики орудовали не только на «Гранд-базаре», но и в центре Константинополя. То были «центровые», изощренные фармазонщики. А. Т. Аверченко описывает характерный случай в юмореске «Бриллиант в три карата»:

«На Пера около Русского посольства в 4 часа дня я стал свидетелем такого разговора. Бедно одетый человек с открытым лицом спросил:

— Где банкирская контора Иванова?

— А зачем вам банкирская контора? — поинтересовался солидный господин.

— Да вот хочу русский золотой продать.

На лице солидного ясно отпечаталось ненасытное корыстолюбие:

— Сколько хотите? — спросил он, подмигивая мне...

— Пять лир.

— Давайте.

Я пошел вперед, но солидный догнал меня и, очевидно, не смоги сдержать расправшей его изнутри радости, объявил:

— Видали вы такого дурака? Золотой стоит семь с полтиной, а он за пять отдал.

— А у меня еще вещички есть... Не купите ли?

Мой новый знакомый заволновался и толкнул меня по-сообщнически локтем: не будет ли, дескать, поживы?

— Только зайдём под ворота.

И тут в полумгле ворот перед нашими очарованными глазами блеснули из бархатной коробочки два великолепных круглых бриллианта...

— Сколько хотите? — истерически заволновался солидный, даже облизнув запекшиеся губы. — Я куплю.

И шепнул мне на ухо:

— Понимаете... Трехкартники. Чистая вода. Лир по семьсот. Если хотите — уступлю вам.

— Ну, хорошо, я триста лир дам за пару! — засуетился солидный... — Только сейчас в контору сбегаю. У меня тут комиссионно-ювелирная контора. Подождите минутку...

— Увы, голубчик,— вздохнул я.— У меня и всего-то есть пятьдесят лир.

— Ну, давайте.

— Красиво ли это будет,— вскричал я в благородном порыве,— если я воспользуюсь вашей неосведомленностью! Знайте же, о, продавец, что тот господин оценил ваши бриллианты в полторы тысячи!.. Он говорит: чистая вода.

— А Бог с ними... Куда я их дену!..

О, бедное непрактичное дитя! Сердце мое дрогнуло жалостью...

— Вы мне дайте тот, который побольше,— жадно прошептал я.

— Пожалуйста!

Когда же на следующий день я пошел сбывать бриллиант в три карата в ювелирный магазин, хозяин предложил мне всего 15 курушей... Как катастрофически падают цены на бриллианты!»

Одним из видов, как сейчас сказали бы, непрозрачного бизнеса для россиян в Константинополе стало лото. По данным еженедельника «Зарницы», на Босфоре было зарегистрировано 428 киосков, где продавались билеты лото, из которых 121 в Стамбуле, 88 в пригородах, 106 в Галате и 113 на Пера и в Шишли. А это все районы проживания русских. Как видим, дело было поставлено на широкую ногу. Сообщалось, что владельцы лото за день получали в среднем 17 500 лир прибыли. А ведь тоже разорились! «Зарницы» вскрывают тайные механизмы как невиданной доходности лотерейного дела, так и его краха: «До сих пор считалось, что лото не может принести убытка. Однако русские «антрепренеры» доказали противное. Лотошки тоже горят. Говорят, что слишком дорого стоит ладить с полицией. А ладить необходимо, ибо на каждого неполадившего составили протокол за неправильную игру, а это не Россия, чтобы мошенничество с рук сходило. Оказалось, что карт продавалось больше, чем показывалось на доске, и «антрепренер» вместо законных 10 % клал в карман с игры до 30 процентов».

Рядом с Галатской башней, которую век назад было видно из любой точки Константинополя, возникла нелегальная валютная биржа. Первые менялы, бывшие офицеры, оказавшиеся в Константинополе еще до врангелевской эвакуации, работали на лестнице Камондо, соединяющей улицы Войвода и Банкалар (Банковскую). Построенную в стиле арт-нуво лестницу, одну из самых фотографируемых достопримечательностей современного Стамбула, русские называли просто Галатской лестницей. Нелегальный бизнес быстро разросся. К началу 1921 года менялы с пачками русских денег в руках заняли целый квартал. Обменивались все виды русских денег: царские, Временного правительства, белогвардейских правительств, советские. В феврале

1921 года за 1000 дореволюционных («романовских») рублей крупными банкнотами давали 580 пиастров (т.е. 5 лир и 80 курушей). За банкноты Временного правительства номиналом 1000 рублей («думские») — 110 пиастров. Денежные знаки, выпущенные Главным командованием Вооруженными силами на Юге России («добровольческие») ценились меньше. Десятитысячные купюры — 350 пиастров за миллион, пятидесятитысячные — 850 пиастров за миллион. Курсы стремительно падали. Кончилось тем, что вышедшие из обращения деньги пытались продавать на вес. Или в качестве сувениров.

Лестница Камондо. Современный вид

Век назад на этих ступенях
топились валютчики

А. Слободской в мемуарах «Среди эмиграции» так вспоминает работу «валютчиков»: «Еще издали заметив приближающуюся фигуру русского, ближайшие двое трое торопливо бегут к нему навстречу.— Гражданин, продаете? Какие? Сколько? — забрасывают они вопросами озадаченного беженца. Узнав, что у него ничего нет, они разочарованно и медленно возвращаются на свои места. Но если только узнают, что у него имеется «товар» — с ним начинается торговля. Однажды неожиданно пронесся слух, что ген. Шкуро на официальной галатской бирже продал несколько тюков врангелевских и донских денег. На беженской бирже паника. Все стараются друг другу продать, даже по себестоимости, врангелевские и донские, но все уж знают новость, и никто не покупает».

В смутные времена всегда оживляются серебролюбивые мракобесы. Вот и в русском Стамбуле орудовала некая мадам Анжелина Сакко, «ученая оккультистка, ясно-видящая и хиромантка, член оккультных обществ». Занималась предсказанием судьбы, жизни и характера, составлением гороскопов и внушением мыслей на расстоянии. О том, что вера в колдовство среди эмигрантов была весьма распространена, свидетельствуют «Записки Простодушного» А. Аверченко: один из его героев признается, что его «гадалка принаняла. У нее оккультный кабинет: лежу в гробу и отвечаю на вопросы клиентов. Правда, ответы мои глубиной и остроумием не блещут, но все же они неизмеримо выше идиотских вопросов клиентов». Двое других героев сатирика направляются на прием к хироманту...

Еще об одном способе заработка, сколь незамысловатом, столь и неожиданно доходном, поведал в своих воспоминаниях Андрей Седых (псевдоним Якова Моисеевича Цвибака (1902—1994), журналиста, мемуариста, общественного деятеля, главного редактора газеты «Новое русское слово», одно время исполнявшего обязанности секретаря И. А. Бунина). В Константинополе Яков Цвибак оказался в 1919 году, в ноябре 1920 перебрался в Италию. Первое время Цвибак продавал на константинопольских улицах русские газеты. Потом его приятели раздобыли где-то хорошую подзорную трубу и треногу. В тот же день они основали «астрономический бизнес»: прохожие выстраивались в очередь, чтобы недолго посмотреть на Луну за пять пиастров и послушать об этом небесном теле занимательные факты. Суливший успех «стартап» прогорел осенью, когда небо надолго заволокло плотными облаками. И дельцам пришлось вложить все накопления в визы и билеты в другие страны.

Говоря о русском Стамбуле вековой давности, нельзя не вспомнить и о таком анекдотическом предприятии как тараканьи бега. Их сочные описания мы находим на страницах литературных произведений. Вот что пишет А. Н. Толстой в «Ибикусе»:

«Три дня и три ночи Семен Иванович и Ртищев в гостинице «Сладость Востока» ловили тараканов, осматривали, испытывали, сортировали.

Отборные, жирные, голенастые, с большими усами были помечены белой краской, номерами на спинках. Их тренировали, то есть, проморив таракана голодом, брали деревянными щипчиками, ставили на стол. На другом конце стола рассыпались крошки сладкой булки. Голодный таракан бежал. Если он бежал не по прямой — его опять ставили на прежнее место. Затем натренированных тараканов пускали по десяти штук сразу от меловой черты.

Эти состязания оказались настолько азартными, что на третью ночь Ртищев проиграл Невзорову на таракане номер третий, названном Абдулка, новую визитку и котелок.

Визитку, впрочем, пришлось сейчас же продать для приобретения *беговой дорожки*, то есть особой доски, вроде настольного бильярда с бортами, номерами, с колокольчиками и ямками для крошек.

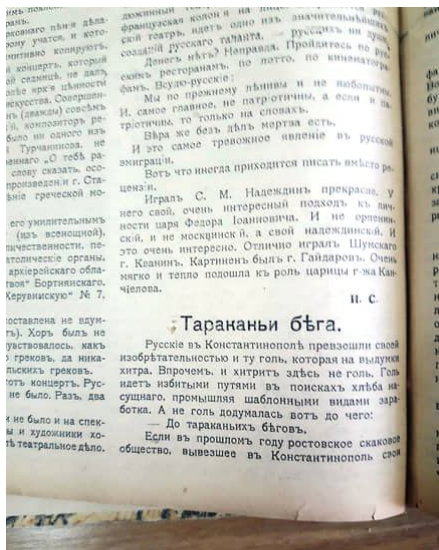
И вот в кофейной грека Синопли появилась над дверью, над портретами Невзорова и Ртищева, вывеска поперек тротуара:

*Бега дрессированных тараканов
Народное русское развлечение.*

Весть об этом к вечеру облетела всю Галату. К дверям Синопли нельзя было протолкаться. Вход в кофейную стоил десять пиастров. Посмотреть на тараканьи бега явились даже ленивые красотки из окошек. Компания английских моряков занимала место у беговой дорожки. Ртищев, держа щипцы в одной руке и банку с тараканами в другой, прочел вступительное краткое слово о необычайном уме этих полезных насекомых и о том, как на масленице ни одна русская изба не обходится без древнего русского развлечения — тараканьих бегов».

А теперь отрывок из рассказа А. Аверченко. Его героиня заявляет, что профессия ее заключается в том, чтобы состоять «при зеленом таракане». Простодушному писателю дама объясняет: «Зеленый таракан меня кормит. Собственно, он не зеленый, а коричневый, но цвета пробочного жокея, которого он несет на себе, — зеленые. И потому я обязана иметь на правом плече большой зеленый бант: цвета моего таракана. Да что вы так смотрите? Просто здесь устроены тараканьи бега, и вот я служу на записи в тараканий тотализатор».

Приведем также авторскую ремарку из булгаковской пьесы «Бег», в которой тараканьи бега стали метафорой эмиграции вообще:

«Поют турецкие напевы, в них вплетаются русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканья бега!!! Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation a Constantinople! Courses des safarads. Races of cock-roaches». Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера», «Commencement, a 5 heures du soir».

В романе Булгакова «Бег» тараканья бега становятся философской метафорой

Кадры из фильма «Бег» (реж. Алов и Наумов)

Картина и впрямь выразительнейшая, так и просящаяся в книгу. Можно ли представить себе более красноречивый символ падения, мельчания нравов, более горький сарказм: вместо благородного азарта ипподромов, воспетого Толстым и Куприным, вместо блеска скачек в императорской России — состязания насекомых. Настолько наглядна эта аллегория вырождения, что поневоле задумываешься: а не литературный ли это прием, не беллетристика ли?

Но нет. Сохранились документальные подтверждения факта устройства в Константинополе подобного тотализатора. В знакомых уже нам «Зарницах» размещена короткая информация (видимо, рекламного характера) под заголовком «Тараканьи бега»: «Таковые проводятся в клубе «Русский маяк», располагающемся на улице Брусса, 40».

Клуб «Русский маяк» нами был упомянут в связи с деятельностью «Союза русских художников», почетным членом которого являлся и директор учреждения гражданин США Александр Аренсон. Дело в том, что аренда здания и вся культурно-массовая работа в клубе курировалась американцами, а конкретно — «Молодежным христианским союзом (М.С.А.)». Головной организацией для константинопольского отделения «М.С.А.» было подразделение в Берлине, оно и назначило на должность А. Аренсона. Тот арендовал здание на улице Брусса и поставил дело на широкую ногу. В штат, кстати, набрали наших же эмигрантов. Заместители директора, администраторы, отвечавшие за работу кружков и проведение концертов, библиотекари, бухгалтеры, кухарки, прачки, судомойки, истопники — все были русскими.

Двери «Русского маяка» были открыты для любого беженца. Членский билет стоил всего 50 пиастров, и обладатель сего документа получал право на вход в клуб и пользование библиотекой-читальней. Организованные в учреждении курсы французского, английского и немецкого языков, занятия спортивного, литературного и драматического кружков были платными. Взималась отдельная плата и за пользование информацией небольшого справочного отдела американского Красного Креста. Цены в столовой (за исключением нескольких десятков благотворительных обедов) были ресторанные и беженцу не по карману. А вот посещение проводимых «Маяком» культурно-массовых мероприятий входило в опции членского билета.

В «Русском маяке» периодически устраивались доклады, лекции, диспуты на религиозные темы. Проводили их священнослужители, пользовавшиеся наибольшим авторитетом среди оставивших родину россиян.

Ежевечерне проводившиеся концерты также собирали в «Маяке» большое количество апатридов. Зал клуба вмещал около двух сотен зрителей, и свободных мест, как правило, не было. Причем передние ряды администрацией всегда предусмотрительно резервировались на случай, если на музыкальный вечер явятся представители верхушки белой эмиграции или русской аристократии. Те, кто располагался на боковых скамьях, «на Камчатке» или на приставных стульях в проходах, глядя на пустовавшие места в партере, подсмеивались: «Американцы, хотя народ и демократический, но князей любят, уважают и ценят».

Устроителям концертов удавалось привлекать лучших русских артистов, проживавших в Константинополе. В первую очередь был востребован репертуар патриотической направленности. Во время исполнения знаменитой песни «Спите, орлы боевые» или отрывков из оперы «Жизнь за царя» наиболее впечатлительные зрители могли прослезиться. Понравившееся произведение требовали повторить по нескольку раз, артиста упорно вызывали на бис.

Интересный факт отмечает А. Слободской в воспоминаниях «Среди эмиграции». Он указывает, что истинные монархисты, хотя и состояли членами «Русского маяка», но пользовались своими членскими билетами исключительно для посещения концертов. А вообще о клубе отзывались неодобрительно, считали его «жидовско-масонской» организацией.

О тараканьих бегах Слободской не упоминает вовсе. Очевидно, тотализатор открыли в «Маяке» уже после отъезда мемуариста из Константинополя. Надо полагать, когда русские постепенно стали перебираться в другие города и страны, деятельность клуба, как и большинства эмигрантских заведений, постепенно приходила в упадок.

Но на каком-то этапе тараканьи бега получили широкую популярность. Проти-

тируем еще один подлинный документ. Вездесущий репортер еженедельника «Зарницы» (материал помещен в выпуске за 8—15 мая 1921 года) рассказывает о состоявшихся забегах. Журналист не только сообщает факты, он и анализирует, и морализирует. Читаем и узнаем, как оно все было на самом деле:

«Русские в Константинополе превзошли изобретательностью и ту голь, которая на выдумки хитра. Впрочем, и хитрит здесь не голь. Голь идет избитыми путями в поисках хлеба насущного, промышляя шаблонными видами заработка. А не голь додумалась вот до чего. До тараканьих бегов.

Если в прошлом году ростовское скаковое общество, вывезшее в Константинополь свои конюшни, пыталось организовать здесь скачки и бега, но прогорело, так как стоимость корма оказалась так высока, что рысаки съедали весь заработок от входной платы и тотализатора, то нынешние предприниматели нашли таких рысаков, которые не съедят выручки.

В центре города. На Пера. В «русском клубе». С разрешения властей, как писали в нашей российской провинции на цирковых афишах. И здесь на самом деле пришлось просить разрешения у «властей» — начальника английской полиции. Но тот, как истинный спортсмен, в восторг пришел от русской затеи. И разрешение на тараканьи бега было дано незамедлительно. Устроить сбор на беженцев, прочесть русский доклад — нельзя, а тараканьи бега — с полным удовольствием.

Итак, с благословения спортсменов тараканьи бега открылись. Огромный зал с колоссальным столом посередине. Это то, что заменяет ипподром. Это — кафародром.

Вокруг стола сгрудились мужчины с лихорадочно блестящими глазами и женщины с раскрасневшимися щеками. Все с неподдельным волнением следят за кафародромом, на котором устроены желобки и по ним бегут тараканы, запряженные в проволочные коляски.

Самые настоящие черные тараканы. Но величины потрясающей.

— В банях собираем...

У каждого таракана свое имя. Вот общий фаворит «Мишель» — зверски поводящий усами. Вот более стройная «Мечта»... Это целый букет имен, где есть все — от большевизма, от эмиграции и от парфюмерии с косметикой и до тихой беженской грусти:

— Троицкий, Люби меня, Лемнос, Безпокойный, Прощай, Люлю и т. д.

У некоторых игроков свои конюшни: в сигарных коробках приносят с собой полукровных и кровных и спешат не опоздать к записи. Рысаков осматривают жюри и некоторых бракуют:

— Лапки широки.

Приносят «конюшни». Зажигают яркий свет на кафародроме. Звонкок. Конюшня — сигарная коробка открывается, и, ослепленные ярким светом, тараканы бегут по дорожке. Публика волнуется. Ведь смысл бегов, конечно, в тотализаторе. Выдачи доходят до ста лир, когда общий фаворит, ринувшись с места, вдруг по дороге останавливается и с недоумением начинает осматривать сгрудившуюся вокруг стола публику. Поводит усами, но ни с места. Звонкок, к столбу пришел никому не ведомый фукс.

Публика торопится к кассе, чтобы поставить на следующий заезд...

Закрыли с 1 мая лотто, около которого кормилось несколько тысяч русских: ведь лотто привили в Константинополе русские. Теперь открыли тараканьи бега. Закроют бега, русские еще что-нибудь выдумают. Где наша не пропадала...»

Тараканьи бега... Какая горькая ирония судьбы! Какой скверный анекдот! Впрочем, где наша не пропадала! Именно так! Трудные времена — обязательно «вакханалия азарта». Видимо, такова психология человека: чтобы избавиться от ужаса текущего момента, необходимо вытеснить негативные эмоции еще более сильными переживаниями, забыться хотя бы на час, хотя бы на полчаса. Для многих ставки пре-

вращаются в подобие анестезии: красное — черное, чет — нечет, повезет — не повезет. Если же азартные игры запрещены законом, то пощекотать нервы можно, испытывая судьбу при помощи самых примитивных приспособлений.

На площади Таксим (это там, где в бывших казармах Мак-Магон открылась ночлежка для беднейших из эмигрантов) наследники героев Пушкина, Гоголя, Достоевского собрали целый парк игровых автоматов начала XX века. Огромный запустевший майдан городские власти придумали разделить на участки и сдавать в аренду любому желающему. Каждый получал возможность на день, неделю или месяц (на тот срок, который ему казался оптимальным) получить в свое распоряжение подходящий по площади клочок константинопольской земли и заняться тем, что могло, как полагал арендатор, принести доход. И тут, как говорится, процесс пошел! Наши предприимчивые сограждане предложили местной публике такое разнообразие аттракционов, что площадь постепенно превратилась в излюбленное место гуляния для небогатых греков и турок, которые после работы являлись на Таксим с женами и детьми, как в парк развлечений.

Больше всего на площади было «крутильщиков», т.е. организаторов лотерей по типу «Колеса фортуны» или «Поля чудес». Вот как описывает «рабочее место» крутильщика А. Слободской: «Подставка-тренога, на ней деревянный круг с диаметром около метра. По всей внешней окружности расположены в порядке, на расстоянии друг от друга, ряд предметов: папиросы, мыло, коробки с рахат-лукумом, бутылки дешевого вина, консервы и пр. Посредине круга на острие насажена железная стрелка, приводимая в движение рукой. Предприятие на полном ходу. Крики «Бир билет — беш гуруш» («Один билет — пять пиастров») оглашали площадь Таксим... Если острие стрелки останавливалось на предмете, на коем лежала марка, то игрок выигрывал и забирал этот предмет. Если же нет, то игрок проигрывал. Здесь же, в толпе, стояли и компаньоны-наводчики, роль коих — привлекать публику, причем, они для большего азарта также принимали участие в игре, как посторонние».

Помимо «крутилок» публику привлекали и другие развлечения: «три листика», «красное выигрывает — черное проигрывает», «корзинка с беспроигрышной лотереей», силомеры, панорамы, воздушные качели. Здесь же продавали пончики, сладости, папиросы и тому подобную мелочевку.

Видя коммерческий успех этих незатейливых забав, русские, вновь прибегая к нашей традиционной кооперации, объединяли свои скудные средства и создавали уже более «монументальные» предприятия: выстроив дощатый барак, в нем открывали кинотеатр, цирк или кегельбан.

Об убожестве эмигрантского цирка вспоминает А. Слободской: «У входа огромный широковещательный плакат, на коем разноцветными буквами говорится, что в этом цирке небывалый в Константинополе и во всем мире номер: «Женская французская борьба», участвуют лучшие силы русских, мадам Галя, Лиза и т. д. Перед началом выходит полуголая женщина, звонит в огромный колокол и на русско-турецком жаргоне кричит: «Эффенди, гельбурда, русс ханум хорошо борьба» («Господа, иди сюда, русская женщина хорошо борется»). Это мадам Галя. На звонок и ее крики быстро собирается толпа зевак, турок и греков. Затем толпа следом за ней вваливается в цирк. Начинается спектакль. Несколько номеров и клоунов в восточном вкусе сменили две русских полуголых женщины. Началась борьба. Наконец одна побеждена и лежит. Толпа дико кричит».

Но это было еще не самое отвратительное зрелище на Таксим. Вслед за эмигрантами сюда пришли местные «предприниматели», зазывая публику в «Паноптикум». Здесь зеваки могли поглядеть на женщину с хвостом и на человека-зверя, который питается исключительно своим мясом. Владельцы «Паноптикума» — греки, экспонаты — русские беженцы...

На той же площади, в казармах Мак-Магон, помимо ночлежки, русско-американского гаража и шоферских курсов, расположилось еще несколько эмигрантских предприятий: ветеринарный лазарет, конюшня и контора ипподрома.

Нет ничего удивительного в том, что бывшие кавалеристы, а также казаки держали в Константинополе лошадей. Нет ничего удивительного в том, что эмигранты пытались возродить в Блистательной Порте одно из своих излюбленных развлечений — бега и скачки. Однако использовать ипподром казарм Мак-Магон по прямому назначению не удалось по причине убыточности затеи. Мы помним, как «Зарницы» писали о скаковом обществе из Ростова, которое привезло в Стамбул собственную конюшню и которое разорилось. При первой же попытке проведения скачек с русским размахом весь доход от входных билетов и тотализатора оказался «съеден» скакунами — в буквальном смысле овес оказался чрезвычайно дорог.

Потом задумали устроить скачки с местным колоритом — на верблюдах. И снова финансовые неурядицы помешали воплотить задуманное. Наконец на ипподроме провели казачий праздник: выездка, джигитовка, соревнования наездников. Все как положено. Однако и на этот раз проданные билеты не покрыли расходов. Дело в том, что мало кто из эмигрантов готов был потратиться, чтобы посмотреть на конноспортивные состязания либо сделать ставку, а местные жители не имели вкуса к подобным зрелищам. Да и прижимисты были.

В одном из стамбульских очерков А. Т. Аверченко герой жалуется, что разорился из-за крайней скарденности коренных константинопольцев: в финансируемом им кафешантане с многочисленным персоналом и роскошными концертными номерами турки и греки, не заказывая у официантов ничего другого, кроме газированной воды, с удовольствием досматривали до конца всю программу, а затем быстренько переходили в соседнее заведение на подобное же представление (думается, в данном случае мы имеем дело с художественным переосмыслением личного опыта автора, который одно время тоже пытался получать доходы от открытого им варьете). Другой персонаж простодушного писателя, вносящий непомерно высокую плату за убогую комнату, горько сетует: «Я бы еще понял грека, если бы он, «заработав» на русском, спустил потом легко нажитые деньги в каком-нибудь русском же ресторане — не таков грек. Содранную с нищего русского лиру он, озираясь, прячет в кошелек, кошелек в чулок, чулок в шкатулку, шкатулку под паркет, паркет накроет ковром — и тогда сам черт не достанет этих денег...»

В пьесе М. А. Булгакова «Бег» есть запоминающийся эпизод:

Люська: У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты!..

Чарнота: Замолчи.

Люська: Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертовы!

(Уходит в галерею).

Чарнота (один): В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра.

(Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурки).

Чарнота: До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с нею, наши русские лучше, определенно лучше.

(Зажигает окурки и уходит в галерею).

Л. Е. Булгакова-Белозерская, чьи рассказы о Константинополе и легли в основу пьесы, действительно придерживалась мнения, что греки крайне неохотно расстаются со своими пиастрами; об этом пишет она и в своих мемуарах.

К похожему выводу пришел А. Слободской. В своей книге «Среди эмиграции» он вспоминает сцену, неоднократно виденную им в самом центре Гран-рю-де-Пера: «Около турецкого лица в холод, жару, дождь вечно сидит слепой солдат и, оглушая проходящую публику звуками валторны, играет вальсы: «Березка» и «На сопках Манчжурии». Около него всегда толпа праздных зевак, турок и греков. Прослушав

всю «программу концерта», все моментально расходятся и редко кто бросит пиастр ему в фуражку».

Итак, попрошайничество и даже прямое нищенство, тотализатор, сомнительные лотереи, «три листика»... Наконец, надо рассказать еще об одном способе снискать хлеб насущный, который использовали эмигранты сто лет назад. Из песни слова не выкинешь: не всегда русские беженцы в Турции (как и любые другие беженцы в любой другой стране) оставались в рамках полулегальных предприятий или афер. Иной раз занятия были прямо криминальные. По Константинополю ходили слухи, что в кабаре «Черная роза» сквозь пальцы смотрят на пристрастие посетителей к опиуму и кокаину. Этот белый порошок пользовался спросом у эмигрантов (да и Вертинский не скрывал, что на определенном этапе своей биографии испытывал зависимость), так что на улице Пера кокаином приторговывали, и тоже эмигранты.

Вот что об этом пишет очевидец. Вновь передадим слово А. Слободскому: «Беженцы, одетые очень прилично, ничем не выдают свою профессию — продавцов кокаина. Их знает только определенная группа «потребителей», через которых возможно приобрести «порошок». Но, несмотря на ряд предпринимаемых предосторожностей, они нередко бывают вылавливаемы английской или французской полицией. Отбыв два-три месяца наказания, они вновь появляются на углу с кокаином, но становятся более осторожными».

Каштаны на Пера жарят и сейчас... но оккупанты никого не обижают

Тут надо сказать о взаимоотношениях полицейских и нашей эмиграции вообще. Поскольку Константинополь считался покоренным городом, местные власти мало влияли на ход событий. Всем заправляли оккупационные администрации в определенных актом о капитуляции секторах: «французском», «английском» и «итальянском». В каждом секторе действовали собственные силы правопорядка. Доставалось от них, конечно, прежде всего туркам. Вот какая уличная сценка запомнилась А. Вертинскому: «Победители» (*так в тексте: победители в кавычках — И.К.*) демонстрировали свою мощь. На углу, около кафе Токатлиана, старый турок жарил каштаны на маленькой жаровне и плакал. Один из «победителей» толкнул его жаровню — она мешала ему пройти, — и каштаны рассыпались по мостовой».

Но и с беженцами блюстители порядка не церемонились, проявляя порой самые низменные свои наклонности. При этом эмигранты различали степень зверства полиции в зависимости от ее национальной принадлежности.

«Добрými полицейскими» русские считали итальянцев. Те на многое закрывали глаза, служебного рвения не выказывали, напротив, случись какая заварушка — предпочитали обойти место происшествия окрестными запутанными переулками. И даже когда криминальный эпизод приходилось регистрировать, ведение дела и вынесение решения итальянцы перепоручали союзникам.

Американские копы выходили только на патрулирование в припортовых районах, и главной их задачей было подбирать у притонов Галаты мертвецки пьяных моряков из США и доставлять в безопасное место.

Зато за двоих старались англичане и французы. Летописец константинопольской эмиграции А. Слободской свидетельствует: «Английская полиция и французская жандармерия были настоящей грозой и пугалом не только для местного населения — турок, но и для русских беженцев. Наибольшей жестокостью и осведомленностью отличались англичане и французы. Помимо своей собственной, хорошо поставленной, тайной агентуры, на вербованной из состава местного населения и, главным образом, из среды греков, в их распоряжении находилась и русская контрразведка, выехавшая из России после эвакуации Новороссийска со всеми своими аппаратами и материалами».

На хорошее жалование пошли служить в оккупационную полицию многие русские аристократы, прекрасно знавшие иностранные языки. Нередко облаченный во французскую либо английскую униформу полисмен общался с кем-либо из эмигрантов на родном языке: это был бывший князь, граф, барон... А. Слободской утверждает: «Этих русских беженцев ненавидели сильнее, нежели союзную полицию. В свою очередь они мстили беженцам за это, когда кто-либо попадал в их руки. Самыми реальными и лучшими службистами были в полиции русские. Бесконечное количество арестов и смертей, в особенности после эвакуации Врангеля, было дело их рук».

Мемуарист вспоминает такой эпизод: «Однажды на улице «Банков» дрались с ожесточением два грека. По обыкновению около дерущихся образовалась толпа. В числе зевак стояли несколько русских. В самый разгар драки группа полицейских англичан поравнялась с толпой и неожиданно на толпу посыпался град ударов резиновыми палками. Били по головам, по лицу, по чем попало, с чисто английским спокойствием и хладнокровием. Один удар пришелся и по спине русского, который, обернувшись, в свою очередь ударил кулаком по физиономии ближе стоявшего англичанина. Затем, остановившись и точно узнав нападавшего англичанина, набросился на него с кулаками, со словами: «Ах, ты, сволочь продажная, гороховая твоя душа...» Подоспели оставшиеся два англичанина. Началось мерзкое и бесчеловечное избивание русского англичанами. Избитого, окровавленного русского в бессознательном состоянии усадили в проходивший автомобиль и увезли в «кроккер».

Английская полиция действовала совершенно бесцеремонно и в отношении местных жителей, и в отношении русских беженцев. По любому поводу полисмены врुбались в толпу и начинали бить резиновыми палками по голове, по лицу мужчин, женщин — всех, кто попадал под руку, и до тех пор, пока толпа не рассеивалась в разные стороны».

Вот еще один случай дикого поведения английских полицейских. Им было поручено нести охрану в открытом оккупационными властями пункте выдачи санитарных виз. Но вместо поддержания общественного спокойствия «бобби» развлекались следующим варварским способом: у выхода из организации дюжина англичан выстроила «живой коридор», и когда ничего не подозревавший посетитель проходил мимо, его хватили за шиворот и перекидывали от одного полисмена к другому, пока последний ударом кулака не вышвыривал несчастного на лестницу. Все это «прохож-

дение сквозь строй» сопровождалось азартными криками и хохотом. Такому издевательствам подвергся и получивший визу русский офицер. Приведем свидетельство А. Слободского: «Весь бледный и трясущийся от гнева и оскорбления, офицер обернулся и хотел что-то сказать, но получил еще удар прикладом винтовки. Стоявший здесь же какой-то турок, перед тем вышедший оттуда таким же способом, подошел к офицеру и быстро по-французски сказал, чтобы он уходил, иначе его арестуют и избьют. Ни слова не говоря, офицер вышел и уже на улице разрыдался. Немного успокоившись, он рассказал все происшедшее с ним своим подошедшим товарищам и добавил: «Три года безвыходно я пробыл в окопах в Германскую войну, имею Георгия, был в плену у немцев, но со мной так никогда и никто не обращался, как эти мерзавцы...»

Страшными местами в Константинополе столетней давности были временные изоляторы, открытые союзническими полициями. На романских языках эти узилища назывались «секстьон», а по-английски — «кроккер». Содержание там наши беженцы сравнивали с пребыванием в средневековой камере пыток.

Сегодня здание, где располагался кроккер, выглядит мирно, хотя решетки сохранились.
А сто лет назад здесь англичане мучили русских

В пыточном деле особенно усердствовала французская жандармерия. Ее «секстьон» располагался в центре жилого квартала, и ночами в соседних домах жильцы слышали страшные крики и стоны замученных людей. Это палачи учили русских «патриотизму», каковой, по их мнению, у нас отсутствовал, а также мстили «за измену общему делу» после выхода России из Первой мировой войны...

Но пора нам вернуться на Таксим и в наши дни. Сейчас обширная площадь забыла русских «крутильщиков», русских наездников, русских шоферов. Но двух русских помнит крепко, и не сказать о них нельзя, хотя к белой эмиграции те отношения не имели.

В самом центре просторного майдана ныне расположен монумент «Республика», представляющий собой многофигурную композицию, обращенную на все четыре стороны света и рассказывающую об этапах становления Турецкой Республики. И среди бронзовых фигур, стоящих позади памятника Ататюрку, развернутого лицом к проспекту Истикляль (проспекту Независимости), мы находим скульптуры наших соотечественников. Однако не апатридов, а политиков и военачальников. Один из них — К. Е. Ворошилов, в представлениях не нуждающийся, другой же достоин отдельного упоминания.

Это Семен Иванович Аралов (1880—1969), человек удивительной судьбы: пра-

порщик русско-японской и полковник Великой Отечественной, член РВС в годы гражданской и один из создателей советской военной разведки, в разные годы сотрудник Троцкого и Чичерина, трижды Посол, которого перед командировкой напутствовал Ленин.

А на момент установления дипломатических отношений между РСФСР и Турцией — полномочный представитель Советской России в этой стране. Именно ему, Семену Аралову, создатель современной турецкой политической нации Ататюрк обещал: «Пока я жив, в Турции не забудут, чем мы обязаны России». И действительно, генерал Мустафа Кемаль столь высоко ценил помощь нашей страны своему молодому государству, что при утверждении проекта памятника «Республика» лично распорядился отлить в металле посланца дружественной страны в знак благодарности за политическую, военную и финансовую помощь.

Монумент «Республика» на Таксим

Фигура в фуражке в третьем ряду за спиной Ататюрка — С. И. Аралов

Позволю себе привести здесь стихотворные строки, написанные от лица С. И. Аралова и посвященные нынешнему его преемнику, работающему в наши дни в русском дворце Стамбула, Генеральному консулу России в Стамбуле Андрею Вячеславовичу Буравову:

*Я — Аралов.
Если по званию —
Советской России полпред.
Появился я
в этом здании
Тому уж назад
сто лет.
Целый век уж
Россия с Турцией
То в дружбе,
а то во вражде.
Целый век дипломаты
крутятся*

Белками в колесе.
Как и Вы,
я крепил отношения
Со Стамбулом
и с Анкарой.
Находил я всегда
разрешение
Споров
с этой восточной страной.
Мы с Вами,
товарищ консул,
Легкой жизни давно не ждем,
Но решим мы
любые вопросы,
Не прогнемся
и не подведем!
Пусть навалятся
дел наших груды
Так,
что трудно бывает дышать,
Пусть мешают враги и цуды,
Главное —
не отступать.
Мы сильны
своими идеями,
Хоть по-разному их зовем.
Всяких нытиков с фарисеями
За собою
мы не зовем.
Нам надо,
товарищ,
держаться.
Ни пяди нельзя нам сдать.
Нынче
в мире
опять
ситуация:
Жить России
или пропасть.
Потому Вам
здоровья железного,
Поддержки Вам
здесь и в Москве
На посту,
где так много полезного
Уже сделали,
забыв о себе.
Ну а если вообще
— завал,
Если будет совсем
невмочь,

Коллега,
я
обещаю Вам
Прийти
вновь
 сюда
 и помочь.
Я ведь
 бронзовый
 рядышком тут,
Я на площади,
 на Таксим.
Я дойти
 не сочту за труд,
Без извозчика,
 без такси.
С постамента я слезу,
 кряхтя,
Пусть подвинется Ататюрк.
Потесню я слегка
 вождя,
Коль нуждается в помощи
 друг.
Истигляль
 мой отчетливый шаг
Эхом вспугнутым
 повторит.
У нас принято
 только так.
Мы бросать
 не привыкли
 своих.
Комендант!
 Ворота открыть!
Монументу
 проход
 и почет!
Никому нас
 с ходу не сбить.
Я приду
 и подставлю плечо!

Но это уже, как говорится, другая история...

Центром русской эмиграции Константинополь оставался недолго. Осенью 1922 года Великое национальное собрание Турции приняло постановление об ограничении срока пребывания русских беженцев в стране пятью годами. До 1927 эмигранты должны были либо принять турецкое подданство, либо покинуть страну. Впрочем, учитывая тесные связи кемалистской Турции и ленинской России, для беженцев появился еще один вариант: принять гражданство СССР и переехать на родину. Надо сказать, что определенное количество апатридов воспользовались такой возможностью. Однако большая часть эмигрантов отправилась далее своим путем изгнанников — на Балканы, в Чехию, Германию, Францию, Северную и Южную Америку...

С оставшимися обращались жестко. С осени 1925 года власти Турции принимали декрет за декретом, в которых иностранные подданные и лица без гражданства существенно ограничивались в правах. Были намечены крайние сроки пребывания беженцев в стране победившего кемализма. Правда, сроки эти неоднократно переносились: 6 февраля 1928, 6 февраля 1929, 1 января 1930... Видимо, руководители Турецкой Республики понимали, что россияне приносят немало пользы их стране.

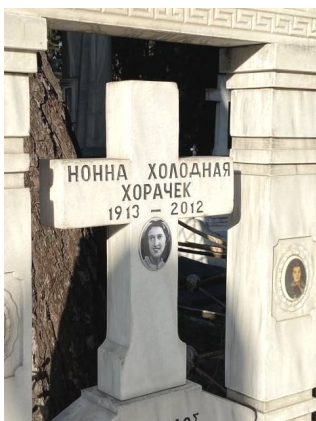
Но все же эмигранты должны были принять решение. Остаться разрешалось только тем, кто стал мусульманином, получил турецкое гражданство, имеет капитал или редкую в Турции профессию. Россиян, входивших хотя бы в одну из упомянутых категорий, понятное дело, было немного. Из сотен тысяч беженцев, прибывших в Константинополь в двадцатых годах прошлого века, к 1936 году здесь осталось лишь 1015 семей. Из них в турецкое гражданство вступило 986. Русского Стамбула больше не существовало.

Кладбище стамбульского района Шишли. На этом месте хоронили россиян еще в XIX веке.

А вот русских могил на берегах Босфора осталось немало. Часть тех беженцев, кто так и не покинул Турцию, обрели покой на греческом кладбище стамбульского района Шишли; много на местных памятниках имен, написанных нашей родной кириллицей... На этом месте хоронили россиян еще в XIX веке: упокоился здесь и почивший в бозе консул Российской империи в Адрианополе, и курьер императорского Посольства в Поре (с супругой). Но таких могил единицы, а вот далее началось... Боюсь, землекопам при православном погосте сидеть сложа руки не приходилось. На памятниках высечены имена, фамилии, трогательные слова прощания... Рождение большинства погребенных датировано концом позапрошлого столетия, а время кончины — тридцатые, пятидесятые, шестидесятые годы столетия двадцатого, потрясенного войнами да революциями. Начертанных на крестах, плитах, склепах имен покинувших наш бранный мир белоэмигрантов первой волны я не встретил. Надо полагать, бездомных да беспаспортных горемык, о которых рассказано в этом очерке, погребали, где придется. Чтобы найти вечный приют на помпезном кладбище в Шишли, куда в наши дни экскурсии водят, надо было закрепиться в Царьграде, до-

биться должного социального статуса. И ныне, проходя вдоль рядов могил, хочется остановиться у каждой: где-то склонить голову, где-то отвесить поклон, где-то отдать воинское приветствие: офицеры пехотных полков, капитаны дальнего плавания, аристократы древних родов, священнослужители, артисты, художники... Аверченко писал, мол, грустно станет в городе, когда уедут русские. Не уехали. Остались... Это ведь теперь тоже (и навсегда!) русский Константинополь — пядь турецкой земли, в которую легли наши соотечественники.

Русские могилы
в Константинополе...

...офицеры...

...артисты...

... аристократы...

...моряки...

Современный Стамбул — подобие машины времени. Все в нем пропитано древностью, которая не собирается становиться прошлым. Как и век назад, на Гран-рюде-Пера (сейчас — проспект Истикляль) отчаянно трезвонят трамвайчики, кажется, те же самые, что бегали здесь сто лет тому назад. Маршрут ретроtramвая соединяет районы площадей Тюнель и Таксим, двух площадей, в 1920-е ставших полюсами русского Константинополя.

По маршруту Тюнель — Таксим можно по рельсам прокатиться и сегодня. Отправившись от прилегающей к Галате скромной площади Тюнель, где, как мы помним, располагались редакция А. Аверченко и бюро ОСВАГ, громко трезвонящий вагончик провезет вас через весь русский Царьград: мимо кондитерской «Петроград», мимо

Трамвай на Пера 100 лет назад

Трамвай на Пера в наши дни

бывшего посольства Российской империи, мимо Цветочного пассажа, мимо варьете «Черная роза» — к огромной площади Таксим, где давно уже скрыты казармы, служившие беженцам ночлежкой, и возвышается монумент «Республика»... Как весело заливается звонок трамвайчика! Как легко уехать на нем на сто лет назад, в самое сердце русского Стамбула!..

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН!

Арктическая фантасмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

В МИРЕ ДЕТЕЙ

В театре жизни единственные настоящие зрители — дети.

Владислав Гжещик

После хулиганской выходки с тремя письмами русский поселок ничем не давал о себе знать, если конечно не считать еще одной дурацкой шутки. Из Баренцбурга позвонил какой-то хриплый голос и объявил о том, что власть в поселке все-таки перешла в руки каких-то украинских патриотов, а потому норвежской администрации предлагалось немедленно признать новый режим со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда Бустад доложил о звонке, Юнглинг не придал ему никакого значения.

Но вот прошли еще два дня, и он стал испытывать беспокойство. Несмотря на то, что русские доставляли ему в основном одни неприятности, он успел привыкнуть к ним — без них жизнь казалась бы пресной. Рыбацко-крестьянская натура норвежца постоянно требовала эмоциональных встрясок. Он нажал кнопку селектора и вызвал переводчика. Через минуту Сверре Бустад стоял перед ним в солдатской стойке, ожидая команды. Бустад совсем недавно окончил школу военных переводчиков и не успел еще стряхнуть с себя усвоенные в школе курсантские манеры.

— Сверре, позвони консулу Еремкину и узнай, что там у них.

— Я пытался, господин сюзсельман, но никто не отвечает.

— Что за чертовщина! Не исправна телефонная линия?

— Возможно, но маловероятно. Я думаю, неполадки можно было бы уже давно устранить. Телефон молчит три дня.

— Кто-нибудь был у нас из Баренцбурга в эти дни?

— Кажется, никто. Был директор рудника «Пирамида», но он сразу убыл обратно. Зашел повидаться с супругой в больницу и тут же отплыл на своем буксирчике.

— Гмм... Погода стоит отличная. А что «Арктикуголь»?

— Я могу позвонить Коршунову или Трегубенко.

— Давай. Да не ходи ты куда, звони от меня.

Переводчик набрал номер и приложил трубку к уху:

— Алло! Говорит контора сюзсельмана. Будьте любезны, позвоните господина Трегубенко. Что? Странно. Ничего не объяснили и положили трубку.

— Звони директору шахты.

— Алло! Господин Коршунов? Нет? А кто это? Кравченя? Какой Кравченя? Позовите, пожалуйста, директора Коршунова. Что-что? Арестован? Кем и когда? Что-что? Извините, повторите еще раз. Шура? Что это такое? Ничего не могу понять! Вы можете объяснить подробней? Так, так, та-а-ак...

Сверре Бустад замолчал и медленно положил трубку на место.

— Ну что ты стоишь как истукан и молчишь? — взорвался Юнглинг. — Что они сказали?

— В Баренцбурге произошел переворот... Власть захватил какой-то комитет под названием «ШУР» во главе с каким-то Романом Кравченей. Трегубенко и Коршунов под арестом.

— Переворот? Ты правильно понял?

— Да, содержание я понял правильно, сомнений нет. Только, может быть, это шутка какая? Впрочем, помните письмо, в котором нас предупреждали о претензиях украинских националистов? Неужели все это возможно у нас?

— Да, с русскими не соскучишься! Где консул Еремкин?

— Я не спрашивал, но вероятно...

— Понятно. Где Андерсен? Найди мне Андерсена. Срочно.

Бустад ушел, а Юнглинг нервно зашагал по кабинету. Андерсена нашли в аэропорту, и он смог приехать только через пятнадцать минут.

— Андерс, у русских в Баренцбурге происходит какая-то ерунда. Мы только что разговаривали с каким-то Кравченей...

— Это начальник порта в Баренцбурге, господин сюзсельман.

— Ага. Только, судя по всему, он теперь у них самый главный.

Юнглинг кратко ввел полицейского в курс дела. Невозмутимый Андерсен воспринял новость, не моргнув глазом. Если бы ему сказали, что через пять минут на архипелаге начнется конец света, он и тут не повел бы и бровью и только справился бы у шефа, какие будут указания.

— Одним словом, Андерс, срочно вылетай в Баренцбург и узнай подробней, что там происходит. Возьми с собой Бустада и пару крепких ребят с оружием. Это не значит, что ты должен его применить, а так, на всякий случай. Мы еще не знаем, чего можно ждать от украинских националистов.

— Бендеровцы были очень жестокими парнями.

— Бендеровцы?

— Ну, сторонники Бендеры, который сотрудничал с гитлеровцами.

— Черт с ними, с бендеровцами. У нас тут не Украина, а подконтрольная Норвегии территория. Мы не потерпим тут никакой самодеятельности. Надеюсь, тебе все ясно?

— Так точно, господин сюзсельман.

— Ну, тогда иди не задерживайся. Сейчас десять часов семнадцать минут. Жду тебя с докладом не позже 14:00. Справишься?

— Постараюсь, господин сюзсельман.

— Давай. Если что серьезно, выходи на связь по радио. Но лучше этим каналом не пользоваться. Дело пока не совсем ясное, и любая утечка информации пойдет нам только во вред. Все. Жду. Пока.

Андерсен с помощниками укатил в аэропорт, а Юнглинг попытался заняться текущими делами, но это у него никак не получалось. Он позвонил своему заместителю и спросил, не бывал ли кто из норвежцев в русском поселке последние три дня.

— Нет, господин сюзсельман, — ответил Тун. — Вчера туда пешком ушли двое американских географов.

— Янки? — всполошился губернатор. — Этого еще не хватало! Ты уверен, что они географы?

— Скорее — нет. Андерсен шепнул мне, что это наверняка ребята из ЦРУ.
— Так какого же черта он мне ничего не сообщил о них? Он только что был у меня.
— Служебная тайна, господин Юнглинг.
— А почему он предпочел посвятить в нее тебя?
— Приятельские отношения, господин сюзсельман.
— Я вот взгрею вас обоих, как следует, и отправлю в двадцать четыре часа на материк, тогда вы узнаете, что такое служебные, а что — приятельские отношения.
— Виноват, господин сюзсельман. Больше этого не повторится.
— Ты знаешь, что происходит в Баренцбурге?
— Да, мне только что сообщил об этом Андерсен.
— А на «Пирамиде»?
— Там все по-старому. Я разговаривал с директором, но он, кажется, ничего не знает.

Юнглинг покашлял, подумал и положил трубку на место. Судя по всему, Тун тоже из ПОТ* и приставлен к нему на всякий случай для наблюдения. Иначе чем объяснишь такие тесные отношения между ним и Андерсеном? Ну, дела!

Он набрал номер телефона Трюггвельда:

— Ингве, привет. Как у тебя дела на радиостанции? Нормально? Слушай, ты не замечал никакой активности русских последние два-три дня? Все тихо-спокойно? Гмм... Ничего, продолжай в том же духе. Если заметишь что, звони.

Отсутствие информации о положении в русском поселке не давало губернатору покоя, но до возвращения Андерсена никак этому помочь было нельзя, и Юнглинг, закулив сигару, углубился в текущие дела и слегка успокоился. К двум часам он опять начал заметно нервничать, хвататься за кофе и курево, звонить дежурному, чтобы узнать, не возвратился ли посланный в Баренцбург эмиссар.

Эмиссар вернулся к четырем часам.

— Ну что — как? — набросился на него Юнглинг. — Почему опоздали?

— Никак, — устало произнес Андерсен. — Нас просто не пустили в поселок.

— То есть?

— А очень просто. На пути нашего джипа вырос бульдозер и перегородил дорогу. Мы долго и безуспешно вели переговоры с бульдозеристом, но тот только отмалчивался или ссылался на указание вышестоящего начальства, которое запретило пускать всех иностранцев в поселок.

— Это черт знает на что похоже! Такого унижения мы не испытывали даже при большевиках! — взорвался Юнглинг. — Они что там совсем голову потеряли и не соображают, что могут находиться на Шпицбергене только с нашего соизволения!

— Мы бросили джип и пошли в поселок пешком, — невозмутимо продолжал рассказывать полицейский начальник. — В гостинице никого из бывшей администрации треста мы не нашли. Потом выяснилось, что Трегубенко сидит под арестом вместе с директором Коршуновым. Всем заправляет бывший начальник порта Роман Кравченя. Мы потребовали встречи с ним. Этот тип принял нас в кабинете директора и в качестве первого и неперемного условия для всякого рода сношений выдвинул требование о немедленном признании Норвегией украинского режима в Баренцбурге. Так, Сверре? — обратился он за помощью к переводчику.

— Так точно, господин комиссар, — подтвердил Бустад. — Господин Кравченя, ссылаясь на решения так называемой ШУРЫ, категорически заявил, что пока мы не признаем новую власть, никаких контактов с нами он поддерживать не собирается. Далее: в Баренцбурге начинается кампания по этнической чистке населения. Все жители поселка должны пройти проверку на лояльность киевскому режиму, на знание

* Служба контрразведки Норвегии.

украинского языка и принести присягу президенту Кравчене. Большинство из них этим требованиям не подчиняется, в связи с чем их наказывают, лишают даже трехразового питания или сажают под арест.

— Кошмар! Это грубое нарушение Конвенции по правам человека, это... А что с консулом Еремкиным?

— Консульство заблокировано пикетом шахтеров. Впрочем, русские граждане, которые не согласны с новым режимом, беспрепятственно проходят в здание консульства. Беженцев, говорят, скопилось человек двадцать. Стесненные условия проживания, нехватка продуктов и лекарств грозят болезнями и голодом. Сотрудники консульства не получают продуктов питания, их не пускают в поселок, телефонной и прочей связи с внешним миром они полностью лишены до тех пор, пока, как нам объяснил все тот же Кравченя, от России не поступят конструктивные сигналы о сотрудничестве.

— Конструктивность в понимании новых властей означает безоговорочную передачу всех движимых и недвижимых ценностей рудника в распоряжение украинского правительства в Киеве, — уточнил Андерсен.

— Из консульских в поселок выходят лишь дети, — сообщил Бустад. — Нам удалось поговорить с детьми вице-консула Кирпичева. Они сообщили, что консульство сможет продержаться на старом запасе продуктов еще несколько дней, но просили срочно доложить о случившемся послу России в Осло.

— Кто просил — Еремкин?

— Нет, дети вице-консула.

— Не понял. Причем тут дети?

— Вероятно, они действуют по указанию Еремкина, — догадался Андерсен.

— Вы знаете, что в Баренцбурге находятся двое американцев?

— Да, господин сюзсельман, — неохотно признался Андерсен. — И по полученным косвенным данным, их поведение можно расценить... гмм... их поведение наводит на некоторые неприятные размышления. Роман Кравченя утверждает, что Вашингтон принимает энергичные меры к тому, чтобы утвердить свое влияние на Баренцбург и взять его под свою опеку. Как я понимаю, господин сюзсельман, это подрывает юридическую основу Парижского трактата, согласно которому Норвегия получила право контроля за всем архипелагом.

Наступила тишина, которую нарушало лишь мерное тяжелое дыхание губернатора. Комок гнева временно заблокировал двигательную-моторную и речевую функцию его могучего организма, и все ожидали от хозяина Свальбарда немедленной и однозначной вербальной реакции на доклад. Но взрыва со стороны начальника не последовало.

— Хорошо, господа. Вы свободны. Благодарю за службу. Я вас скоро позову.

Юнглинг отпустил их мановением руки, а сам устало опустился в кресло.

Он неподвижно — словно в забытьи — сидел несколько минут, а потом резко встал, набрал номер телефона министра юстиции в Осло и хриплым голосом прорычал:

— Фру Симонсен? Дайте мне срочно министра. Совещание у премьера? Не обращайтесь на это внимания. Найдите мне его и, во что бы то ни стало, выдерните из этой паршивой говорильни. Да, да, я не оговорился: из этой паршивой и бесполезной говорильни! Скажите, у меня тут чрезвычайное происшествие, от которого зависит норвежское присутствие на архипелаге. Все. Я жду.

Управлять архипелагом Юнглингу до сих пор было совсем не сложно. Нужно было только чтобы всякий раз, когда возникала необходимость согласовать то или иное решение с Осло, чтобы хорошо работала связь с материком и чтобы была обеспечена поддержка в министерстве юстиции. Телефонная и прочая связь с материком работала безупречно, и у Юнглинга, известного в чиновничьих кругах под кличкой Старого Лиса, были свои люди в столице. Но ведь поддержка наверху — всегда не-

надежное и достаточно непостоянное явление. Сегодня она есть, а завтра, извините, нет! Эту поддержку надо было обеспечивать и сохранять постоянным радением, смелыми решениями и своевременными умными ходами на шахматной доске самоуправляемой территории Свальбарда. Несмотря на небольшое население архипелага, приходилось решать вполне серьезные государственные вопросы, а в условиях «полярки» это было не каждому под силу. На Шпицбергене пересекались интересы более десятка ведомств и организаций Норвегии, не говоря уж об интересах иностранных государств, и чтобы проследить за всеми, одернуть, угодить, поощрить, уговорить каждого, требовало от губернатора высокого мастерства. Юнглинг всеми этими качествами обладал, однако сейчас он был по-настоящему встревожен, потому что непредсказуемое происшествие в Баренцбурге могло поставить под вопрос не только его карьеру, но и контрольную функцию Норвегии на Шпицбергене.

Желающих занять место губернатора Шпицбергена было больше, чем достаточно. Для замещения этой вакансии каждые три года устраивались конкурсы, в которых принимали участие ведущие политики, отставные военные, крупные чиновники и общественные деятели страны. Пожалуй, ни одно губернаторское место в Норвегии не ценилось так высоко, как пост сюзсельмана за полярным кругом. Кроме высокой даже по норвежским меркам зарплаты, он привлекает еще своими практически неограниченными полномочиями, большой автономией и самостоятельностью. А если к ним еще добавить приятные представительские обязанности, то становится ясно, почему чиновничью Норвегию всякий раз, когда нужно назначать нового губернатора в Лонгйербюен, охватывает ажиотаж.

Старый губернатор также имеет право выдвигать свою кандидатуру на повторное замещение должности, и Юнглинг был один из немногих, кому удалось остаться на второй срок. У него были амбициозные планы сохранить за собой пост сюзсельмана и в третий раз, если, конечно, не подведет здоровье и не подсидит какой-нибудь Тун или молчун Андерсен. И вот опять проблемы с русскими. Боже мой, что же это за нация такая, которая родилась как-будто только для того, чтобы играть на нервах норвежских сюзсельманов! Юнглинг забыл, что в данном случае проблемы создали украинские хлопцы, но для него все они — и украинцы, и русские — были одинаковыми. Разницу между ними ему и остальной Европе еще предстояло усвоить.

* * *

Если бы не дети вице-консула Кирпичева, то консульство бы давно уже погибло — и не столько от нехватки пищи материальной, сколько от информационной блокады и неопределенности своего положения. Правда, с продуктами все было не так уж и плохо, потому что запасы у всех оказались весьма солидные, и их можно было растянуть минимум еще на недельку. Провиантирование сотрудников со складов рудника осуществлялось за счет средств МИД, а когда что-то отпускается бесплатно, то его всегда требуется больше, чем за деньги. С появлением беженцев в консульстве удалось наладить конспиративные контакты с завскладом Заколотажным, который, присягнув на верность новой власти, втихомолку проявлял свою лояльность к старой и консульским отпускал продукты нелегально.

Консул Еремкин был человеком принципов, а потому постарался не менять заведенных раз и навсегда традиций. Несмотря на резкое изменение политической обстановки во вверенном консульском округе, коллектив продолжал по вечерам собираться в каминном зале, раскупоривать бутылочку-другую «армянского», баловаться кофейком и печеньем домашней выпечки Галины Васильевны Дурасовой и бухгалтерши Надежды Сергеевны Шаталовой, а также под аккомпанемент семиструнной до хрипоты петь песни советских композиторов и цыганские романсы. По воскресеньям устраивались танцы, а мадам Еремкина уже подбирала пьесу для любительского спектакля.

Вынужденная трудовая пауза, как выяснилось, оказывала за полярным кругом на физическое и психическое состояние дипломатов и их дипломатический иммунитет лишь благотворное влияние. Судя по осунувшемуся виду и хмурому взгляду, один только Кондратий Топорков болезненно переносил домашний арест, но на это у него были весомые причины: фарцовка приостановилась, и он ежедневно нес большие убытки.

Чук, Гек и Суперпупс были теперь глазами и ушами консульства. Они регулярно выходили за территорию консульства, шныряли по поселку, подбирались к группам взрослых беседующих, расспрашивали сверстников по играм и с самой разнообразной информацией возвращались на «базу». Полученная информация снимала у консула и вице-консулов все недуги информационного голода и давала им беспрепятственную возможность плыть по течению и дальше. Особенно успешной и полезной оказалась беседа, проведенная братьями Кирпичевыми с полицейским Андерсеном и переводчиком Бустадом. После нее можно было полагать, что формально консульство предприняло все, что было в его скромных возможностях, чтобы дать знать о своем положении и норвежцам, и в Москву. Оставалось только ждать результата. И Еремкин с подчиненными терпеливо его ждали.

— Согласно гипотезе Вегенера, — неустанно повторял Руслан Балакирев свою коронную фразу, — Центр рано или поздно о нас вспомнит.

— Лучше бы рано, — говорил Еремкин, но про себя мечтал, что лучше бы это случилось попозже.

Главными подчиненными Еремкина стали теперь дети Кирпичева: с ними он встречался, запирался в своем кабинете и принимал обстоятельные доклады Суперпупса, инструктировал, хвалил и направлял на новые задания. Остальные сотрудники для него просто перестали существовать.

— Молодцы ребята, — восторгался консул, — похвально, очень похвально помочь попавшим в беду родителям. Классика!

Чук с Геком смущенно улыбались, Суперпупс не забывал о данном консулом обещании:

— Леонид Малкович, а когда же мы плюкатимся на «джете»?

— Скоро, малыш, вот снимут с нас шахтеры арест, тогда и накатаемся вволю, — обещал дядя консул.

— Да, тогда уж и снег весь ласстает!

— Ничего, мы вытащим его в горы. Там снег лежит до самой осени.

Судя по выражению лица Суперпупса, веры он таким словам не давал, но и не протестовал. Как бы то ни было, разведывательные ходки детишек продолжались. Кирпичевы установили контакт с супругой Трегубенко и вместе с ней разрабатывали план выемки из его служебного сейфа документации, касающейся нефтяного месторождения. Кабинет Степана Никифоровича располагался на первом этаже гостиницы, и, судя по всему, Кравченя со своей компанией до них еще не добрался. Еремкин торопил ребят, потому что опасался, как бы бумаги не попали в руки двух американских дядек, тесно подружившихся с батюшкой Шпицбергенщины Кравченей.

Однажды консул сидел у себя в квартире и перечитывал увлекательный опус полярника Зиновия Каневского о спасательных операциях в Северном Ледовитом океане, когда в дверь к нему постучали. Стучал Суперпупс, используя условный знак: два длинных, один короткий и снова один длинный стук. Еремкин разработал целый комплекс условностей для связи с добровольными помощниками, и те с энтузиазмом включились в эту увлекательную игру.

— Заходите, — сказал консул, откладывая книгу в сторону, прервав чтение на самом интересном месте о том, как нашим спасателям удалось, наконец, обнаружить экспедицию Нобиле. — Путь свободен.

— У нас члезвычайное сообщение! — ворвался первым в комнату Суперпупс. —

Докладывает Пелвый: Клавчя конфисковал наш кател и в сопловождении двоих янков...

— Янки,— поправил брата Чук.

— ...двоих янки и шофела собиается отплавиться на нем на молскую плогулку!

— Катер! — схватился за сердце Еремкин! — Мой... наш катер!

— Так точно! — подтвердили хором Чук и Гек.— Батько самолично сбил замок с цепи, и сейчас они загружаются в порту.

— Замок! С цепи! Что будем делать, Первый?

— А ничего,— рассудил Суперпупс.— Подождем — увидим. У катела ведь всегда балахлил мотол. Далеко они не уйдут. А мы тем влемедем залезем в кабинет дяди Степана.

— Каково мнение Второго и Третьего?

— Суперпупс прав. Воспользуемся отсутствием Кравчени и американцев и осуществим выемку материала.

— Ну, хорошо, ребятки: где-то мы проигрываем, а где-то, наоборот, наворачиваем. Тогда, дорогие мои, вперед, к светлым вершинам славы!

— У нас есть предложение,— с заговорщицким видом заявил Первый.

— Выкладывай,— разрешил консул.

— Мы лешили тепель в лазгоvole длуг с длугом плименять супелязык. Никто, кроме нас, его не поймет.

— Отличная идея,— обрадовался Еремкин.— И какой же это будет язык? Белорусский, хинди или зулу?

— Нет, лучше! — возразил Суперпупс.— Это будет лусский, но наоболот.

— Наоборот? Это как же? — изумился консул.

— А вот так. К плимелу, вы должны сказать: «Пелвый, как вас слышно? Плием». А на облатном лусском это будет: «Выйпел, как сав шнослы?»

— Какая-то абракадабра, а не язык! — возмутился консул.

— Это очень просто, Леонид Маркович,— вмешался Чук.— Надо сначала произносить вторую половину слова, а потом первую. А односложные слова произносить сзади наперед. Понятно?

— Поня-ятно! — восхищенно протянул Еремкин.— Кто же это придумал?

— Я, Нидлео Вичмалко! Выйпел! — с гордостью произнес Суперпупс, ударяя себя кулачком в грудь.

— Фантастика! Жуть! — похвалил консул.

— Надо сказать: «Стикафанта, тьуж!»,— поправил его Суперпупс.— Чтобы нас никто не мог подслушать.

— Рошохо, рошохо! — согласился Еремкин.— А перьте редвпе!

— Ым котоль чаласна кусимпеле,— уточнил Суперпупс. — Ым с лаут чегони ен иле. Мкама сан тедж. Четпла.

— Гласенсо,— разрешил Еремкин — Питесьподкре и дитевыхо ан ниезада. В ровомздо лете — ровыйздо худ.

Консул выпроводил свое разведподразделение, потер руки и, выбрав оптимистичную тональность, вытащил из замусоренной всяким взрослым хламом памяти чистую песню детства:

— *Взвейтесь кострами синие ночи!*
Мы пионеры, дети рабочих.

Но вспомнились только эти слова. Живой родник, пробившись наружу, тут же был задушен наслоениями комсомольских и партийных лет, и песня не пошла. Тогда он вернулся к экспедиции Умберто Нобиле. В конце концов, рассудил он, катер никуда не денется, а вот бумаги... Бумаги надо было брать. Удивительно рассудительный малыш. Быть ему послом, а то и министром иностранных дел. Меннонепре!

* * *

— Ну, дружище Джек, теперь не подведи!

Джим легонько подтолкнул напарника в затхлую, давно непроветриваемую комнату и осторожно закрыл за собой дверь. Бегло ознакомившись с меблировкой, они уверенно направились в дальний угол, где стоял металлический сейф образца одна тысяча восемьсот девяносто пятого года. Это собственно и было конечной точкой их «географического» путешествия, начатого в окрестностях Вашингтона, в которых затерялась штаб-квартира ЦРУ, и инициированного секретным донесением московского резидента.

Источник резидентуры из канцелярии русского премьер-министра сообщил о сенсационном открытии крупного месторождения нефти на Шпицбергене. К сожалению, в Москве пока отсутствовали подробности этого открытия, и ЦРУ не стало дожидаться, когда вся документация на нефтеносный участок поступит из Баренцбурга и по бюрократическим каналам попадет в руки источнику, а прямо послало своих представителей на место. Нефть — это не тот объект американских интересов, который следовало оставлять на волю не контролируемых Центральным разведывательным управлением событий.

Начальство снабдило Джима и Джека точной и подробной информацией о том, где лежат заветные бумаги, но оно не предполагало, насколько облегчится их задача по их выемке. Хозяин кабинета, в котором хранилась интересующая ЦРУ документация, вот уже несколько дней сидел под арестом, и пробраться в кабинет в его отсутствие для таких специалистов, как Джим с Джеком, было ну просто плевым делом. Дверь в кабинет Трегубенко Джек открыл простой скрепкой, не прибегая даже к отмычкам, изготовленным оперативно-техническим отделом ЦРУ на все случаи жизни и для всех систем замков.

— Ну что: сколько тебе времени понадобится? — шепотом спросил Джим Джека, после того как тот внимательно изучил отверстие для ключей и приспособление с цифровым кодированием.

— С полчаса придется повозиться.

Джек полез в свой саквояжик и одну за другой стал извлекать из него отмычки, похожие то ли на хирургический, то ли на зубоорудный инструмент.

— Сначала мне нужно открыть замок, преграждающий путь к шифру. После этого запустим туда вот эту штуковину и попытаемся узнать цифровую комбинацию замка. Потом останется только шевельнуть пальцами и — сейф наш!

Джек приступил к работе, а Джим осторожно отодвинул занавеску и выглянул в окно. Около гостиницы никого не было, весь народ пошел на какое-то собрание или митинг. Горничная сидела в своей каморке и читала книжку. Они обратили уже внимание, что русские читают в основном на работе, а дома смотрят телевизор. Джиму вспомнилось высказывание одного коллеги, который утверждал, что русские очень похожи на американцев. Фига с два они похожи! Это совершенно непредсказуемая нация!

Джим был глубоко уверен, что эталонной средой обитания любого гомосапиенса является American Way of Life — американский образ жизни. Он с молоком матери и с ремнем отца усвоил, что американцы — избранная нация, которая воспитана на истинных демократических традициях и призвана нести эти традиции в другие страны. Чтобы «Железный Миргород»* мог спокойно наслаждаться своим Way of Life, надо было, чтобы и другие народы вкусили бы от него хоть кусочек.

Стихийно эти принципы неамериканцы почему-то не усваивали, поэтому приходилось применять силу и вводить такие понятия, как «сфера американских интересов», распространившаяся со временем на весь земной шарик, разрабатывать доктрина-

* Высказывание об Америке Сергея Есенина.

ну Монро, стратегии сдерживания и домино, изобретать водородную бомбу и сбрасывать ее на мирных жителей, под видом борьбы с терроризмом или за демократические принципы и гуманизм объявлять неудобных руководителей других стран международными преступниками, готовить против них заговоры и мобилизовывать «международное сообщество».

На вооружение стала поступать новая доктрина «управляемого хаоса». Смысл ее заключался в том, чтобы вооружать и контролировать противостоящие стороны и партии и стравливать их. Всем этим «революциям» присваивали красочные названия вроде «оранжевой», «фиолетовой» и т.п. Или устраивать массивные информационные блокады — ведь привыкшим к демократической соске ситизенам можно было вешать на уши любую лапшу, они по уши были заняты совершенствованием своего качества жизни и потреблением. Ослабевших противников потом легче было прибрать к рукам. На общественное мнение внутри Штатов и за ее пределами можно было сугубо плевать.

Все это американцы делали вполне искренно, беззаветно веря в свое высшее предназначение, в свою цивилизаторскую миссию «сеять доброе и разумное» среди неразумных и глупых азиатов, африканцев, европейцев, австралийцев — ну, и русских. Одним из первых указанный тип *americanae sapiens* открыл современный классик английской литературы Г. Грин и вывел их в своем романе под названием «тихих американцев».

«Тихие американцы» — это те, кто смотрят человечеству прямо в глаза и никогда не сморгнут. «Тихие американцы» — сотрудники ЦРУ — идут впереди техасских нефтяных магнатов, чикагских стальных баронов, калифорнийских предпринимателей, вирджинских солдат, бостонских дипломатов, нью-йоркских адвокатов и голливудских актеров, чье мировоззрение густо замешано на двойной морали, лицемерии и пуританско-сектантско-квакерских догмах и чьим единственным мерилем жизненных ценностей был и остается доллар, на котором — о, верх лицемерия и ханжества! — выбиты слова: «In God we trust»*. «Тихие» впереди, они выискивают цели и наводят на них весь второй эшелон, потом третий и так далее.

Джим был не лучше и не хуже героя романа Г. Грина — он был типичный «тихий американец», а потому без зазрения совести разгуливал по кабинету Трегубенко, с нетерпением ожидая момента, когда Джек, наконец, перестанет колдовать над кодовым замком и извлечет из сейфа то, над чем русские втихомолку работали последние месяцы. Да и зачем русским была нефть на Шпицбергене? Они своей-то, тюменской нефтью не могут, как следует, распорядиться.

— Ну вот, — раздался торжествующий возглас Джека, — что и требовалось доказать!

Джим метнулся к сейфу и чуть не сшиб коллегу с ног:

— Справился? Молодец! Ура-а! Мы это сделали.

Он оттолкнул Джека в сторону, засунул в открывшееся металлическое жерло дрожащие руки и осторожно вытащил оттуда толстую папку. В сейфе, кроме этой папки, ничего не было. На обложке клейкой лентой была приклеена белая бумажка с надписью: «Нефть на Шпицбергене, результаты геологических изысканий 199... года». На первом, титульном листе от руки было выведено: «Государственная тайна СССР», но гриф секретности был зачеркнут и исправлен на: «Государственная Тайна Российской Федерации».

— Закрывай дверцу, сматываемся, — прошептал Джим, прижимая папку подмышкой.

Джек немедленно приступил к выполнению указания и начал, было, собирать свои приспособления в чехольчик.

* Мы верим в Бога (англ.)

— А чегой-то вы тут, дяденьки, делаете? — раздалось у них за спиной. Голос был довольно знакомым. Джек перестал возиться и замер на месте. Джим от неожиданности выронил папку, но быстро справился с минутным замешательством и инстинктивным, как у кобры, выпадом правой руки тут же подобрал ее с пола.

— Доунт мув! Ай хэв э ган!

Джим медленно развернулся к двери и увидел знакомую и наглую мордашку того самого бэйби, который пробрался к ним накануне в номер. Посланец Лэнгли попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. Из-за спины Суперпупса появился мальчик постарше — тот, что прятался у них за занавеской, а за ним и третий, самый старший — они с Джеком видели его в первый раз. В руках у них были пистолеты, и все они были направлены в сторону Джима и Джека.

— Хай, кидс! Хау ар ю? — произнес Джим, стараясь вложить в эту фразу как можно больше тепла и будничной безмятежности старшего по возрасту. Он внимательно всмотрелся в пистолеты в детских ручонках и заулыбался со всей американской непосредственностью, на какую только способен взрослый лицемер. Оружие было не настоящим, хотя имитация под боевое была великолепной и даже сперва сбила его с толку. Впрочем, выпущенная из такого пистолета глиняная пробка при прямом попадании могла лишить глаза или оставить приличный синяк.

— Малтшики, переставайте шутковать! Мы вам зла не сделать.

— Знаем мы вас, — засмеялся мальчик постарше. — Вам только положи палец в рот, вы его тут же откусите.

— Нет-нет, — запротестовал Джек. — Мы не едим питаться пальцем, мы вегетариански американски туристы.

— Что это у вас в руках? — задал вопрос третий, самый старший мальчик.

— Это? — заулыбался Джим. — Это есть наш контрэкт с мистер Краучения. Он запросил нас его здесь поджидать и должен сам появиться секунда на минута.

Для убедительности Джим потряс своей рукой с наручными часами.

— Влешь, дяденька! — заорал Суперпупс. — Нам доподлинно известно, что Клавчя уехал на Севелное озеро пловелять имущество и велнется к вечелу.

— Как вы оказались в кабинете Трегубенко? — продолжал допрос средний.

— А нам его открывать горничка, — разъяснил Джим, наступая на Суперпупса.

— Покажите папку, — потребовал самый старший и протянул руку к Джиму.

— Нет, это нелзия. Это...

— Это та самая папка, — сказал старший, обращаясь к братьям. — Они украли ее. Смотрите, сейф открыт.

— Факт, — согласился с братом Суперпупс, переводя пистолет с Джима на Джека и наоборот.

— Между прочим, — сказал старший, — мистер Трегубенко вряд ли бы согласился на то, чтобы кто-то без его разрешения залезал в сейф и копался в его бумагах. Особенно он был бы недоволен, если бы узнал, что к этому причастны иностранцы. Отдайте папку.

Братья медленно, шаг за шагом, стали наступать на американских вегетарианцев, загоняя их в угол. Джим успел шепнуть Джеку нечто вроде: «Помнишь, как в Софии?», на что Джек слегка кивнул и прижался в испуге к стене. Мальчишки окружили их со всех сторон, не подозревая никакого подвоха. Наступила момент, когда страх американцев уравновесился неуверенностью братьев Кирпичевых в своих дальнейших действиях. И это решило исход противостояния в пользу первых. Оперативная подготовка в спецшколах и разведывательный опыт, приобретенный за границей, сделали свое дело.

— Иэ-э-э-х! — издал истошный крик Джим и бросился на прорыв редкого и малорослого кольца со всей своей двухсотфунтовой массой.

— Ура-а-а! — закричал Джек и бросился в образовавшуюся брешь к двери.

— Стойте! Стлеять буду! — услышали они за спиной испуганный голос Суперпупса и топот трех пар ног. Но американцы создали себе фору в несколько метров, а когда подбежали к своему номеру, то смогли увеличить разрыв еще на сотни две сантиметров. Что ни говори, ребяташки бегали прытко, но физическая подготовка в ЦРУ все-таки чего-то стоила. Поэтому когда Чук, Гек и Суперпупс, пыхтя как паровозы, подбежали к знакомому номеру, дверь в него захлопнулась перед самым их носом.

— Откройте! — забарабанил Суперпупс кулачками по двери.— Мы вас все лавно не выпустим и возьмем на измол.

— Мы будем жаловаться! — услышали они визгливый голос Джека.— В ООН, Совет безопасности, НАТО, Международный суд Гаага!

— Вам лучше поскорее обратиться к адвокату, а то мы сейчас приведем дядек из КГБ! — пообещал Чук.

— Вы — мерзкие шпионы, и мы вас будем судить за шпионаж! — нагонял страха Гек.

— Отдайте папку, не то мы сейчас отключим у вас в номере отопление, и вы замелзнете, как фланцузы под Москвой, — прокричал в замочную скважину Суперпупс.

— Ви не иметь права! — подключился к переговорам Джим.— Ми граждане США и не позволим, чтобы с нами так жестоко обращаться.

— А это мы посмотрим, позволите или нет. Чук, отключай отопление в номере и сразу занимай пост на улице перед окнами номера. А то они еще сиганут из окна. Суперпупс остается у двери и охраняет преступников изнутри. Я буду осуществлять между вами связь и постараюсь вызвать кого-нибудь на помощь.

За дверью установилась мертвая тишина. Чук пошел в конец коридора завинчивать кран на трубе, которая проходила по всей линии номеров. Впрочем, гостиница была пуста, и кроме американцев на этой стороне коридора никого не было. Поселок Баренцбург увеличился еще на двух заключенных.

Владимир Грусов
(г. Санкт-Петербург)

«ЭХА — НА!»
РОМАН-АНТИЭССЕ
(автобиографическая хрестоматия)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

***Стоявшим насмерть в боях
за изящную словесность посвящается...***

* * *

Нет, я признаю, не все жили столь бесшабашно. Некоторые наши девчата высказывали замуж, за ленинградцев предпочтительно, многие, покончив со студенческим романтизмом, на старших курсах определялись в жены к будущим офицерам или к уже состоявшимся лейтенантам, распределенными служить Отечеству в суровых условиях северной его столицы. Ну, прекрасный пол в этом, впрочем, не только в этом, смысле вообще практичнее мужиков. Ничего экстраординарного. Правда встречались и среди пареньков из народа довольно оборотистые экземпляры, у которых неземная любовь способствовала дальнейшему приличному жизнеустройству. Эти находили себе спутниц жизни среди племянниц проректоров или дочек преподавателей, желательно профилирующих кафедр, на худой конец близких родственников руководителей научно— производственных объединений, НИИ, заводов. Не берусь судить, кто и каким местом в первую очередь думал при этом, но впоследствии у большинства из этих приживал ничего путного не вышло. Не вписались в круг, оставаясь навсегда «hoto povus», подьедалами, выскочками. И поделом. Да и с краями с этими не все просто, нахлебаешься по самое не могу.

Мне одна знакомая москвичка, доченька ну о-о-очень обеспеченных родителей, носившая русскую фамилию мамы, а не откровенно еврейскую отцовскую, пожаловалась как-то в разговоре:

— Нет, я положительно не понимаю, зачем тратить столько сил и времени на уборку квартиры? Ну, если женщина — воплощение нежности и красоты, отчего она должна полы драить, спину гнуть? Не собираюсь я проводить свою жизнь внаклонку. Вот еще!

Я, озадаченный такой неожиданной и совершенно спонтанно родившейся тирадой, только и спросил, мол, Маша, а кто тогда убирать-то будет?

— Как кто? — удивилась она.— Есть же уборщицы, работают же они на предприятиях, в учреждениях. Вот и квартиры убирать могут. Нанять и все!

Не знаю, почему я тогда не обложил эту дуру по маме, папе и всей родне? Сказал только, что это фашизм бытовой получается, одни, значит, рождены для красоты, другие для уборки дерьма за красавицами. Вы думаете, до Машеньки дошло? Ни боже мой! Плечиком дернула и тему сменила. Во как надо, детки! Учитесь! А мы-то,

обалдуи, все о душе, о сердце... Метались в поисках самих себя, пытались выяснить, наконец-то, чего же в жизни хотим, кто мы, что мы?

А тут все понятно и никаких метаний-колебаний. Кремень! Броня! Фортификационный бетон! И, как правило, здоровье хоть куда. Все предпосылки для воплощения в жизнь идеалов общества потребления. За такими не угонишься. Впрочем, «забуксовав в отбросах, эпоха на колесах нас не догонит, босых». У нас же получилось, что вера в лучшее будущее жидилась (в который раз, в который раз... и мы туда же... в лоб нам дедовские грабли...) на полном и решительном отрицании настоящего. Спасибо красным, никуда от этой поганой методологии не деться. Мы не получили своевременно нормального русского православного воспитания, и осознание, что нет в мире для нас иной дороги, приходило исподволь, сквозь шелуху наносного, сиюминутного. А когда жизненные установки не созидательны, жизнь такая неминуемо потерпит крах. Невозможно жить и созидать, проповедуя принцип, мол, «все предыдущее (якобы мир насилия) мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир (еще большего насилия и лжи) построим». А что «затем...»? А затем — разбитое корыто, усталость неодолимая, опустошенность, развенчанные и низвергнутые идеалы, разочарование и недоумение, выраженное в канонической формуле отца-основателя газовой империи и бывшего нашего премьера: «Хотели как лучше, а получилось как всегда...»

Спасибо! Огромное спасибо. Вот при красных тоже строили, созидали, не отрицаю. Еще как строили! Не могли не строить, иначе пропали бы, исчезли. А зачем тогда было весь огород городить с этой революцией? Помирать вожди не хотели. И...

Худо-бедно, но все заверте... Это дало повод сказать-де, не все же было плохо! Ага, родненькие мои, только вы о цене ни гу-гу! А ведь в ней все дело. И, пожалуй, в том, зачем и ради чего это все создавалось. И все красное величие как раз и означает невозможность вспоминать этих «созидателей» с благодарностью. Я не могу благодарить милых, добрых и ласковых людей, палачей, как ни странно, моей страны и народа, всяких там вождей и главарей. Их на мою землю никто не призывал. Равно и великое либеральное нашествие (буду повторять неустанно, не обессудьте!) — бедствие аналогичного масштаба, что и большевизм-марксизм-ленинизм... Либералы по сути — продолжатели делишек радетелей о «вольностях шляхетных». Каким образом? А вот каким: главная «шляхетная вольность» — головы правителям рубить и глумится по своей прихоти над народом, шляхту эту кормящим. Но под прикрытием различных «деклараций о правах». Царь или крестьянин, или кто там толпиться на крыльце, все на службу «элите», а не то — голод, холод, нищета, кровавый шабаш «спецур» и красная, белая, черная хмарь, как в голове, так и в атмосфере. Результат один — полная утрата нравственных ориентиров и заносчивое до отчаянности холуйство в особо крупных размерах, как способ существования нации. Пример, кстати, самый наглядный, ежели наш не подходит пока, предлагаю поискать в истории державы, лежащей к западу от земли, где очень популярен картофель.

* * *

Избыточная энергия молодости, стихийно, взрывообразно вырвавшаяся наружу в результате процесса реализации «перемен», неминуемо порождает устойчивую инерцию разрушения или несозидания. И никакие отдельные, пусть очень значительные достижения обратного порядка на этот процесс положительно повлиять не могут. Уничтожать гораздо увлекательнее, нежели строить. В силу этого и дорвались до власти в позорном феврале кровавые уничтожители всего русского. Октябрь был все-таки только следствием. Изменники государю-императору и родной стране, ничуть не чище своих красноперых коллег, добрые и отзывчивые, истинно гуманные и разумные, сердечные и милейшие, военные и статские... Плохо им было при легитим-

ном монархе, душно и подневольно, погоны генштабовские не устраивали — тяжкие, наверное, были, плечи обрывали, особенно голытьбе по рождению. Однако и сословное фрондерство цвело вовсю. А как же! Вольностей много не бывает. Дае-е-ешь! Нормально. Шакал не знает благодарности. Он будет обглаживать лапы раненого одинокого волка. И самое главное, принцип этот дьявольский: «Пчел не подавивши, меду не пить!» Ну что, ничтожества, наелись медку до памороков кровавых!

Перепевки мракобесия? Ничего нового? Да! Именно так. Говорил и говорить буду! Я это право осознал и прочувствовал, не просто болваном вызубрил. Я мракобес, ежели под этим кое-кто понимает верность русской государственной и культурной традиции, нашей вере, нашей памяти. Мне приоритет новатора в данном вопросе — до лампочки. Я напомнить кое-кому пытаюсь, дабы не стремились «оне» новомодные «...измы» изобретать, ибо у каждого такого «...изма» в подоплеке сызнава кровь, насилие, грабеж, геноцид и прочие эксперименты над людьми, и создание очередной диктатуры во имя неких новых «избранных», и забвение истинного прошлого своего, Бога, истории... В юности этого не понимаешь или не так остро понимаешь. В юности положено быть по-хорошему «дураком». Мозги у молодых фурычат особым образом. И сердчишко часто заходит от чувств противоположных. Боже, какие мы были тогда...

* * *

Остановился как-то у входа в главный корпус института, напротив входа в главный корпус, огонька у парней стрельнуть. Там как раз троица спинами турникет уличный обтирала. Парни любезно зажгли аж две зажигалки. Я прикурил и рядышком, в паре шагов от них примостился, развалившись слегка, лопатки над ограждением, поясница притерта плотно к нему же, а ноги под углом на полметра впереди туловища. Стою и невольно прерванный разговор слышу.

— ...ну, чую, парни, надо девок разбирать и по норам с ними. В одиночку сговорчивее будут. А то они чего-то манерничать начали, политех, политех, наука, перспективы, аспирантура... Лопочут, кровати. Ну, ладно, Паха беленькую пригласил к себе, я с подружкой остался... То да се, анекдотики, песенки, вроде контактик пошел немного поплотнее. Сидим рядышком на коечке, доска от стола под попами, все в порядке, верх уже почти расстегнут у обоих. Тут она и вякнула: милый, помоги, пожалуйста, босоножки снять, я утомилась немного... Тут я ей и выдал, че, грю, лакей я тебе, жаба? Ты вообще с кем базаришь? Это ты мне ща носки постираешь... во рту...

Я выкинул окурок, нет, не выкинул, просто затушил и так его в пальцах до метро и крутил. Господи, босоножки даме снять! Да отчего же нет? Откуда в нас сидела эта презумпция скотского приоритета во всем? Я бы своей жене, кабы уже присутствовала, или любимой девушке, жаль не имелось еще, по сотне раз на дно туфли снимал и надевал. И не только туфли. И сейчас, кстати, готов. Только приходилось и приходится мне это совершать не столь часто, сколь желалось бы. Может, недостоиин? Не выслужил подобных милостей в гомерических количествах? Тем паче, что жена такого отношения как раз и заслуживает. Она весьма стойкая, сдержанная и очень целеустремленная. Тоже из разряда «уж если я чего решил...».

Согласно известному правилу: «порядочные женщины чаще всего любят откровенных подонков». Делайте выводы... А еще я практически уверен, что моя жена — гугенотка по натуре, в самом хорошем смысле. Гугеноты, оказывается, и у нас встречаются. Причем она — стихийная кальвинистка, но место ее истинное — гугенотские войны. Такие, как она, храбрые, стойкие, никогда не сдающиеся, вытаскивали с поля боя и выхаживали в лазаретах израненных лихачей адмирала Колиньи. Почему я так считаю? У нее нрав протестантский, она всегда предпочтет закулисье центру внимания, не допустив никакого даже намека на помпезность, скромненько так все, хоть и со вкусом, но потихоньку, не привлекая внимания. Не самая худшая характеристика.

Правда, вот лютеран хлебом не корми, дай гимн какой-никакой спеть хором... И всех вокруг заставить в унисон голосить. А моя благоверная такого поведения не приемлет в принципе. Русская протестантка? А, может быть, она и есть настоящая, правильная русская? Господи, а я тогда кто?

* * *

Жизнь при замшелой диктатуре (сооруженной на отрицании и разрушении), одряхлевшей и немощной, но злобной и еще способной калечить, приучает молодость к абсолютному неприятию любого официоза. К этакой постоянной оппозиционности, скрытой, часто латентной, но устойчивой, готовой перейти к конкретике. Это с нами и приключилось. Мы конвульсивно, дискретно преодолевали окружающую действительность путем перемещения в иррациональную реальность. И не понимали, что таковая тоже тупик и еще хуже классического, того, с тремя стенами и одним выходом за спиной. А тут — чисто поле. Но чисто поле — это не свобода. Это полное отсутствие направлений. Выхода нет, ибо он всюду. А ориентиры на якобы сияющее в якобы небе якобы солнце — лишь иллюзия. А что вообще-то лучше: гибель в забвении и безысходности или приспособленческие дивиденды холуя? Вот и выбирала молодежь, не задумываясь... И сейчас выбирает... С тем же успехом. А че выбирать, если мы — рвань да пьянь, лапотники-тунеядцы, беспороды безпортошные. И чего нам жалеть о прошлом и настоящем? Не об чем... Не жалели же никого и ничего. А вот, глядишь, потребляем нынче блага всяческие и бум потреблять впредь. Каша? Именно каша, она весь прошлый век варилась-выкипала. Тупик, он же бесконечность. Молодость выручала. До поры, конечно же, покуда не прошла. И явились уныние и бунт без права на победу. А требовались надежда, вера, смирение и созидание. И любовь. И Господь. Как бы вот так-то суметь!!! Все смелости не достает. «Вот бы Бога! Ну хоть немного! Хоть бы чуточку!» Наглости в избытке, но наглость — не смелость, она — трусость.

* * *

— Помоги мне вырваться отсюда... не могу больше,— она закусила нижнюю губу и отвернулась лицом к стене.

Так мы и сидели молча, Лерка на кровати, я у стола на табуретке. Минут пятнадцать сидели. Я пил чай, курил, то в окно посматривал, то на нее, размышляя недолго, чем можно помочь даже не бывшей пассии, а так, девчонке, которая в свое время мне очень и очень нравилась, и стоит ли вообще помогать. Отчего так? Да оттого, что не мог я толком сообразить и решить однозначно, спектакль это очередной или впрямь Лерка такая непонятная, наверное, даже себе самой.

И действительно, ситуацию следует разрулить кардинально, не мешкая. За время нашего общения у меня сложилось и окрепло впечатление, что главное Леркино желание в жизни — стать, коли не вышло сразу родиться, героиней дешевенькой мелодрамы. Мыльной оперы на языке нашего времени. Она не лезла на рожон, стараясь привлечь к себе внимание, и, кстати, была отнюдь не болтлива. Так, некоторая томность во взгляде карих глаз с поволокой, сдержанные, со скрытой эмоцией выдох-выдохи, плечики порой этак вверх-вниз, полуулыбочка ироничная. Но все неявно, все требует расстановки акцентов. Голова, несомненно, у нее шурупила яснее, чем у многих шахматистов. А лидерские качества напрочь отсутствовали. Начитанность на уровне, в науках, как у нас говорили, шарит, учится прилично, хоть и неизвестно, зачем такой типине «Спецтехсмех»?

Я ничуть Лерку не хаял, нет. Но при всех своих положительных качествах дива эта являла собой тип скрытой содержанки, ожидающей, когда же прекрасный принц ее поймает. Именно так, не она его, а он ее. Подобная установка на практике посто-

янно выходила Лерке боком. Сначала она выскочила замуж за однокурсника, нашего приятеля, парня в целом неплохого, доброго, отзывчивого, но и только. Точнее, даже не она выскочила, а Кешка затащил ее за себя, проявив в этом вопросе не столь уж свойственные ему упорство и твердость характера. Но разве удержишь кого-нибудь подле себя одной лишь силой?

В свою очередь, Лерка не торопилась бросать мужа первой. Она и здесь, выражаясь языком бокса, работала вторым номером, пользуясь вниманием и успехом посторонних рыцарей, несмотря на статус замужней дамы. Я с ней дружил, хочешь не хочешь, а пересекались мы часто, поскольку, как говаривал Нечи, круг-то один. Пару раз Лерка всерьез пыталась поплакаться мне в жилетку о себе несчастной, о жизни постылой. Я слушал ее и, как человек, с детства достаточно сентиментальный и склонный верить людям, пытался сочувствовать, от всего сердца пытался. Да и как тут не посочувствовать, когда красивая девчонка, повиснув у тебя на груди (а у нее грудь, между прочим, тоже имеется, и какая грудь, доложу я вам!), сбивчиво-горячечно шепчет баечку о том, что «а вот мой папа каждый год весной ездит в горы и привозит маме букет подснежников, самых первых подснежников...», ну и прочее в том же духе. Я же не каменный, Лерку приходится обнимать, прижимать к себе, и мы одни в комнате, а бухой Кешка шляется где-то по этажам и ему сейчас нет никакого дела до жены...

Впрочем, все закончилось ничем, то есть когда мы с Леркой, впившись друг в друга как бешеные, уже упали на сочувствующе вздохнувшую под нами кровать, в дверь комнаты настойчиво замолотили, призывая меня на славные ратные подвиги, ибо, кажется, «наших бьют». Отказать братве было невозможно. И я сменил Эроса на Ареса. И более к Лере не приближался. Иных графинь с лихвой хватало, которые без зауми. И вот, на тебе...

Той осенью, приехав в Питер по делам, я заглянул в родимую общагу к своим пацанам, еще тянувшим студенческую ляжку. На этаже, где они квартировали, встретился мне явно околачивающийся в холле без всякого дела Телега. Мы начинали учиться вместе, но потом Телега ушел в академку и теперь только проходил преддипломку. Мы перекинулись парой фраз, и Телега, узнав, что я, возможно, останусь в гостях ночевать, пригласил заскочить к нему, если найду время, прибавив, что жена будет рада. Я кивнул — ого, да он женился! — и, уточнив номер комнаты, пошел к своим. И вот заглянул на чашку чая... Телега почему-то очень обрадовался и, не слушая возражений, ни моих, ни Леркиных, галопом понесся в магазин за напитками.

— Я больше с ним не могу, поверь, ну, сглупила, конечно. С Кешей развелись, он по распределению свалил, а я до сих пор понять не могу, как здесь очутилась. Скажи, ты сможешь мне помочь?

Пока она говорила, я сообразил, что вариант спасения этой милой утопающей, как ни странно, у меня в заглазнике был. Один мой товарищ по прозвищу Маркиз из параллельной группы ныне трудился начальником отдела снабжения небольшого заводика в одном из районных городишек, в паре часов езды от северной столицы. Он часто мотался в Питер, где мы однажды случайно и пересеклись. Маркиз оставил свой рабочий телефон и призвал звонить, ежели что. Это было как раз то самое «ежели что»... Я поднялся, решив не дожидаться Телегу, где-то, очевидно, крепко застрявшего.

— Лера, обещать не стану. Но вариант крутануть попробую. Свистну, если срастется.— И ушел.

Знаете, зачем я все это рассказывал? А вот зачем. Внимайте. Все сладилось удивительно быстро. Наутро я вызвонил Маркиза, тот сказал, что через полчаса выезжает в Питер, и мы договорились о времени и о месте встречи. Выслушав меня, Маркиз, двусмысленно хмыкнув, сообщил, что я нарисовался очень вовремя. У него недавно уволилась сотрудница, а работы хватает, так что девушку он возьмет, тем паче она

нашей школы, да и с общежитием проблем быть не должно. Пусть уже сама Лера должна созвониться с ним через неделю, а далее дело техники.

Да, дело техники. Не трогай технику. Она не подведет. Опять-таки техника любит ласку и смазку. Галиматья? Нет, это не галиматья. А вся галиматья в том, что я не смог передать Лерке клочок бумаги с номером телефона. И в общагу вернулся. И на семейный этаж гоголем взлетел. А что, человек со связями, девчоночку пристроил. И в комнату к Телеге вперся уверенно. Хозяин захлопал крыльями, укорял меня, чего ж я вчера свалил, потом схватил чайник и выскочил на кухню. Я сел на вчерашнее место, к столу, а она вновь на кровать. Я сунул руку в карман, вытащил записку с телефоном и уже протянул было ее Лерке, готовый объяснить, что ей делать и как устроилось ее будущее... И тут на пороге появился Телега. Я не испугался, некого мне было пугаться. Я только глянул на него и понял, что я ничего Лерке не передам, ни на бумаге, ни на словах. Плавным жестом я вернул записку во внутренний карман пиджака. И сразу же встал и вышел, не прощаясь, толкнув плечом в дверях удивленного хозяина.

* * *

В нашей, воркутинской, весьма престижной на заре семидесятых, новенькой «хрущобе» было четыре подъезда. И по четыре квартиры на каждом из пяти этажей. Мы жили в первом подъезде на первом этаже. В квартире напротив обитала весьма колоритная пожилая супружеская пара. Тете Зине Калике и ее мужу Ивану было лет по шестьдесят, а возможно, что и поменьше, но мне, первоклашке, понятное дело, они казались глубокими стариками. Тетя Зина, Зинаида Николаевна, небольшого роста, худощавая, с претензией на определенную грацию, как в движениях, так и в позах, например, поднося к губам папиросу, глубоко втягивая щеки при затяжке, с легким шумом, чуть приподняв подбородок, выпуская плотную дымную струю влево и вверх. И стоя при этом ни много ни мало в третьей позиции, легко и непринужденно.

Она носила очки с синими стеклами по причине некоей глазной хвори, однако же макияж у нее всегда был в порядке неведомо каким образом. Наша соседка вела себя в общении с остальными с несколько вульгарной непосредственностью, отдающей, впрочем, махровым, до времени завуалированным аристократизмом. Она могла вдруг обратиться к собеседнику настолько изысканно и свысока, что того невольно оторопь брала, а что, мол, такого стряслось? И голос, голос тети Зины, действительно бывшей примы оперного театра, впечатлял, — сильный, правильно поставленный, глубокий, с модуляциями.

Словом, мастерство не пропьешь. А в деле истового служения Бахусу Зинаида Николаевна и ее супруг Иван Яковлевич, глухой на оба уха бывший силовой жонглер-циркач, знали немалый толк.

Были они, несомненно, людьми сложных и порядком изломанных судеб, впрочем, таковых у нас в заполярном городе, упоминавшемся, кстати, в песнях, в те годы вообще хватало. Очевидно, по старой богемной привычке тетя Зина у себя на квартире устраивала нечто вроде салона, где собирались различные темноватые личности, довольно сомнительные деятели от дворца культуры и драмтеатра, отставные карточные шулеры, просто знакомая пьющая публика. Временами, когда гости до крайности надоедали хозяевам, наша мадам рекамье распахивала дверь и зычно, с имперской интонацией возвещала, указуя перстом на площадку:

— Вон отсюда! Прочь, плебеи! Иван, холопам в доме отказать!

После чего послушный Иван Яковлевич ловко и без церемоний выпихивал посетителей из квартиры, как по одиночке, так и парами-тройками. На несколько дней в подъезде воцарялось затишье, после чего салон вновь имел место быть. Супруги, насколько я понял из разговора моих родителей, в свое время угодили по довольно

вздорным причинам в лагерь, откуда и вышли, по сути, калеками. А до посадки они жили где-то в центре, вроде бы даже в Питере. Но, видимо, возвращаться им было некуда и незачем. И тетя Зина, и дядя Ваня очень хорошо и ласково относились к детворе, Зинаида Николаевна могла назвать деточками даже великовозрастных обалдуев-пэтэушников, и всех встречных пацанов и девчонок во дворе оделяла приличными, вроде «Белочки» или «Кара-Кума», шоколадными конфетами, которые всегда носила в кармане пальто.

Отец рассказывал мне позже, что едва наша семья перебралась в квартиру из шахтерского поселка, он отправил меня полугодовалого и маму на юг, к бабке с дедом, а сам решил довести жилище до ума, и первым делом принялся застилать дощатый пол добытыми по счастливому случаю древесноволокнистыми плитами. Так выходило как минимум ровнее, да и теплее наверняка. И вот однажды, отложив молоток и закурив, он услышал, как на площадке щелкнул замок соседской двери и раздались с легким шарканьем шаги. Потом последовала явно театральная пауза, а затем прозвучал возмущенный вопрос:

— Это какая же шлядь с утра пораньше и колотит, и колотит? Гробы, что ли, сколачивать пора пришла? А?

Конечно же, перестук отцовского молотка пробудил ото сна тетю Зину, кто еще мог так изысканно выражаться у нас в подъезде?! Папаня в ответ взял молоток и ударил им несколько раз по полу, меняя интенсивность и частоту. Затем, для пушшего смеха, вообще прошелся легкой дробью и закончил трель жирнущей точкой, от души шархнув по полу. На площадке некоторое время молчали, а потом Зинаида Николаевна радостно возвестила:

— А! Это же ты, червяк книжный, инженеришка очкастый. Жена твоя... врачаха!

Однако, вскоре после этого случая, отец навсегда заслужил доверие и уважение соседей, он просто помог тете Зине донести две тяжелые сумки с каким-то скарбом, встретив ее по дороге домой, к тому же в завязавшейся беседе процитировал несколько строк из монолога Джульетты, которые тетя Зина запомнила, а потом прочел стихотворение Ахматовой по случайно обнаружившемуся поводу.

С той поры Зинаида Николаевна иногда захаживала к нам в гости выкурить папироску-другую, мама и отец угощали ее чаем или вином, если таковые присутствовали в доме, и вели светские беседы о литературе и музыке. Иногда папаня брал гитару или баян, окончательно повергая гостью в крайне растроганное состояние. Она даже пела иногда, не очень громко, но так мастерски и так искренне, что я, шкет, и то мог невольно заслушаться. Теперь, выгоняя в очередной раз своих проблемных гостей, Зинаида Николаевна к своим обычным проклятиям обязательно добавляла:

— В этой парадной швали нет. Здесь живут интеллигентные, образованные люди. Не портите им вечер. Подумайте, несчастные, о детях, что могут вас лицезреть! Вон!

А однажды, позвонив к нам в квартиру резко и требовательно, тетя Зина прямо с порога попросила отца, открывшего ей дверь:

— Вадим Федорович, убейте меня!

* * *

На дворе, точнее, за окном моим заполярная летняя ночь. Она и сейчас куда более прославленной питерской, и вполне справедливо именуется в обиходе полярным днем. Это ведь только время ночное на часах, только время, и циферблат лишь условность, формальность, не более. Я сижу на кухне. Мне не спится... Во, сказанул! Да, как романтично! Просто-напросто у меня традиционная похмельная бессонница. Дама сия по обыкновению заходит в гости, венчая завершение периода значительных возлияний. Я не сплю толком уже третьи сутки, лишь изредка погружаясь в невняти-

цу повторяющегося кошмара. Там, в мороке, я настойчиво и безрезультатно ишу свою гитару, шляясь по неведомой, заброшенной и забытой Богом стройке. Подозреваю, впрочем, что это не стройка, а просто развалины неких зданий, ибо куда ни глянь, всюду лишь груды строительного мусора и остовы домов. Я часто спотыкаюсь, я вообще очень плохо держусь на ногах. Ноги кисельные и непослушные, управлять ими — сушая пытка. Я то и дело падаю, встречая выставленными вперед ладонями осколки кирпичей, куски штукатурки, щепки, даже осколки битой посуды. Потом долго и неуклюже поднимаюсь, зная, что вскоре вновь растянусь во весь рост. Мне не хватает воздуха, я не умею дышать полной грудью, в легких моих торжествует неумолимый, разрывающий плоть кашель.

Вокруг толпятся люди, их лица мне знакомы, но я не в силах точно сказать, кто они и откуда, тем более вспомнить имена, фамилии, прозвища. Судя по гримасам на их лицах, они не понимают моего поведения, а объясниться с ними я не могу. Речь мою сжирает все тот же чахоточный лай, сотрясающий тело от макушки до пят, лишь соберись я слово произнести. Это наваждение уж точно не сон. Это мечь измученного организма моего вдрызг промотавшей все состояние душе. Это не сон, ибо, очнувшись, я долго и мучительно соображаю, где и когда это происходило наяву. Пока не догадываюсь и не прихожу в себя окончательно. А может, и не прихожу, а только догадываюсь. Нормально заснуть можно лишь под «колесами», но и это — путь в тупик, поскольку не всякая таблетка успокоительного или снотворного меня срубит. А увеличивая дозы, недолго и шнурки завязать на веки вечные. Маюсь, одним словом. Да-да, именно словом, писанина лишь и выручает. То очередные вирши наплываю, то вот эти самые «канделябры да кренделя», коими и занят сейчас. В перерывах валяюсь шпалой на диване. В левой, свисающей к полу руке, пульт от телека. Перелистываю каналы, ни на одном подолгу не задерживаясь. Вариации картинок и звуков отвлекают от настоящего. Думать при этом некогда. И не о чем тут думать. Нешто голову пеплом посыпать? Да бросьте вы! Это ли покаяние?! Нет, конечно. Все было известно наперед. И вообще, ничего просто так не происходило и не происходит.

Некоторое время назад я, будучи в полном сознании, сознательно же «продинамил» презентацию третьей своей книги в областной библиотеке. Сначала сам обо всем договорился, а потом... Только меня и видели. Вернее, не видели. Спросите — отчего же? А вот тоска вдруг захомутала-спеленала и в одну минуту весь мир вдруг опротивел. И окружающий, и мой собственный, внутренний, с вашего позволения. И стало мне понятно, что никуда я не поеду — не пойду, что нынче «без меня большевики обойдутся», что не о чем мне сейчас с кем бы то ни было разговаривать, и что-либо «впирать» насчет творчества и стихосложения, ибо не объяснить толком, чего мне все это стоит. И я отключился от реалий. Сначала изучал «Очерки русской смуты» в части, касающейся имеющихся в книге статистических данных. Затем — личные характеристики персонажей. Потом ронял восхищенную слезу над «Соляным бунтом». Потом «Евангелие от палача», потом... А, неважно, что потом. Размышлял я. И до, и после, и вместо, то есть во время чтения...

Что, если угодно, следует из поговорок «муж да жена — одна сатана» и «милые бранятся — только тешатся»? Очевидно то, что в любой семейной драме, а равно и в триумфе, вина и заслуги делятся точь-в-точь пополам? Угу-то угу, да ничего похожего! Мужик, он всегда виноватее, а женщина — всегда заслуженнее. Какие бы дела мужчина ни сотворил, в совокупности умо- и телодвижений он подсознательно руководствуется принципом интерполяции и дифференциации. И, замахнувшись на нечто глобальное, решает множество частных задач, результаты решений которых благополучно суммируются отнюдь не всегда. И результат может вообще не соответствовать затраченным усилиям. Так гора порождает мышь. А «слабый» пол всегда интегрирует и экстраполирует. Женщина рождается уже взрослой, а мужик — до седых волос на известном месте пацан пацаном. И в конечном счете слабый якобы пол rea-

лизует глобальное предназначение продолжения рода человеческого и сохранение условий его существования, чем бы в принципе ни занимался в текущий момент.

Время от времени я превращаюсь в брюзгу. И довольно агрессивного, раздражительного. Сижу себе, резонерствую. Между прочим, с телеком беседую. Да-да. Чего скрывать, грешен. Очевидно, все-таки возраст есть возраст. Начинаю понемногу стареть. Становлюсь ретроградом? Консерватором и рутинером? А что, очень может быть. Кто из нас и от чего застрахован? Сам же и замечаю, как порой в разговоре реплики мои являют лишь отражение слов собеседника, не более, словно не я сам их произношу, а некое устройство, спрятанное в голове, подыскивает дежурные фразы и транслирует их в пространство. Возможно, я просто выпал из современной жизни? В какой-то мере это наверняка так. Слишком многое в ней меня не устраивает, слишком многое чуждо и неинтересно. Только вот привилегии заниматься лишь тем, чем хочешь, и общаться лишь с теми, кто тебе по сердцу,— сказочное благо, на деле абсолютно недостижимое. А жаль.

С возрастом сложно терпеть подле себя кого попало. Можно до поры абстрагироваться и от этого, но долго не протянешь, не выдержишь. Не хочется тратиться на случайных персонажей. Нет точек соприкосновения. И смысла в общении нет ни малейшего. Я ведь, в свою очередь, не склонен никому себя навязывать. Даже близким. Наверное, это очень плохо, но, по-моему, навязываться еще хуже. Я стал гораздо молчаливее, жена обижается, дескать не хочу с ней общаться. А дело обстоит совсем не так, просто я доставляю ей в жизни столь мало радостных минут, что порой мне просто неловко просто так болтать с ней о чем-либо. Совесть-то никуда не денешь. Даже такую, как у меня, весьма конформистскую и лицемерную. А Эльку свою я все равно люблю, уж какой там любовью, не знаю, но больше жизни...

В остальном же, часто меняю работу, иногда довольно долго вообще сижу без работы, заработки мои более чем случайны, а творческими усилиями практически исключены, за редчайшими эпизодами, кои легко по пальцам сосчитать. Я часто пью и скандалю, причем сам себе напоминая обиженно лающую на всех подряд прохожих собаку. Всякое бывает. Иногда мои якобы благонравные соседи вызывают наряд милиции, дескать, я очень громко себя веду и мешаю им отдыхать, как-то вот этажом ошибся, дверь выломал, в секцию ведущую... Непорядок. О том же, что подобных дверей по правилам пожарной безопасности быть не должно, вспоминают лишь тогда, когда лишняя переборка в случае пожара станет причиной чьей-то гибели... Не оправдание. Согласен. Но... вы сами — прекрасные, добропорядочные, законопослушные, не так ли? Вот и я говорю... А мне, в свою очередь, иногда кажется, что любые сильные эмоции этим людям вообще не присущи. У них все в жизни регламентировано, они хорошие и тихие, как паучки-носсе. И живут за шкафом. Впрочем, дай им, Господь, здоровья. И не забудем о том, кто водится в тихом омуте.

* * *

Эти звуки рождались из ничего. И являлись из ниоткуда. Тем не менее они настойчиво тиранили мне слух своими проволочными лапками, неумолимо стремясь забраться внутрь черепной коробки и изорвать, искромсать, уничтожить мой несчастный мозг с жалким, желавшим в данный момент лишь непробудного сна, разумом. Однажды мне показалось было, что они вдруг исчезли разом, точно по команде. Но вскоре все началось сначала.

Господи, как я хочу спать. Я ведь только лег! Почему они изводят своей пыткой именно меня?

Я открыл глаза и ошарашенно огляделся вокруг. Я дома. Мои все в отпуске, я один. А почему сижу в кровати? А, кажется понятно, я просто сел, не открыв еще глаз. Ну, конечно, лег около пяти, читал чеховскую прозу, рассказы... И такая меня

тоска взяла... Позвольте, а что же это так противно трезвонило? О! Вот оно! Так ведь это мобила мой наяривает. Но откуда столь мерзкая мелодия? И номер совершенно незнакомый. Ясно, оттого и музон жуткий, я же его специально не настраивал. А, все одно, уже проснулся, отвечаю...

Оказалось, что меня настойчиво тревожили из редакции корпоративной газеты. Точнее, одно весьма милое создание, коллега по совместной работе на местном телевидении.

И что же вам, сударыня, нужно в такую рань? Ах, окстись, уже полдень? Пардон, мадам. Ну да, творческий челзак, одно слово — богема, неправильный образ жизни. Что, говорите? Моя помощь требуется? Конкретнее. Да, я в курсе, что корпоративный праздник послезавтра. Да, знаю, что в областном центре будет сбор представителей всех филиалов. Вы сняли видеоматериалы о буднях корпорации. А вам приказали превратить это все в клип для песни.

На какую мелодию? Трехмушкетерскую?

Бургундиянормандияшампаньилипрованс. Ар-р-ригинальна... А текст вам зарубили, сказали, что лажа. Вы знаете, мадам, не глядя, не читая, думаю, что ваше руководство правильно и сделало. Подправить текст? Так. И записать песню в студии, во центре культуры? Звукач ждет? На все про все четыре часа? Ха-ха. И сколько вы мне будете готовы заплатить? Ах, не с вами об этом... Понятно. Ладно. Через час жду у меня...

Дама позвонила в дверь за пять минут до установленного времени. Она заметно нервничала, видимо, всей редакции и пресс-службе наверху хорошо накрутили хвосты. Оснастить же фитилями все жизненно важные места им пообещали в случае провала задания. И видимо на полном серьезе посулили, ишь, как коллега руки воздухом моет, и от кофе отказывается, глазены что у твоей кошки, по семь копеек. Понятно, почему она меня вызвонила, я же внештатником в ихней корпоративке подрабатываю, по две сотни за тысячу строк. Так что ближе меня у нее по всем статьям помощника и нету. Ну, свои действия она наверняка согласовала, испросив на то разрешения у начальницы всей пресс-службы. Той волноваться нельзя, она через пару-тройку недель в декрет собралась. А тут ведь запросто можно и пробочкой вылететь из своих кресел, в пустоту, в никуда. У корпорантов старших, то есть у менагеров, разговор короткий, ежели что. Там ведь не хуже, чем в армии, а то и куда лучше, мне кажется. Где же Лица, Римма и Софа такие денежки еще поднимут?

Как со мной давеча слесарь знакомый с медяхи откровенничал, дескать, за такую зарплату можно и... очень многое можно стерпеть, дорогой, ибо подобных бабок ни окрест, ни далече не сыскать. Да, он совершенно прав, стерпеть можно, просто иные не способны, не считают нужным, лучше сдохнуть сразу, поскольку, как только ты стерпел вот так единожды, считай, уже и окочурился. Снаружи вроде бы и ты прежний, а внутри...

Интересно, а во что же эти делашки мои усилия оценят? Они, как и все им подобные, не способные к экстремальным усилиям и на диво хорошие в спокойной, штатной обстановке нас, авральщиков, обычно сторонятся. Мы же как работаем, так и отдыхаем. И потом, пока есть в тебе надобность, ты хороший и необходимый. А дело сделал, и всякий интерес к тебе улетучился, ты мешаешь и вызываешь у прочих чувство неловкости. Ты напоминаешь им об ихней слабости и никчемности, пусть даже эпизодической. Так ведут себя не только такие вот Лица, но и многочисленные служивые гуманитарии, учителя. библиотекари... Помогите им галочку за проведенное мероприятилово нарисовать в плане работы законным способом и все, адые. А в ином качестве ты им не нужен и обременителен. Хотя нет, что же это я клевету, а как же, помнится, звонок на Восьмое марта из дальнего библиотечного филиала, дескать, Длинный, мы тут с девочками сидим-отмечаем, а на восемь нас, красивых, ни одного мужика. Бери гитару, подъезжай, мы с удовольствием тебя послушаем, подпоем. Стол накрыт, прямо-таки ломится...

Я на той библиотечной территории несколько раз выступал с творческими вечерами и небольшими концертами, и в основном по библиотечной инициативе, они на мне и некоторых моих товарищах реализовали, наверное, добрую треть годового плана работы с читателями. И вот на тебе, еще кунштюк... Неслужебный. Внеклассное чтение. Продленка... То ли простота хуже воровства, то ли... Да нет, именно так. И будто бы невдомек звонившей, что у меня вообще-то супруга есть, что я именно ее в данный момент поздравляю с праздником, что добираться к ним библиотеку в праздничный день долгонько и недешево, и что я не обязан приходить в восторг от каждого подобного предложения. Или вы подумали, что я за бутылку и постель скороморошничать стану? Очень может быть и стану, вполне сие допускаю, но не в данном случае, мадамочки мои благообразные, серенькие, бестактные, недалекие... Оборзели вы на мой счет, не послал я вас прямым текстом, и ладушки. Однако же мои резонные объяснения вызвали на том конце провода легкое недовольство и недоумение, мол, не едет, а мы же зовем, мы, не кто-нибудь! Почему не едет-то? А я, кошечки мои малоумные, стою дорого. Очень. Такую цену вы никогда не будете способны заплатить. И благодарите судьбу, что вы и не узнаете о существовании подобных преysкурантов. От меня, по крайней мере.

Я проводил до лифта откровенно и с каждой минутой все более страдающую Ликку, растерявшую всю завивку своей роскошной блондинистой шевелюры, то ли от треволнений, то ли от влажности — сыро было на улице, дождь принимался уже неоднократно, а возможно, и от того, и от другого. Перед тем как нырнуть в кабину, она быстро глянула на меня, и в зеленоватых кошачьих глазах под пагиной тоски, затеплилась надежда, что все уладится. Я лишь ободряюще похлопал ее по плечу — вали, подруга, и не трясись, заслуженные товарищи не подведут. Она должна была вернуться за мной часа через полтора.

Зашел я на кухню, отхлебнул остывшего порядком кофе и глянул в листок с принесенными виршами. М-да, я же говорил, что правильно их взгрели. Это же ни дать ни взять канцелярский документ, а не текст песни, хоть и для служебного, сиречь корпоративного пользования. Вот за этим я им и нужен. Я всем за этим нужен, когда прорыв, когда аврал. Ты только помоги, родима-а-ай! А уж мы тебе... Знаю, мы тебе поленом по губе. Ладно, поехали.

Глянул еще с листок с текстом, от коего несло откровенной, прокисшей, безграмотной канцелярщиной. «Клянемся дать продукцию», «повысим обязательства», «не уроним качество» и «дорогая наша корпорация!» Без бутылки подобное творение не осилить, но попробую, даже интересно. Времени в обрез, но попытаюсь. Так, вот здесь неплохо бы привязать восход солнца и понятие «выдавать на-гора», где-то я даже встречал такое выражение «выдать солнце на-гора». Ну, слизывать впрямую не стану, а смысл обыграю по-иному. Хм, а судя по ритмике избранной мелодии, «дорогую нашу корпорацию» придется оставить. Ну и пусть ее. Теперь вот это...

Полтора часа, десяток сигарет и четыре чашки кофе. И готово дело в шляпу, как это я называю. Набрал свой вариант на компе и отправил полученный шедевр на печать. А вот и Лика тут как тут, названивает в дверь, отрывисто, нетерпеливо. Протянул ей лист прямо в прихожей и пошел одеваться. Из спальни слышал, что она по мобильнику сбивчиво диктует, наверное, начальнице строки, торопится, повторяется. Потом замолкла и почти крикнула мне, можно ли, мол, отправить все это по электронной почте в их офис. Об чем речь, милая? Отправим. Только вот джинсы напялю... застегнусь... Все, готов к труду и обороне. Диктуйте «мыло»...

Около шестнадцати тридцати я пожал руку звукачу, и мы с Ликой и записанным треком на ее флешке покинули студию. Звукача Влада я хорошо знал и по совместной работе на концертах в Центре культуры, и по неоднократным записям песен на вверенной ему аппаратуре, он частенько помогал нам с Аланычем явочным порядком, без высочайших соизволений, за долю малую, тем паче что в ту пору директоры

в центре менялись примерно раз в год. Отправленный по электронке текст в полчаса был согласован и, мало того, полностью одобрен наверху в нескольких инстанциях, после чего моя Лика окончательно воспрянула из пепла, расслабилась и явно похорошела, разве что завивку вновь не обрела, но при ее богатой шевелюре и так гляделось очень прилично. Записались мы с Владом примерно за час. Экспресс-режим ничего не испортил, получилось вполне сносно, во всяком случае для широкой аудитории, которая к тому же на момент демонстрации видеоклипа будет уже прилично навеселе. Нет, без дураков, ляпов трек не содержал. Когда клип увидела и прослушала беременная женщина Римма, начальница всей корпоративной пресс-службы, она, не глядя на меня, облегченно изрекла:

— Вы нас спасли. Ни более, ни менее... Огромное спасибо.

И, справившись с благодарными порывами души, после небольшой паузы продолжила вполне по-деловому:

— Во сколько вы оцениваете свои усилия?

Я замаялся, прикидывая, что к чему. А она поинтересовалась моей зарплатой за прошлый месяц. Я назвал сумму, и меня тут же спросили насчет выплаты аналогичного единовременного вознаграждения за срочную творческую работу. Мне оставалось лишь кивнуть, дескать, договорились. Не ожидал, честно сказать, подобной щедрости. Отчего не ожидал? А «работа наша такая, забота наша простая...», плюс к тому немало пожито и всякого добра поклевано. Однако же, представьте, они таки заплатили. Перевели на карту всю сумму сразу, изрядно удивив при этом мою супругу, у которой сработало оповещение мобильного банка. Пришлось объяснить золотой своей половине, что чудеса, хоть и небольшие, иногда все же происходят. И даже столь безнадежная личность, как я, порой способна воплотить чудо в конкретной сумме билетов национального банка.

Через пару-тройку дней начальник мазутки Коля Скрябин, высокий, массивный, в усах, пиджаке и при галстуке, встретив меня на улице, без предисловий раскинул руки для объятий и почти заорал:

— Длинный, золотко ты мое! Мы же с мужиками твой голос сразу срисовали на празднике! Сам написал? Ну, ты мушкетер! Понятно, что музыка оттуда... Пойдем-ка отметим это дело, пока впечатления свежи и чувства искренни! Давай-шагай... Не отвертись теперь, будешь знать, как песни петь!

Мне оставалось лишь подчиниться. Глас народа, он, как известно...

* * *

Опять валяюсь на диване в бессилии и бессоннице. Понятное дело, после трехдневного фестиваля, вернувшись домой, фестивалил с другом еще неделю. Останется не могли. Праздника желали. А весь праздник — сплошной портвейн пополам с водярой. Нет бы вискарю дорогого шарахнуть солидно... Вот я и говорю — нет у нас на вискарю бабосов. Смешно сказать, у меня друган, госинспектор лесничества, получает двадцать тысяч на руки. Здорово! И полтора десятка лет стажа лесного у него повисли в воздухе при переходе на работу из заповедника в лесничество. А за такие честно им зарабатываемые бешеные бабки можно только спиваться. А вот жить невозможно, да и нельзя. Аморально так жить.

Только что очнулся от очередного морока — привиделось, будто бы я нахожусь в местах не столь отдаленных, отбывая некий срок в странном полурежимном поселении. Причем половина лиц тамошних мне знакома. Но вот они меня признавать не желают. Мало того, пытаются всячески достать, унижить, чтоб уж ниже некуда, превратить в раба, в ничто без имени и роду племени или просто извести. Напрочь. На-смерть. Кто-то услужливо насыпал в мою миску с баландой толченого стекла, а в койку запустил гадюку... А в кирзачи налили воды и выставили на мороз. Спасибо,

что только воды. Потом рядом со мной на стройке грохнулась пара кирпичей, якобы сами собой слетевшие с верхотуры, где велась кладка. Потом... потом... потом... И вновь это жуткое ощущение собственной полнейшей немощи. Я ничего не могу! Ничего не умею! Порой двинуть рукой-ногой не в силах. И наплывает ужас, мол, кирдык тебе, приятель, отбежался. И вдруг жутко хочется жить. Любой ценой. Душа вопиет и сопротивляется, а плоть немощна и труслива, и вдобавок существует вполне самостоятельно, независимо от духа моего, ежели таковой еще присутствует... Вдобавок я и наяву в подобном состоянии не в силах выдержать ни криминальных убойных новостей, ни даже киношного насилия. Истерик. Полный псих. «А кто не псих? А вы не псих?»

Странное тогда настало время. Прогорклое. И жизнь пошла странная, с гниlostным привкусом. С виду же полный порядок, и должность не хилая, и работы навалом, и волочешь ее как надо, и дома олл райт. И вдруг, в самый неподходящий момент, накрывает тебя озарение, что при всех имеющихся достижениях и заслугах убиты почти два десятка лет на всевозможную муть, и нынче ты не человек, а кибер, андроид, безвольно следующее заданной программе полное ничтожество. Только с растущими благосостоянием и титулом. А вскоре, еще лет через пятнадцать, и это все станет весьма условным. Ты и сам начнешь становиться весьма условным. Ты уже сейчас весьма условное понятие. И то в лучшем случае. А наряду с подобными выкладками, исподволь, то и дело заглядывает в гости на огонек необъяснимая апатия, и становится все абсолютно «по барабану», «фиолетово», и хочется, и может быть лишь валяться пластом на лежаке, игнорируя телефонные звонки и не желая визуального общения ни с кем.

Впрочем, вскорости апатия сдает смену дикому приступу гедонистического разгула с театральными элементами погружения в вальгаллу, уничтожением некоторого количества алкоголя в компании якобы друзей или хороших знакомых. Но дело все-таки есть дело, траектория вновь замыкается, образуя петлю, точнее, известную лямку, которую и тащишь согласно установленным нормам и правилам. Среди них главное — сколько нужно бери, но делись с ближними, как с верхними, так и с нижними. И главное, с посторонними. Такова в целом структурная схема пресловутых «откатов», прочно к описываемому времени вошедших в нашу производственную, с позволения сказать, деятельность. И главное что? Главное — если ты в меру умен, и в меру жаден, все пребывает в ажуре. И овцы сыты, и волки целы. В противном случае тоже точно так и будет, но не с тобой, а с другими. А ты окажешься вне схемы. Хочешь честно работать? Помилуй, а кто против-то? Но делиться нужно. Вас много, а достойный заказчик один. Давайте жить дружно, стимулируя заказчика к дальнейшим свершениям с вашей, коллеги, помощью.

Так и жили. Только порой тошно становилось долю в конвертике человечкам таскать. Человечки те — нашего уровня, не приезжие, из местных, прежде с тобой по отметкам шныряли, на эстакадах уличных околевали, в котлах сажу глотали... А теперь, извините-подвиньтесь, ни дать ни взять «господа разрешители работ». И ты уж, любезный, не изволь ерепениться.

Если сие воспринимать легко, как данность, и не заострять внимания своего на деталях, можно и такое безобидное в целом унижение считать частью технологического процесса. Не подмажешь — не поедешь, известное дело. А не хошь, милоч, унижаться, вали отсюда куда угодно. Хоть в частный бизнес удалой, хоть на помойку. И то сказать, страдать абсолютно не из-за чего. Все же взрослые люди, работа такая, время такое.

Конечно, обстановка меняется. Прежде ценилось твое умение реально делать реальное дело, монтировать, варить, реконструировать, латать. А нынче в чести вовремя и правильно оформленные документки, в соответствии с... и суммы в конвертиках. И никаких гвоздей!!! И пошел ты в анус к лошадке со своими душевными схват-

ками, очень напоминающими геморроидальные колики. А дураков у нас и так в избытке. Но это наши дураки.

Тускло? Оно и понятно, что тускло. Но, уверяю вас, так и должно быть. В нашей с вами мелочно-деловитой, сугубо утилитарной, жлобской и плебейской постсоветской ежедневности никогда не было ярко. Тут яркость излишняя вообще всех пугает и считается бедствием. А взоры умиротворяет и ласкает чадающий фитиль керосинки. В полумраке все на одно лицо и вполне симпатичны, ни уродов, ни красавцев. Полное равенство! Демократия а-ля натюрель! И никакие героические девизы вроде «делай что должно и будь что будет» здесь не канают. Они для иных подмоствок. Нам же сполохи мешают, калеча глаза, смущая пищеварение и вызывая томление в грудях и нижней части живота.

Зато, имея определенное терпение, а также иммунитет к чувству собственного достоинства, ведущий к коммуникабельности и гибкости, помноженный на определенный профессионализм, вы получаете прекрасный фундамент успеха, который вкупе с терпением дает в итоге блестящие результаты. Какие именно? Да вы что, не в курсе? Хорошую пенсию, возможность обосноваться куда южнее своей нынешней заполярной параллели, вполне упакованных детишек... Немало, согласитесь. И данный вариант вполне зауряден. А если... а если... а ежели вдруг еще и... Ого! О-о-о-о-о!

До поры до времени меня на все вышеперечисленное вполне хватало. Не без спонтанных текущих глупостей, разумеется. Но без последствий. В конце концов, жить-то надо. И когда дела идут в гору, грех останавливаться. Любой разумный человек подтвердит. Ну, в соответствии с рациональным мышлением я и пер, почем зря. А потом в единый миг иссяк. Точно скорлупа треснула и осыпалась, и на свет вышел абсолютно иной человек. И началось. В сравнении с собой прежним я хромал теперь на обе ноги. Для обеспечения у окружающих иллюзии о себе вчерашнем понадобились костыли. Таковыми оказались инерция силы воли и некие доводы разума. Впрочем, и то и другое требовалось время от времени подпитывать. Запасы, как известно, имеют свойство заканчиваться. Помощь окружающих маловероятна и даже в случае оказания таковой неэффективна. Реально помочь тут может лишь обращение к духовным ценностям православия. Но путь этот непрост и многотруден, обольщаться глупо. Тем паче, что смирение как идеал духовного и нравственного состояния истинно православного человека большинством людей трактуется абсолютно искаженно, механистично.

Словом, пребывание в новой ипостаси оказалось еще более невыносимым и опасным. Я толком успел сие лишь осознать. А предпринять ничего не смог. Все свершилось само собой. Так всегда, не найдешь дорогу к Господу, дьявол обязательно отыщет тебя сам. И ты поймешь, что пропал пропадом отнюдь не в этот миг, не сейчас, а давным-давно, когда пренебрег собственной, едва заметной, зыбкой, ускользающей то и дело тропой и двинул уверенно и вполне ретиво широким пыльным трактом, ведущим, как считалось, на разгульную, удалую, богатую ярмарку, где только и возможна жизнь, достойная настоящих, умных и деловых людей. И ради таких радостей можно пожертвовать очень многим, в первую очередь «разумным, добрым, вечным». Ошибка лишь в том, что не просто можно, но неизбежно придется. Таков закон жанра. Ибо гораздо актуальнее на данном пути лозунги «быстрее, выше, сильнее» и «пришел, увидел, победил». А на деле вышло совсем по-иному. С точностью до наоборот. Впрочем, и в этом есть своя неумолимая логика... Просто мы чаще всего к оной абсолютно не готовы... Уж больно удачи хочется. А что, если поражение и есть истинная удача?!

* * *

Я не знал, что со мной творится и отчего все это? Неодолимое, незнакомое прежде отвращение вдруг свернуло меня жгутом, а в следующий миг практически вы-

вернуло наизнанку. Натурально, я вдруг ощутил, что желудок вот-вот вырвется, нет, продерется наружу своевольным, брезгливым, живым мешком, не желающим более иметь со мной никаких дел, и тут же издохнет, не в силах одолеть весь тот гной и яд, коим начинен по моей вине.

Я валялся в глубокой луже лицом вниз, в жидкой грязи, источавшей тошнотворный букет ароматов и вкусов извести, солярки, тухлой воды, масляной краски и еще чего-то весьма впечатляющего и знакомого, наверное, кошачьей мочи, или нет, сырой штукатурки, помеченной кошками. Собравшись с силами, я все-таки чуть приподнял голову, и тут сквозь полуоткрытые веки явилась моему осоловелому взору стилизованная под рядно обшивку родного дивана, серая, в темных пятнах вытекшей из моего (а чьего же еще!) рта слюны.

Опять помстилось все? Но запахи! И хруст песчинок на губах! Даже стекло вроде бы попало однажды... В итоге что? В итоге гори оно огнем, похмелье, день третий. Да, если стал впадать в забытие и кошмары ловить, третий, не иначе. Без всякого снотворного, без барбигорионаогнемуратов там разных.

Я почти не встаю с дивана, разве что по крайней необходимости, а сутки напролет просто валяюсь шпалой, тычу пультом в телек. Опять. Как всегда. Любая попытка осмысленного контакта с любым живым существом рождает мгновенно вскипающее, плохо контролируемое, и оттого дикое, истерическое раздражение. Мне еще пару суток лучше лежать в одиночестве и молчать. Это все от невозможности совершения каких-либо осмысленных, самых элементарных практических действий. Период полезных дел, желание неперемного и продуктивного движения придет позже, когда начну действительно засыпать без снов часа на два, на три, а просыпаться от протестов сморщенного от опустелости, истомленного голодом, несчастного моего желудка.

И начнется кухонная эпопея, не без некоторых даже изысков, в рамках умеренного гурманства, затем стирка-уборка, хоть после общения с пылесосом валишься, обессиленный и взмокший, на диван, умиряя дыхание и заячьи эскапады порядком загнанной уже сердечной мышцы. А потом... А потом венец всего процесса воскресения, сиречь удачно и с удовольствием проведенная серьезная хозяйственная операция, например, прокладка нового антенного кабеля, легкий сантехнический ремонт, даже ремонт мебели и все такое прочее. И вновь: здравствуй, жизнь! По всем признакам пора за стол. К перу. К бумаге. К клавиатуре с монитором и... И все понесется по кругу.

В обычном своем состоянии я не испытываю не то что восторга, но даже особенного желанья заниматься всем вышеперечисленным, в смысле по хозяйству. За исключением кулинарных хлопот. Это не лень, вовсе нет, надо — делаю, но радости никакой не испытываю. Сказался, вероятно, синдром профессионального подрядчика, за долгие годы работы на производстве я перестал испытывать нежные чувства не только к любому заказчику, но и к работе, совершаемой не по собственной инициативе. Отвратное свойство, а впрочем, я охотно и добросовестно, без проволочек выполняю то, что требуется, например, детям, и моим, и не очень. Шутка. Ладно. Не будучи идеально рукаст, имею кое-какие навыки, соображалку и опыт, вполне достаточные для дома, для семьи. А в остальном с удовольствием занимаюсь лишь своими виршами, песенками, статеечками, записями.

Да, в свое время я получил отличное образование и прошел весьма солидную профессиональную школу. Именно так. Но вся жуть состояла в том, что мне, как выяснилось впоследствии, были необходимы совершенно иные, да, отличные и солидные, но иные и образование, и школа. В результате менять вектор движения пришлось по ходу пьесы, не снижая набранной скорости, теряя в зарослях неумолимой, хищной, ржавой колочей проволоки прежних стереотипов, житейских схем и установок лоскуты кожи и клочья кровавого мяса отвергнутой своей ипостаси, наяву хле-

бая болотное гнилье привычных уже, обжитых, вполне, по общему мнению, комфортных трясин и топей, отчего-то именуемых в толпе командными высотами, при этом, что самое невыносимое, изматывая убийственно самых близких и самых любимых. Именно изматывая и чуть ли не убивая, ибо начинать новый путь приходилось хоть и не без багажа, с определенным, приличным капиталом, но все-таки от линии старта с нулевой отметкой. Я по крайней мере знал, за что мне все эти шишки, синяки и материальные ямы. А они? Причем тут вообще они? Неплохая плата за проезд, а?

Далеко ли уехал? Кое-где кое-кто считает, что у меня вполне получается писать приличные стихи, иногда песни, а также довольно сносные статьи и рецензии. Однажды мне позвонила одна моя коллега, очень сильная поющая поэтесса, и, ничтоже сумняшеся, заявила мне, что прежде считала меня чуваком легковесным, а вот сейчас прочла внимательно и вдумчиво мои сборники, кое над чем даже всплакнула слегка, и поняла, дескать, что...

Подобные сентенции с теми или иными вариациями слышал я довольно часто. Особенно по первопутку. Мне они были тогда, не скрою, вполне приятны, бальзам на душу, еще бы в рот — тушенку, поэтому я постарался научиться оные реплики быстро и навсегда забывать. И, слава Создателю, мне это удалось.

Не удалось другое, гораздо более важное. Много лет подряд я, по натуре с детства не особо жаловавший шумные компании и вообще коллективные затеи, вынужден был проводить большую часть своего времени именно в компаниях, командах, подразделениях, коллективах. У меня никогда не лежала души к каким бы то ни было соревнованиям, но на людях я вынужден был стать достаточно агрессивным и напористым, дабы не быть затоптанным и понукаемым. В результате я привык играть на опережение, привык добиваться поставленной конкретной цели, со временем став тем, кого сейчас принято называть менеджером среднего звена, даже поднявшись было еще на одну ступеньку, научился, вопреки изначальному нежеланию, успешно руководить вверенными мне подчиненными... И в результате растратил свой административный ресурс в довольно короткие строки, ощутив пустоту в душе и сердце, бессмысленность карьерных кульбитов и стойкую ненависть к коллективному разуму. Возможно, коль скоро на безрыбье и рак сгодится, всем вышеперечисленным тоже можно в определенной степени удовлетвориться и в какой-то мере даже утешиться.

Ну вот! Попробуй тут закончить треп и не отреагировать на очередной перл. С нашими инициаторами общественной пользы и радателями за народное благополучие не соскучишься. Некий регионал-законодатель забегал с очередной новацией, а именно — предложением вернуть наказание за тунеядство. Дескать, труд должен быть не просто правом, но и обязанностью, дабы каждый, трудясь, налоги государству отчислял. Ату его, трутня, к ногтю! Ну-ка, изменения в конституцию, и вперед, заре навстречу.

Господи, дай мне сил и терпения! Этот достойный и добрый человек, явно с наклонностями прорасти в политического гения, вновь хочет вернуть союз нерушимых голодных и вшивых... царство рабского, принудительного, унижительного труда за полущку и грош, ибо ничего более достойного в случае одобрения евонной инициативы получить не может.

Вы полагаете, что уже нельзя, что подобное уже не повторится? Учите матчасть, господа мои. На самом деле сие много проще, чем кажется. И запомните, на шнобелях своих распрекрасных зарубите: возведение общественной пользы в абсолют в конце концов также отменяет императив совести, как и бездумное потакание якобы «свободе человеческой личности». Стремление создать нечто подобное различным городам солнца всегда приводит к оруэлловской антиутопии. Утилитарность в предельном варианте — обыкновенный фашизм. Особенно с подобными деятелями в

наличии. Столь же опасно и крайнее увлечение свободой личности. Самое главное — результат достигается аналогичный только что упомянутому. Не устану повторять этого, хоть попугаем обзывайте.

Да, и следующий думский перл — предложение запретить преподавание английского языка в наших школах, ибо при изучении одного ученики поневоле становятся поклонниками западного образа мысли и «ихними ценностями проникаются». О, Господи, Боже правый! И вообще, как это так, когда в программе школ с углубленным изучением иньяза на оный часов отведено более, нежели на наш родной? А вам, господа умники, не понятно отчего? Да именно оттого, что иностранный-то изучать куда сложнее, а на родимом мы еще и ежедневно разговариваем, и читаем, и устно даже образовываемся. Круглосуточно, не только в школе.

И если бы этими двумя примерами исчерпывалась дурь несусветная! С другой стороны, у нас ведь свобода слова. Вот и метут порой, не подумав, неведь что. А как же разум? А совесть? Вот было бы здорово, если бы «только совесть на свободу надевала кандалы». Тоже утопия? Ну что же, пусть. Но ведь есть еще и православие, Господь... В таком случае я уже утверждал и продолжаю утверждать:

*Видишь, цветут умельцы, якобы малой кровью
Выстелить столбовую в жуть золотого века.
Наперекор достижениям в области просвещения,
Чертовски разнообразен животный мир человека.
Правило украшают досадные исключения.*

Незадолго до ухода в мир иной один большой русский актер в завершении своего, наверное, последнего интервью сказал такую вот фразу:

— Жизнь пролетела, как один день... Ну что вы на меня так смотрите? Надеетесь услышать что-нибудь мудрое?

А знаете, ведь он был абсолютно прав. Даже если эта жизнь не закончилась, а все еще пролетает и пролетает... И самое главное, редко кому из людей удавалось и удается прожить свою жизнь действительно до самого конца. Особенно если ценность жизни человеческой эквивалентна стоимости трех двухсотграммовых пачек сливочного масла в солидном сетевом маркете...

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

КОЛОВРАЩЕНИЕ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Петровской академии наук и искусств.

I

Ступенчатый раздольный подъезд красно-кирпичной четырехэтажной общаги притягивает их к себе, как секта. Этот подъезд для тинейджеров почти дом: сверху козырек, что особенно удобно в дождь, по бокам — бетонные бордюры, на которых можно сидеть, как на скамейке. Между двойными стрельчатыми опорами козырька образовались футуристические окна-амбразуры. В эти проемы с возвышения хорошо просматривается сквозь верхушки акаций весь дворовый пятачок с приглядевшимся видом: пивнушка и магазин в одном здании с отдельными входами, чуть дальше у вечно шумящей дороги пара продолговатых крашенных тумб, на которых пенсионеры с утра располагаются со своими семечками.

Угловатая, как бы вся стесанная отроковица Батура в джинсах-резинках на речных ножках, не доходя до подъезда, нашла его непривычно пустым. Обычно в выходные дни здесь к одиннадцати собираются сверстники — «чертова дюжина», как их окрестила вахтерша и не пускает, злюка, чужих внутрь. Настоящим именем — Зоя Батурина — девочку называют лишь учителя. А среди своих — одни клички. Девочка досадливо съезила лицо, столь щедро одаренное веснушками, даже на веках, что ее анфас кажется подпорченным сплошной коричневой кляксой, сквозь которую сразу и не различишь отдельных черт. Кто первый раз сподобится увидеть такую аномалию, принимается неостановимо помаргивать, давая взгляду ужиться с экзотикой. Батура уже привыкла к такой реакции, которая зимой сходит на нет вместе с веснушками.

Конопатая отшагнула к правому углу общаги, нацеливаясь пытливым взглядом на верхнее крайнее окно. На разбойничий свист никто и не подумал отозваться. Тогда девочка крикнула:

— Алка-скалка!..

И сама удивилась: «Ба! Что же голос стал таким грубым? Уже меняется...»

— Да Алка-скалка!.. — опять голос как будто не родной.

В форточке на саржевом фоне откадрировалось матовое личико девочки лет тринадцати с жестковатыми каштановыми волосами, челка как бы на отлете от лоби-

ка — проденется палец. Заметно было, что шампунь для девочки — непозволительная роскошь.

— Долго спишь. Жду на ступеньках...

Батура примостилась в междуопорном проеме на бетонной плите, достала из кармана линялой спортивной курточки бычок и стала набираться дымом, маскируя окурочек в рукаве. Спустя минуты три из двери выпорхнула на парадное крыльцо подружка, получившая свое двойное прозвище за то, что однажды на перемене после домоведенияхватила по лбу скалкой старшекласника, шаловливые ручки которого сделали неуклюжую попытку обследовать ее анатомию. Алка-скалка была в похожей курточке стиля «унисекс» и черных брюках, она тоже никогда не носила платьев, предпочитая мальчиговую одежду. На ее броском личике желтели кошачьи глаза, параметры фигурки уже давали обещание со временем не уступать эталонным.

— Не оставила мне! — тут же надула губки обладательница кошачьих глаз, заметив, как подруга отстрельнула пальцем окурочек в непролазность акаций.

— У меня даже на пачку «Примы» не хватает, — оправдание Батуры выглядело неуклюже. — Давай шулять.

Так подростки называли свой промысел: кланчить мелочь у прохожих.

Вскоре на улицу вывалился заспанный Артем, десятилетний двоюродный брат Батуриной. У Артема сгорел дом, и он вместе с матерью нашел здесь временный приют. Артему дали кличку Пастух за то, что он иногда умудрялся надаивать кружку молока у пасущихся в ближней лесополосе буренок.

Втроем стали окликать всех проходивших мимо шапочных знакомых. Лучше всего удавалось хоть что-нибудь «стрельнуть», когда перегораживаешь дорогу с извинительно-настырной улыбочкой, и от тебя спешат побыстрее отделаться.

— Не могу, у меня живот сводит, — согнулась в три погибели Батура, присев возле своей «бойницы» и изломав собой световой клин, ножки в обтягивающих джинсах сложились циркулем, почти без складок, острые коленки беззвучно «чокнулись» с подбородком. — Два дня ничего не ела. Пройдусь по Чередовой, попрошу хлеба...

— Я тоже прошвырнусь — в сторону девятиэтажек, — подхватила идею подруга. — А ты, Пастух, паси лохов, мы принесем хавчик...

Как ни странно, самыми «лохатыми» подростки считали именно тех, кто чаще всех жертвовал в их бездонную копилку.

II

Батура намеренно пошла мимо остановки — прибыльное место, обязательно что-нибудь найдешь. Но выуживать бутылки из урны, как раньше, она уже стеснялась. Она делала так. Становилась в толпе ожидающих автобуса и, опустив долу веснушки, водила одними глазами: не проблеснет ли на притоптанной земле? Обязательно где-нибудь в пыли покоится мелкая монетка. Взрослые брезгают наклоняться за ней. Батура тогда вынимала из кармана свою мелочь и «нечаянно» роняла ее, чтобы потом подобрать и чужую монетку. Вот и на этот раз к ее руке прилип бесхозный гривенник.

Два частных дома затрапезного вида не обманули интуицию юной побирушки — Батуру просто прогнали. В третьем доме нервно сказали, ничего нет, хотя умопомрачительно пахло печеным.

От этого ванильного духа у Батуры во всю полноту души за клубилась досада на мать: снова в алкогольной прострации, а дома ничего, кроме «аш два о», нет. Мамаша больше месяца не держится ни на одной работе. У нее веские основания: «В наше время только пить и остается...» Девочке слабо верилось в рассказы матери, что до перестройки все жили, «как при коммунизме». Как ни послушай, вечно все раньше было лучше...

Батура стала выбирать дом позатейливей — с узорами на кирпичной кладке, с излишествами в виде балкончиков на фронтоне. Набрела на такой — с непроглядным забором, украшенным сварными завитушками. Нажала кнопку на завидной калитке, не калитка, а вход в бомбоубежище. Во дворе заблефовала намеренно сердитым голосом шавка, вспомнившая о своих обязанностях лишь, когда зашуршали по двору хозяйские шаги. Позвонив, Батура всегда на всякий случай удалялась чуть в сторону, словно дистанция могла сгладить фонетику чьей-то неприветливости. Так и сейчас побирушка, словно ища союзника, встала рядом с тополем-перестарком разросшейся вдоль улицы аллеи. На некоторых тополях кое-кто из породы хитроумных снял снизу кору, чтобы деревья засохли и их с полным правом можно было спилить на дрова — браконьерство от нужды. Машина дров уже зашкаливает за тысячу.

Едва раскрылась калитка, Батура сразу узнала в проеме свою одноклассницу Раю Гуменную. «Влетела в косяк!» — жужукнуло в голове, но вышколенная под указкой улицы находчивость уже действовала на уровне автоматизма. Батура моментально спрятала свое «кляксовое», не хуже любой визитки, лицо в воротник куртки, словно кутая простывшее горло. Первым порывом было ретироваться, но тогда бы она явно выглядела «не по-русски» и этим выдала бы себя. А так легко поставить человека в тупичок: мало ли что может показаться. В меру буратиня голос, Батура прошептала:

— У вас нет чего-нибудь покушать?

Одноклассница, сбитая с толку этим обращением на «вы» (так знакомый человек говорить не будет) удалилась и через некоторое время подала Батуре добрых полковриги домашней выпечки, не сказав ни слова и не погасив в зрачках стожаров недомения...

III

Алка-скалка тем временем «окучивала» частный сектор, продвигаясь на окраину города, которую венчали три девятиэтажки. Пакет оттягивала тройка мясистых помидоров, но это был слабый улов.

С десяти лет девочка стала перекаати-полем. Мать свою, судя по сохранившейся фотографии, не без цыганских кровей, она не помнила — та все «по тюрьмам, да по ссылкам». Когда отец привел в дом новую «невесту» — мумиевидную бабульку, на щедрый четвертак старше его самого, Алла демонстративно ушла жить к подруге. Потом ей подсказали, что в общежитии освободилась комнатка. За нее надо платить сто тридцать рублей в месяц, но кредитоспособных здесь мало. У Аллы уже около двух тысяч долга, у Пастуха с матерью и того больше. Когда набирается десять тысяч, просто выселяют из общежития.

Отец Аллы живет недалеко — пять домов по прямой. Предоставив ей самой добывать себе пропитание, он, однако, не упускает случая «повоспитывать» ее. Заметив, что она поздно слоняется по улице, он вырывает ее из круга ровесников окриком:

— А ну иди домой!

«Домой!» От этого перевернутого слова Аллу коробит — отец имеет в виду ее общагу. Потом он находит ее в комнате и начинает совершенствоваться в рукоприкладстве. Если у нее высыпается из кармана мелочь, может отобрать. Сам он живет на пенсию жены-бабульки. Иногда сдает частным скупщикам цветной металл, который летом находит на свалках, а зимой приворовывает из чужих сараев. По его милости во всей округе в частных баньках исчезли алюминиевые тазики.

Не доходя квартал до девятиэтажек, Алка-скалка укоротила шаг: она не узнала угловой частный дом. Раньше его окна были заколочены, а теперь всюду явные следы обитаемости. Надо постучаться. Дощатую калитку открыл темнолицый усач в тюбетейке и потерявшем свою стать клетчатом пиджаке с оторванной верхней пуговицей, на месте которой сухим типчаком кустился пук ниток. На дежурный вопрос

голодной отроковицы он едва ли не обрадовано прочертил руками кривулину в сторону веранды:

— Маладес, захади, будешь покушать...

В центре полутемного зала за круглым низким достарханом сидела женщина в вельветовой жилетке с нашитыми на ней продырявленными монетами вперемешку с приколотыми случайными значками комсомольско-пионерской поры, черные волосы закрыты чрезмерно цветастым платком. На длинном платье то же состязание в несочетаемости контрастных ярких красок, впечатление, словно ручку цветности на телевизоре закрутили до предела. Женщина, явно жена усатого, пригласила девочку за стол.

Алка-скалка села на сосновую отполированную жирными руками скамеечку. Отыскав на столе единственную вилку, она собралась было зацепить самый большой кусок мяса на таком же цветном подносе и вдруг по непривычно длинному туловищу запеченной зверушки сообразила, что она кого-то жутко напоминает. Вилка словно застряла в бесплотном воздухе. На подносе лежала приготовленная к употреблению кошка,— если не она, то явно ничто другое.

— Кушай, кушай! — подбодрила хозяйка.

Гостья отдернула вилку и стала ковыряться в остатках салата. Она слышала, что едят собак, но чтобы кошек... Салат тоже не лез в горло от вида, с каким аппетитом усатый стал снимать крепкими зубами мясо с подозрительной мускулистой конечности, на которой скоро забелели невиданные косточки.

Алка-скалка вспомнила, как нынешней зимой она воскресной ранью на автобусной остановке за углом отсюда увидела нечто неосознаваемое. На снежной синьке, свешиваясь из усеченно-пирамидальной, переворачивающейся на оси урны, застыли прихваченные утренняя перламутровые кишки, среди которых виднелся крупный желудок. Рядом лежал на боку, поблескивая изморозью, завязанный мешок с проступившей во многих местах кровью. Видно было, что все это хозяйство подбросили сюда ночью. Алка-скалка диву давалась: если это от забитой хрюшки, то какой рачительный хозяин выбросит за ненадобностью желудок? Такого не бывает. Требуха, это понятно, хотя в такую разруху и она пошла бы в дело, любой бы взял ее за милую душу, только предложи. А чем тогда набит мешок?.. Пыталась она в тот день привлечь внимание остановочных истуканов. Именно истуканы,— уткнули носы в воротники и делают вид, что это их не касается. А вдруг это не свиные внутренности?.. Алле нужно было съездить к подруге-отличнице, чтобы та помогла разделаться с сочинением. Решила на обратном пути позвонить из уличного автомата в милицию или зайти в опорный пункт, что притулился в подвальном помещении с обратной стороны их общежития. Когда спустя три часа она вернулась от подруги, на этой остановке все было убрано — не осталось и следа...

Видя, что девочка жует лишь хлеб, хозяйка вдруг повела себя совсем уж неадекватно. Она открыла в полу зала крышку погреба и стала, как глупенькую, подманивать гостью к черному квадратному провалу:

— Мне есть два-один интересный места...

Апайка говорила не более чисто.

— Да ты посмотри, сколько банка! — не унималась хозяйка.— Давай залезаем в погреб, и ты все будешь сама посмотреть...

Почувствовав неладное, Алка-скалка схватила с пола свой пакет:

— Мне пора.

Но усатый преградил ей путь:

— Зачем домой? Совсем ничего не покушал...

Видя, что ее чуть ли не силой хотят удержать, Алка-скалка нашлась:

— Меня мама на улице ждет.

— Какой мамка? — смешался на мгновение старообразный приставала.— Обман делаешь...

Гостья воспользовалась этой заминкой и проскользнула мимо рук навязчиво хлебосольного хозяина. На улице она стала дергать запор на калитке, но он тоже вздумал вытворять фокусы подстать хозяину. За спиной загрохотали по деревянной приступке торопливые шаги. Оглянувшись, девочка увидела, что к ней спешит на всех парусах хозяин с таким выражением глаз, словно он претерпел ущерб от ее преждевременного ухода. Девочка из последних сил рванула запор и выскочила за калитку...

IV

Сойдясь на своих ступеньках, троица расправилась с добытым съестным, запивая водой, которую набрали в тетрапак из колонки. Чувство голода было обмануто. Но не надолго. Поэтому Пастух предложил:

— Сходим на дачи.

На заброшенных дачах можно было найти недоклеваные вездесущими птицами терпкие плоды ирги, птицы как бы выдавливали сок из этих черных бусинок, хотя какой там сок — если не запивать, все скоро свяжет во рту. Дачи начинались за длинной вереницей прилепившихся друг к другу стандартных кирпичных гаражей-пенальчиков. Обогнешь длиной в несколько кварталов гаражный поселок, и сразу окунаешься в безмолвие тополино-кленовой лесополосы, заглушенной юной порослью.

Троица стала забирать вправо, огибая гаражи — в другой стороне еще оставались не заброшенные дачки, на которых всегда кто-то маячил. Месяц назад Пастух горько пожалел, что прогуливался там. Возле одного участка, замысловато огороженного прямо-таки «гремучей смесью» из обрезков жести, жердинок, проволоки, старых труб, сетки и даже камыша, ему ни с того ни с сего скрутили руки великовозрастные детины и стали сдабривать правомерные вопросы такими же правомерными тычками-оплеухами;

— Это ты лазал за клубникой? Нельзя отойти за сигаретами, тут же успеют!.. Признавайся по-хорошему, шкет!..

Двойное дуло ружья чиркало ему по носу, его постегивали крапивой по ступням сквозь прорези плетенок — носков у него вечно не было. Два часа не развязывали рук Пастуху, видно, хотели наглядно показать, каково зариться на чужое. Чревато!

Направо путь длиннее, зато целее будешь. В этой стороне из-за плохого полива и поголовного воровства все побросали свои участки. Миновав гаражи, троица ступила на широченную, с ювелирным тщанием заасфальтированную площадку, обнесенную бетонными панелями — здесь собирались делать машдвор. Но и эта «стройка века» далеко не единственная в городе, была благополучно заморожена. Зато как вольготно здесь кататься на велосипеде, если удастся его выцыганить у кого-нибудь хоть не намного. Одна из панелей повалилась, и через этот проем все теперь ходят: кому надо перейти через железнодорожные пути, кому набрать хвороста для баньки, кому сымпровизировать пикничок. Если не бояться кампании клещей, которые стараются забраться на ветки, чтобы упасть оттуда прямо на вас.

Лесополоса пронизана тропинками. Подростки двинулись по главной, внимая докучливому шуршанию нависающих веток о плечи. Солнечная крошка мерцала среди разреженных теней от древесных куп. Но вот свет больней ударил в глаза — показалась полянка, полоненная разнотравьем в рост человека. С краю какой-то мужичок сидел на корточках, присматривая за пасущейся козочкой. На горожан все чаще стала нападать эпидемия — разводить живность чуть ли не на балконах.

Неразлучная троица с разгону зарылась в травяные дебри, застившие видимость не хуже деревьев. Продирались наугад, проваливаясь ногами в канавки и цепляя на брюки бесчисленные колючки. Травы загрубели, словно подернулись седоватой дымчатостью. Рассыпчато потрескивало под ногами сквозь контрапункт сухого прерывистого шуршания.

Среди густоты показалась двойной дугой примятость от автомобильных колес, заканчивающаяся рыхлой пирамидкой: кто-то свалил в траву кузовок мусора. Среди битых кирпичей валялась жестяная банка, еще не охваченная неизбежным колером ржавчины. Пастух выпростал ее и потряс на пробу:

— Там еще что-то есть. Не совсем пустая...

Он нашел в куче старый гвоздь и поддел им крышку. Ноздри тут же атаковал резкий ацетоновый запах.

— Смотри, клей! — с заправским видом определил тщедушный «эксперт». — Еще не весь высох...

— Можно загнать его сапожнику Самвелу, — деловито прикинула Батура. — На десятку, небось, расщедрится...

— Лучше давай чуфанить, — Пастух явно взял напрокат где-то услышанные слова. — Надо найти пакеты.

Не успели девочки возразить, как он бойко зашагал дальше сквозь разнотравье с банкой наперевес. Спутницам ничего не оставалось делать, как догонять его. Вскоре даже не преградили путь, а лишь сделали жалкое поползновение на это остатки проволочного ограждения крайнего дачного участка, навеки заглушенного пыреем. Среди сорняков квадратно зевала яма бывшего погребца, с которого сняли деревянный верх. Пастух спрыгнул внутрь на желтое глинистое дно и среди сора в этой копилке беспутного ветра, собиравшего здесь все летучее, нашел измятые полиэтиленовые пакеты. Потом на какую-то картонку налил клею, надел на голову пакет и поднес под прозрачный купол безобидное вещество, ставшее зельем.

Подружки откинулись на теплую стену ямы напротив Пастуха и, недоверчиво выпятив губки, наблюдали за «кайфующим». Он начинал наполняться беспричинным весельем, делал угловатые движения, подливая новую порцию клея поверх застывшего. Вдоволь надышавшись гадостью, малец плохо скоординированным движением смахнул с лица запотевший пакет. Наклонился в угол ямы, уцепив за уголок, подтянул к себе какой-то замызганный детский журнальчик без обложки и стал рассматривать рисунок во всю страницу. На рисунке был изображен румяный дедок в картузе рядом со стилизованными елочками на пригорке. В небе летела ворона. Рисунок обрамлял толстой каймой затейливый орнамент.

— Ха! — Пастух стал тыкать пальцем в жизнерадостного деда, выкашливая неудержимый смех.

Девочки посмотрели на рисунок, но ничего смешного в нем не заметили. Пастух, на миг опомнившись, кивнул на пакеты:

— Попробуйте!

Девчата собрали на носиках гармошку морщинок — очень нужно!..

— Нюхните немного, не растаете!..

Пастух неверными руками снова накапал клея на картонку и кинул пакеты на колени подружкам. Те эксперимента ради с озорным переглядом напялили их на голову и по очереди стали наклоняться над прозрачно-янтарными потеками.

Пастух уткнулся в свою картинку, мелко конвульсируя от смеха. Девочки, пропитавшись испарениями, тоже уставились на столь развеселую картинку, ожидая увидеть в ней что-то новое. Теперь до них дошло: картинка стала живой! Дедок делал разные ужимки. Пастух в изнеможении держался за живот от не проходившего приступа смеха и с торжествующим видом сообщника поглядывал на девчат: дошло? Лубочный дедок одновременно по-разному для троих гримасничал. Алке-скалке он подмигивал. Батуре показывал язык, а в глазах обдышавшегося Пастуха лицо дедка вытягивалось жевательной резинкой, которую хотят разорвать напополам: между половинками тоненькие жугутики. Но лицо снова съезжалось, вбирая в себя резиновую нитевидность.

Орнамент вокруг рисунка стал воспаленно ярким, извивался змеиной чешуей, детали резко меняли цвета, как в калейдоскопе.

Пастух стал водить головой над картинкой, участились столкновения лбов. Девочки попятились назад, а малец взял в руки журнал и стал относить его то влево, то вправо. Было заметно, что он удерживает свой взгляд на одной точке — на вороне. А что же вытворяет ворона?..

Батура не выдержала этой заикленности движений Пастуха, выхватила журнал и стала передвигать перед собой рисунок, зафиксировав взгляд на птице. Страсти-мордасти! Ворона напряженно следила за девочкой своим налившимся зрачком, который поворачивался в ее сторону как на шарнире, сколь далеко бы в сторону ни отводили ее изображение. Птица не моргала, были видны даже реснички на ее грубых веках. Мурашки прогалопировали по всей спине. Алка-скалка, озадаченная внезапной зажмуренностью подруги, взяла из ее рук журнал и стала проделывать то же самое. Но и она не выдержала — хлопнула по нарисованной вороне рукой:

— Следит, зараза!..

Выбравшись из ямы и не найдя нигде ирги, троица на прощанье подошла к остатку плетня чужой заброшенной дачки. Было забавно наблюдать, как бледный огонь перебежал с одной сухой жердинки на другую, оставляя за собой лишь проволоку с обугленными тычками...

V

Снова вернулись на ступеньки кланчить мелочь. Часам к пяти Пастух стал выворачивать свои карманы:

— Давайте подсчитаем, сколько нашкуляли.

Девочки на ладони тоже попередвигали пальчиком металлические кругляшки. Сквозь верхушки акаций нарисовались подвыпившие мужики, вышедшие с кружками пива на террасу пивнушки, и от них к подросткам прочертилась невидимая параллель.

— Не хватает пять рублей на полторашку пива,— выдал своеобразную трансформацию увиденного у пивнушки Пастух.

— Зажала заначку! — покосилась Алка-скалка на Батуру.— Я же видела, что у тебя было больше денег. Добавь.

— Мне нужно сдать в школе пять рублей за лекцию,— стала отбодриваться конопатая.— Тебе хорошо, ты не ходишь в школу. А мне классуха сказала, что поставит пару за четверть, если не принесу деньги за лекцию. Нужны мне эти лекции! Вечно приходят доценты-шабашники, потреплются о каких-нибудь немецких шванках, как в прошлый раз, а потом плати. Эти вечные сборы! То за одно, то за другое. Я уже и так должна тридцать дублей, хоть бы за долбанную лекцию рассчитаться...

— Еще бы стрельнуть на сигарету полтинничек,— помечтала вслух Алка-скалка и съехидничала в адрес подруги: — Все равно придется справлять поминки по твоей заначке...

Пастух вдруг сорвался с места и прошелся мимо пивнушки. На ходу он наклонился и ловко подобрал что-то с асфальта. Вернувшись, он подбросил на ладони новенькую монетку:

— Я же говорил, когда не хватает полтинника, надо получше посмотреть между ног...

Батуру все-таки «раскрутили» на пятерку, и взяли в киоске тяжелый, потный от холода тетрапак пива «Росар» — по пол-литра на брата. У бабуся, томившейся с семечками за тумбой, купили сигаретку, они всегда покупали поштучно.

Чтобы не смущать прохожих, пошли пить пиво на скамейку за общежитием, где была спортивная площадка в обрамлении живой изгороди. По очереди отхлебывали из горлышка. Какой-то прохожий, увидев, как десятилетний карапуз тянет темную жидкость из пластиковой бутылки, укоризненно обронил:

— Пьете?

Пастух на миг оторвался от винтового горлышка:

— Я не пью, я за уши лью...

За ним ответ никогда «не ржавел».

Конопатая, отвалившись на спинку скамьи, закинула тощую ногу на ногу и критически поболтала в воздухе башмачком, который уже скоро будет «просить каши»:

— Обтрепались. Одна бахрама... Самвел второй раз не зашьет...

— А ты пошире расставляй ноги, когда ходишь на двор,— ввернул Пастух.

— Дурак!

— Особенно после пива,— невозмутимо дополнил «полезный» совет остряк.

Снова вернулись на ненаглядные ступеньки. Не таясь, пустили эстафетой единственную сигарету. Прохожие уносили на своих плечах неподъемные словечки разошедшихся тинейджеров,— из тех, что в книгах обычно заменяют точками. Градусы подогревали красноречие.

— Хоть бы постеснялись! — не выдержали две женщины, возвращавшиеся из магазина с авоськами.— Курят, ругаются... Такие молодые...

Алка-скалка задрала вверх симпатичный подбородок, венчающий пухлые, почти еще молочные щечки, и с безоглядной бравадой выдохнула в сторону женщин дымок:

— Мы не только курим и пьем. Мы еще и сношаем...

Женщины чуть не выронили свои авоськи и поспешили прочь, покачивая головой.

Тут к троице, тяжело ступая, подошла полная женщина в демисезонном плаще. Девочки узнали Захарову, врача-гинеколога из местной поликлиники. У женщины был вид человека, наконец-то нашедшего запропастившуюся вещь.

— Я вам говорила, чтобы вы отстали от моей Ани? Что вам от нее надо? — Захарова уперлась руками в бока.— Я запретила ей с вами знаться. Нечего вызывать ее из квартиры. И эти ваши звоночки... Она и так уже скатилась на тройки, как связалась с вами. А была отличницей...

— Ну и держите ее на замке! — огрызнулась конопатая.

— Не ваше дело! Накинулись вчера на Андрея, как будто он вас испугается...

— А что он грозится накостылять нам? — предъявила встречный счет дружная команда.

— Он теперь и в школе будет следить за Аней, чтобы вы даже не подходили к ней. А то вы ее научите...

Конопатая вдруг сбежала со ступенек и, отвесно размахивая рукой, словно что-то взвешивала на ладони, стала напирать на женщину, едва не попадая ей в лицо пальцами:

— Вы непр-р-равильно воспитываете своего сына! Непр-р-равильно! Он не умеет себя вести...

Женщина попятилась, хотя Батура выглядела по сравнению с ней воробышком. Кто бы мог ожидать, что после слов-отбросов уста бродяжки столь резво перестроятся на высокие материи?..

— Вам только и говорить о воспитании!.. Гляди-ка, воспитатель!..

Захарова, мучимая одышкой, пошла прочь, пробормотав возле тумб, скорее для «семечных» старушек, с обычным преувеличением в таких случаях:

— Я думала, она накинется на меня...

Троица сменила свою «дислокацию» — зашла за угол общежития и спряталась между выступами открытой межэтажной лестницы, устроенной в торце здания. Эта лестница бездействовала, но под ее нижним маршем тоже было уютно кучковаться.

— А, вот вы где! — на схоронившихся от посторонних глаз смотрела девочка лет одиннадцати с могучим торсом и ширококостными ногами, хотя сама была коротышкой.

— Ничего себе видон! — процедила Батура, имея в виду фиолетовую челку коротышки, напоминающую кусок тряпки среди свежей соломы.

— Подкрасила марганцовкой,— потерела свою вызывающую челку новоприбывшая.

— Ты лучше скажи, Катька, что ты про нас наплела на дискотеке пацанам? И чего ты шатаешься в нашем краю? Ты уже не здесь живешь...

— Где хочу, там и хожу, не вам указывать. Я здесь прожила десять лет,— вместо оправданий девочка выпятила грудь и стала напоминать бойцовского петуха.

— Вали отсюда!

— Сначала отдайте мою кофту! Брали на день, а уже прошла неделя...

Слово за слово, и через пять минут прохожие могли лицезреть, что непрощенная гостья уже распластана на земле лицом вниз, и ее не по годам мощный торс содрогается от рыданий — звук, как из бочки. Если кто из взрослых интересовался, в чем, собственно, дело, Натура невозмутимо отвечала, холодно щуря глаза:

— Она пьяная.

Лежащая возражала, не поднимая лица:

— Я не пьяная!

И грозила рассказать в инспекции по делам несовершеннолетних, что Алка-скалка бросила школу. В ответ затронутая угрозой лила на нее сверху воду из тетрапака.

В самую лунность Батура возвращалась домой из общежития. Проходя мимо зарослей акации, она в желтой изогелии ночи, искажающей до неузнаваемости градации предметов, разглядела чьи-то карикатурные ноги под кустиком — туда занесло обросшего мужика, все лицо в свалывшейся многомесячной поросли, словно мох на круглой кочке. Не вздохнет, не шевельнется, словно разбит параличом. Жив ли — не будешь же тормошить...

Неожиданно мужик легко поднялся и побрел следом за конопатой:

— Девочка, подожди!..

Батура припустила со всех ног по своему подслеповатому переулку, отбивая пятки о сплошные выбоины на грунтовке. Преследователь умудрялся держать ту же скорость. Батура захлопнула калитку перед самым носом полуночного прикурка...

VI

Одноклассники удивились неожиданному возвращению в родные пенаты Алки-скалки. Это событие не осталось без комментария — «не в бровь, а в пятку», как переиначили тинэйджеры поговорку:

— Явилась! Как только вызвали в инспекцию и пригрозили отправить в спецшколу, сразу стала паинькой...

— Кто вам это сказал? — вместо ожидаемого смущения прогульщица принялась на полном серьезе выяснять виновника «утечки информации»: — Опять Катька подметала языком?.. Мы ей еще не то сделаем...

У Алки-скалки аж сузились до щелочек глаза от накапливаемой критической массы ярости — приставь только детонатор...

А Батура заметила, что Рая Гуменная все перемены пристально разглядывает ее. «Надоест — перестанет!» — утешала она сама себя. Но одноклассница все-таки не выдержала и подошла к Батуре. Помявшись, она выдавила из себя:

— Знаешь, два дня назад к нам домой приходила девочка, очень похожая на тебя... Она попросила хлеба. Это случайно не ты была?..

— Ты дура, что ли! — Батуру трудно было застать врасплох, а тем более смутить.

После занятий, когда семиклассники собирали свои портфели, их задержала школьная медсестра. Она обратилась к девочкам:

— Минуточку внимания, небольшое объявление! Всем девочкам завтра необходимо пройти осмотр у гинеколога, в десять часов. При себе иметь медицинскую книжку и быть чистыми.

Уходя, она добавила в дверях:
— Кто не явится на осмотр, придется потом брать талон...
Две полные подружки-хохотушки на задней парте посмотрели друг на дружку, и одна из них озвучила то, что наверняка подумала другая:
— Мы лучше возьмем талон...
И снова обменявшись взглядом, прыснули в кулачок...

* * *

На следующий день неразлучные Батура и Алка-скалка толпились в сумрачном, пропахшем хлоркой коридоре своей поликлиники — у кабинета гинеколога. Они зашли туда самыми последними.

— А, старые знакомые! — Захарова в белом неохватном халате грузно сидела за столом возле гинекологического кресла, способного вызвать священный трепет. Она чувствовала себя хозяином положения, уж здесь-то подружки прижмут язычки.

И действительно — подружки мялись у двери.

— Что это мы сразу стали такие стеснительные? — не без намека пропела Захарова не совсем в унисон с текстом клятвы Гиппократ. Записав что-то в своем журнале, она с милой улыбкой кивнула ближней к ней Батуре на жуткое металлическое кресло:

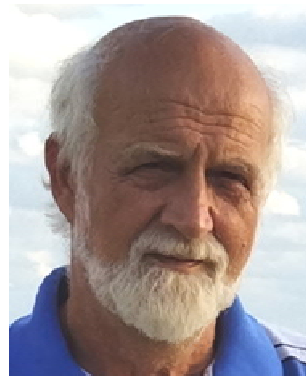
— Вперед, на мины, как говорится!..

Когда девочки после осмотра ушли, Захарова с постным видом посидела молча за столом, потом стала снимать уже ненужный халат, проговорив самой себе:

— Ничего не понимаю. Оказывается, еще девственницы...

Игорь Отчик
(г. Лыткарино, Московская область)

ДВА РАССКАЗА

Наш постоянный автор.

ДЫМОК

Дымок умер на даче, в ночь на тридцатое мая. Он страдал недолго: за три дня до этого еще доковылял со двора в дом, и больше не выходил. Лег у печки на подстиленный обрезок одеяла, но уже не мог держать голову, и она опустилась на пол. Ничего не ел и не пил, изредка открывал глаза и негромко стонал. Его некогда пушистая и блестящая серая шерсть стала буроватой и неровной, а яркие зеленые глаза поблекли.

На следующий день он лег на бок, и уже не поднимался, а ночью переполз под стол, и больше двигаться не мог. Я вынес его на веранду. Утром, дотронувшись до его плоского тельца, почувствовал неживую твердость. Утро было солнечным, но после нескольких дождливых дней в лесу было сыро, поэтому я надел куртку и сапоги, взял лопату и полиэтиленовый пакет. Уложив негнувшийся трупик в пакет, я перешел заросшую одуванчиками щебеночную дорогу и пошел вдоль пруда, у которого Дымок так любил гулять, и куда часто приходил весь последний месяц, словно прощался с ним.

Я отошел недалеко. Среди мелкой поросли, окружавшей пруд, поднимался темный, неровный ствол старого дуба, у корней которого была небольшая незаросшая площадка. В лесу копать тяжело, потому что земля пронизана множеством корней, но мне и не нужна была большая яма. Я уложил пакет на ее дно и засыпал влажной, коричневой землей, а сверху накрыл несколькими кусками коры, отслоившейся от старого пня. Вот и все. Прощай, Дымок.

Котенка с шерстью равномерно серого цвета и ярко-зелеными глазами, которого тут же назвали Дымком, подарила моей теще ее младшая дочь, чтобы скрасить матери горечь от потери мужа. Татьяна Александровна действительно полюбила его, а он сразу же это понял и признал своей хозяйкой и самым близким человеком. Она же потакала его прихотям и называла «умничик», возможно, за то, что тот в любой жизненной ситуации находил самое выгодное для себя решение.

Как и все котята, в свои юные годы он резвился, прыгал по дивану, лазил по деревьям на даче, но в целом не доставлял нам хлопот и не наносил серьезного ущерба имуществу, если не считать обгрызенной тумбочки в прихожей. Сообразительный Дымок легко привык к лотку, и вел размеренный, сибаритский образ жизни, в том числе и весной, поскольку мы позаботились о его и своем душевном покое. При этом характер у кота оказался независимым, он не терпел фамильярностей, вырывался из чужих рук и позволял ласкать себя только хозяйке. Зимними вечерами, сидя на ее коленях перед мерцающим экраном телевизора, он негромко мурлыкал, а она гладила

его по шерстке, разговаривала с ним, почесывая за ушками, пока ему это не надоело, и он прыгивал на пол, иногда даже укусив ее за палец. Кот есть кот, он сам решает, когда, с кем и как общаться. Меня, зная, как это нередко бывает в семьях, он старался игнорировать, а к жене ласкался только на кухне. Когда в дом вваливалась шумная компания гостей, Дымок сразу определял, кто из них представляет наибольшую угрозу, пулей улетал от орущей малышни в дальнюю комнату, прятался под кроватью и злобно шипел на тянущиеся к нему мальчишеские руки, на которых порою оставались следы его когтей.

С началом весенне-летнего сезона жизнь Дымка и всех членов семьи становилась значительно интереснее. Саму дорогу до дачи он не любил и, заметив собираемые сумки и переносную корзину, прятался под кроватью, извлечь откуда его было не просто. Сверкая глазами в подкроватной темноте, он злился, шипел и отбивался от тыкавшей его швабры. И в пути, сидя в корзине, жалобно мяукал или лазил по салону, покрывая его своей шерстью, и лишь у железнодорожного переезда, когда земля начинала подрагивать от проходящего поезда, прятался под ногами и ненадолго затихал. Он легко запомнил дорогу к участку, и когда машина сворачивала с асфальта на грунтовку, начинал с мяуканьем тыкаться в стекла, залезать на панель, мешая водителю и царапая пластик и обивку салона. С возрастом кот остепенился и, будучи накормлен перед дорогой, дрых в своей корзинке все два часа пути.

На даче Дымку было хорошо. Он вел там вольный образ жизни и независимо от погоды шатался по ее окрестностям, изредка заходя перекусить. Питаясь экологически чистыми мышами, он обрел пищевую независимость и еще большую вальяжность манер, а также густую и шелковистую шерсть, которая, впрочем, иногда летела клочьями во время жестоких схваток с соседскими котами, забредавшими на наш участок. Эти визжащие клубки приходилось разливать водой, разгоняя дуэлянтов по домам. Постепенно его отношения с соседями наладились, а с некоторыми из них Дымок даже подружился.

По ночам он любил сидеть на коврике на крыльце дома, всматриваясь и вслушиваясь в звуки природной жизни, примечая чирикующую в зарослях птицу, проковылявшую по своим делам жабу, протопавшего по газону ежа, трещащую в норе медведку и еще много интересного, чего мы не замечаем из-за нашей нечуткости и глупости. Похоже, такие наблюдения заменяют животным телепередачи и художественные фильмы, которыми развлекают себя люди. Сам Дымок был в меру любопытен, но будучи разумной и критически настроенной личностью, телевизор не смотрел, подавая хозяевам пример умственной полноценности и нравственного здоровья.

На ночь Дымок укладывался спать вместе с хозяевами, поэтому мне приходилось лежать по диагонали кровати, а жене уместиться в оставшемся от нас углу. А когда я, мучимый кошмарами, брыкался во сне, он уходил в более спокойное место. Днем кот любил отдыхать на бархатном покрывале дивана, а если ложился на полу, то выбирал позиции, из которых открывалась максимальная панорама квартиры.

Честно говоря, назвать этого кота трудягой было бы преувеличением. Все свободное от еды и прогулок время он проводил в горизонтальном положении, принимая при этом самые причудливые позы. Зато на умывание и приведение себя в порядок времени не жалел. Из литературных героев он более всего напоминал Евгения Онегина, который так же тщательно ухаживал за своей внешностью и тоже, кстати, рано охладил к прекрасному полу и разочаровался в светской жизни. Но у нашего кота, в отличие от пресыщенного героя байроновского типа, для этого были объективные, а не надуманные причины. Попытки соседской кошки, скучавшей в дачной глуши, соблазнить столичного франта оказались безуспешными. Как и Онегин, наш герой тоже не испытывал тяги к унылому семейному счастью на лоне родной природы. Он сразу и решительно дал понять романтической соседке бесперспективность развита отношений и неуместность ее легкомысленного поведения.

Когда на дачу приезжали гости с маленькой, лохматой, но громкоголосой собачкой, кот переходил на нелегальное положение. Он появлялся на участке для подкрепления сил в те моменты, когда гости были заняты какими-то делами в доме или мирно дремали перед телевизором. Однажды, будучи внезапно атакованным агрессивной гостьей, Дымку пришлось, утратив солидность, проявить прыть и взлететь на старую яблоню. Зато потом, вальяжно разлегшись на ее толстой ветке, он с презрительной скукой поглядывал на скачущий под ним и лающий комок шерсти, пока тому не надоедало это бессмысленное занятие.

Главной положительной чертой характера Дымка было терпение. Есть мнение, что это природное качество всех кошек, связанное с охотой из засады. Он мог подолгу караулить мышку у норки, а потом с деловым видом принести ее к нашему обеденному столу, внося тем самым посильный вклад в пищевой рацион семьи. Бывали случаи, когда мы нечаянно закрывали его в шкафу, куда он, совершенно невидимый в темноте, залезал отдохнуть после плотного обеда, а потом долго искали по всей квартире и находили мирно дремлющим на стопке одежды. А однажды даже умудрились запереть между сдвоенными входными дверями, где он провел ночь в ужасной тесноте, как в карцере. Но и в этом случае Дымок не выразил законного негодования, а лишь укоризненно мяукнул и направился к своей кормушке. Так же стойко он переносил извлечение впившихся в его кожу клещей, которых жена выискивала у него на шее и голове, а я выдергивал пинцетом набухшие кошачьей кровью серые шарики. А вот чего действительно категорически не признавал Дымок, так это закрытых дверей. Одна из них, которая вела к месторасположению лотка в квартире, не закрывалась никогда. Приходилось объяснять гостям, почему в нашем туалете круглогодичный день открыты двери.

Если и было в чем всерьез упрекнуть этого законопослушного кота, то разве что в обжорстве. Этот грех не относится к числу смертных даже у людей, а для животных вообще простителен. И все же приходится признать, что Дымок был законченным попрошайкой. Ему не хватало сухого корма, столь полезного для здоровья кошачьего племени, а также разнообразных вкусов в пакетиках, и он требовал от хозяев делиться их собственными харчами. Когда кто-то из членов семьи вставал, направляясь куда-то по своим нуждам, кот немедленно возглавлял процессию и неизменно сворачивал на кухню, к холодильнику, и мог цапнуть за ногу любого из нас, выбравшего неправильную траекторию движения. Также он считал своим долгом присутствовать на кухне во время приготовления обеда, а потом с большим вниманием наблюдал за самим его ходом, явно желая принять в нем участие, и ему всегда доставались какие-нибудь интересные кусочки.

Когда в большой комнате накрывали стол для гостей, Дымок первым запрыгивал на стул и хищным взглядом осматривал драгоценности, которыми хозяева уставляли нарядную скатерть, а его лапа непроизвольно тянулась к блюдам с колбасными и мясными нарезками. Будучи изгнанным со стула, он тут же залезал на соседний, и порою ему удавалось что-то стянуть у бегающих на кухню хозяев. Так же прекрасно он знал, у кого из членов семьи можно чем-то поживиться, поэтому ко мне не приставал. Исключением было самое позднее время суток, около полуночи, когда все остальные члены семьи уже были в постелях. Если я увлекался телепередачей, он подходил к креслу, укоризненно смотрел на меня, мяукал и вел на кухню, к холодильнику. Это был наш традиционный ночной мужской сырный перекус. Он носил ритуальный характер, поскольку кот уже был сыт и съедал несколько кусочков, а иногда отходил, лишь понюхав их. Но тут уж, как говорится, отдай — не грехи. Утром жена с недовольным видом выбрасывала засохшие остатки сыра в мусор, но нарушить традицию с моей стороны было бы совершенно не по-джентльменски.

Шли годы, менялись правительства, законы и розничные цены, совершенствовалась электронная и бытовая техника, автомобили и компьютеры. Мобильные телефоны

превратились в мощные смартфоны с доступом в Интернет, но их немислимый ранее технический уровень диалектически компенсировался все более ничтожным содержанием общения. В целом жить стало легче, мы сделали в квартире ремонт, купили новую мебель, но зимними вечерами Дымок все так же сидел на коленях у своей хозяйки, уже перед широким цветным экраном с изображением высокого качества, чего по-прежнему нельзя было сказать о его содержании. Все-таки отраднo сознавать, что в бурно развивающемся мире есть неизменные явления, такие как пошлость российского телевидения. Это как-то утешает на фоне быстротечности времени.

С годами оно летит все быстрее, и мы с женой совершенно неожиданно вышли на долгожданную пенсию. Этот грустный рубеж, выглядевший ранее концом жизни, оказался ее продолжением, со своими недостатками и преимуществами, главными из которых стали резкое снижение доходов и полная свобода распоряжения собой и своим временем. Возделенная дача стала нашим постоянным летним местопребыванием. Теперь нам не нужно было еженедельно мучиться в автомобильных заторах по пути на дачу и обратно, а Дымку терпеть нелюбимую дорогу в тесной кошелке. С возрастом он остепенился, все больше времени лежал на травке рядом с сидящей на скамейке хозяйкой или ходил за ней, опирающейся на палочку, по участку.

Он взрослел, а наша добрая теща старела, слабела и все чаще болела, и однажды, мутным декабрьским утром, упала с кровати и уже не смогла встать. Ее увезла «скорая», ее лечили, мы круглосуточно дежурили у ее постели, но жизненные ресурсы организма были исчерпаны, и через месяц ее не стало. Нам не дано знать, как Дымок переживал эту утрату, но он явно грустил без нее, а потом признал другую хозяйку.

И вот его нет. Больше не разбудит нас утром, заспавшихся, его деликатное мяу-канье. Не будет на кухне виться у ног хозяйки, лаская их своей шерсткой, хитрый попрошайка, не запрыгнет на ее колени перед телевизором, требуя гладить и почесывать за ушком. Не придется и мне вставать ночью, чтобы выпустить его во двор или впустить обратно, если зарядил дождь. Уже не нужно выбирать на полках гастронома импортный корм, подстраиваясь под его вкусы, и таскать тяжелые пакеты с наполнителем для лотка. И некому встретить нас в прихожей, вернувшихся из магазина, театра или гостей. И уже не будем мы ранней весной выискивать первые пробившиеся травинки, чтобы побаловать истосковавшегося по витаминам кота. Не будет больше в нашей жизни этого пушистого эгоиста, требующего к себе заботы и не дающего взамен ничего, кроме редкой ласки и самой возможности этой заботы.

Конец мая, лучшее время года. Солнце пробивается сквозь свежую, молодую листву и уже явственно прогревает после ночной прохлады. Ветер шумит в кронах деревьев и кидает в лицо остатки дождевых капель, а звонкие голоса птиц наполняют весенний лес. Впереди большое, солнечное, счастливое лето, но оно уже не для нашего Дымка. Так же будет когда-нибудь и после нашего ухода. Как было и со многими другими, кто жил в этом мире, к чему-то стремился, любил, радовался жизни, и тоже исчез навсегда. А вечная природа будет все так же кружить в своем неостановимом круговороте: погружаться в зимний сон под первым снегом, просыпаться весной под блеск солнца и птичьих голоса, шелестеть благодатным летним дождем, укрывать землю золотом осенней листвы. Но уже без нас.

Я стою на примятой траве возле небольшого холмика и прощаюсь с маленьким существом, которое жило рядом с нами полтора десятка лет. Прощаюсь с частью нашей жизни, единственной, неповторимой.

ГЛУБОКОЕ ДЫХАНИЕ

Хронический кашель привел меня к пульмонологу. Высокая симпатичная женщина в белом задала классический вопрос:

— На что жалуетесь?

— Постоянный кашель. Раньше только зимой был, после простуд и пневмоний, а теперь вот и летом не могу избавиться...

— Курите? Нет? Странно. У вас низкий и силпый голос. Как у хронического курильщика...

— Да мне он самому не нравится! Поэтому я редко пою. Только когда выпью... Нет-нет! Не злоупотребляю. Только по поводу. Безумной любви нет.

— Откройте рот и скажите «А». Да, покраснение есть. А раньше курили?

— Курил, грешен. Со старшей группы детского сада до третьего класса. А в четвертом классе завязал. Как отрезал! Проявил силу воли...

— Я вижу, вы шутник. А дело-то серьезное... Так, мне нужно вас прослушать. Дышите глубоко. Не дышите. Повернитесь. Снова дышите. Ну что же, жесткость дыхания есть. Степень хроника будем проверять. А лечение начнем после тестов и анализов. Вы говорите, что зимой постоянно простужаетесь...

— Вы знаете, да. Причем не могу понять — отчего. Вроде бы стараюсь быть осторожным. Наверное, иммунитет потерял. Возраст, говорите? Нет, дело не возрасте. Ведь у жены иммунитет есть! А она моя сверстница. Я это точно знаю. Потому что у нее сохранились мурашки...

— Что вы говорите!

— Да-да! Стоит прикоснуться к ней холодной рукой, как она тут же покрывается мурашками. А мурашки — самый верный признак иммунитета.

— Вы, наверное, имеете в виду «гусиную кожу»?

— Ну да. Это значит, что ее организм защищается — на уровне безусловного рефлекса. Сжимает и уплотняет кожу, для защиты от охлаждения. У меня в детстве тоже такое было. Купались в речке до дрожи, до посинения. И ничего. А теперь при любом охлаждении простужаюсь. Доктор, а что такое вообще этот самый иммунитет? Откуда он берется и куда, черт побери, девается?

— Он нам дается самой природой, при рождении. Как защитная функция организма. Здоровый организм вырабатывает антитела, которые распознают и уничтожают всякую мелкую чужеродную гадость, проникшую в него. А теряется по разным причинам. В основном от негативных факторов окружающей среды, болезней, серьезных травм, вредных привычек, нервных стрессов... И в результате возрастного ослабления организма, естественно.

— Понятно. Как пел Высоцкий: «Если хилый, сразу в гроб! Сохранить здоровье чтоб, применяйте люди обтирание». А может, и правда начать закаливаться? Обливаться из ведра, в прорубь нырять?

— Боюсь, что у вас это будет однократный прыжок...

— А вот был такой Порфирий Иванов, старик с большой бородой. Так он круглый год ходил в трусах и босиком.

— Если бы он этого не делал, то прожил бы дольше. Вам я это категорически не советую. Для этого нужно быть очень здоровым человеком. Кстати, у вас какие-либо хронические болезни есть?

— Простатит. Болезнь праведников. Какой бы здоровый и нравственный образ жизни ни вел мужик, этого недуга не избежать...

— Ладно, с этим к урологу. А головокружения бывают?

— Бывают. Изредка. Тут вот недавно по дереву лазил, яблоки собирал, так голова малость закружилась...

— Еще бы! На восьмом-то десятке. Но это вы зря. Я вам такого экстремала не советую. А в последнее время равновесие не теряли, не падали?

— Вроде бы нет... А вы знаете, было! Этой осенью, в лесу. Нес два пакета с опятами, килограммов восемь, и зацепился за ветку в траве. И грохнулся как столб, мордой в землю. Руки-то были заняты...

— Ну и ну! Вы же могли покалечиться.

— Запросто. Если бы наткнулся на сук или корягу. Но дуракам, как говорится, везет. Только грудину ушиб, через неделю прошло. И даже грибы не рассыпал. Падал как алкоголик со стаканом...

— А как с ногами? Отеки бывают? Тяжесть, затруднения при ходьбе?

— Есть такое. Вот недавно лифт сломался, так на шестой этаж поднимался уже с трудом. Правда, без передышек.

— Для вашего возраста неплохо. Гипертонии нет? А какое у вас давление? Не знаете? Сейчас проверим. Так, сто тридцать на девяносто.

— Это не опасно?

— Для восьмого десятка — нет. И все же сердце нужно проверить. Снимете эхокардиограмму. Сахарным диабетом не страдаете? Нет? Тоже хорошо. А как с пищеварением? Запоры, поносы?

— Да как вам сказать... Как в песне: и не то, чтобы да, и не то, чтобы нет.

— Это нормально. Гастрит, язвенная болезнь?

— Сейчас, вроде бы, нет. А пять лет назад было. Но добрые люди посоветовали лечебное средство: овсяную кашку по утрам. И все! Даже забыл, где он находится, желудок этот. С тех пор у нас с женой один и тот же ежедневный завтрак: пять столовых ложек овсянки-размазни и столько же творога со сметаной и медом. Запиваем кофе или чаем. Рекомендую всем язвенникам.

— Интересный опыт. А геморроем не страдали?

— А как же! По работе были такие геморрои — вспоминать страшно! А как заболевание — нет, не было.

— Тоже неплохо. А с памятью как?

— Чистая классика: смотрю на экран и не могу вспомнить фамилию знакомого артиста. Приходится спрашивать жену. Хорошо хоть ее имя помню.

— А как со слухом?

— Что? Простите, не расслышал...

— Понятно. Вредные привычки?

— Скандалю по мелочам.

— Сочувствую вашей жене.

— Да я сам ей сочувствую!

— А психических отклонений не было?

— Я считаю, что нет. Но жена в этом сомневается...

— Венерическими болезнями не болели? Отрицаете? Категорически? Так и запишем. А как с наследственностью?

— Нормально. Дети есть. И даже две внучки.

— С вашей наследственностью! Родители чем болели?

— Отец умер от инсульта. Но он вел нездоровый образ жизни: выпивал, имел избыточный вес. А мать — от онкологии. Но она провела несколько лет в чернобыльской зоне...

— Сами не худеете?

— Наоборот, борюсь с полнотой. Мучного и сладкого стараюсь не есть. Как гимнастка. И все равно набираю вес. Похоже, снижается энергоотдача...

— А спите как?

— Ложусь где-то в час ночи. А в шесть просыпаюсь, как по будильнику. И начинаю считать овечек. Считаю до семи и засыпаю. До семи утра, конечно.

— Здоровым такой сон не назовешь. Вам нужно изменить график сна. Какие операции переносили? У вас шрам на животе...

— Да, грыжа белой линии живота. И еще паховая.

— Так, придете ко мне с анализами. А для проверки легких нужно будет пройти тест ФВД с сальбутамолом. Это проверка полноты заполнения объема воздуха в легких. Будем надеяться, что до хроники вы еще не дошли...

Тест ФВД представлял собой вдохи и выдохи в специальный датчик с загубником. К удивлению медсестры, прибор результатов не зафиксировал. Пришлось вызвать заведующую кабинетом. Та спросила:

— Ты какой возраст установила в настройке?

— Семьдесят один. Как в его карточке. И рост, и вес...

— Так этот прибор действует только до семидесяти! Поставь поменьше и повтори замер. Потом мне покажешь.

Когда заведующая вышла, я поинтересовался:

— Значит, для тех, кто старше семидесяти, приборы уже не выпускают? Выходит, я задержался на этом свете. Нарушил предусмотренный правительством срок дожития, отяготил собой государственный бюджет...

— Не расстраивайтесь Мы вас проверим. Установим возраст поменьше.

— Ну, давайте попробуем. А можно восемнадцать?

— Ну что вы, бабушка! Шутите? Лет шестьдесят семь, еще куда ни шло...

— Ну тогда хотя бы тридцать. Хороший, блин, возраст!

— Нет, так тоже нельзя. Результат будет необъективный...

— Ладно, тогда шестьдесят, и по рукам!

— Нет, если будет неправильный результат, мне замечание сделают...

— А жаль. Тоже отличный возраст. А чего вы смеетесь? Я в шестьдесят себя отлично чувствовал — и силы были, и здоровье, и свобода. А вам, наверное, и сорок лет кажется много. Помните Басова в фильме «Москва слезам не верит»? Кстати, когда тестю отмечали восьмидесятилетие, он выпил, крякнул и в сердцах сказал: «Эх, мне бы сейчас мои шестьдесят! Я бы навел порядок в доме!». Я тогда еле сдержал смех, а теперь сам об этом мечтаю...

— О том, чтобы навести порядок в доме?

— Нет, об этом я уже не мечтаю.

— Ну давайте установим шестьдесят пять, и больше не будем торговаться.

На этот раз опыт прошел успешно, и достигнутый результат был зафиксирован. Что он покажет?

Татьяна Белявская
(г. Ангарск, Иркутская обл.)

ВЕНСКИЙ ВАЛЬС

Записки о маме

Белявская Татьяна Андреевна родилась в городе Орск Оренбургской области. Окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков. Публиковалась в литературных журналах «Сибирь», «Иркутский альманах», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы» (Белоруссия), альманахах «Российский колокол», «Образ», в коллективных поэтических сборниках и антологиях. Автор пяти книг стихов и прозы. Руководит студией юных литераторов «Метафора». Член Союза писателей России.

Умиротворяющее состояние. Метель давно в феврале так не стонала, не выла, как сегодня ярилась весь день, но, словно устав сопротивляться чему-то свыше, угомонилась к вечеру. Тепло в квартире, полумрак. И кажется, здесь, где его никогда не было, вот-вот за электрической печкой застрекочет сверчок. Огарок церковной свечки на полочке над кухонным поминальным столом, к которому полчаса как мы с мамой перебрались от общего из зала, успокоено догорает. Тишина в душе. Выказаны, выплаканы воспоминания о папе, перебраны военные, общественные, семейные пласты его пребывания на Земле. Поминавшие разошлись. Можно в который раз благочестиво прошептать: «Царствие тебе небесное, папа!» — и пойти отдыхать. Не хочется. И мама сидит притихшая, лицом посветлевшая, пришедшая в себя после трудного дня... да, наверное, и после тягостных трех лет вдовства. Пятьдесят четыре года вместе...

— Да-а, пятьдесят четыре... — словно уловив мою волну выдыхает мама в пространство, и, явно преодолев далекую душевную преграду, открывается: — А ведь и замуж за него нечаянно вышла.

— Нечаянно?! Не может быть! Никогда бы не подумала, что папа — твой случайный муж, и — на всю жизнь... Как это? Расскажи.

— Хм... Не может быть... — повторяет мама, слегка иронизируя над собой, над моим удивлением. И, смущаясь того, что проговорила, тихо уверяет: — Может! — и... пауза, и я вижу, что она уже не со мной, не в этом времени. Зная суровый мамин характер, молчу, боясь спугнуть ее желание выпустить хранимое в тайне. Не от самой ли себя? А мама, возвращаясь оттуда, подтверждает мою догадку:

— Можно и рассказать, только открыть-то придется заветное, сокрытое глубоко, а я и себе самой запрещаю это вспоминать.

— А ты расскажи так, как я детям рассказывала — о чем-то из жизни, а словно сказку, словно не о себе.

— Вечно ты что-нибудь придумаешь... Мне — о себе и, словно сказку?.. Хотя, в моей жизни всякое было: и чудное, и страшное. Чем не сказка?!

— Мам, а ведь я о тебе мало знаю. Ну, где родилась, где в институте училась, где замуж вышла... А подробности — нет... Ты вот как-то избегала девичьих тем, и я

стыдилась о своем сердечном рассказывать. С подружками делилась, а с тобой нет. Почему у нас так получилось? Может, хоть сейчас... Вот ты сказала: «Замуж вышла нечаянно». А как это — нечаянно? Ну, правда, если тебе трудно или неловко о чем-то своем открыто говорить, попробуй иносказательно, вроде сказки.

— Сказка-то,— легко усмехается мама — длинной получится.

— А куда нам спешить? Да и не усну я теперь... И когда еще приеду?

— Таня, Таня, ну зачем ты уехала из Братска?! Что забыла в своем Ангарске? Теперь точно не наездишься — здоровье не то, цены кусаются...

— Мам, не начинай. Не травми душу. Сколько можно оправдываться? Там дети выросли, школу закончили, у них полгорода друзей, подруг, у меня полгорода учителей, экскурсоводов, библиотекарей знакомых... Прекрасно ведь понимаешь: корни я там пустила, и обрубить их не смогла... Ты тоже от родителей, царствие им небесное, далеко жила. Пожалуйста, не отвлекайся... Расскажи, как вы с папой познакомились, как замуж за него вышла,— я зажигаю фитиль новой свечки и вместо огарка ставлю в подсвечник.

В зале негромко звучит телевизор, около него на диване Гена, брат-пензионер, то бормочет что-то во сне, то похрапывает — мужик в доме. И уют, и молодой певучий мамин голос.

* * *

— Далеко в Сибири в одном шахтерском поселке, имя которому Касьяновка, среди больших рабочих семей жила не менее большая семья Семкина Федора. Много детей у них было, а старшая — Катюха. Шестнадцать с половиной годков набежало ей к тому времени, с когo вот-вот начнется сказ о больших испытаниях в ее жизни...

Нет, Татьяна, язык не поворачивается рассказывать о себе в третьем лице,— останавливается мама: — Не сказочница я. Неловко как-то.

— Мама, ты же учительница. С большущим стажем! С докладами выступала на всяких конференциях, даже областных. А сейчас меня что ли стесняешься? Я взрослая и, не обижайся, но современнее тебя, свободнее во взглядах на жизнь,— я поднимаюсь с табуретки, приближаюсь к маме, наклоняюсь, обнимаю ее за плечи, щекой прижимаюсь к щеке, а сама думаю: «Разговорилась! Еще обидится... А так вот, обнимая ее, как бы хуже не сделать, она не любит «телячьих нежностей», замкнется, отстранится и ничего не расскажет». Но мама сейчас мягкая, доступная к моим ласкам, чувствую: они ей даже необходимы; и я продолжаю:

— Чего меня стесняться? Да и сколько можно держать в себе это тайное?! Начала же! Начала. Ну и продолжи. Ну, пожалуйста. Интересно же! Как получится, так и расскажи,— осторожно выпускаю мамыны плечи, и медленно, чтобы не спугнуть сердечные теплые, страшно редкие между нами откровения, возвращаюсь на место.

— Ладно, не уговаривай. Мне и самой уже не терпится рассказать о своей юности, и детство для полной картины вспомнить... А знаешь, дочь, жизнь-то у меня могла быть совсем другой... Отец ведь с мамой в тридцать четвертом году в Касьяновку взяли только младших детей, а меня, старшую, в Тугуше оставили. Это бабушка Ефросинья Березовская, мамина мама, ни в какую меня от себя не отпустила: «Ни оддате! Утрясется усе, тады, можа, и забячете. О мой боже, мой боже, докуда вас утартают, где жить будете? Пускай тутай учица».

— Надо же, какой интересный язык! Смесь польского, белорусского и русского на деревенский манер.

— Там все говорили на смешанных диалектах — белорусы, украинцы, молдаване, поляки рядом в деревне жили-выживали. И семей смешанных много было, как мои родители. Дед ваш русско-белорусских кровей, знаешь ведь, а бабушка — белорусско-польских.

— Мам, а ты как-то давно обмолвилась, что наша прапрабабушка полячка была замужем за молдавским цыганом. Это правда?

— Татьяна, ты дальше будешь слушать или расспрашивать о нашей родословной?

— Не, дальше слушать. Но родословная — тоже интересно! И тоже о ней очень-очень мало знаю. Потом, по телефону расспрошу... Ну, оставила тебя бабушка Березовская у себя...

— Я и жила у них два года. А в Тугуше — только начальная школа. Если бы там, как в Касьяновке, была средняя, я могла насовсем остаться у бабушки. Ох как долго я тосковала по ней и по тем местам, а съездить за всю жизнь так и не довелось... К Касьяновке не сразу привыкла.

А вот отец никогда не жалел, что наша жизнь так круто изменилась. Он часто говорил: «Я хоть свет божий увидел, а то все — поле да скот». Он сразу пошел работать на шахту, и знатным стахановцем стал, и всегда этим гордился.

— Подожди, мама. Не могу опять не встрять. Мы все гордились нашим дедом Федором. Я его как живого помню. И хорошо помню, что гордость эта где-то глубоко внутри деда жила — не напоказ, но чувствовалась. И вообще, в нем что-то сильное, внутреннее, мудрое было.

— А образование-то,— продолжает мама,— всего три класса церковно-приходской школы! Но в поселке про него говорили: «дюже грамотный». Он читал газеты, слушал «тарелку», был в курсе всех главных событий в стране. Многие в поселке читали газеты и слушали радио, а за разъяснениями приходили к отцу. Усаживались вечерами на лавочку у самана, курили махорку и самосад, гудели, спорили... Да, мы тогда в самане жили, пятистенок, который, ты знаешь, после войны поставили.

— Знаю, мама, знаю! Пятистенок деда поставил году в пятидесятом, когда уже и наша семья в Касьяновке жила. Деда при случае обязательно с гордостью и уважением говорил, что если бы наш папка «не ходатайствовал, лес на дом Семкиным не скоро бы еще выписали». И саманы знаю и помню. Два или три и сейчас там стоят: осели, сгорбились, как древние-предревные старички, но живы! И, слышала, живут люди в них. Окна у самой земли, комнатки малюхонькие...

— А мы большой семьей в двух таких комнатках жили. И хорошо жили! Саманы тогда еще новые, крепкие стояли. Отец работал от гудка до гудка, но и по хозяйской части — подладить, смастерить что-то, дратву наваксить, валенки подшить, дров нарубить, уголь заказать... э, да настоящему хозяину всегда найдется, чем руки и время занять,— все делать успевал. И по крестьянской части у него — все вовремя. И мама моя, бабушка ваша Мария, тоже все успевала: за нами приглядывала, хозяйство справно вела. А мастерица-то какая искусная она была! Слышала присказку про волшебные руки? Сухую ветку в землю воткнут, ветка яблоней вырастет! Вот у мамы такие были. Урожай, засолки, варенья, ткачество, хлеб — все-все у нее получалось. Я около мамы многому научилась. И в школе я училась — родителей радовала. Очень уж отец хотел, чтобы его дети, особенно «дочка старшая», в образованные вышли. Я всегда побаивалась его строгости и уважала безмерно.

И учеба давалась мне легко, и жила я «легко, как песню раздольную пела», говорила мама. Сама она читать толком не умела — только печатные буквы и то, по слогам,— подписывалась каракулями или галочку ставила, а шутки-прибаутки всегда к месту и всегда красивые выдавала. Говорила очень поэтично. Про меня вот, например, крестной «караактеристику» давала: «Ув жизнях редко случается, штобы один человек владел многими таланами, да к тому красив был, статен, добр к людям, и штоб везло яму уво всем. Про таких говорят: «Ув рубашке родился». Ув рубашке, кума, родилась и моя Катя, крестница твоя». Услышав случайно про себя такое, разве можно что-то плохо делать?!

Нас в глаза мама никогда не хвалила. Сделал дело хорошо, ну и молодец, так и

должно быть. Но если ей доводилось с кем-то о нас говорить, тут она находила много добрых слов. А мы хоть и помогали родителям, но, признаюсь, не ангелами росли. Я вот тоже, и трудолюбивая, и в общем-то не ослушивалась, не пререкалась дома, но на улице еще та заноза была. Не такая, как наша Татьяна, но заводная — это точно.

— Подожди, мама, а как все-таки Татьяна погибла?

— Да никто толком не знает. Она была с подружками. Их шесть-семь пацанок десяти-, тринадцатилетних за каким-то чертом понесло на шахту, там как раз на узкоколейке стоял состав под погрузкой угля и паровоз маневрировал, толкая вагоны туда-сюда, потом он дернулся и медленно поехал вперед. Татьяну, рассказывали одни, как бес в ребро толкнул, пристала: «Спорим, что я успею под вагоном пробежать»... А другие говорили, что она похвасталась перебраться на другую сторону на ходу состава по сцепке, держась за стенки открытого тамбура... Татьяна первая из нашей родни похоронена на касьяновском кладбище. А теперь там — целый городок родственников. Упокой, Господи, их души!

— Упокой, Господи! Мама, а меня ведь только сейчас стукнуло! Так это в честь нее меня Татьяной назвали? Нельзя же.

— Да, многие говорили, что нельзя новорожденного называть в честь погибшего ребенка, но у твоего папки, Таньчопы, особая история с этим именем связана. В сорок втором году после тяжелого ранения, когда он полгода в госпитале лежал, там работала сестричка, девчонка лет шестнадцати. Она дневала и ночевала около раненых. Всю семью, бабушку, дедушку, мать, младших братьев, немцы на ее глазах убили, она в огороде пряталась, видела все. Отец на фронте погиб, когда девчонка уже в госпитале работала. Раненые любили ее как дочку, внучку, сестру. И все молодые обещали своих дочерей назвать ее именем, Таней. Вот папка твой уперся и ни в какую: «Только — Таня, Татьяна, Танюшка, Таньчопушка, Таньчорушка!». Назвали тебя, получается, в честь медицинской сестрички.

— Брр... Аж мурашки по коже... Как все-таки тайное, непонятное, незнакомое переплетается с чем-то подспудным. Помнишь, я в детстве все кукол лечила и в больницу играла?.. А вы с папкой всем говорили, что врачом я буду. Почему никогда про Таню-медсестричку не рассказывали?

— Не знаю. Не к разговору как-то было. А сегодня, видишь, воспоминания одно за другое цепляются... с одного на другое перескакиваем... Устала? Ночь в автобусе ехала, не спала, да день вон какой пережили... Может, пойдешь ляжешь?

— Да что ты, мама, какое там устала! Я сейчас новую тебя, новое о вас узнаю! Представляю, сколько еще не знаю. Пожалуйста, продолжай.

— Ну так вот, я еще та своенравная была. Особенно когда девицей стала. Не дай Бог кому задеть меня смешком, бросить взгляд, который чем-то покоробил! И проходу никому не давала за нерадивость и неуклюжесть... Самой-то мне хотелось все уметь. И чтобы — лучше всех. Я не очень любила прясть, носки, варежки вязать. Но если бралась, то делала как надо. Зато любила на кроснах постучать, полоски цвета необычного в дорожках выткать, и на машинке любую одежду из старого чего или нового сшить-перешить себе и сестре с братьями. Умела хлеб испечь, пшеницу серпом сжать, корову подоить. А когда на коромысле полные ведра с водокачки за шесть переулков несла, так даже выпендривалась: голову как царица держала, выступала словно пава, чтоб ни капли не расплескать, да еще над другими подшучивала. Водокачка у нас тогда, как и сейчас, одна на весь поселок возвышалась. И если у тракта, на противоположном конце Касьяновки, воду можно было набрать из колонки, то в нашем околотке — только на водокачке. А давали воду в определенные часы. Знаешь как много народу там собиралось и как интересно было! Столько историй, связанных с водокачкой, можно вспомнить! Смешных и грустных... У водокачки ранней весной — я девятый класс заканчивала — вспыхнуло во мне непонятное чувство к старшекласнику: он нечаянно ладони моей коснулся, когда по-

могал надеть коромысло на плечи, и не только ладонь, а всю меня будто крапивой ядреной ожгло.

Мама рассказывает про себя юную, а я вижу ту водокачку, дедов переулочек, улицу к водокачке и себя, приехавшую к бабушке на лето, тринадцатилетнюю пигалицу, тоже манерно несущую коромысло с почти полными ведрами мимо дома парня, по которому тайно страдала... А мама уже — о другой себе:

— А как открытку кому нарисовать — не хуже магазинской получится, а подписать, так обязательно стихами... Ни одна школьная или поселковая самодеятельность без Катерины Семкиной не обходилась, ни одни танцы, — мама раскраснелась, вспоминая себя молодой, глаза заблестели: — Всех перепляшу! А частушку свою так выдам, что другие частушечницы от удивления или зависти надолго замолчат. С Антониной Сметанкиной и Лидией Руслановой сравнивали (и это правда, соглашаюсь я молча). Стать знаменитой певицей пророчили. И концерт на выпускном вечере не обошелся без меня, девятиклассницы. По плану, — заметив мой вопрошающий взгляд, мама поясняет: — Да, у нас говорили «по плану», а «сценарий» я узнала позже. Так вот, по плану я спела «Катюшу», мне долго хлопали и не хотели отпускать со сцены, пока не спела нашу семейную песню (я догадываюсь, какую, но молчу, слушаю маму).

Не часто, но застолья у нас бывали, и застолья не жадные: «Что в печи, то на стол мечи!» — командовал дядька Федор, так моего отца за глаза и в глаза звали. И мы метали. Из всех закровов доставали нехитрые, но сытные яства. А у «дядьки Федора» всегда, даже по голодным годам, стояла «на всякий случай» брага и самогон припрятан. А уж если он выпьет да закусит как следует, то запоем — не остановить. Да что отец, все в нашей огромной Семкинской родове голосистыми уродились, если запевают по голосам, то полпоселка слушает, словно хор Пятницкого выступает. Столько песен знали, столько песен!.. А любимая — «Отец мой был природный пахарь». И что особенного в этой простой песне? — и мама потихоньку поет, я еще тише подпеваю:

*Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
Отца убили злые чехи,
А мать живьем в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
А я остался сиротой.
Не спал три дня, не спал три ночи,
Сестру из плена выручал.
И на четверту постарался,
Сестру из плена я украл.
С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по реке.
Но вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Злодей пустил злодейску пулю,
Убил красавицу сестру.
Сестра из лодочки упала,
Остался мальчик я один.
Взойду я на гору крутую
И посмотрю на край родной —
Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя!*

«Удивительно! — вдруг подумалось мне, — сколько помню, мы всегда ее во весь голос пели, и казалось, только так можно услышать в ней глубину горя, почувство-

вать и передать величину потери, боль за народ, но... спетая тихо, она оказалась такой мощной, такой на все времена, что оторопь взяла! Что чехи!? Свои, вон, сколько горя репрессиями принесли, сколько судеб искалечили...». Обрывая нахлынувшие эмоции, я возвращаюсь к маминому вопросу:

— Что особенного?! Целая эпоха в ней! И перед глазами проходит, и за душу берет. Мама, какая ты молодец! Все слова до сих пор помнишь!.. А что дальше после концерта было?

— Что было... Я пела, а зал подпевал! Долго не отпускали со сцены, не отпустили потом и домой. После школы пошли гулять. По традиции помолчали у памятника борцам революции, а возле клуба в березовой роще новый концерт устроили. Пели, плясали, хороводы водили, словно последний день проживали. По домам разошлись — уже светало, коровы в стайках замычали.

Выпускникам — прощай, школа, здравствуй, новый день! Только день начался, словно в сказке со страшным неожиданным пришествием чудища-юдища. Война! Ох, как много ребят из нашей школы, выпускников и девятиклассников — да-да, у нас в девятом классе учились и восемнадцатилетние хлопцы — ушли на фронт и добровольцами, и по призыву. Взрыв всеобщего патриотизма! Мужчины до пятидесяти и парни от пятнадцати рвались на фронт защищать Родину. Народ, мало сказать, был возмущен, он негодовал по поводу такого наглого, бесчеловечного коварства: «Без предупреждения!». Все переполнилось решимостью бить, громить фашистов!

Я слушаю маму и тихое негодование одолевает меня. Я верю маме, верю каждому ее слову, верю, что именно так тогда думали, говорили, чувствовали люди — и я чувствую точно так же. Но как могут сейчас тот безграничный, безоглядный патриотизм некоторые считать сомнительным, наигранным, а выражение тех чувств — банальным?! Нет, я не с этими современными некоторыми, я — с мамой!

— В добровольцы записывались даже шахтеры, хотя у них была броня. Много, очень много парней и мужчин ушли на фронт. Подвода за подводой тянулись по поселку к Московскому тракту, а по нему — в Черемховский военный комиссариат. В комиссариат шли подводы, а то и бортовушки, со всех поселков, деревень, заимок Черемховского района. И многие пути вели к Московскому тракту, он и тогда был последней самой длинной улицей Касьяновки. Я с подружками улучала момент, бежала провожать уходивших на войну. И всегда вдоль тракта стояли бабушки, дедушки, женщины, молодайки, дети. Не помню, чтобы все поголовно плакали. Были слезы, но редкие; то там, то тут бабы выли: «Ой, да куда ж ты, родненький? Куда ж ты, кормилец? Да как же мы без тебя?» Но в основном люди сурово и убежденно желали: «Бейте там гадов и скорей возвращайтесь! Ждем с победой!»

Ездила в Черемховский комиссариат и я с подругами. Седой дядька так на нас гаркнул: «А ну брысь отселева, мокрухи! Без вас головной боли хватает. Не путайтесь под ногами у государственного дела!» — что мы, и правда, чуть не обмочились.

— Подопустела Касьяновка, — помолчав немного, печально подытожила мама. — Тихо стало. Вроде, и жизнь не остановилась. Так же переулки наполнялись размеренным и частым топотом, мычанием, бляньем, теплым дыханием животинки — мальчишки-пастухи вели стадо на пастбище утром и возвращали вечером; так же вслед за петухами ревел гудок шахты, и шахтеры спешили к клетям, спускались в забои; так же ухаживали хозяйки и дети за хозяйством, огородами; так же семьи заготавливали сено на зиму. Так же, да не совсем. Стадо мальчишки пасли теперь самостоятельно, взрослого пастуха перевели на какую-то другую работу, где нужны были сильные мужские руки. Траву косили подростки и парни, те, что не ушли на фронт, да женщины, бабушки, старики. Шахтеры не выходили из забоев по двенадцать, а то и четырнадцать, часов. Я почти не видела отца. Забота о доме, хозяйстве, огороде полностью легла на мамину и наши с братом плечи.

Лето было — не было, трудно сказать. В крестьянском хозяйстве для подростков

и молодежи летом и так работы — непечатый край, а тут... пот со лба вытереть некогда. Игрищ и танцев почти не стало, а если случались, то напряженные: у всех кто-то воевал на фронте, кто-то из забоя не вылезал. Кстати, у нас ведь и женщины некоторые пошли вместо мужей на шахту работать, научились уголь рубить и выдавали на гора больше ста процентов... Стали приходиться похоронки. Погиб и парень, в которого я тайно была влюблена, тот, что у водокачки ладони моей коснулся, и с которым при встречах потом сердце странно замирало, а уши горели, словно от жаркой печки.

Первое сентября началось не так торжественно, как привыкли. В школе появился новый предмет: военная подготовка, а при больнице — уроки военных санитарок. Мы, три подружки, две Катьки и Дуська, нас в поселке называли «не разлей вода», не выбросили мысль уйти на фронт, но успевали и учиться, и дома с хозяйством справляться, и военку, и уроки в больнице не пропускать.

Последний год тянулся долго, хотелось быстрее получить аттестат о среднем образовании и стать свободнее от родительской воли. Аттестат получила, а свободнее не стала. Отец сказал, как отрезал: «Я те дам фронт! Выдеру как сидорову козу! Война войной, а ты пойдешь на училку учиться. Институты не позакрывали! Война скоро закончится, кто детей учить будет, если все девки воевать уйдут? Поступай, как хотела, на ботаничку — огурцы, цветы вон тебя любят, травы разные знаешь». Я не сразу, но успокоилась. И, несмотря на страстное желание бить врагов, мне, а вслед за мной и Катьке с Дуськой (я верховодила в нашей тройке, хотя была младше товарок на полтора года) пришлось отставить разговоры о фронте, о боевых подвигах.

А ботанику я, и правда, любила. И с девятого класса, с пятнадцати лет, готовилась для пединститута. Всеобщая мобилизация да желание не отставать от воевавших парней остановили подготовку. Но узнала, что в Иркутске не закрыли пединститут, и там есть четырехгодичное естественно-географическое отделение, а естественное — это ботаника, биология, зоология, в общем, мое, решила: «Поеду!».

По всем меркам тех скудных лет наша семья жила в достатке, но, когда было принято окончательное решение, стало понятно, что в город-то ехать не в чем. Тут вся многочисленная родня не осталась в стороне. К нам тащили любые крепкие вещи, из которых сами выросли или которые по какой-нибудь причине домочадцам не подходили. А отцу на шахте выделили новую темно-синюю тужурку... — мама вдруг сморщилась и потеряла переносицу: — Даже сейчас в носу защипало, будто вот только что отец принес добротную большую тужурку и слово в слово, и даже подражая голосу начальника, сказал: «Шахтком проникся уважением к желанию девушки учиться в такое-то время, и нашел способ хоть такую материальную помощь выделить вам!» Я из той шахтерской тужурки смастерила себе осенне-весеннее полупальто... Я день и ночь строчила на немецкой машинке «Зингер»... А ведь отец чуть не выбросил ее.

— Как это — выбросил?

— А вот так! В первый день, как узнал про войну, он просто рассвирепел: «Чтоб даже духу немецкого в моем доме не было!» — рычал он, приправляя ярость крепкими словечками. А мама, моя почти безграмотная мама рассудила иначе: «Войну ведет Гитлер, анчихрист. Анчихристы руками ничего робить не могут. Таку сказку могли сотворить только рабочие руки, как у тебя Хфедор. Так иха-то пошто казнить? Они, мобуть, тама так же страдают из-за анчихриста, как и мы туточки. Не, даже из солюдарности с их горем, надо оставить по ним память». И машинка осталась. Чудо, а не машинка! Не капризная, не ломалась. Шила ровно, красиво. Любую толщину брала: от крепдешина до кожи...

— И моего пальца. Прости, мама, снова перебиваю, но не могу не вспомнить. Мне лет шесть, мы семьей к бабушке в гости пришли, вы меня оставили, а сами дальше по делам отправились, и Генку с собой забрали. Я обрадовалась свободе и пристала к бабушке: «науци, да научи»... С большущей табуретки ногами до пола не

доставала, неудобно сидеть, неудобно ручку крутить, но крутила, пыхтела — платье кукле мастрячила. Подушечку пальца к тряпице «пришила», а плакать боялась — ты узнаешь, не разрешишь больше близко к машинке подходить. Бабушка почуяла неладное, пришла, подняла иголку, «отпорола» палец... Надо же, вспомнилось такое незначительное... А ты вон какие вещи рассказываешь!..

— Да я тогда не придавала этому значимости. Мы так жили, слово отца — закон.

— Бабушка. Любимая моя бабушка. Какая она все-таки мудрая была! Я помню: деда Федора с его решения никакими доводами не свернуть. А бабушка — раз, и нашла резон, и успокоила деда... А машинка, действительно, замечательная! Цены бы сейчас бабиному «Зингеру» не было! Жалко, что в конце восьмидесятых, когда у машинки не осталось хозяек (бабушка в мир иной ушла, а молодые разъехались по городам), один из родственников, не хочу даже имя его произносить, не то выбросил ее, не то на бутылку сменял... Такую память испоганил!

— Да-а... Память... это, наверное, такой же антиквариат, как и та машинка — не каждому дано ее сохранить... А машинка долее пятидесяти лет служила нашей семье. И сейчас бы служила, и другой бы не надо. Это вам, современным, сразу с оверлоком подавай, а я и теперь вручную так изнанку обметаю петельчатым швом, краше фабричного получится... Чего только на «Зингере» мы не шили! И фуфайки, и овчинные рукавицы, и свадебные платья после войны. И я тогда, в сорок втором, в Иркутск приехала, как невеста, с приличным приданым.

«Невеста», «Иркутск» — и в памяти молниеносно промчались картины моей студенческой жизни. И сердце заекало, а в голове закрутилось: я с мамой на временном расстоянии всего в двадцать восемь лет ходила по одним и тем же улицам, бывала в одних и тех же кинотеатрах, театрах, магазинах... Почему тогда меня не волновало это? Почему моя юность жила только собой? Почему не было глубокого интереса, внимания к маминой юности, к тому времени?

...И я слушаю, слушаю, слушаю, по-новому вникая в то, что рядом жило и чуть не прошло стороной.

* * *

— А в Иркутске,— продолжала мама,— мне повезло, сразу нашелся угол — комната на четверых. Я попала к трем однокурсницам. Четыре года мы жили вместе, в доме у бабы Нюры. Адрес помню: Советская, 3. Дом небольшой, комнатка, которую мы снимали, маленькая. В ней едва размещались две, как подростковые, железные кровати, топчан рядом с печкой-буржуйкой, стол, мы за ним и ели, и занимались, умывальник за занавеской и рядом с ним, тоже за занавеской, с двух сторон взятый дощатыми переборками шкаф для одежды, «шкаф-купе»,— тепло иронизирует мама.

— Собрались мы все домовитые. Привезли из дома кто подушку, кто пикейное покрывало, кто ситцевые веселые задергушки на маленькое оконце. Кровати мы сдвинули вместе в угол, к самому окну. Спали на них по очереди втроем, а четвертая, кому выпадал черед,— на топчане. В освободившийся угол поставили старинную, но добротную тумбу, которая до этого пылилась у бабы Нюры в снях.

Бабе Нюре было шестьдесят. Мы понимали, что для взрослой женщины это не очень-то и много, но смотрелась она такой же древней, как ее тумба. Наверное потому, решили мы, что жила баба Нюра одними воспоминаниями. Мужа она потеряла в последние дни гражданской войны, а на двух взрослых сыновей получила похоронки почти в первый день Великой Отечественной.

Вообще-то баба Нюра не была одинокой старушкой — в одной ограде с ней в двухэтажном домике жили невестки с детьми, но странное отношение у нее было к ним. Невесток уважала, но жила от них особняком, они тоже лишний раз не мельтешили во дворе. Внуков баба Нюра очень любила, но они, живые, здоровые, «больно царапали сердце», призналась однажды зимой баушка, так мы ее со временем звать

стали,— иногда она приходила в нашу комнату «вечер скоротать». Глядя на внуков, баба Нюра горько вспоминала, что ее кровинушки «захованы» где-то на чужбине и никогда уже не подойдут, не скажут: «Ну здравствуй, мама! Как ты?». Внуки ни при чем, внукам она здоровья желала, но видеть их часто боялась и, чтобы пореже видеться с ними, она поэтому круглый год и почти каждый день, несмотря на большие раздутые ноги, пропадала за три улицы у подруги, или вместе они стояли у церкви, или простодыро торчали на рынке, слушая сплетни горожан и торгашей. Пособие за мужа баушка получала крохотное. Кормилась небольшим огородиком, который к тому же был поделен на три семьи — две другие пайки кормили внуков. Жила баба Нюра экономно, потому-то и брала квартирантов. Мы поначалу думали: «Ну и хозяйка нам досталась!». Но быстро поняли ее безвредность, приспособились к запросам и жили с ней, а между собой и подавно, дружно. Комната маленькая? Так это и лучше — быстрее надышится, теплее станет. К тому же, с домашними украшениями: задержушками, покрывалом, домоткаными полосатыми половиками, кружевными салфетками и салфеточками — она казалась нам не просто уютной, а родной.

Собрался нас целый интернационал. Зоя — татарочка, из-под Заларей. Ципилма — бурятка, из Усть-Уды. Зухра — таджичка, из Черембаса. И я — русская, из Касьяновки. Мы жили коммуной. Практически в столицу Сибири приехали не из далекого-далека, а, можно сказать, из-под самого Иркутска. Продукты, богатые по тем временам, привезли (и потом подвозили) в достатке. Но почему-то нам всегда страшно хотелось есть. Мешка картошки (а мешки те, ты должна помнить, намного больше нынешних) едва хватало на месяц. Не с чем было варить суп. Солонину из дома приносили, готовили шурпу. В чугушке поджаривали сало с луком-репкой, потом наливали туда воду и засыпали сечку, долго варили. Получался густой наваристый бульон. И ведь вкусно было! — уверяет помолодевшая мама.— Натрескаешься этой жижи с хлебом и спать можно ложиться, тогда уж точно кишки наши ночью не будут переговариваться друг с другом.

Мама, словно вспоминая еще что-то важное, отстраненно оглядывает наш стол, накалывает домашнюю котлету, задумывается на время, кладет ее обратно в тарелку и, словно вот-вот кинется в бой, констатирует:

— Да, шурпа да щи пустые основной нашей едой были — мяса из дома редко и совсем немного перепало. Да, мы почти постоянно хотели есть, но не тужили. Нам не хватало денег, но мы не обращали внимания на это. Война! Не ныли. Жили маленьким сплоченным коллективом. И основную массу людей война сплотила в крепкий добрый костяк, нигде не было чужих. Люди жили как бы одной огромной семьей, где всем и до всех есть дело. Равнодушных не было. Но и швали, как вшей, повылезло порядком.

— А при чем здесь эти кровососы?

— А я тебе случай из детства расскажу. Это еще там, в Тугуше, было. От нас недалеко дедушка жил. Былой лихой рубака, участник гражданской войны, часто хворал — не давали покоя, болели раны. Занемог он однажды сильнее обычного, слег надолго. Ну, думали все, отходит дед, а он вдруг среди недели говорит жене: «Истопи-ка, старая, ты мне баньку. Что-то кости ноют, все тело зудит, как огнем горит,— мочи нет никакой терпеть». Жена сразу же, не дожидаясь субботы, баню натопила, повела старика своего, он разделся, она в ужасе благим матом заорала: вся спина старика была покрыта грязной шевелящейся массой. Вши! Чего греха таить: вши в деревнях водились, как зловредный атрибут. Их травили дустом, шелоком, огнем, паром; они же, кровопийцы, появлялись снова и снова, но даже закаленный деревенский дух женщины такое количество повергло в ужас. А дедушка, и правда, умер вскоре — они, говорят, на изболевшем теле из-под кожи лезут.

Вот и ту шваль, что повылазила тогда в Иркутске, я реально сравниваю с шевелящейся серой кровососущей массой на теле страны. И люди, нормальные люди, во

избежание неприятностей ходили в основном группами. Мы тоже — везде вчетвером. Быстро у нас появились и друзья — защитники, если что. Как-то, еще на первом курсе, перед ноябрьскими праздниками, я задержалась на репетиции — в институтской самодеятельности пела. Подружки не дождались, умчались с провожатыми домой. Мне пришлось возвращаться одной и по темноте. Зима в тот год пришла рано. В первых числах ноября стояли морозы под 25—30 градусов. К ночи и того крепче. Я — далеко не в зимних, хоть и утепленных ботинках (так назывались длинные ботинки с кнопками по бокам, сшитые до щиколотки из толстой бычьей кожи, а выше — из добротного войлока), в плюшевой на ватине жакетке, в длинной юбке из шерстянки и в одних фильдекосовых чулках — быстро замерзла. Чувствовала, что колени вот-вот начнут звенеть. Решила сократить путь, свернула с улицы Карла Маркса в малознакомый темный переулок. Переулок был пустым, это меня успокаивало, но все равно, хоть и не трусиха, я постоянно оглядывалась и шептала под нос «Отче наш». Никогда не была страстно верующей, но и абсолютной безбожницей себя не считаю. Молитвы знала, иногда и в церковь ходила. С молитвой между черных глухих домов в лихое время бежать было спокойнее. Я уже видела в темноте конец переулочка, и вдруг передо мной как из-под земли, вернее, из сугроба, — мужик: «Куда спешишь, деваха? Дай-ка мне твой ридикюль посмотреть». «Ридикюль» этот я сшила сама из лоскутов темно-синего сукна, что остались от шахтерской тужурки. Сумка получилась гарная: с кармашками, ручками крепкими, не отличишь от фабричных, с молнией, большим тогда дефицитом. И лежали-то в ней учебники, тетради да медяки на дорогу. «Денег не найдет, озверееет, еще и убить может!» — мелькнула мысль. От страха я так и пристыла к месту. Вечность или секунды прошли с момента, как протянула ворюге или бандиту сумку? И сейчас не скажу. Тот успел расстегнуть, матерясь, молнию, и тут я во всю глотку, словно иерихонская труба, заорала, глядя ему за спину, да еще отчаянно замахала рукой: «Дяденька милиционер, скорей сюда! Помогите! Грабят!». У верзилы, ошалевшего то ли от оглушающего рева над самым его ухом, то ли от страха (милиционеров шваль боялась), я выхватила сумку — и только меня и видели. Милиционера и в помине там не было. И погони за мной почему-то не было, но я бежала, не останавливаясь, еще около километра, пока не оказалась в своей комнатке. Товарки как раз сидели за столом, хлебали горячую шурпу. Как на фотокарточке, застыли с открытыми ртами, когда, не слыша скрипа калитки, лая Найды, они увидели на пороге меня бледную (это с мороза-то!), как привидение... Много было всяких случаев в моей жизни, но такой страшный — один. По настоящему испугались за меня и мои соседки по комнате, и долго не могли уснуть: каждая представляла, что она бы сделала, случись с ней такое. После мы, а тем более я, никогда никуда не ходили по одиночке.

Зоя, Ципилма, Зухра, я. Вместе мы, такие разные, но и чем-то похожие. Учеба стояла на первом месте, но старались мы и не пропустить ни одного кинофильма в «Художественном», ни одного концерта, где бы он ни шел. В Иркутске культурная жизнь не зачахла! Успевали мы и на спектакли в драмтеатре, и на дежурства в госпитале. Но самое любимое для нас было — разные встречи в Доме офицеров. И танцы после. Попадал туда далеко не каждый встречный-поперечный.

Первый раз я очутилась в Доме офицеров как раз на те ноябрьские праздники, репетиция перед которыми чуть не стоила мне жизни. Я в праздничном концерте исполняла сольные песни «Катюша» и «Вставай, страна огромная». И это были те праздники, когда мое исполнение на сцене большого легендарного зала встретили стоя и отблагодарили громом аплодисментов, а вторую песню, так же стоя, пел вместе со мной весь зал. Это был тот год, тот день, когда... Нет, надо по порядку.

Я так волновалась, когда пела, что даже не слышала себя. Программа была большая и сборная: кроме нашего, выступали студенты других институтов и работники каких-то предприятий. Я же ничего не видела, не сопереживала выступающим —

была в состоянии мандража. И после концерта, как последняя трусиха, чуть не убежала домой, но что-то меня остановило. Я стояла в стороне от танцующих. Одна. В голове шум. Перед глазами пелена. Вдруг, словно раздвигая широкими плечами эту пелену, в светлом контуре появляется невысокий парень. Я четко вижу его. Вот он приближается...

Ничего подобного ни к одному я прежде не испытывала. В один миг обдало меня жаром от косы вокруг головы до пальцев в скромных туфельках. Ну да, увивались за мной хлопцы, не оставляли без внимания, провожали, были и такие, что пытались покрепче стиснуть во время танца. Я отшучивалась, держала дистанцию. Ни разу не посмотрела с тоской вслед провожатому, не екнуло навстречу кому-нибудь сердце. Даже к тому парню у колодца такого не было. А тут показалось, выпрыгнуло оно из груди и рванулось навстречу незнакомцу, и не красавцу вовсе. Я обомлела. И так себя не чувствовала, а тут и совсем как провалилась куда-то, не могла понять, где я и что со мной. А он стоит уже рядом: «Катя, можно пригласить вас на вальс?». Оказывается, я — на танцах. Но где? Я смотрела, не отрываясь, в глаза парня и увидела: они синие-синие, как небо безоблачным бабьим летом. Оцепенение проходило трудно. Кто-то внутри меня шепнул: «Ну совсем одурела девка! Ты хоть что-нибудь ответь. Что он о тебе подумает?». С трудом разлепляя губы, я тихо и почему-то хрипло ответила: «Можно».

Дальше моя жизнь закружилась красивым венским вальсом на три с половиной года. Ни далекая война, ни раненые в госпиталях, ни пайки по карточкам, грабежи, разбой, эвакуированные, ни какие другие проблемы голодающей страны и рядом — ничто не мешало моему эгоистичному счастью.

Виктор оказался студентом третьего курса технического ВУЗа. Времени свободного у него так же, как у меня, почти не было. Кроме учебы — спорт, работа на заводе. И все равно редко, но мы встречались, ходили в кино, на спектакли, танцы. Как-то летом, через год и восемь месяцев после нашего знакомства, мы с группой студентов поехали на Байкал на несколько дней. Ночевали где как придется. В домик ли кто пустит, шалаш ли парни соорудят, а то и прямо под открытым небом, но всегда — костер, песни, смешные истории. И везде Виктор рядом. Руку подаст, поддержит на трудной тропе. А прошли мы тогда много километров. Завернули и на Мысовую, в родной дом Виктора. Что Виктор про меня родителям сказал, осталось тайной — он так и не открылся. Но я постоянно ловила на себе любопытный и теплый взгляд его матери. Я смущалась, краснела. Отношения наши мы не обнародовали, но окружающие без пояснений все видели. Я даже слышала шепотки за спиной: «Надо же, в стране война, а у них — любовь. Они — в этой жизни, и — вне ее. Виду не показывают, но смотрятся как две руки одного тела».

* * *

Я заканчивала третий курс, а Виктор — институт. Скоро получит диплом. Выпускника оставляли работать на военном заводе. Виктор и учился от завода, поэтому не попал на фронт. В конце апреля он осмелился и признался мне в любви, позвал замуж. Я была безоблачно счастлива. Согласилась. На майские праздники мы поехали в Касьяновку — Виктор желал по традиции просить руки у моих родителей. Они знали о приезде жениха — я успела письмо им отправить. Жениха, ну и меня естественно, встретили честь-честью, хлебосольно. Обмозговали условия свадьбы, где и как гулять будем. Получалось, в Касьяновке, — младших моих братишек и сестренку одних не оставишь и в Мысовую не повезешь. Не оставишь и у родни — там своих полно. «Но свадьбу играть будем через год, — рубанул отец рукой воздух, — когда Катька учебу закончит! Зря что ли я на нее три года тянулся? Чтоб она сейчас взамуж выскочила, ребятенка родила и вся учеба — псу под хвост!» Виктор, без сомнения,

очаровал моих родителей. Мы, жених и невеста, вернулись в Иркутск и счастливые, и расстроенные — целый год ждать!

А через неделю свершился оглушающе счастливый день — День Победы! Люди все до единого высыпали на улицы. Знакомые, незнакомые очумело обнимали друг друга, целовались, плакали и смеялись одновременно. Радостное возбуждение гуляло в народе весь день, вечер, всю ночь и много еще дней подряд. Мы с Виктором попали в разные водовороты людского ликования. Встретились через несколько дней. Виктор привел в свое общежитие. Оно гудело и гуляло, словно на древнерусском пиру. Вскоре соседи Виктора, набившиеся в комнату, как кильки в банку, — непонятно кто где сидел, стараясь протиснуться к общему столу, — вдруг заорали: «Горько!» Я от стыда готова была под пол провалиться, но мне столько пришлось в те дни принудительно целоваться с незнакомыми людьми, что махнула рукой на приличия, суровое воспитание, поднялась вслед за Виктором и всласть целовалась с любимым под свадебные крики. Я быстро захмелела от выпитого, от щемящих поцелуев. Под утро незаметно мы в комнате остались одни. Необычность происходящего, жар тела, которое не слушалось меня, страстные ласки жениха, едва не довели до греха. Великая радость страны чуть не совратила меня. Последним усилием воли я сумела оттолкнуть Виктора и твердо сказала: «Нет! Только после свадьбы!» Виктор даже обиделся: «Ну мы же все равно поженимся!» После я как-то побаивалась оставаться с ним один на один.

В конце июня меня отправили на практику в далекий Орск. Каждый день оттуда я писала Виктору письма, и в прозе, и в стихах. Очень часто по одному или пачкой получала от него. Вернулась в Иркутск осенью. Виктор встречал на вокзале, светился радостью, не мог на меня надыхаться, но прятал глаза. Я почувствовала: с ним что-то неладное, как будто он в чем-то виноват передо мной. На вопросы толком не отвечал, отшучивался или уводил разговор в сторону.

...Ноябрьский праздник опять стал поворотным днем в моей судьбе. В заводском клубе во время танца к нам подбежала рыжеволосая Томка, соседка Виктора по общежитию. Учетчица. «Витек, ты совсем забыл меня. Больше месяца не заходишь, а я соскучилась». Вот и проявилось «что-то неладное с ним»... Виктор покраснел, набычил голову, буркнул: «Некогда». Это было последнее, что я запомнила из того вечера, и это был последний вечер, когда он видел меня. Я потом и сама удивлялась, как смогла почти год избегать с ним встреч, а караулил он меня безбожно.

До меня доходили слухи, что он тяжело переживал мое отчуждение. Не на шутку запил. Однажды в безобразно пьяном виде пришел к нам, я успела спрятаться на половине бабы Нюры, и начал, не стесняясь, рассказывать, а скорее оправдываться, как у него получилось, что он изменил мне: «Я сильно тосковал по Катюхе, пока она была в Орске. Томка как-то, когда мне стало особенно грустно, попросила патрон посмотреть — лампочка почему-то не загоралась. Я зашел. Томка в комнате была одна, и пока я ладил патрон, она успела картошку, кильку и бутылку на стол поставить: «Спасибо, Витек! А то без света страшно. Вот, поужинай со мной, про Катюху свою расскажи». Ну я и растаял, и как оказался у нее в постели, не помню. Одно точно знаю: мне в тот момент казалось, что я, наконец-то, со своей любимой Катей-Катенькой. А Томка, оказывается, по непонятной злости на наше счастье, давно себе поклялась отбить меня у моей Катеньки. Томка сама вчера проболталась об этом девочкам по комнате, а они обозлились на нее за ее сучью натуру и мне доложили, вот я и пришел к вам. Помогите увидеться с Катей, пусть простит меня», — изливал душу моим подругам Виктор. А я, как мышка, сидела за перегородкой у бабы Нюры, слушала и только малюсенькая часть моего сердца пожалела Виктора. В основном же к тому моменту я чувствовала себя покойницей — настолько болезненно много месяцев истребляла в себе предательство любимого.

— О, Господи, мама! Я думала, что в твоё время измен не было, а они, оказывается, почти по одному сценарию случаются со дня сотворения мира... Мама, мама, и

ты́ прошла через это! С твоим-то характером, праведным воспитанием... Как же потом в себя пришла?

— Ушла с головой в учебу. Почти каждое воскресенье ездила домой, помогала маме по дому, в огороде.

— А как они отнеслись, что свадьба расстроилась? Ты им сказала почему?

— Нет, не сказала. Только предупредила, что свадьбы не будет... Мама пожалела: «Мобуть, наладится? Молодые часто ссорятся. Хлопец-то он работающий», а папа заявил: «Она у нас тоже не лежебока. И головастая. Ей видней, как быть». Папина вера в мою рассудительность укрепила мою силу воли и то, что я правильно решила не прощать предательство.

— А дальше-то что?

— Дальше... Дальше закончился четвертый курс, я получила диплом. Попросила отправить меня на работу в Орск, где проходила практику. Подальше от Виктора. В августе, сидя в поезде, я дала себе слово, что выйду замуж за первого, кто меня позовет, и кто будет хоть чуточку нравиться. Таким в скором времени оказался Андрей. Высокий видный фронтовик. Коммунист, партийный работник. Буквально на третьей встрече он сказал, что влюбился с первого взгляда, раз и навсегда. А увидел он меня на уроке географии, в вечерней школе, я по совместительству работала там. Как партийного работника с образованием семь классов его обязали получить полное среднее образование. В первый же вечер Андрей пошел провожать, рассказывал о себе, о своей почти сиротской судьбе. Теперь-то мы все знаем, что остался он без отца, без матери, они рано ушли из жизни, и с пяти-шести лет лишним ртом жил по очереди у теток и старших сестер, а тогда, слушая впервые, я пожалела его. А женская жалость, сама знаешь, сильнее любви. И когда он через неделю заговорил о своих чувствах, о том, что будет верным, хорошим мужем, и рассказал, какую семью всеми силами постарается создать, он был уже безразличен мне, и к тому же я подумала: «Серьезный, значит надежный».

— Да, он был у нас надежным отцом! И ты для него была «светом в окошке». Он это при любом удобном случае говорил.

— «Свет в окошке»... Да, других женщин для него не существовало. По работе ему без меня приходилось бывать на банкетах, совещаниях, в разъездах. Всегда вокруг него вертелось много женщин. Знаю, были очень настойчивые... Но они все для него — не больше чем товарищи по работе, сослуживицы. «Свет в окошке»... Из-за сумасшедшей любви он и ревновал меня по сумасшедшему. Работа, дом. И ни шагу в сторону. А меня постоянно во всякие комиссии, советы выбирали. Классное руководство тоже много времени после работы отнимало. Да что об этом снова вспоминать? Все вы знаете. Обидно было слушать и терпеть его напраслину. Особенно больно было то, что петь на школьной праздничной сцене не давал. Вернее, давал, сидел в зале и гордился «своей талантливой Катюхой», а дома потом мне концерт устраивал: кто из мужчин и как на меня посмотрел, кому я улыбнулась, с кем особенно весело разговаривала и тэ дэ, и тэ пэ.

— Ой, мама, давай не будем об этом. Тем более, днем за столом многие упоминали его ревнивый характер. Только ты, сильная и мудрая, могла осаживать его ревность.

— Скажешь тоже! Могла... Да мне иногда убить его хотелось или убежать куда глаза глядят от напрасных злых упреков, обвинений, ругательств. И только в эти три вдовьих года, только сейчас поняла, что, по сути, прикипела к нему всеми клеточками... Господи, как мне его не хватает!

— Мама, мама, мама, стоп! Не надо! Плакать... не надо... А правда, что тебя в Москву в консерваторию звали?

— Вспомнила... Ну, звали.

— А как это было?

— Как, как... — мама промокает глаза кухонным полотенцем, снова теплеет

взглядом, лицом и, словно ненароком, вскользь, вроде как о чем-то незначительном, неважном, но, чувствуется, с гордостью, что и такое было в ее жизни многогранной, как узоры в калейдоскопе, где черные пятнышки закрываются яркими, необычайно красивыми цветами, начинает вспоминать:

— Было это на пятидесятую годовщину Великой Октябрьской революции... Слушай, Таня, а я вот сказала и только сейчас заметила: опять ноябрьские праздники, и опять — судьбоносный случай. Надо будет повспоминать, что еще у меня из ряда вон случалось в жизни седьмого ноября. Да, да, будет мысли теперь чем занять...

— И мне потом будет о чем рассказать. Ладно? А судьбоносный случай на пятидесятую годовщину это — что?

— А у нас тогда в Братске проходил смотр самодеятельности среди производственных коллективов, ну и педагогических, разумеется. Мы полгода к нему готовились. У меня — опять сольное пение. Я исполняла тяжелую для вокала «Песню о Днепре». Кстати, любимая песня Андрея.

— Знаю. Тоже люблю ее. У вас, да и у нас, ни одно застолье без нее не обходилось. Сейчас почти не поем. Не с кем, да и голос сел. А у тебя, мама, он и сейчас молодой, певучий, раздольный, сильный.

— Да нет, уже не то. Вот тогда я действительно была на взлете. Очень долго аплодировали. И опять слушали стоя. Аккомпанировала мне на аккордеоне учительница пения Альбина Иосифовна. А в комиссии дядька сидел... э-э, как его? Нет, фамилию-отчество уже не вспомню, а ведь отлично знала... Он ездил по Иркутской области, отбирал вокальные таланты. Подошел ко мне прямо за кулисы, я еще от волнения отойти не успела, а он с предложением: «Вам надо непременно поехать учиться в Московскую консерваторию». Пророчил блестящее будущее, известность, пенял, что зарываю талант. Говорил, что его поразило необычное созвучие моего голоса и аккордеона, что такое он впервые слышит... А, много чего говорил. Ажиотаж в коллективе и среди знакомых долго не утихал по поводу меня: уеду, не уеду (Москва!), надо, не надо ехать, лет-то не двадцать, поздно уже, а там еще на инструментах учиться, азбуку нотную изучать, песни по нотам понимать... Отец ваш ни в какую не отпускал... хотя вы уже большие, Сережке и то двенадцать. Искушение было велико. Наверное, рассудок победил: «Если б после института такое случилось, а теперь — нет». Кондовые устои верх взяли: ты — жена, мать. При них тебе суждено быть! При муже и детях. Вот и все. Вот и вся моя карьера певички.

— Мама, вот ты сказала: «Если б после института такое случилось...» А что с Виктором стало, случайно не слышала?

— Опять ты мне, Татьяна, душу бредишь.

— Прости. Больно? Или не знаешь?.. Ну, не хочешь, не говори.

— Да ладно уж! Перегорело... Мы с папкой вашим, с тобой и Геной, вам по три и два было, жили в Черемхово, Андрея туда замполитом в ФЗО из Касьяновского детского дома перевели. Я в школе работала. Виктор появился. Прямо на уроке в класс заглянул. Нашел! Дождался после работы, не отпускал меня, уговаривал бросить мужа: «Жить без тебя не могу! Всюду тебя вижу»... Томка ведь не отпустила его, затяжелела; женился он и... запил. Беспробудно. Работу инженера потерял. Работал где-то слесарем. Потом понял, что дошел до ручки, бросил семью, а тогда косо на таких смотрели... Пережил Виктор это. Стал в себя приходить, и решил найти меня, попробовать «вернуть свое счастье»... Наша встреча с ним была первой после Иркутска и последней. Я не интересовалась никогда, не соприкасалась ни с кем, кто бы мог что-то про него рассказать, да и не надо мне это. Отрезала, переболела и — забыла! Не было! И венского вальса среди войны с ним не было! Ушел он расстроенный, но и успокоенный, на прощанье сказал: «Буду искать похожую на тебя, Катюша. Красивую. Добрую. Верную. Как найду, женюсь навсегда. А ты будь счастлива!».

* * *

Братск. 2003 год.

Эта дата стоит в самом конце листочка под номером 14. Четырнадцать пожелтевших листов, нарезанных из тонких предвыборных плакатов, исписанных на «белой» стороне поспешным полупонятным почерком. Не оказалось здесь, в Ангарске, под рукой ни нормальной бумаги, ни тетрадок, и компьютером тогда еще не обзавелась, а желание переписать из братской тетрадки по свежим впечатлениям сразу с дороги весь разговор с мамой было страстным. Вот и пригодились плакаты-агитки, в невероятных количествах разнесенные по подъездам. Не следила за политической историей области, но, по-моему, ничего особенно полезного для Сибири не продвинул в законодательном собрании тот, все-таки выбранный, депутат, дарящий надежду с плаката. А записанная на нем мамина история — это частица истории не только Сибири, но и всей нашей Родины. Отчасти история моих родных, и таких, как они, верных человеческим принципам. История многих женщин, красивых, добрых, сильных, верных сердцем семье, отчему краю.

Читаю, перечитываю, живу там, в Братске, вспоминаю...

2003-й. Три года, как не было с нами папы, Белявского Андрея Григорьевича. Ветерана, орденосца, Человека, верного истинным идеалам коммунизма: все — для народа. Обычного мужчины с какими-то слабостями, недостатками, но мужа и отца, готового как на фронте противостоять тем, кто угрожал бы здоровью или жизни жены и детей.

2020-й. Скоро три года, как нет тебя, родная моя, необыкновенная мама. Белявская Екатерина Федоровна. Настоящая хозяйка, рядовая учительница, сорок два года верно отдавшая педагогическому делу. Мама, незаметно, исподволь, но прямо в ум и сердце вживляющая понятия совести, чести, милосердия. И я так же, как ты тогда тосковала по папе, винила себя, что мало жалела его, мало уступала, доказывая свой несгибаемый характер, тоскую теперь по тебе, виню себя в том, что мало любила тебя, мало заботилась. И, если честно, не всегда понимала. Прости.

Николай Макаров
(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ТУЛЬСКИЕ ЛЕТЧИКИ-АФГАНЦЫ. ДАТЫ ДАТАМ — РОЗНЬ

*Алышев Александр Александрович,
родился 03.03.1955.*

При встречах своим знакомым летчикам (вертолетчики тоже себя именуют летчиками) ненавязчиво задаю вопрос:

— В какой день ты отмечаешь свой профессиональный праздник?

Небольшой экскурс в прошлое, чуть отдаленное прошлое: со времен Красной Армии в нашей Державе было три Вида Вооруженных Сил: Сухопутные войска (или собственно Красная Армия), Военно-морской флот (ВМФ) и Военно-воздушные силы (ВВС) и соответственно — праздники: 23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота, последнее воскресенье июля — День ВМФ, 18 августа — День ВВС.

Все: и летчики советской закалки, не говоря о фронтовиках, и летчики нынешнего поколения отвечают однозначно, как ответил мне и подполковник запаса военный летчик (вертолетчик) первого класса Алышев, Александр Анатольевич Алышев, для меня — просто: Сашка:

— 18 августа,— пауза в каких-то раздумьях,— естественно.

Небольшой экскурс в прошлое, совсем близкое прошлое:

— 22.01.— День авиации ПВО;

— 17.07.— День авиации ВМФ;

— 02.09.— День Воздухоплавательной службы ВВС (Примечание автора: порядочно ли в День ВДВ — День Воздушно-десантных войск — назначать еще какой-то праздник? Мало других дней в календаре? Десантники итак снисходительно относятся к Илье-пророку, в свое время узурпировавшему этот день для своих именин);

— 12.09.— День Военно-воздушных сил; третье воскресенье августа — День воздушного флота России;

— 23.12.— День дальней авиации.(Предложение автора: почему бы Большим Чинам не назначить еще, к примеру, праздник — День хвостового оперения? Или — День шасси? А еще лучше — День ликера «Шасси»?).

— Столько дат, а все летчики все равно отмечают одну, прежнюю, Державой определенной Дату — почему?

Алышев ответил вопросом на вопрос:

— Почему настоящие, советской закваски, журналисты, День печати — свой профессиональный праздник — отмечают пятого мая?

— С вами, товарищ подполковник, все ясно. Теперь давай «без протокола», для души. О том, что ты в Афганистане был два года, горел, тебя подбивали, Красная Звезда за эту «турпоездку», знают многие. О тебе писали, ты выступал по радио и телевидению; работал в Областной Думе; ты один из организаторов и создателей Афганского музея — тоже многим известно.

— Сам сказал, что все рассказано, обо всем написано.

— Хорошо. У летчиков в ходу поговорка: «Когда Бог творил Землю, авиация была в воздухе».

— Наверное, так и было.

— Подожди. В Афгане летчики, хорошо, хорошо — вертолетчики, перед вылетом на боевые употребляли «наркомовские» сто грамм?

Не ожидал Сашка от меня такого подвоха, такого удара (нет, не ниже пояса), удара под дых, не ожидал. Пауза, не наигранная, не театральная пауза явно затягивалась, а я и не торопил его.

— Не для «протокола»? — Переспросил Алышев.— Хотя, кто об этом напечатает?

— Давай, давай — «твори, выдумывай, пробуй». Не напечатает — внукам будешь рассказывать.

— Пили... Некоторые... Единицы...

— И?

— Пили две категории летчиков.— Он опять задумался, явно подбирая более-менее «подцензурные» слова.— Одни пили для храбрости.

— Как в Войну штрафники перед штыковой атакой?

— Нет, эти пили, потому что боялись летать, из-за своей врожденной трусости: сто — сто пятьдесят хватят и море по колено.

— Небо, то есть.

— Не придирайся. Такие долго не летали — их списывали, переводили в наземные службы, увольняли из армии, их чаще, в конце концов, подбивали.

— Вторая категория?

— О! Эти — оторви и брось! Воздушные лихачи, «безбашенные» отморозки, которым без разницы, где пить: в небе ли, на земле или под водой. У них это, как они сами называли, было — «постоянное состояние души». Такие тоже долго не летали.

— Естественный отбор?

— Пусть будет так.

— И посл... — Алышев не дал мне договорить.

— Крайнее!

— Крайнее, крайнее, вернее — крайний вопрос.— Наш разговор состоялся сразу после Присяги в 51-м гвардейском парашютно-десантном полку четвертого июля (Пояснение автора: стало хорошей, очень хорошей, замечательной традицией приглашать на принятие Присяги молодыми десантниками ветеранов Вооруженных Сил, которые каждому присягнувшему на верность Родине говорили напутственные слова. Слова от души, от своего болеющего за Нашу Красную Армию, за Нашу Державу сердца).— Что ты говорил только что родившимся солдатам?

— Сынок, береги Родину, не оставляй ее на поругание врагам, блюди традиции наших дедов и отцов, служи честно!

ИНЖЕНЕР-ВЕРТОЛЕТЧИК

*Андреев Сергей Алексеевич,
родился 24.05.1962 в поселке Социалистический
Щекинского района Тульской области.*

При каждой новой встрече с «афганцами» узнаешь что-то новое, доселе неизвестное, не прочитанное в книгах, не рассказанное другими ветеранами.

На этот раз моим визави стал майор запаса, летчик, вернее, инженер вертолетного полка Сергей Андреев.

Краткая биографическая справка.

В 1979 году окончил среднюю школу, в 1982 году — летно-техническое училище гражданской авиации (приблизительно так оно называлось в те, далекие, времена) в Кривом Роге; до 1984 года работал техником в Тульском аэропорту (был когда-то и в Туле свой Аэропорт); в 1984 году добровольно изъявил желание служить в рядах Советской Армии.

С 1 февраля 1986 года по 9 мая 1987 года — Афганистан (февраль — октябрь 1986 года — Джелалабад, октябрь 1986 года — май 1987 года — Газни).

В 1988-1993 годах — учеба в Рижском высшем военно-инженерном училище имени командарма 2-го ранга Я. И. Алксниса.

С июня по декабрь 1995 года — участие в миротворческих силах ООН в Анголе.

С июля по декабрь 1999 года — участие в миротворческих силах ООН (НАТО) в Югославии.

С 1992 года до увольнения из рядов Российской Армии в январе 2008 года — служба в вертолетном полку, дислоцировавшемся в Туле.

Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

Договорившись о встрече по телефону, будучи незнакомы, мы сразу же, как будто у каждого из нас присутствовал опознаватель «свой-чужой», узнали друг друга и перешли на «ты».

— Свои «прелести» были и в Джелалабаде, и в Газни.— Неторопливо начинает под шорох диктофона рассказывать Сергей.— В Джелалабаде жили в модулях по восемь человек — вроде удобно и комфортно, но при обстрелах, а они случались с периодичностью раз в неделю, как по часам, никакой защиты. И воду нельзя было пить из-под крана — иначе проблема с кишечником и надолго. В Газни, наоборот, воду пили из-под крана, даже не кипятили и никаких проблем. И жили в землянках...

— В модулях, поди, лучше.— Дилетантски вклиниваюсь в разговор.

— Ты что? В Газни нас обстреливали почти каждую ночь — никакой модуль от осколков бы не помог. Только прямое попадание в землянку имело бы плачевные последствия, но Господь Бог был на нашей стороне.

Сергей как-то вдруг разом помрачнел.

— К сожалению, не всегда Господь Бог оказывался на нашей стороне. Шла пара Ми-8 в Асадабад, перевозили десантников. В грузовой люк ведомого влетает «Стингер» — двое десантников, располагавшихся на створках, не успев ничего понять, камнем улетают на землю. Земля им пухом! Остальные десантники, пока падает вертолет, успевают надеть парашюты и выпрыгивают вместе с экипажем из подбитого вертолета. К сожалению, опять, к сожалению, духи из ДШК расстреливают почти в упор нашу десантуру и летчиков. Двое только в живых и остались.

Прошу рассказать что-нибудь про Анголу.

— До Анголы, в девяносто втором «случилась» Рига: в патруль ходили только в гражданском, памятник Ленину взорван, продавцы и другие местные жители в одночасье как один «забыли» русский язык. Жили и учились как на пороховой бочке. Обошлось — пронесло. В Анголе что? Два месяца провел в столице — Луанде. Остальное время — по отдаленным гарнизонам, куда раз в неделю прилетал украинский Ил-76 и самым ценным грузом для нас были две кассеты с недельными записями наших новостей. Если в Афганистане мы спокойно ловили два российских центральных канала, в Югославии — целых три, то в Анголе, тем более на «точках», царил полнейший информационный вакуум. С этим самым Ил-76 мы по очереди по два человека — а было нас два экипажа Ми-8 и обслуживающий персонал, всего двенадцать человек — на неделю летали в Луанду, «оттянуться» на побережье океана.

Сергей вдруг рассмеялся.

— К нам, да и не только к русским, все время приставали местные жители. Встретишь такого, а он, вроде бы про себя, шипит: «П-с-с-с!». Шипит и при этом показывает изо рта необработанный алмаз. Без балды, мы проверяли — настоящий алмаз. Там же добыча этих самых алмазов, но даже в мыслях не было их приобрести: как провезешь-то, да и «органы» в виде техников и других спецов бдили своим недремлющим оком...

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

*Кузан Михаил Алексеевич,
родился 26.05.1957 в Львовской области
Украинской ССР.*

Из воспоминаний майора запаса ВВС Михаила Кузан, находившегося в служебной командировке в Анголе с января по август 1998 года.

«...Подготовка к командировке началась в Центре переучивания вертолетчиков в Торжке за две недели до убытия в Анголу.

Занятия проходили не только по эксплуатации планера и двигателей в тропическом жарком климате, но и по медицине. Врачи рассказывали о болезнях в регионе, об опасных насекомых, о змеях, о правилах личной гигиены. За десять дней до отлета нам сделали прививки в Москве, и мы все получили сертификат, который при посадке в самолет проверяли тщательнее, чем загранпаспорт. Не повезло тем, кто не уложился в эти десять дней — для некоторых офицеров из ДВО и ЗабВО на этом “командировка” в Анголу и закончилась.

...В Анголу летели девятнадцать часов на самолете Ил-76 с посадкой на дозаправку в Каире.

Первое впечатление от Анголы: жаркий, под сорок градусов, воздух, непонятно чем пропитанный в аэропорту Луанды.

С собой везли продуктов примерно на один год: гречка, рис, сахар, майонез, подсолнечное масло, сыр, соль, разные специи.

Нас заранее предупредили, что в Луанде после выгрузки вещей из самолета местная ребятня ворует все, что лежит без присмотра. Поэтому, несмотря на то, что было объявлено общее построение прилетевших, мы все же оставили охрану своих вещей. Тем самым сохранив привезенные запасы в неприкосновенности.

...Оформив необходимые документы, вечером на вертолетах разлетелись в места базирования авиагрупп. Меня направили в северную часть Анголы в город Уиже на должность начальника ТЭЧ авиаотряда, в котором насчитывалось около сорока человек. За 4—5 дней вновь прибывшие изучили район полетов, приняли технику и имущество у сменщиков, проверили и выполнили подготовку авиатехники, то есть стали обживать и полностью владеть обстановкой и быть готовыми начать работу в любое время.

...План на выполнение полетных заданий по разным маршрутам приходил факсом из Луанды, где размещался Центр управления. В мои обязанности входило периодическое отправление донесений по состоянию вертолетов, по регламентным и непредвиденным ремонтным работам.

Работа экипажей выполнялась в сложных метеоусловиях. Погода в Африке и в частности в Анголе меняется мгновенно в летний период, а январь — самый разгар летнего сезона: постоянные грозы с сильным порывистым ветром и тропическими ливнями. При взлете и посадке вертолета, особенно вне аэродрома на песчаных почвах, лопасти несущего и рулевого винта буквально, как наждачной бумагой, стирались до нагревательных элементов противообледенительной системы. После чего

требовался ремонт лопастей. Доставалось также и лопастям компрессора двигателей. Все фильтры тонкой очистки двигателей через каждые десять часов полета снимались и промывались на ультразвуковой установке с обязательным оформлением технической документации. От сильной жары не выдерживали уплотнительные сальники на втулках несущего и рулевого винта; шарниры постоянно текли — требовалось дозаправлять, а если течь больше нормы, то производить замену втулок несущего и рулевого винта.

...Хотя вертолет Ми-8 МТ считается самым надежным вертолетом в мире, не обошлось без отказов и у нас. Однажды на одном из вертолетов во время полета загорелось красное табло: “стружка в главном редукторе”. Согласно инструкции, экипаж должен немедленно выбрать площадку и садиться, что и было незамедлительно сделано. Посадив вертолет на свободное место в джунглях, командир вызвал помощь. Вскоре на втором вертолете подоспела техническая помощь. В условиях джунглей теоретически невозможно заменить главный редуктор весом в 680 килограммов, но возглавляемые мной авиаремонтники всего за шесть дней справились, казалось бы, с невыполнимой задачей.

...Многие офицеры и прапорщики прошли Афганистан, мне также пришлось дважды выполнять интернациональный долг в Афганистане: с августа 1981 по август 1982 года и с мая 1987 по май 1988 года. Боевой опыт Афганистана очень пригодился в Анголе. За этот период был обстрелян один вертолет; много было пробин, но экипаж не пострадал.

...Наш быт в Анголе.

Авиагруппа размещалась на двух больших виллах. Водопровод не работал, а канализация, как ни странно, работала. Воду привозили автоцистерны и закачивали в емкости по пять тонн: можно было принять душ, помыть посуду; даже стоял нагреватель воды. Пищу готовили по очереди. Врач следил и требовал соблюдения правил личной гигиены (за что я лично ему очень благодарен). Для того чтобы заварить кофе или чай воду приходилось кипятить 40 минут. Потому пили кофе и чай с минеральной водой. Местные фрукты мыли моющими средствами с мочалкой, а после раскладывали их в тазу с марганцовкой. Ритуал выполнялся строго и ежедневно — ни одного желудочно-кишечного заболевания у нас не было. Наоборот, многие офицеры вылечили свой больной желудок такими фруктами, как папайя. Но малярией переболело 70 % личного состава.

Мясо закупали в городе Лубанго, на юге Анголы. Там очень красивые места, мало комаров, рядом океан: во время Великой Отечественной войны здесь отдыхали и лечились гитлеровские летчики. У нас были телефоны нескольких ферм. Мы созванивались, и к нашему прилету всегда была свежая говядина и свинина.

В столице Луанде мы закупали кур в упаковках, минеральную воду и водку “Смирнов”. В Уиже можно было купить только виски.

Отмечали дни рождения — дарили подарки, произносили тосты: все по нашему обычаю. Смотрели видеофильмы, которые привезли с собой из России, правда, очень скоро они нам надоели.

Звонили домой по карточке: десять или пятнадцать долларов за три-четыре минуты разговора. Вполне достаточно.

...Последние три месяца до замены летали днем и ночью. С глухих провинций вывозили врачей и учителей; из районов, откуда выводились войска, вывозили всех гражданских, работающих по контракту...».

Краткая биографическая справка.

После окончания школы учился в Харьковском высшем военном авиационном инженерном Краснознаменном училище (1974—1979).

В 1979—1994 годах — служба бортинженером на вертолете Ми-8 в авиационных частях Дальневосточного военного округа.

С августа 1981 по август 1982 год — служба в авиаэскадрилье в Кундузе, Афганистан, с мая 1987 по май 1988 — в авиаэскадрилье в Джелалабаде. В Афганистане совершил 698 боевых вылетов, общим налетом в 573 часа 15 минут.

В 1994—2002 годах — служба в вертолетном полку в Туле.

С января по август 1998 года — служба в должности начальника АВЭЧ авиакорпуса в Анголе.

В 2002 году майор М. А. Кузан уволен в запас с должности начальника АТЭЧ полка.

Награжден двумя медалями «За боевые заслуги», другими медалями.

ВНУКАМ ЕСТЬ ЧТО РАССКАЗАТЬ

*Рябенко Евгений Владимирович,
родился 27.06.1959 в селе Краснолитье
Репьевского района Воронежской области.*

— С чем сравнить? — На мой вопрос об ощущениях при пролетающем мимо ПЗРК и его самоликвидации всего в каких-то ста метрах от вертолета подполковник Рябенко привел неожиданную аналогию. — Представь: у тебя не раскрылся парашют, а запаска сработала перед самой землей. Представил?

Попробовал представить — чай, у самого более ста прыжков — бр-р-р: аж передернуло от такой перспективы.

— Вот-вот, внутри все похолодело, разум возмущенный взбунтовался, а руки на автомате отвернули вертолет в сторону от взорвавшегося ПЗРК. Хорошо — авианаводчик с земли сообщил об обстреле, к тому же шли на солнце, да и противоракетные тепловые ловушки пачками отстреливал оператор, остервенело вдавливая палец в кнопку. Синим стал палец от такой катавасии.

— Как стрес-то после такого снимали?

— Какой стрес? Загрузили новый боекомплект, заправились под завязку и вперед... в атаку — поддерживать пехоту. Порой совершали до шести—восьми вылетов в день.

Мой визави абсолютно без бравады, буднично как-то рассказывает о своей работе военного летчика: курсант Сызранского высшего вертолетного училища, командир Ми-24 в ДальВО и Афганистане, командир звена Ми-24 — повторно в Афганистане, Таджикистан, Северный Кавказ, Чехословакия, Тула (заместитель командира вертолетного полка) и... Сьерра-Леоне, страна в Западной Африке.

— Сбивать не сбивали, — продолжает вспоминать Евгений, — но не раз приводил вертолет в дырках. Механики ставили заплатки и... покой нам только снится.

...У деревенского паренька с детства родной дядя-фронтовик являл собой пример беззаветного служения Родине. Именно поэтому у Евгения не было сомнений в выборе профессии после окончания школы — только военное училище. Почему — вертолетное? Он сам как-то и не задумывался над таким вопросом: главное, он — будущий военный летчик, будущий офицер Советской Армии.

Окончив училище весной восьмидесятого года — на шесть месяцев раньше программы (Афганистан, понимаешь), он с другими летчиками учился летать под Благовещенском в гористой местности, отыскав на севере области подобие гор тысячеметровой высоты.

Затем — наземная и летная подготовка в Кагане и Чирчике, где вся программа подчинялась полетам в пустыне и горах. И в составе эскадрильи в сентябре восьмидесять третьего на год — аэродром Кундуза на северо-востоке Афганистана: наземная подготовка, изучение по картам театра военных действий, постоянное участие в армейских и местных военных операциях и... орден Красной Звезды.

Пару-тройку лет — в Союзе, и в восемьдесят шестом опять в составе эскадрильи и опять на год, но уже командиром звена — на аэродром Баграма. Де жавю, одним словом. Вплоть — до ордена Красной Звезды, второго, естественно, и ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. И чуть больше — ответственности: бывало водил на задания всю эскадрилью. Всего за два Афганистана совершил более 900 боевых вылетов, налетав более 900 часов. Вот так — как-то.

За Таджикистан — орден «За военные заслуги»; за Северный Кавказ — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени с мечами.

— За Африку, — закругляет наш недолгий разговор Евгений, — ООНовская медаль. Там не воевали. Восемь месяцев вели только разведку. И вспоминали Афганистан, где жара под сорок пять переносилась намного легче, чем тридцать на побережье Атлантического океана.

— Есть что внукам рассказать.

— А-то ж...

ЛЕТЧИК ПЕРВОГО КЛАССА

*Санников Александр Алексеевич,
родился 01.04.1956 в Молотовской области.*

— Год назад ездил в Караганду, — начал разговор при нашей первой встрече Александр Санников, летчик 1-го класса, майор запаса, окончивший в этом городе среднюю школу и оттуда же поступивший в Саратовское высшее летное училище. — И что поразило, всюду надписи на заборах, на домах, в других местах, шокирующие надписи: «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки». Вот так-то.

Я сам неоднократно в семидесятых годах находился в командировках в Караганде, в Казахстане, и отношение казахов, которые составляли менее половины населения, к русским было более чем дружеское. Как быстро все меняется в этом мире.

— Сейчас казахов в Казахстане почти девяносто процентов, а русские более-менее комфортно себя чувствуют только в военных городках. — Санников горестно вздыхает. — А сколько казахи территории Китаю отдали?

После окончания училища в 1977 году летчик (пилотов на вертолетах тоже называют летчиками) Санников исколесил — или излетал? — всю страну: от Дальнего Востока до Калининграда и не только страну: Эфиопия, Афганистан, Германия.

...В восьмидесятом году на вопрос командира полка о том, кто желает добровольно лететь в командировку в Афганистан, Санников не раздумывал ни секунды. Перед отлетом его вместе с другими летчиками замполит полка инструктировал о правилах поведения в мусульманских странах. Во время инструктажа в комнату заглянул секретчик, который ошарашил известием, что Санников «по тревоге» убывает в Эфиопию. Через три дня он топтал землю «ридной» африканской страны. Столь неожиданный зигзаг в судьбе Санникова объяснялся просто: для Эфиопии отбирали три кандидатуры в течение года. По закону подлости — в данном конкретно случае с обратным знаком — один летчик заболел, у второго родился ребенок, третий чем-то проштрафился, а добровольцем в Афганистан оказался только один летчик, которого и послали чуть дальше Афганистана и чуть в другую сторону.

— Не раз приходилось слышать, что эти эфиопы почти что обезьяны, но эти так называемые «обезьяны», с которыми летал в Эфиопии, мало того что разговаривали на двух своих наречиях, но великолепно говорили на французском, английском и русском языках. — Вспоминает Санников свою «эфиопскую юность». — Моя должность именовалась специалист при штурмане вертолетного полка. Нет, в боевых действиях мы не участвовали: долетали до фронта, советники высаживались из вертолетов и дальше эфиопы уже воевали сами.

...В Афганистане Санникову все же пришлось побывать: в 1986—1987 годах он командовал отрядом из двадцати четырех вертолетов в 5-м отдельном отряде спецназа.

— Ночью на двадцать третье февраля восемьдесят седьмого года, когда мы барражировали над аэродромом под Газни,— Александр рассказывает про Афганистан,— сбили моего ведомого. Я летел на 1800 метрах, а ведомый — на триста метров выше, на 2100. Один выстрел английской ракетой «Джавелин» — и экипаж не сумел спастись на парашютах. Наши ловушки были бессильны против этих ракет, оснащенных тепловизорами. Но почему «духи» стреляли по верхнему вертолету? До сих пор не понятно. Или другой случай. Перелетали в Хост, пустили на шевеление в кишлаке ракету, а через пять минут почувствовал запах пороха в кабине. Прилетели, осмотрели вертолет, и аккуратно на уровне моего правого плеча дырка от пули «Бура». Спичечный коробок выше и пуля бы пробила плексиглас кабины, а так попала в броню.

Мистика тоже присутствовала. В детстве в одном из журналов «Авиация и космонавтика» прочитал, что во время войны во Вьетнаме у вьетнамского летчика при пуске ракета взорвалась прямо перед носом самолета. На принятие решения у него практически совсем не было времени, и он на полной скорости врезался в эпицентр взрыва. И тем спасся. На одном задании в полусотне километрах от Газни выпускаю две ракеты по каравану. Вижу — одна ракета попала в цель, другая взрывается метрах в двухстах от вертолета и... время будто остановилось: в голове вдруг появляется та статья про спасшегося невероятным способом вьетнамского летчика. И я направляю вертолет — думать о последствиях было некогда — прямо в центр взрыва. О случившемся, слыша при этом нехарактерное для нормального полета посвистывание лопастей, докладываю на землю. На аэродроме по прилету заменили все лопасти, посеченные до предела — как только на таких лопастях и долетел-то — и снова вертолет готов к бою.

...Перед развалом Союза Санникову пришлось служить в Германии, на границе с ФРГ. С нашей, ГДРовской, стороны по всей длине границы несли службу пограничники, а со стороны ФРГ через определенные интервалы были привязаны сторожевые собаки. И кормили их с вертолета: раз в сутки летит вертолет вдоль границы, и оттуда бросают корм собакам. Но раз чужой вертолет летит вдоль границы, то поднимается и наш вертолет. Так и летали они параллельными курсами.

— Много наших вертолетов тогда разбились.— Поясняет Санников.— Наши Ми-24 весят 12 тонн, а их вертолеты — 3—4 тонны. Они скорость сбавляют, и мы тоже пытаемся сбросить, но не у всех получалось грамотно это сделать, без ошибок. Хотя, вообще-то их летчики — нормальные парни. Летишь бывало с ним в паре, а он показывает жестами, чтобы я выпустил шасси. Выпустишь два-три раза, а он смеется, довольный такой показывает восхищение нашей техникой.— И неожиданно перейдя совсем на другую тему, Санников подводит черту под нашей первой встречей.— Сколько тогда из Германии вывезли машин — не сосчитать. Замполит полка купил «Запорожец», не поверишь, за одну марку. Немец подогнал машину к части и объявил цену — предлагали ему и десять марок, и сто, он не соглашался, и только у замполита нашлась денежка в одну марку. Документы оформили, не отходя от «Запорожца».

Краткая биографическая справка.

Женат, имеет двух дочерей и двух внуков.

В Туле — с 1991 года.

Из рядов Российской Армии уволен в 1994 году.

Летчик 1-го класса, летчик-инструктор по всем видам подготовки, по всем видам погоды, налетал более 2500 часов, имеет более 550 боевых вылетов.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

САМОЛЕТ НА ВЕРТОЛЕТ МАХНУЛ НЕ ГЛЯДЯ

*Шангараев Марсель Саидович,
родился 19.11.1957 в городе Лениногорске
Татарской АССР.*

Наверное, будучи летчиком в системе ПВО и летая на истребителях-перехватчиках, Марсель Шангараев никогда бы не встречал Новый год рядом с экватором, в Анголе.

— Было дело: встречали Новый 1997 год в городке Уужи, на севере Анголы, где дислоцировались наши два вертолета Ми-8, четыре экипажа и личный состав наземной службы. Всего тридцать человек.— Вспоминает Марсель.— Летали под флагом ООН, перевозя всевозможные грузы: гуманитарную помощь, медикаменты, продукты; выполняли санитарные рейсы. Летали по сменам: неделя — работа; неделя — отдых. Обстреливали иногда. У моего напарника — тоже командира вертолета — пуля однажды прошла между колен. Мне везло: ни разу не подстрелили: ни в Анголе, ни в Таджикистане, ни в Чечне, ни сейчас в Афганистане, где перевозили грузы для американцев.

Не попадали — да, но и по нему тоже стреляли, и стреляли не из «пукалок», но, как и положено на войне, из соответствующего оружия. Стреляли-то — ладно, обошлось...

— Только успели приземлиться после очередного полета... — Марсель задумался.— Все по порядку. 28 ноября подняли нас по тревоге на санитарный рейс. У мостостроителей из Украины какое-то страшное ЧП (как потом выяснилось, не такое и «страшное» — на перевале перевернулся грузовик и шофер сломал руку) и необходимо срочно эвакуировать пострадавших, может даже и груз «200». Летим в ночь, навстречу — мощнейший грозовой фронт. Не прорваться — однозначно; облетать — горючки не хватит. Принимаю решение: возвращаться обратно и утром следующего дня после грозы лететь выполнять задание. Возвращаемся домой, еле увернувшись от настигающего шквала, и только успели приземлиться, как у вертолета отваливается хвост. Елы-палы. Ничего понять не можем. Или естественная усталость металла, усугубленная тропическим климатом и последней болтанкой перед грозовым фронтом, или необнаруженное повреждение от пули, или... Чего гадать? Обошлось и нормально: все живы-здоровы, а вертолет другой пригнали...

Естественно, в Анголе Шангараев перевозил грузы, но в Таджикистане и Чечне — извините, настоящие боевые действия, со всяческими непредсказуемостями и непредвиденностями.

— О них — в другой раз.

Краткая биографическая справка:

— 1975—1979 годы — учеба в Ставропольском высшем военном авиационном училище летчиков и штурманов ПВО (летное отделение, самолет Су-15));

— 1979—1981 годы — служба в частях ПВО (самолет Су-15);

— 1981 год — за один месяц переучился, сдав теорию и практику, на летчика вертолета Ми-8;

— 1981—1985 годы — служба на Севере, в Мурманской области;

— 1986—1990 годы — служба в Чехословакии;

— 1990—2008 годы — служба в Туле; командировки за это время:

— 1996—1997 годы (6 месяцев) — Ангола;

— Таджикистан — 2 раза (4 и 5 месяцев);

— Чечня — 5 раз по 3 месяца;

— 2008 год — уволен в запас в звании подполковника с должности начальника разведки вертолетного полка;

— с 2008 года — работа в компании «Вертикаль»:

— 2010 год — Афганистан, Кабул (3,5 месяца);
— летчик 1-го класса награжден орденом Мужества (1995), медалью «За отвагу» (1994).

СУХАЯ ЦИФРЬ

*Эпов Юрий Николаевич,
родился 11.06.1952 в поселке Даурия
Борзинского района Читинской области.*

Заострять или не заострять (почти по Шекспировскому Гамлету) внимание на суевериях летчиков вообще, а в частности — военных летчиков, еще точнее — военных вертолетчиков?

Подумаешь — какое-то число «13». Мало ли что в Афганистане пробыл ровно тринадцать месяцев, мало ли что в Афганистан прибыл 13 июня 1981 года, а покинул страну ровно через год и один месяц 13 июля.

— Ты и не заострай,— улыбается заслуженный военный летчик Юрий Эпов.— Тринадцать и тринадцать — да Бог с ним, с этим числом. Дело не в самих суевериях — дело как к этим суевериям относиться.

Тогда — другие числа.

Пять — столько военных округов сменил за время службы от лейтенанта до полковника военный летчик Юрий Эпов.

Из воспоминаний:

«...Забайкальский военный округ, который всегда готов. Это — потом, после академии. Вначале — там родился, прожил с родителями полтора года, и семья переехала в Сызрань, где окончил среднюю школу и военное училище...».

Шесть — столько типов вертолетов освоил военный летчик Юрий Эпов.

Из воспоминаний:

«...В училище — Ми-1, Ми-4, три года — на Ми-2, двадцать лет на Ми-24, затем — Ми-8, Ми-26. Без единого летного происшествия, без единой аварии. По совокупности и по этой, не самой последней, причине присвоено в 2000 году звание “Заслуженный военный летчик России”...».

Шестнадцать — во столько военных операциях участвовал в Афганистане военный летчик Юрий Эпов.

Из воспоминаний:

«...Участвуем в крупномасштабной операции в Панджшиере. Задача — поддержка “пехоты”. Проходит информация: сбит первый вертолет, сбит второй, сбит третий.

Запускаю двигатель, руки трясутся, дают “добро” на вылет. Взлетаем парой. Через несколько минут полета видим — один подбитый вертолет, второй, слава Богу, в третьем вертолете разбит только радиоотсек (нет связи, по-русски говоря). Здесь и наша очередь подошла — обстреляли меня и ведомого их ДШК. Делаем разворот... Громко сказано — разворот: слева — отвесная стена, справа — пулеметные очереди. Все же засекаем за каменным бруствером ЗУику с расчетом. Заходим с тыльной стороны на боевой — расчет враспынную. Вхолостую проносимся над ними — заклинило пулемет, у ведомого — тоже. Опять — разворот впритирку с вертикалью скалы, “духовский” расчет опять — у ЗУики. Только с третьего захода накрыл ракетой этих чертовых зенитчиков...

...Очередное боевое дежурство. Вокруг — все чисто. Вдруг вертолет резко бросает вниз на скалы. Что есть силы тяну ручку на себя — нулевой эффект. Вертолет, влекомый неведомой силой, продолжает свое смертоносное падение. Секунда и от вертолета останется мокрое место, вернее — горячая куча искореженного металла с двумя телами молодых летчиков. Пролетев в двух метрах от края скалы,

вертолет падает в пропасть, при этом вновь становится послушным рычагам управления. Эта пропасть нас и спасла, хотя лопасти винта вращались в каких-то метрах от окружающих гор. Нет, нас не подбили, просто вертолет попал в сильный нисходящий поток воздуха. В горах как: с одной стороны горной гряды — восходящий поток, с другой — нисходящий... Не только материальную часть надо знать, но и азы метеорологии...».

Семьсот пятьдесят — столько часов (при норме — 110—140 часов за год) налетал за тринадцать месяцев Афганистана военный летчик Юрий Эпов.

Из воспоминаний:

«...За время службы всего налетал три с половиной тысячи часов. Кроме Афганистана — два раза Таджикистан, Чечня, Югославия...»

...И — летчик-снайпер. Весной девяносто третьего во время паводка на Оке под Белевом у саперов сорвало понтон, который медленно, но верно приближался к железнодорожному мосту, имея перспективу сравнять его с землей, вернее — с водой.

Два экипажа подняли по тревоге: Ми-8 сопровождения и мой Ми-24 с полным боекомплектом. Перед взлетом — долгое согласование с различными военными инстанциями и гражданской властью: уничтожить-то цель приходилось не на полигоне, а в густонаселенной местности, учитывая четырехсотметровый радиус разлета осколков. Взлетели — нижняя кромка облаков — 50 метров, видимость — 150—200 метров. За два—три километра до цели выныриваем из облаков — видимость миллион на миллион: ни одного облака, весеннее солнце в подарок. Подождал, пока злополучный понтон окажется на равном расстоянии от двух, расположенных на крутом берегу, деревень и за два захода потопил эту железяку — понимаете какую — плывущую в деревню Клюево...».

Шестьдесят четыре — столько лет выслуги у военного летчика Юрия Эпова.

Из воспоминаний:

«...Вот — так. Календарей — тридцать лет, а выслуги больше чем в два раза: Афганистан — год за три, летный стаж — год за два. Это при том, что для максимальной военной пенсии необходимо тридцать два года выслуги. Считаю у меня по выслуге — две пенсии...»

...И награды: орден Красной Звезды — за Афганистан, орден Мужества — за Чечню, ООНовская медаль — за Югославию, медали за выслугу и медали юбилейные...».

Двадцать два — номер соединения, в котором закончил службу начальником авиации армии военный летчик Юрий Эпов.

Из воспоминаний:

«...Все в этой жизни имеет начало и имеет конец. Окончилась и моя служба в Армии.

Чем заняться на “гражданке”? Такого вопроса практически не стояло. На семейном совете, вспомнив профессию мамы — швеи высшего разряда, решили с женой организовать швейное производство. Десять лет шьем...».

— Каковы успехи?

— Смотри сам.— Военный летчик Юрий Эпов повел меня по цехам своей швейной фабрики, заставив меня примерить понравившийся мне спортивный костюм и подарив его мне на прощание.

А я вспомнил нетленку советского кинематографа, где героиня Веры Алентовой произносит неподражаемую по своему глубокому смыслу фразу, что, дескать, надо научиться управлять пятью подчиненными — дальше количество подчиненных не имеет значения. На свой страх и риск добавлю, что неважно в какой сфере деятельности эти самые пять подчиненных: в армии ли, на гражданке ли. Главное...

Мой знакомый с 1994 года военный летчик Юрий Эпов добавляет:

— Главное, нет — не в танке, главное в жизни — верить в себя и чуть-чуть — в цифирь...

Александр Шерстюк
(г. Москва)

НЕНАГЛЯДНОЕ МОЕ ПОСОБИЕ

Родился в 1941 г. в с. Пятовске, край Стародубье, Брянщина. Окончил горный техникум в Донбассе (1959), МВТУ им. Н.Э. Баумана (1967). Трудовая деятельность: в шахтах Донбасса, научным работником в оборонных НИИ, издательствах. Автор нескольких книг стихов, малой прозы, словаря «Говор Стародубья», краеведческой книги «Зеленая ветвь Москвы», многих публикаций в периодике. Член Союза писателей России (2000), Союза журналистов России. Дипломант XIII Международного Волошинского конкурса (2015).

Картинки с родословного древа

Углубляясь в вековые дали своего происхождения, я шел по двум ветвям — отца, его фамилия Шерстюк, и матери, ее девичья фамилия Белякова. Оба родились в одном селе, село называется Брянновы Кустичи, находится оно на Брянщине, в ее западной части, исторически известной как Стародубщина. Собирая материалы по генеалогии, я обратил внимание, что лучше других смотрятся те немногие из них, к которым имеются, так сказать, иллюстрации — фотографии ретро. Их совсем мало, но в крестьянской среде столетие назад щелканье затвором фотоаппарата было явлением редким. А что говорить о временах более ранних. Однако то, что нашлось, мне кажется весьма представительным.

Фото 1

Снимок начала XX века, позируют крестьянин Тимофей Ефимович Шерстюк с женой Епистимьей Петровной, оба 1867 г.р., место съемки Приморье, Дальний Восток. Приехал Тимофей Ефимович из нашего родового села в этот край в 1896 году по царской программе переселения из центральных районов Российской империи. Главной переселившегося двора был Ефим Ефимович Шерстюк с женой Варварой Авде-

евной, семья состояла из 17 душ, двое «пра» и пятеро сыновей и дочь, старшие сыновья (один из них Тимофей) уже были с женами и детишками. Новое селение называлось Бровничи, оно и сейчас здравствует. Род пустил прочные корни в новом краю, разросся, разветвился. Так, только Тимофей Ефимович с Епистимьей Петровной имели 11 детей — 8 девочек и 3 мальчика. Поначалу переселенцев преследовали бедствия. Не успели обосноваться, как пожар уничтожил срубленные постройки и скот. Однако переселенческий комитет оказал финансовую помощь из казны, трудились крепко, прижились. Многочисленные потомки рода вписались биографиями в жизнь страны. Один из них, Шерстюк Александр Борисович, стал заслуженным строителем России, другой, Шерстюк Сергей Ремович, экономист, профессор, является членом правительства Санкт-Петербурга. Он правнук Тимофея Ефимовича и Епистимьи Петровны.

*Ну что, Тимофей Ефимович,
куда устремлен твой взор?
Глядишь ты, пожалуй, не мимо,
хотя глядишь не в упор.*

*Ты смотришь, с восторгом даже,
и чувствуешь всем нутром:
шагая встречь солнцу и дальше,
идя, далеко зайдём.*

Фото 2

На снимке 1953 года — Климентий Феоктистович Шматов, по-простому Клим Шмат, слепец. Держит в руках колесную лиру — народный музыкальный инструмент, распространенный в Европе и на западе России начиная со Средневековья до середины XX века. Сейчас лира Клим Шмата находится в центре народной музыки Московской государственной консерватории. Фольклорная экспедиция консерватории, во главе со Свитовой Клавдией Георгиевной прибывшая в 1953 году в Стародубье, увидела последнего лирника этого края, сфотографировала, записала на магнитофон исполняемые им духовные стихи-псалмы и уговорила продать инструмент для музейного хранения.

Клим Шмат был родом из Бряновых Кустич. *А Шматовы, если пойти по разветвлениям генеалогического древа, находятся в переплетениях с моими фамилиями.*

Обладая от природы красивым басом, Клим создал в Покровской церкви села,

как рассказывал мой отец, великолепный хор. Но настали лихие времена, безбожники сделали из церкви пузо накопления — амбар, и слепой певец — у нас их называли старцами, и не иначе — вынужден был пойти с сумой по миру. Однако попрошайничество в то время не позволялось*, и были случаи, когда стражи порядка отбирали лиру и разбивали в щепки. Хорошо, у лирника был знакомый мастер, он ладил слепцу новый инструмент. Помогала идти по проселочным дорогам его поводырь — женщина, тоже слепая, но какой-то процентик зрения у нее был. Я, в послевоенном детстве моем, видел этого старца, только был он в лаптях и с сумой за плечами. Но как пронзительно, оттеняя его великий голос, голос глубинного дыхания (вспоминаем *cante hondo* моего любимого Лорки), пели его бурдонные струны!

Я в 70-х скопировал у Свитовой магнитофонные записи Шмата. Но сейчас они замерли и во Всемирной Паутине. Хотите послушать «Достойно есть яко воистину»? Включайте: <https://vk.com/audio?performer=1&q>

В поэме «Золотая свадьба» я в 70-х писал о Климе Шмате, который:

*...пел лазаря и пел «Достойно»,
и «Воскресение,— пел,— днесь»
за шмата вещество ржаное.*

*Он христарадничал. Ему —
Христа уже и помня вряд ли,
совали что-нибудь в суму,
пожалуй, больше сердца ради.*

*Он шел с туманом на зрачках,
с базищем шел неразведенным,
не помещавшимся в церквах,
шел с лирой, плакальщицей томной.*

*Теперь ей выпало стоять
в консерватории, музейно.
И зрячие на ней рыдать
не смеют, да и не умеют...*

*И думаю я: что тебе,
столица, в этих звуках пленных,
днесь уже нет, а есть теперь,
теперь поют не те куплеты!*

Две женщины и младенец, год 1925-й, село Бряновы Кустичи. Женщины — сестры, старшая Ольга, на руках у нее молокосос сын Мишка, младшей Дуне 16 лет. Муж Ольги — Шерстюк Александр Петрович, будущий мой отец. Только родила меня другая женщина, Елена Моисеевна, урожденная Белякова, в году 1941-м. А Ольга с младшей сестрой обе умерли в том же 1925-м — скосила дизентерия. Отец впервые увидел сына Мишу уже только осенью 1926 года, когда закончилась его срочная служба в Красной Армии.

Миша вырос годным как раз к уничтожению на новой войне — Великой Отечественной. 17 июня 1941 года, за 5 дней до нападения фашистов на нашу Родину, он

* Заметим, однако, какое же это попрошайничество, если имеем труд — сольный музыкальный номер с доставкой на дом. И разве не имел он права на вознаграждение?

был аттестован на старшего кондуктора и вскоре эвакуирован под Москву, водил* поезда с оборонным снаряжением. А погиб под Сталинградом, везя к линии фронта эшелон с уральскими танками. Одна из вражеских бомб попала прямо в него. Нашли только голову и одну руку. Мне же удалось — через семьдесят лет! — найти только документы о брате да захоронение. И инициировать создание о нем фильма, он есть в интернете: <http://youtu.be/CJsmdnfkWk>

Фото 3 и 4

*Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
сотканная из лучистых искр?
Самая нелепая ошибка
так уйти — взметнуться в виде брызг.*

Фото 5

* Вообще-то поезда водят машинисты. Но в данном случае я смотрю в корень слова «кондуктор»: *ducere* (дучере) — с латыни «вести». Вспомним зловещее слово «дуче» и еще то, что итальянцы родили слово «фашизм», а итальянские части участвовали в попытке их подельников — немецких фашистов взять Сталинград. Значит, участвовали в убийстве моего брата-кондуктора.

Что мы видим? Видим поющих солдат перед сельской публикой, в основном женщинами и детворой. Концерт дается у избы, она же и клуб образца 1943 года. А повод? Конечно же, радость освобождения от лютого врага, немецко-фашистских захватчиков. Село — те же Брянновы Кустичи, откуда вышли и переселенцы на Дальний Восток, и лирник Климентий Феокистович Шматов, и ваш покорный слуга, автор текстов к фотографиям. Радость в 1943 году, надо полагать, была «со слезами на глазах». Ведь при освобождении села погибли 25 советских солдат и офицеров. Да и на фронтах земляки недосчитались 213 односельчан. На мемориале фамилия Шерстюк повторяется 9 раз, Беляковы — 17.

Итак, мы видим радость местного масштаба, через которую уже светится радость Великой Победы.

*Смеется тот, кто смеется последним?
А коль не до смеха? Как поведет
после беды человек в час победный? —
конечно, взликует, но сердцем всплакнет.*

Фото 6

Эта фотография является как бы продолжением предыдущей. Запечатлен год 1969-й, в тех же Брянновых Кустичах. На сцене клуба выступает хор села.

*Годы летят и куплеты,
и времени не заглушить
те песни, которые спеты
народом, рожденным жить.*

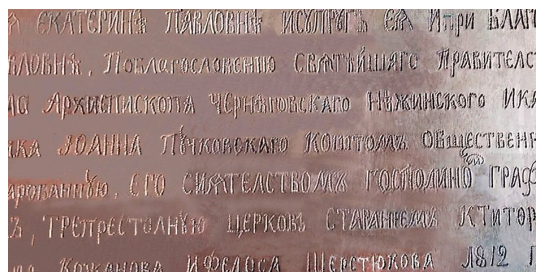
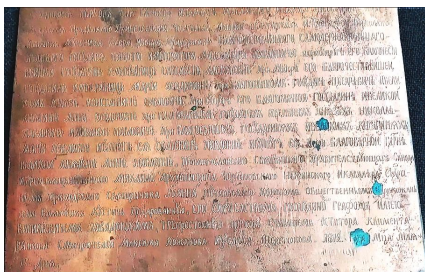

Фото 7

Это закладная медная пластина, одна из двух, найденных при советском разорении церкви Покрова Богородицы в Брянских Кустичах. На ней в нижней строке обозначена дата строительства церкви — 1812 г. Здесь же указано, кто были смотрителями, их двое, один из них — Федос Шерстюков, предок всех нынешних Шерстюков брян-кустичского замеса. Что такое смотритель, не совсем понятно — не зевака же, а по-нашенски то ли сторож, то ли завхоз, то ли вообще — улыбнемся! — генеральный ночной директор.

Полный текст этой пластины гласит:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа + Аминь

Основана церковь сия в честь и память Преславного Покрова Пресвятой Богородицы

С двумя Приделами Принесением честных мощей святителя и Чудотворца НИКОЛАЯ и святых мученик Флора и Лавра

при державе БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО

САМОДЕРЖАВНЕЙШАГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ

НАШЕГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

и при супруге ЕГО БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ

АЛЕКСЕЕВНЕ

при матери ЕГО БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ

при БЛАГОВЕРНОМ ГОСУДАРЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ И

ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ ПАВЛОВИЧЕ

при супруге ЕГО БЛАГОВЕРНОЙ ГОСУДАРЫНЕ И

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АННЕ ФЕОДОРОВНЕ

при БЛАГОВЕРНЫХ ГОСУДАРЯХ И ВЕЛИКИХ

КНЯЗЬЯХ НИКОЛАЕ ПАВЛОВИЧЕ и МИХАИЛЕ

ПАВЛОВИЧЕ

при БЛАГОВЕРНЫХ ГОСУДАРЫНЯХ И ВЕЛИКИХ

КНЯГИНЯХ МАРИИ ПАВЛОВНЕ И СУПРУГЕ ЕЯ

ЕКАТЕРИНЕ ПАВЛОВНЕ И СУПРУГЕ ЕЯ

и при БЛАГОВЕРНОЙ ГДРНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ

АННЕ ПАВЛОВНЕ

По благословению Святейшаго Правительствующего

Синода и Преосвященнейшего Михаила Архиепископа

Черниговского и Нежинского и кавалера старанием

приходского священника ИОАННА Пучковского коштом

общественным прихожан села Брянских Кустич Подарованную

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВОМ ГОСПОДИНОМ ГРАФОМ ИЛИЕЮ

ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ЗАВАДОВСКИМ трепрестольную церковь

старанием ктитора Климента Рачкова смотрителей Максима

Кожанова и **Федоса Шерстюкова** (выделено мной.— А.Ш.)

1812 года мсца мая 18 дня.

На другой пластине и дата другая — 1746, и храм именуется иначе — Флора и Лавра. Возникает вопрос: церковь одна, а пластины закладные две — это как? Как Богородица сочетается с Флором и Лавром? Какой дате верить? Дело в том, что в Кустичах Брянских изначально была Покровская церковь, в архивных записях отыскивается с 1741 года, хотя была и до того, но более ранние записи не найдены. Она долго служила людям, но потом небо за что-то на прихожан прогневалось — то ли Перун языческий рассердился и метнул стрелу, то ли пророк Илья библейский, про-

громыхавший на колеснице, но ударила молния и церковь сгорела. Это произошло на исходе 18 века. Приход не мог долгое время обходиться без окормления верующих, да и прокормления попов тоже, и для воссоздания храма перевезли церковь из другого села — Ляличи — владения екатерининского хахала (а высоким слогом фаворита) графа Петра Васильевича Завадовского, первого министра народного просвещения, родного брата дарителя. Это, как и многие другие способствования в сборе материалов, установил исследователь Савин Дмитрий Валерьевич, мой родственник по линии Беляковых.

В своем селе, подаренном ему любимой Катей II, где уже вознесся над соседями роскошный дворец по проекту Джакомо Кваренги, граф решил вместо деревянной церкви воздвигнуть каменную, дворцу под стать. В прежнем храме, освященном во имя Флора и Лавра, пластина заложена была с датой 1746, она перекочевала в Брянovy Кустичи вместе со срубом. Подарок графа простоял на новом месте больше века, но и он почил в бозе. Правда, в советское время яростные безбожники во главе с Емелькой... нет, не Пугачевым, а Ярославским, сначала попользовав (не от слова поп) сруб храма как накопительное пузо, позже его снося, действовали не молоньей, а топорами и баграми. Однако нашлись среди мирян такие, кто спрятал обнаруженные таблички, и когда приехала экспедиция из Брянска, один из крестьян, колхозник Евдоким Беляков (опять эта наша-моя фамилия, с древа!), передал их музею.

*Сияют таблички медные,
их рисовал не бес,
заклали их люди бедные,
надеясь на милость небес.
А храмы пылали всполюшно
то одиночно, то вдруг
по всей стороне оплошной.
Жесток накатил недуг.
Кресты с упоеньем песенным
валил пожар мировой.
На смену векам мракобесья
безбожья пришел громобой.
И мог ли подумать сторож
допустим, Федос Шерстюк,
что из толпы на сто рож
найдется хотя б один внук,
кто эти таблички медные,
неверья взбивая дрожь,
всем нам, демьянобедным,
протянет, как бедному грош.*

Знакомьтесь: Беляков Федор Моисеевич, брат моей матери, год рождения 1896. Хлебопашец. Жил с семьей и отцом «на отрубях», в поселке Троицком, поблизости от Бряновых Кустич.

Успел повоевать в «империалистическую», был ранен. Послужил и в Красной Армии — «срочную». Как грамотный (церковно-приходская школа), коих тогда в селе было не густо, в 20-е годы входил в сельский избирком. А еще организовал избу-читальню. Трудясь от зари до зари, без выходных и отпусков, хозяйство держал ладное. Следуя библейскому завету «плодитесь и размножайтесь», у него с Химой (Евфимией) один за другим пошли дети.

И вот катастрофа, называлась она раскулачиванием.

Отوبرали двух коней и обеих коров, избу раскидали по бревнышкам, семью со-

слали в Карелию. Было за что! Еще в 1918-м, когда кайзеровцы стояли в селе и ходили по дворам: «Матка, яйки!», один предприимчивый местный житель постучал поздно вечером в окно, под видом немца, с тем же требованием «матка-яйки», но Федором был узан и отлуплен. При советской власти этот «немец» стал начальством и составлял списки, кого надо раскулачить.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Клишиновский Сер. уезд. УНМ 1937

Фамилия Белаяков

Имя и отчество Федор Моисеевич

Дата рождения: число 12 месяц марта год 1896

Место рождения село Бряновое-Кустичи Угрюмовского уезда Ярославской обл.

Местожительство (адрес) совхоз Вьюнка Клишиновского района Ярослав. обл.

Профессия и специальность чернорабочий

Место службы и должность или род занятий на колхозу в совхозе Вьюнка Клишиновского района
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)

Паспорт серии 25° № 4730. выдан в г. Клишино (когда и каковы органы выдан, номер и категория, где прописан) паспорт станицы Клишиновского уезда 193-36.

9. Социальное происхождение отец занимался на 8-м км Клишиновского уезда земледелием (род занятий и имущественное положение арестованного)
мать: землица 17 са. 10 лошадей, коров 2, свин. 10, 18, 9 гол. овец.

10. Социальное положение кулак.
(род занятий и имущественное положение арестованного)

а) до революции противоппозиционер с отцом Клишиновского уезда уезда

б) после революции Клишиновского уезда уезда тот же самый (дополнительно указать владения на 1 корову).
90 гол. лошадей, 10 свиней, 1 корову.

Образование (общее и специальное) среднее
окончил 980 классов семилетней школы

В. П. П. П.

Фото 8

Вернувшись из ссылки и осевши в халупке во Вьюнках под Клинцами, это недалеко от Бряновых Кустич, Федор стал работать, по анкете чернорабочим, бригадиром полеводческой бригады. И вдруг — арест, начало 1938 года. Посадили за решетку, стали шить «агитацию против советской власти». А он всего лишь сказал, что при царе жилось лучше. Но при ком сказал — при рабочем, которого бранил за халтуру в работе, заставлял тщательнее собирать картошку, не оставлять урожай в земле. Дознание тянулось долго, целый год и еще 4 месяца. Все это время Хима одна крутилась с детьми мал мала меньше, без какой-либо материальной поддержки от кого бы то ни было. Дед Моисей умер еще в 1934-м голодном. Шел с сумой по миру, прося подаяние, да в дороге и пал. Федор, сидя в кутузке, не признался, что он шпион «англо-шведско-немецко-греческий» (это из Вознесенского), его не успели объявить врагом народа — в Москве подул другой ветерок, наркома карликовой породы, выведенного в лабораториях ЧК, Ежова пустили в расход, заменили бестией Берией. Тот, дабы доказать уместность назначения и оправдать казнь Николая Ивановича, показно устроил массовый пересмотр незаконченных дел, и Федора выпустили.

Я видел Федора лишь однажды. После войны, году в 47 или 48-м. Преодолев 30-километровый путь по проселкам, посетил он свою сестру Елену Моисеевну, мою мать. Запомнился! Взял долото и молоток и два дня долбил дубовую колоду, лада ладью... ну, не ладью... это я увлекся аллитерацией, а надо корыто. Много лет служило оно нашему скоту, корове и свинье. Тяжесть рабочей руки «кулака» хорошо

видна на снимке. И внучка дядьки Федора — юное поколение рядом — тоже. Их, внуков, внучек и правнучек, потомков дядьки Федора, не сосчитать. Детей-то было много, все выросли и дали потомство.

Когда-то о многочисленной родне как в нашей семье, где нас до взрослости дотянулись пятеро сестер и братьев, так и о Федоровой, — об эволюции кулака, метафорического, я писал:

*Нам жить всегда бы потесней,
как пальцев общество простое,
да разлучились по стране
пятиконечною звездой.*

*Поразлетелись кто куда,
кустарность предпочтя артели,
рассажены по городам
кусты Брян-Кустич, все отдельно...*

За крыто твое, дядька Федор, ставлю памятник тебе бескорыстный!

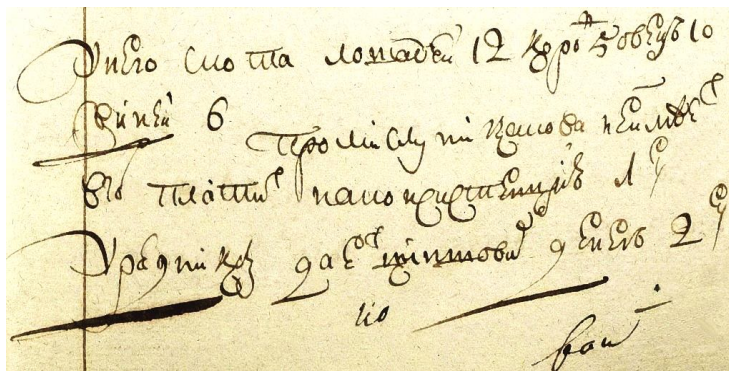
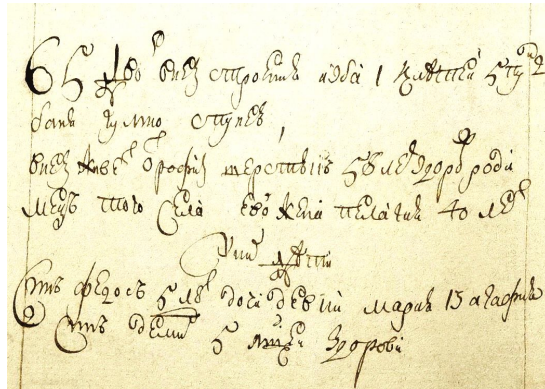
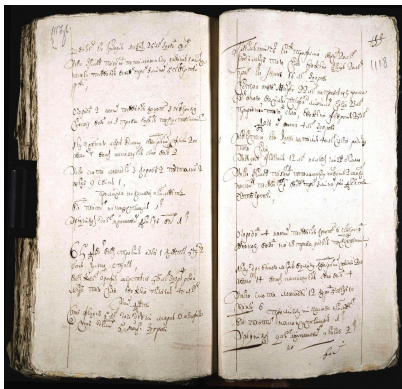

Фото 9 (стр.1117, 1118 Румянцевской описи за 1767 год и их фрагменты)

Имя Федоса Шерстюка, запечатленное на закладной пластине, попало также в Румянцевскую Генеральную опись Малороссии, куда были занесены дворовые хозяйства брян-кустичских крестьян за 1747 год, когда ему было 5 лет. Опись замечательна и почерком писаря, кучеряво-завитушенным (для понимания требуется навык), и, конечно, содержанием. Расшифровка:

65 двор в нем строений изба 2 клетей 5 пуня 2 баня гумно (нрзб)
 в нем живет **Отрофим Шерстюк** 58 лет здоров родимец того села
 его жена Пелагея 40 лет
 у них дети:
 сын **Феодос** 5 лет
 доча девица Мария 13 Агафия 2 также здорова
 сын Демид 5 лет
 племянник его Трофима Василий 20 лет родимец того ж села
 его жена Ксения 20 лет
 брат его Иван 16 лет здоров
 сестра оного Марфа 22 лет на правую ногу хромая
 зять оного Василия Стефан Михайлов Серета 23 лет природный того ж села
 жена его Феврония 25 лет здорова
 дочь их Анна 4 лет здорова
 невестка его вдова Наталия 40 лет слепая родимая того ж села
 у нее дочь Феодора 12 лет на левом глазу бельмо
 у них земли пахотной по тамошнему названию 2 (нрзб шостки?) на коих
 (нрзб) 10 четвертей
 огородов 4 на оных посева копопли 6 четвериков
 сенокосу возов на 18 трава (нрзб)
 лесу дровяного мерой в длину квадратных сажени 200
 аршин 14 в оном пахутся
 сена возов 4
у него скота лошадей 12 коров 5 овец 10 свиней 6
 промысла никакого не имеется
 в год платит на (нрзб консисторию?) 1 р.
 уряднику дает (нрзб крипто?) денег 2 р.

Мы имеем возможность сравнить этот брян-кустичский крестьянский двор 18 века с двором Белякова Федора Моисеевича, крестьянина того же села в 20 веке. В 18 веке мой предок Трофим Шерстюк имел двор, где проживали в общей сложности 15 человек близких родственников, а хозяйство насчитывало 12 лошадей, 5 коров, 10 овец и 6 свиней. Мой дядя Федор Беляков, живя семьей в 9 душ, имел 2 лошади, 3 коровы и 15 голов мелкого скота. Понятно, что оба, Трофим и Федор, страшные кулаки, но только один жил не тужил, а второго взяли и обнулили. Трофим даже лес свой имел! Но больше всего поражают 12 лошадей Трофимовых. Это же целый табун — зачем столько? Как он смог содержать такое хозяйство? Ему кто-то помогал? Тогда он эксплуататор. Хотя... создавал рабочие места. Ему бы почет, льготу дать, скостить часть налога. А то платит как все — церкви 1 р. и уряднику 2 р. А вот Федор рабочих мест не создавал, сам 24 часа нон-стоп вкалывал и оказался во врагах трудового народа. Хотя налог платил не рупь-два, а обложен был удушающим индивидуальным.

Поэтический комментарий сработаем в другой системе эстетических координат — верлибром:

*год 1767
 на престол взошла Катя Вторая
 сменившая мужа Петю Третьего
 в результате семейной ненависти
 но это не главный трон
 ведь есть (или тогда был)*

*житель-вседержитель Пантократор
добрейший всемилостивейший диктатор
и как писал кто-то из поэтов
то ли Рыленков смоленский
то ли Максим Рылский
нет писал великий Рильке
unendlich sanft in seinen Händen hält
если дословно
бесконечно нежно держа в своих руках
в переводе моего друга Жени Никитина
сотрудника Института мировой литературы
это звучит так
Он держит всё в своих руках
Женя убавил нежности и дал слово всё
то есть прибавил державности*

*и вот год 1938
на трон комиссара-застрельщика
вместо русака Коляна Ежкина
взошел мегрел Лаврентий Бери-нехочу
но опять-таки это не главный трон
ведь над ними был
сыннок Великого Переворота
кишок октябрьского заворота
осетин Ося Железкин
уже времена иные были
нежного диктатора Пантократора отменили
красное комиссарье
себе гнезда на трончиках свили
укрепляя веточками пониже
там где крыши пониже
и асфальт пожисе
например во Вьюнках клинцовских
на Вьюнках свет клином сошелся
а в этих Вьюнках — ах! —
зреет гроздьями гнева
бывший красный армеец
но психологический им Беляк —
Всемирный мужицкий
будущих мордovorотов Кулак*

Вы помните выражение «лепить горбатого»? Ну, значит обманывать, лгать (но это не про Петровича!), либо вообще делать что-то не так. А еще есть глагол «горбатиться» — делать что-то, может, и так, но практически за так, то есть почти бесплатно. Петрович, он же Александр Петрович, вышеназванный Шерстюк, ясное дело, мой отец, за всю свою долгую, более 90 лет, жизнь, многократно волею драматических судеб менявший жилища (см. мой очерк «Путешествие бревен»), так и не построил палат каменных. В 1925 году, когда у него родился первенец, сын Миша, погибший в битве за Сталинград, отец даже был освобожден от гербового сбора, ему выдали удостоверение бедняка.

Кстати, странной выглядит это удостоверение-справка, точнее гербовый сбор, — как бы штраф за рождение ребенка. Странно на фоне последовавших потом, после

войны, налогов на холостяков и бездетных или сегодняшних поощрений деторождаемости посредством материнского капитала. Наш столетнедалекий 1925 год напоминает этим нынешние Китай и Индию в их борьбе с человеческим приплодом.

Фото 10—18 (аккорд)

Удостоверение
Всем сие было в Кусты.
Иркутскому Александру Петрову
Кто и кто он бедный Вильгельм
Молодые изд., Союз Молод Изд.
Земли Иркутскими Семейства Золуши
Тро сии Рели освободить ей Вудово
При регистрации Иркутского
составляя...
Иркутский
Иркутский
Иркутский

Отметим также, что справка подписана председателем сельсовета Е. Беляковым, одним из моих Беляковых-по-матери, но на тот момент мой отец еще не был женат на той девушке, которая в 1941-м стала моей мамой.

Работал Петрович за «палочки», так назывался колхозный трудодень, — отчитываясь за сделанную работу, в табеле ставил себе каждый день одну палочку, хотя мог бы ставить и две-три-пять палочек за день, ведь труд его был особым, ненормированным. К тому же, он сам ладил кузню, сам закупал антрацит и железо, сам выделывал кожи и сооружал из них меха для раздува горна. А уж что касаетсяковки, то, ес-

ли современный человек называется homo habilis, человек умелый, то Петрович был человек трижды или пятижды умелый, специалист с личным клеймом, которое у меня музейно сохранилось.

Петрович пойман кадром в не очень характерный для него момент — не у кузнечного горна и наковальни, не в звонком разговоре с раскаленной заготовкой, а в момент пыхтения сигареткой при ремонте какого-нибудь, скажем, сломавшегося замка. Хотя и у наковальни, попади она в объектив, абрис Петровича был бы очень схож с запечатленным на этом фото.

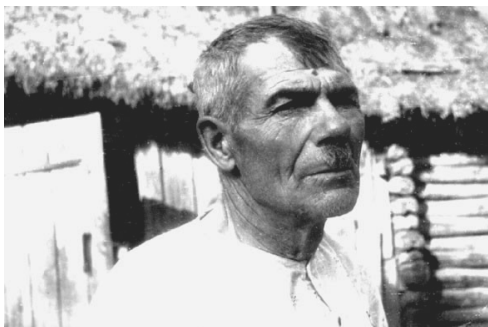
Его родного деда, первым обучившегося кузнечному делу у староверов, сбежавших от московских никоновских гонений, улично прозывали Петром Горбатым. Отец Петровича, которого тоже звали Петр, также был с характерной изогнутой спиной. И что Петровичу оставалось делать, как не горбатиться всю жизнь.

И все-таки он не был бедняком — дожил до разрастания собственного могучего дерева, имея пятерых взрослых уцелевших детей и далее многочисленных внуков и правнуков. Однажды кто смог (далеко не все!) съехались на его 85-летие, уселись даже на яблоню.

На 85-летию рядом с Петровичем сидит Прокоповна, имя Катя, ставшая хозяйкой у отца в его последние годы. Ее девичья фамилия Михалдыко. Ее родственник, тоже Михалдыко, Федор Леонтьевич, балтийский матрос, был комиссаром у легендарного Щорса, набравшего в наших селах свой Богунский полк (из Бряновых Кустич добровольцами записались 40 человек). Затем он основал вблизи соседнего села Пятовск, где я родился, коммуну «Днепровский партизан», объединившую энтузиастов обновления жизни. В коммуне обобществлено было все, даже ложки-вилки, в нее приезжал первый нарком здравоохранения Н. А. Семашко (на фото 1929 года, сделанном при посещении наркомом школы, он в центре, в каракулевой папахе; Федор Михалдыко стоит за левым плечом, в ушанке), коммуна дожила до начала коллективизации. Мужиков с фамилией Михалдыко у Щорса воевало еще двое, Евстигней и Семен, все трое Леонтьевичи, братья. А Шерстюков из Бряновых Кустич у Щорса тоже было трое, Федор, Михаил и Николай, все Ефимовичи, тоже братья. Как тут не вспомнить «все люди братья». Не все тогда «шел брат на брата»!

Не забыть бы, еще раз вспомнить, маму мою Елену Моисеевну Белякову благословенную, ушедшую за 9 лет до этого юбилея-85, имевшую медаль Материнской славы, успевшую вырастить пятерых детей (да ведь и Мишу тоже!), все они получили высшее образование. Ее я поставлю рядом с отцом, фотография датируется 1960-ми гг.

*Отец вернулся в сорок пятом.
Открылась язва в тот же год.
Катаясь по полу, он матом
ее приветствовал приход.
Вставал и шел опять к горну.
Обед носили мы ему.
(Молотобойцам, впрочем, тоже.)
Зубило и серпы отложат,
едят неспешно, молча, важно.
И гость иной, случалось, скажет:
«Петрович, ты еще дождешься —
сыны с тобою закуют!»
Отец в ответ: «Мои и кости,
пожалуй, к той поре сгниют!»*

*Он выковал себе звезду
и ниже напаял на жезль
две даты — точную одну,
в другой пустое место есть.
И пусто много лет оно.
В сарае памятник пылится,
пока без дела. Уж давно
отменены серпы и жницы.
Ушли навек, кто обещал
подмогу выросших сыночков.
Кряхтит тихонько, кто ковал
и скорый гроб себе пророчил.
Сыны отцу к Победе шлют
по почте дружные посылки.
Ликер болтается в бутылке.
И слышно, как часы идут.*

Яков Шафран
(г. Тула)

ДОМ РАЗУМНЫХ
Фантастический рассказ*

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*«Жизнь есть борьба <...>
Все миры на испытании.*

«Надземное», (Живая этика), 799

*«Налево пойдешь — врага там найдешь,
направо пойдешь в войне пропадешь.
Иди мирно по мосту».*

Александр Казанцев. «Мост дружбы»

Экстренное сообщение круглосуточной службы новостей потрясло весь мир. По космовизорному каналу пришла неожиданная информация, что первая в истории человечества, столь долго и тщательно готовившаяся и столь многообещающая в плане непосредственного научного познания, в том числе и разносторонних знаний об объективных закономерностях развития планет Солнечной системы и всего Космоса, а возможно и для установления прямого контакта с внеземным разумом, разведывательная экспедиция на Марс внезапно прервалась. Прошло немногим менее двух суток с момента старта с земного космопорта, и вот космолет возвращается.

Что случилось, что помешало закончить запланированные комплексные исследования? — официальными органами планеты не сообщалось. Многие журналисты, как известно, при неимении достоверных данных, пытавшиеся что-то домыслить, предполагали и то и другое, однако серьезные люди, тем более имевшие отношение к фундаментальной науке, предпочитали хранить, по крайней мере, внешнее спокойствие и ждать правительственного сообщения Совета Земли.

* * *

А в тот час на стартовой площадке космопорта поднимался порывистый ветер. На чистом ярко-голубом небе только кое-где виднелись небольшие белые облачка. Рождалось раннее утро начала осени. Лучи восходящего солнца отражались яркими бликами в окнах дальних построек и создавали различные матовые оттенки на оболочке космического корабля.

Он был малогабаритным, хотя экспедиция направлялась к Марсу. Дело в том, что основной старт должен состояться с Луны, с большого селенопорта, на космолете,

* Многое, сообщаемое в рассказе, является плодом фантазии автора — на то он и есть фантастический рассказ.

строившемся там же и снабженном всем необходимым специальным оборудованием и запасами для межпланетного полета и исследования красной планеты. Это вызвано более простым и легким стартом и, следовательно, значительно меньшим расходом топлива, а также непричинением вреда биосфере.

Наступил знаменательный день в многовековой истории Земли — *первая* экспедиция к Марсу. Потому, несмотря на ранние часы, на площадке обозрения — на значительном расстоянии от пусковой зоны — уже находилось много людей, любителей наблюдать событие непосредственно вблизи, съехавшихся сюда еще со вчерашнего вечера. Из космопорта велась и прямая трансляция, и еще больше жителей могли видеть старт по большим уличным и домашним визорам, создающим голографическое изображение.

Сколько было написано и сказано об этой загадочной планете, в том числе и в фантастических произведениях, сколько предшествующих поколений землян мечтали о покорении ее. И исподволь проводились целенаправленные научные и технические работы по успешной реализации будущего освоения — возникали обоснованные теории, смелые инженерные проекты и оригинальные конструкции, производились тщательные испытания.

И вот настал долгожданный момент. Со стороны отдаленного здания космопорта появился открытый кибермобиль, в нем сидели десять человек — семь космолетчиков и трое провожающих, видимо, непосредственных руководителей предстоящего полета. Недалеко от корабля они вышли из машины, коротко простились, и члены экипажа — пятеро мужчин и две женщины — вошли в космолет. Не участвующие покинули стартовую площадку, и через некоторое время аппарат поднялся, пару секунд зависал над ней и затем стал медленно набирать высоту, постепенно превращаясь в ослепительно яркую точку. Но и она вскоре исчезла.

* * *

Прилунившись в селенопорте, после трех часов полета, вместо четырех дней на ранней заре мировой космонавтики, надев скафандры, не воспользовавшись селенобусом, космолетчики легкой походкой, ибо сила тяжести на Луне в шесть раз меньше земной, перешли в городок, находившийся под гигантским прозрачным куполом, где их тепло встретили «селениты» — работники местной колонии. После отдыха и обеда члены экипажа прошли через шлюзовую камеру в «Марс-1», и до запланированного на утро — по земному времени — межпланетного старта решили освоиться со своим кораблем, так как прежде они имели дело только со специальными тренажерами-имитаторами.

Начальником экспедиции был профессор Института галактических исследований, известный космолог Андрей Петрович Соколов. В его немногочисленную, но сплоченную команду входили: командир-навигатор, опытный, правда, в полетах по околоземному пространству, Олег Мележко, навигатор-инженер Стив Уилсон, физик-астроном Ганс Вебер, врач, китаянка Вен Сюй, биолог-химик Анастасия Оноприенко и лингвист Анри Бертъе.

Космолетчики сняли скафандры, и тут их внимание привлекла потрясающая панорама Земли. Она висела полным шаром в абсолютно черном, но ярко звездном небе. И они, в том числе многократно видевший ее из космоса Мележко, прильнули к иллюминаторам. Ганс Вебер мягкого тембра голосом давал пояснения товарищам.

— Как наблюдаете, диск нашей планеты примерно в четыре раза больше полного диска Луны при виде с Земли и светит в несколько раз ярче ее, освещая весь безрадостный ландшафт голубовато-серым цветом.

Земной шар выглядел, действительно, впечатляюще: на фоне бархатно черного неба сквозь светло-голубую оболочку атмосферы и белый облачный покров просве-

чивали серо-коричневые материки и синие океаны. Однако не это более всего брало за душу, а чувство *милого, родного дома*, покидаемого ими в преддверии неведомого будущего. На глаза Насти Оноприенко навернулись невольные слезы, а Вен Сьюй даже всплакнула, утираясь носовым платком, заботливо припасенным в кармане летного костюма.

Вокруг же корабля, насколько видно через иллюминаторы, простирался безжизненный, серый, с некоторыми оттенками от белого до черного, пейзаж, покрытый скальными образованиями и отдельными камнями, лежащими, казалось бы, на твердом грунте, но, как известно, в мелкой пыли.

* * *

Старт «Марса-1» прошел стандартно. И снова окрест раскинулся черный холодный Космос с далекими, горящими разноцветными огнями звездами. Полет не должен был занять много времени. После успешного выхода на лунную орбиту навигатор перевел космолет с обычных двигателей на фотонные, действующие по принципу полной аннигиляции протонов и антипротонов с созданием фотонов. Высокая скорость должна была набраться быстро, затем тяга будет выключена и корабль станет двигаться по инерции. А на завершающем этапе, при торможении, корабль развернется на 180 градусов и полетит уже «кормой» вперед, когда включенный не на максимальную мощность двигатель, к тому же с постепенным ее уменьшением, доведет скорость до нуля, и космолет временно станет искусственным спутником Марса. Потом, после двух-трех витков корабль сойдет с орбиты, и при работе простого двигателя, на компенсации силы притяжения планеты, совершит посадку.

* * *

«Царствие Божие внутри вас есть».

Евангелие от Луки, 17: 21

Не ищите Бога вовне, Он внутри каждого.

Только некоторые об этом не догадываются...

Так все успешно, как заслуженный триумф земной прикладной науки и космической техники, и произошло. Минуя полярную ледяную шапку, космолетчики приземлились в средней полосе, между северным полюсом и экватором. Надев скафандры, они вышли. Перед ними раскинулся марсианский пейзаж — песчаные дюны с темными пятнами на них, являющимися, как они знали из предварительной подготовки к полету, следствием таяния снега — замерзшего углекислого газа и воды, — в этом полушарии уже стояло лето. Температура воздуха после замера оказалась плюс пятнадцать градусов по Цельсию, что вполне соответствовало дню этой поры. Вообще, средняя температура на Марсе — минус шестьдесят. Зимой, однако, она доходит до ста двадцати пяти, а в летнее время воздух прогревается до плюс двадцати, хотя ночью опускается до минус семидесяти. В общем же, вокруг была бесплодная пустошь с россыпью камней пурпурного цвета, с которых ветер сдувал пыль.

— Это глиняные камни, они и горные породы из них образовались в результате древних речных и озерных отложений, — сказала Анастасия, по совместительству познакомившаяся с геологией Марса накануне полета по данным автоматических станций. — Помните, с орбиты мы видели сухие русла бывших рек, впадавших в низины, видимо, бывшие моря. Но есть и *«действующие реки»* — мутные потоки соленой жидкости, появляющиеся в середине местного лета.

Стоял день. Небольшое солнце в желто-коричневом небе находилось достаточно высоко над горизонтом.

После отдыха космолетчики определили состав разведывательной группы. В нее вошли Соколов, Уилсон, Оноприенко и Бертье. На корабле вместо начальника экспедиции остался Мележко. Взятые еще автоматическими станциями пробы воздуха говорили о 95,3 % углекислого газа, 2,7 % азота, 0,13 % кислорода и других малых составляющих. Потому, не теряя времени для дополнительных исследований, группа в скафандрах в выгруженном из космолета униплане отправилась на облет планеты. Предполагалось совершить его в широте места посадки. Вид сверху позволил рассмотреть тут и там мертвые старые вулканы, кратеры от падения крупных метеоритов и некоторые возвышенности.

Все было спокойно. Но *вдруг* они заметили возле одного из кратеров живых существ в неземных скафандрах и с чем-то, напоминающим оружие, в руках. Произошло все неожиданно, так как ни автоматические станции — хотя их имелось и немного, — ни данные радиотелескопов не сообщали о какой-либо разумной хозяйственной деятельности на поверхности планеты. Однако космические разведчики быстро оправились от непредвиденной встречи.

— Может, это приборы, а не оружие, — засомневался Бертье.

— Сейчас узнаем, и все же приготовим защиту, — сказал Соколов.

Космолетчики надели щиты от стрельбы бластеров, предусмотрительно взятые на борт униплана, и подготовили свои бластеры. После чего они стали снижаться, намереваясь сесть. Однако, заметив яркие вспышки и острые струи огня, направленные в их сторону, Андрей Петрович немедленно отдал приказание Уилсону прекратить дальнейшее снижение, и тот, включив защитную сеть вокруг машины, перевел ее в состояние зависания на данной высоте.

— Ого! Не вступив в контакт, ничего не выяснив — *и стрелять!* — воскликнула Оноприенко.

— Да, выходит: либо сверхагрессивная цивилизация, либо почему-то изначально настроенная именно против нас, — резюмировал Соколов.

— Ваши дефиниции, простите — определения, верны, — перешел с научного языка на обычный Бертье. — Но, может, все же следует войти с ними в какое-то общение. У нас ведь есть дистанционный передатчик-приемник мысли, — высказал он предположение.

Начальник экспедиции согласился. И они передали марсианам: *«Мы на вашей планете с сугубо мирными целями. Никакого вреда вам не причиним!»* Любое высокоорганизованное разумное существо должно внутри собственного сознания получить точный и полный перевод посланного сообщения на свой язык, так как язык мысли един для всей Вселенной. И результат не замедлил проявиться. *«Убирайтесь! Мы хорошо знаем, кто вы и зачем здесь, и не допустим колонизации нас вами!»* — услышал каждый член группы в своем уме.

— Понятно. Они не дадут нам проводить какие бы то ни было исследования, а делать это в военных условиях и рискованно, и нереально, потому что не известен их общий потенциал, с которым можем столкнуться. Экспедиция в опасности, в лучшем случае она станет экстремальной туристической прогулкой, — заключил руководитель.

— То есть улетать к Земле ни с чем... — проговорил Бертье.

— Продолжать контакт с этими «туземцами» значит: тратить время и энергию на защиту, а они между тем свяжутся со своими, и придет более мощное вооружение! — ответил Соколов.

— Получается, нужно оборвать контакт, и, возможно, надолго, если не навсегда... — промолвила Настя.

— Можно, например, взять *«языка»*, — сказал Стив, любитель старых художественных произведений эпохи войн на Земле.

— Языка? — поднял брови начальник экспедиции.

— Ну, одного из них, с целью добывания большей информации, а потом вернуть его обратно,— предложил навигатор.

— Каким образом вы намерены это сделать? — поинтересовался Анри.

— Как? У нас есть *лана* — рука-захват для забора образцов породы. Можно мягко прихватить кого-то, ну, скажем, того, судя по знакам различия, более похожего на старшего,— продолжал развивать свою идею Стив.

— Да, как говорят французы: *on ne fait pas d'omelette sans casser les œufs* — не сделаешь яичницы, не разбив яйца,— согласился Бертье, переведя пословицу на общепланетарный язык.

— Это же грубое насилие! — вскричала Анастасия.

— Да, но только насилие первыми проявили они, причем безапелляционно, и неизвестны подлинные причины такой агрессии и какого-то «знания» их о нас. Помните выражение, переданное ими мысленно: «*Мы хорошо знаем, кто вы...*»? Что сие значит? Все очень темно, но нам нужно выяснить,— сказал Андрей Петрович.

— И предпринять это получится только на Земле с помощью особого, специализированного оборудования. Хотя возможно попробовать и в полете кое-что узнать,— добавил лингвист.

Другие члены группы согласились с доводами товарищей.

Униплан, ведомый навигатором, вновь, кружась по плавной спирали, начал снижаться. Защитная сеть справлялась с выстрелами марсианского оружия. И вдруг из открывшегося на поверхности планеты большого люка показались какие-то машины.

— Вот и подкрепление! — сказал Уилсон и, выпростав в бреющем полете «лану», быстро, умело и мягко схватил ею намеченного в «языки» марсианина. От полной неожиданности тот выронил свой бластер и, дергаясь, пытался вырваться из «нежных», но цепких «объятий». Его «сослуживцы», вначале опешившие, снова стали стрелять, а вновь прибывшие — приводить машины в боевое состояние, однако униплан, вбирая механическую руку с «добычей» в люк, мгновенно набрал высоту по вертикали и был таков.

— Филигранная работа! — похвалил начальник экспедиции. — А теперь к космолету! — И он сменил у пульта управления Уилсона, дав ему отдохнуть.

— Так закончилась наша первая и последняя разведка Марса... — печально констатировал Анри Бертье.

— Еще не закончилась,— мрачно проговорила Настя, показывая на визор.

Все взглянули на голограмму. Тяжелая марсианская техника стала стрелять по униплану. Но тщетно, достать его у них уже не получалось...

«Язык», успокоенный бережным к нему отношением и проявленной особой тактичностью, сидел в кресле, в скафандре, так как не имелись еще данные о составе воздуха, приемлемого для него, и только жестко посверкивал сквозь стекло шлема узкими и удлинненными глазами, видимо, стойчески смирившись со своей неизбежной участью.

Разведчики быстро подлетели к космолету и, перейдя с пленным в него, проведя предварительно тщательную дезинфекцию, и не объясняя пока ничего, вместе с остальными членами экипажа привели корабль и себя в состояние старта. С помощью обычных двигателей они вышли на орбиту. И тут Олег Мележко заметил, как с поверхности планеты поднимается другой, марсианский корабль.

— Что делать? — спросил он. — Ждать пока начнет стрелять?

— Нет,— ответил Соколов. — Воевать не входит ни в цели, ни в правовой статус экспедиции. Поэтому будем стартовать к Земле!

— А марсианин? — спросила Вен Сьюй.

— Плохого мы ему не сделаем. Наша человеческая цивилизация, в отличие от них, гуманна. Разберемся, что к чему, и вернем его домой, это не проблема.

— На какое время рассчитан его дыхательный баллон? — вдруг обеспокоилась Анастасия.

«Надолго ли хватит вам воздуха?» — мысленно задал вопрос марсианину Андрей Петрович.

«На сутки!» — сообщил тот.

— Если учесть, что марсианские сутки только тридцатью шестью минутами больше земных, то волноваться нечего, так как мы долетим домой за восемнадцать часов. Прибавьте сюда два-три часа необходимых маневров при посадке, — вычислил командир корабля.

— Да, это понятно. Ну, а дальше, на Земле? Скорее всего, сразу после приземления воздух у него закончится, ежели ранее не случится что-то непредвиденное? — спросила Оноприенко и тут же сама себе ответила: — Думаю, необходимо взять пробу из его баллона и сообщить в селенопорт состав, чтобы там приготовили нужную смесь для дыхания.

— Хорошо, — согласился начальник экспедиции.

Они рассказали марсианину, что нужно сделать. Тот согласно кивнул. Стив отвернул гибкий шланг, быстро наполнил пробник и также быстро ввернул шланг обратно.

Проведя анализ Настя воскликнула:

— Удивительно! Практически, за исключением некоторых небольших дополнений, не отличается от нашего!

— Можно попросить его снять скафандр, — сказала Вен Сюй. — Конечно, под дальнейшим нашим постоянным наблюдением, — добавила она.

«Как вас зовут?», — спросил пленника Соколов.

«Аэль», — ответил тот.

Андрей Петрович поочередно представил всех членов экипажа и, объяснив все, предложил ему разоблачиться.

Марсианин явился в темно-синем облегающем, какой обычно надевают и земляне под скафандр, костюме. Цвет лица его был белый с голубоватым оттенком, волосы темные, почти черные, глаза большие, синие, острый нос и тонкие, плотно сжатые губы.

Дискуссию по поводу агрессивного поведения марсиан, а тем более прямой допрос в условиях полета решили не проводить. В вопросе о питании рассудили так: кормить вначале в небольших дозах и под присмотром Вен Сюй.

Аэлю разъяснили планы касательно него, и он вел себя спокойно, внешней враждебности будто и не бывало, а относительно внутреннего его душевного состояния, то оно космонавтов сейчас не интересовало — на Земле во всем разберутся.

* * *

Перелет, с промежуточной посадкой на Луне, о чем уже говорилось, занял непродолжительное время. Аэль свободно дышал воздухом космолета, только, как и прежде, глазами посверкивал. Марсианина накормили и через пару часов провели полное медицинское обследование. Было удивительно, насколько анатомические и физиологические характеристики близки к человеческим. Настоящее привело космонавтов к некоторым размышлениям... Каких-либо жалоб на неважное самочувствие не последовало, поэтому полученные показания его организма приняли за приблизительно нормальные для него.

После короткого отдыха — Аэль в эти часы находился в охраняемых апартаментах — все участники первой экспедиции были приглашены на экстренное совещание смешанной Комиссии, образованной из нескольких членов Совета Земли, Академии наук и других общепланетарных организаций. Им представили Аэля. С обстоятель-

ным докладом выступил профессор Соколов. Он вкратце рассказал обо всем, что выяснилось, о практических результатах некоторых проведенных исследований, продемонстрировал голограммы видов планеты и всего происходившего при «контакте» с ее обитателями (*релевантность** чего была не то что минимальной, а со знаком минус), автоматически снятые голокамерами униплана.

Членам Комиссии была предоставлена возможность опросить Аэля. Естественно, весь безмолвный разговор происходил на мысленном уровне, но, чтобы присутствующие могли слышать, о чем шла речь, информация, обработанная в усилителе, транслировалась через громкоговорители.

Марсианина опросили. Тот держался с подчеркнутым достоинством, на поступающие вопросы отвечал спокойно, однако назвать его словоохотливым не представлялось возможным. Впрочем, все же удалось узнать, что их цивилизация находится под поверхностью Марса, во внутренней полости. Оказывается, не только Земля, но и все планеты имеют одинаковое устройство: они располагают твердой внешней корой и достаточно глубокой подкоркой, а в недрах этой подкорки, на определенной глубине, по всей сфере, есть полость, весьма пригодная для жизни. Видимо, мудрая природа разумно предусмотрела естественную возможность своевременного спасения человечества в том крайнем случае, когда станут совершенно неприемлемыми условия существования на внешней стороне. Так и внутри Марса в ней обустроены многолюдные города и сельскохозяйственные поселения, автоматизированные заводы с роботами, вузы и школы и социальные организации. С наружной поверхностью, где у них есть наблюдающие камеры, они связаны лифтами. Кроме того на обоих полюсах есть естественные зоны прямого входа в глубинную полость планеты.

При дальнейшем опросе: что произошло, почему так и каковы приоритетные цели последующего развития марсиан? — Аэль отделялся либо упорным молчанием, либо путаными объяснениями и неопределенными междометиями. Правда, один раз проскочило слово «катастрофа»...

Был объявлен небольшой перерыв, после которого беседу продолжили, но более ясным ничего не стало. Аэля поблагодарили и проводили в его апартаменты.

— Добытые данные далеко недостаточны. Что нужно сделать для получения больших знаний о состоянии Марса, об истинных причинах, породивших это *ненормальное состояние*, о причинах агрессивного поведения и о целях их цивилизации? — обратилась Председатель Комиссии Эбере Зулу к ее членам.

— И еще о том, как они узнали о полете нашего космолета и оказались приблизительно в месте предполагаемой посадки? Ради обстоятельных ответов на эти экзистенциальные вопросы, считаю, необходимо считать содержимое его не только оперативной, но и долговременной памяти,— сказал руководитель нейротехнического отдела Академии Виктор Петров.

— А может быть и бессознательной области личности,— добавил Артем Гиносян, глава ноосферного отдела.

— На том и порешим. Тогда требуется создать компактную исследовательскую группу. Прошу высказаться *pro et contra*** и какие будут конкретные предложения?..

После непродолжительного, но конструктивного обсуждения группа была сформирована. Ее возглавил академик Петров. В нее вошел один из членов Совета Земли, некоторые специалисты Академии и по настоянию Соколова все участники марсианской экспедиции.

— Думаю, следуя гуманным принципам нашей цивилизации, нужно сообщить Аэлю о проведении с ним соответствующей работы, без причинения ему какого-либо возможного вреда, после чего он будет возвращен на родину,— заявила Эбере Зулу.

* В широком смысле — мера соответствия получаемого результата желаемому результату.

** За и против (лат.)

Существенных возражений не оказалось. Заседание Комиссии было завершено, и исследователи собрались для составления подробного плана необходимых и слаженных действий.

* * *

«За добро — добро, за зло по справедливости»

Конфуций

В результате ряда многочисленных сеансов, с использованием устройств перевода содержимого всех областей памяти и бессознательного Аэля на общепланетарный язык, картина прояснилась. Несколько миллионов лет тому назад действительность планеты Тиамат была такова: видная, самая красивая в Солнечной системе, с развитой цивилизацией, она из-за всеобщего и чудовищного зла, охватившего ее обитателей, разрушилась. Когда карма Тиамат стала непоправимой, Иерархи Света, длительное время курировавшие ее и до последнего часа устремлявшие мышление и поведение ее жителей к Свету и Добру, до последнего часа пытавшиеся изменить тяжелое положение дел, в силу Космического Закона ненарушения свободной воли людей, предоставили планету и ее население неминуемому действию естественной закономерности. Ибо, если народ, несмотря на постоянно даваемое Высшее Знание и несмотря на неоднократные настойчивые и грозные предупреждения — массовые эпидемии, губительные засухи, магнитные бури и разрушительные ураганы, наводнения, землетрясения, извержения вулканов и так далее, упорствует во зле, все более наращивая его, приходит неотвратимое справедливое воздаяние как *следствие*, вытекающее из известных причин, потому что несоблюдение Космических Законов может иметь место только до определенного *критического порога*. И Светлые Силы оставили Тиамат и помогли всем высоким духам из жителей уйти в ближние высшие миры.

Перед самым моментом гибели на Тиамат царили постоянные беспощадные войны с применением нарастающей мощности разрушительного оружия, вплоть до всемогущего последнего изобретения — смертоносных излучений, пронизывающих всю толщу планеты и могущих достигнуть другого тела Солнечной системы. И это ради безграничного увеличения власти отдельных государств, отдельных финансовых групп, отдельных личностей над иными странами, народами и людьми — для полного удовлетворения беспредельно возрастающего потребления, бесконечного стремления к собственной наживе за счет других. Что вело к безмерному нагнетанию непримиримых ненависти и зла, безудержных лжи, коварства и предательства. Они могли, используя новейшие завоевания в технической сфере, пронестись из одного конца в другой конец мира единственно ради того, чтобы только обмануть кого-то. Стремительная эволюция науки, достигшей высочайшего уровня, сделавшей возможным извлекать внутреннюю энергию зерна ради создания движения различных машин, вплоть до космических кораблей, была применена, прежде всего, в целях колониальной экспансии, в том числе и в Космосе, для закабаления разумных существ всех планет. Даже из обычного обихода исподволь исчезли фундаментальные представления о любви, добре, честности, преданности, верности... В социуме наблюдалось сплошное распутство, господствовали лжемессии и лжепророки, царило всеобщее морально-нравственное одичание. Научные учреждения и храмы стали настоящими рассадниками несомненного зла, моральных и интеллектуальных махинаций, многочисленными очагами организованных акций против Иерархии Света Солнечной системы. На место подлинной духовности пришло бессмысленное механическое исполнение религиозных догм и культовых ритуалов. Обитатели отвращались от Светлых Знаний, бесконечно и бескорыстно даваемых им. Считалось: действующее зло — единственная сила развития.

Непроглядная мгла повисла над Тиамат, и она сама стала *непроглядной мглой*. Ее «элита» отказывалась замечать представляющие явную опасность неблагоприятные и неординарные обстоятельства и карала смертью всех, говорящих о них и призывающих жить согласно Светлым Знаниям.

Были среди тиаматцев люди праведного поведения, старавшиеся направить их на единственно верный путь Истины, изменить их негуманные межличностные взаимоотношения. Вначале некоторые отзывались, организовывались даже единичные группы, исповедующие деятельное добро и социальную справедливость. Однако они под губительным воздействием столь агрессивной окружающей атмосферы в конце концов распались.

И вот разгорелась война, какой еще не знали анналы цивилизации — чудовищно беспощадная *всеобщая термоядерная война*.

Все это разрушило гармоничное равновесие планетарных сил. Активными действиями, вызывающими дезинтеграцию, были пробуждены деструктивные силы, силы хаоса, стало совершаться равновесие природных стихий. И в ответ произошел *коллапс*.

И Тиамат пала. Одновременно произошедшие термоядерные взрывы, в том числе и глубоководные (цивилизация их существовала и под водой), суммировались с падениями огромных болидов и с притяжением очень близко пролетающей планеты Немезиды. В результате началась цепная реакция в огромных океанах, и Тиамат в течение суток *развалилась* на куски. Большая часть населения погибла. Однако часть жителей, поверившая прорицаниям, заблаговременно покинула обреченный мир. Это были богатые люди, собравшие некоторых видных интеллектуалов и специалистов в разных областях, а также породистых женщин и мужчин, соответственно, для продолжения рода. Улетели они к только недавно колонизированной планете в созвездии Вега*. Часть успевших взлететь в частных или захваченных космолетах, равно как находившиеся в космосе тиаманитяне, переселились на Марс, где они с проживающими там колониальными служащими и разными спецами в дальнейшем основали местную цивилизацию, в которую, так или иначе, инкорпорировались коренные обитатели и метисы от смешанных браков. Туда же Служителями Кармы была перемещена часть незримого *надтиаматского мира* (основной перекочевал вслед за поселенцами на Вегу), соединенного причинно-следственными связями с ними. Часть заблудших душ, в целях перевоспитания, оказалась в Надземной сфере, породив в будущем *темные слои* населения Лемурии и Атлантиды. Притом небольшая часть тиаматцев сразу попала в плотный слой Земли и, вступив в половой контакт с представительницами одного из первых народов Атлантиды, передали ему свои «жестокие» гены. Их потомки впоследствии сильно влияли на поступательное движение цивилизации в сторону крайней агрессивности и бесчеловечности.

В тонком плане часть темных душ тиаматцев вместе с их известными соблазнителями до сих пор обитают на обломках Тиамат. Останки планеты, в виде кольца астероидов между Марсом и Юпитером, для всех жителей Солнечной системы и Вселенной являют собой *нерукотворный памятник* той глобальной и непоправимой катастрофы и ее действительных причин.

* * *

В результате взрыва Тиамат было сметено электромагнитное поле ближайшего к ней Марса, и потому начала «испаряться» его атмосфера, и внешняя поверхность вскоре стала абсолютно непригодной для жизни. К тому времени тиаматцы освоили подкорковую полость планеты и развили космонавтику. Большая часть марсиан пе-

* Здесь и далее использованы привычные для землян названия, естественно, соответствующие полу-ченной от марсианина информации о пятой и четвертой от Светила планетах.

решла внутрь, а часть — внутрь Луны, Плутона и самой Земли, на которой основали также и несколько подводных городов. Под оболочку они ушли, как и ныне желающие уходят, через прямой вход в коре в Антарктиде. И везде создавались государства, и не с *tabula rasa**, а сходные с бывшим марсианским.

Марсиане заимствовали от своих предков тиаматцев «идею», что только они настоящие люди, а с остальным населением Солнечной системы можно делать все, вплоть до полного уничтожения, убивая их будто животных. К тому же они генетически были лишены эмоциональной и чувственной сферы, владея всего лишь чисто логическим мышлением. И на нашей планете, благодаря очередным воплощениям определенных душ тиаматцев, в прошлом имелись народы и группы жителей, исповедовавшие подобные человеконенавистнические взгляды и претворявшие их в жизнь**.

Тогда перед рассеянной таким образом марсианской цивилизацией встала первоначальная цель — вместе со всеми обитателями внутренней полости: жителями *анти-Земли* (низкорослыми и щуплыми серо-зелеными существами, считающими себя истинными землянами, а человечество — сборищем глупых «насекомых»), потомками некоторых спасшихся *темных магов Лемурии и Атлантиды* после их гибели и жителями *Новой Швабии* (потомками переселившихся туда гитлеровских нацистов вслед за их поражением во Второй мировой войне) — овладение внешней сферой Земли. Планировалось сделать это через полное порабощение землян, путем захвата их общего экономического потенциала и людского ресурса, исключительно для рабского труда на благо марсиан. (Не так ли европейские колонисты осваивали новые пространства в Америке и Австралии, по сравнению с которыми Гитлер видится просто сопляком?) Намечалось и освоение наружной поверхности Луны с космическими целями. Но основной их, вожделенной задачей было восстановление атмосферы Марса, восстановление биосферы и последующее превращение планеты в главный центр своей цивилизации, с сохранением Земли и ее спутника как развитых доминионов. А в дальнейшем — колонизация всей Солнечной системы.

* * *

Информацию, полученную путем считывания памяти Аэля, проверили несколькими находящимися изолированно друг от друга *слиперами****. Присутствующий при каждом из них эксперт-оператор должен был направлять слипера через его подсознание во сне по нужному вектору и потом обрабатывать добытые данные. Все являлись высшими мастерами в сем деле. Им давалось одно и то же конкретное задание — сконцентрироваться на внутренней оболочке Земли. Эксперту предоставлялась возможность выбрать наиболее значимое и интересное, помочь слиперу настроиться на любое из них и далее считать из него как можно больше информации. Такие сеансы проводились в течение семи дней. Добытые сведения суммировались, обобщались, и происходил выбор самых важных лиц, фигурировавших в них. После этого каждый слипер с помощью эксперта-оператора настраивался поочередно на эти лица,

* *tabula rasa* (лат.) — (филос.) чистая доска, т. е. чистый лист.

** Об этом говорят древние книги Земли, в том числе и Священные. Но, в результате преобразований на нашей планете, человечество убедило таковых отказаться от своих убеждений, и сейчас, при Новом строе, их не существует (примечание исследовательской группы).

*** Слипёр — это сенситив, использующий себя в разных состояниях для вхождения в любой образ, независимо от того, предмет это, человек или какое-то животное, получая при этом возможность полностью овладеть предметом вхождения, полностью контролируя предмет, в который он вошел, сочетался. Он способен проникать в память другого человека, причем настолько глубоко, что может найти в ней ту информацию, о которой человек, находящийся в обычном состоянии сознания, даже сам не помнит. При этом для слипера не является помехой ни расстояние, ни физические преграды, ни даже факт насильственной блокировки памяти исследуемого человека.

вступал с ними в энергоинформационное взаимодействие, используя «левую» и «правую» части своей сущности, проникая в сознание и подсознание их, и переписывал без анализа все из их памяти в собственную. Это происходило путем ментального давления и ловкого манипулирования в астрале. Соответствующий субъект выводился из психологического равновесия, раскрывался, и слипер входил с ним в резонанс. Считывание происходило без каких-либо специальных приборов, без каких-либо препятствий и независимо от расстояния. Прибор, подобный использовавшемуся в случае с марсианином, применялся лишь для записи знаний из памяти на материальные носители. И вновь, вслед за очередным обобщением, она изучалась расширенным советом экспертов с подключением других специалистов.

* * *

После проведенной работы был снаряжен космолет в целях специального рейса на Марс, не только по гуманным соображениям — возврат Аэля, но и ради полетного испытания многих новых частей и систем корабля. Участниками этого полета стали все члены прошлой экспедиции, кроме Соколова. Начальником назначили командира-навигатора Олега Мележко.

Когда космолетчики достигли расчетной орбиты Марса, встал вопрос: садиться ли, воспользоваться ли снова рукой-захватом или опустить Аэля с помощью небольшого автоматического, управляемого дистанционно космоплана. Большинство, в том числе, естественно, и сам марсианин, высказались за последний способ, хотя, по известным причинам, и был риск аппарат потерять.

Космолет выпустил из внутреннего ангара космоплан, который после непродолжительного полета завис над тем местом, где произошел первый «контакт», и затем сел. Кругом царил покой. Аэль в своем скафандре, снабженном баллоном с местным — по составу — воздухом, благополучно сошел на поверхность. Через некоторое время появились марсиане. Видимо, марсиане четко отслеживали происходящее, начиная с орбиты. По их решительным и целенаправленным действиям стало понятно, что они пытаются захватить аппарат.

— Смотрите, пытаются войти! — вскричал Уилсон, показывая на голограмму творящегося внизу.

— Немедленно закройте люк и дайте команду стартовать к кораблю! — приказал Мележко.

Закрытие и старт последовали с разницей в секунду. Марсиане — Аэль стоял в стороне — в испуге отскочили и принялись стрелять в космоплан из бластеров, но он был таков — учет опыта предыдущего контакта с агрессивными жителями не прошел даром.

Все испытания частей и систем космолета происходили в полете, поэтому участники экспедиции с чистой совестью могли возвращаться на Землю. Что они и сделали.

* * *

«Умный человек найдет выход из любой отрицательной ситуации, а мудрый ее не допустит».

Жан Поль (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер)

По итогам информационных исследований был создан Совет Земли. С докладом выступила Председатель Комиссии по изучению марсианских проблем, член Совета планеты Эбере Зулу. Реакция слушавших сообщение оказалась различной.

— Все это — собственные фантазии уважаемых исследователей или обманчивый сон мозга объекта, — заявил один из них.

— Нет, сведения, полученные из глубинной памяти и бессознательной сферы,

что уже доказано наукой, не являются сном, оттого к ним нужно относиться серьезно,— возразил ему другой.

— Может быть, сие только благие пожелания марсиан. Ведь реально, сколько долгих веков, они не в силах чего-то добиться. Ну и пусть мечтают, а мы будем жить, как хотим, и двигаться к своим приоритетным целям, не оглядываясь ни на кого и ни на что,— высказал мнение еще один из членов Совета.

— Полагаю, надо не только относиться серьезно к этой информации,— предложил профессор Соколов,— но и предпринимать действенные, в том числе и предваряющие, меры защиты. И потому что марсиане научили «подземных» многим научно-техническим разработкам — в частности, особым излучениям гибельных частот с помощью мощных передатчиков, влияющих на психику людей, и созданию мощных приемников, позволяющих питаться негативными мыслями, эмоциями, чувствами, страстями и желаниями землян,— то, поскольку их планы явно агрессивны, хотя прямой агрессии с нашей стороны быть не должно, нам следует сопротивляться им. Необходимо, чтобы такое организованное сопротивление простиралось вплоть до полного освобождения от их власти внутренней полости Земли и Луны и практического освоения данных областей, но без какого-либо притеснения, оттого что в дальнейшем возможно определенное сотрудничество.

— Да и как можно заниматься дальними космическими исследованиями, если мы не являемся полными хозяевами своей собственной планеты,— заключила Председатель Комиссии.

Большинство участников совещания поддержали Соколова и Зулу.

В конце концов Совет решил свернуть все работы по изучению и колонизации не только Марса, но и других тел Солнечной системы и отдаленного Космоса, по крайней мере, до овладения своим миром и окружающим его пространством.

* * *

*«Всякая причина имеет свое следствие,
всякое следствие имеет свою причину»*

Закон Кармы

Основываясь на *Учении Света — Единой Религии как синтеза духовного и научного Знания* и исходя из полученных сведений, было понято происходившее и происходящее ныне в изучаемой сфере, и Советом Земли было сделано окончательное умозаключение, что Тиамат разрушилась не случайно, что это не стихийная катастрофа, а произошло все *закономерно и целесообразно*, в силу воцарившегося абсолютного зла межпланетного масштаба. В правоте этого вывода убеждают подробные исследования четырехкратного крушения Атлантиды: восемьсот тысяч лет тому назад — погибло около двенадцати миллиардов людей — 99 % тогдашнего населения планеты; двести тыс. лет т. н. — сильнейший потоп; восемьдесят тыс. лет т. н. — взрыв чудовищной силы и исполинский удар магмы привели к полному исчезновению многих центральных островов; и двенадцать тыс. лет т. н. — последний, библейский потоп на Земле. Об этом говорит и считывание в прошлом памяти у наиболее отъявленных американских «ястребов», как было доказано, перевоплощенцев из темной Атлантиды. Оказалось, что души значительного числа темных атлантов в недалеких временах совершенствовались, длительно перевоспитываясь — правда, на практике, не все с положительным результатом,— путем воплощения в личностях западной* «элиты» среди всего остального человечества.

Полученные знания еще раз подтвердили правильность принятого решения: за-

* Здесь использована политологическая терминология исторического периода, предшествовавшего Новому строю на Земле.

ниматься собственной планетой, ее полным овладением и дальнейшим совершенствованием людей.

— Мы не изучили и не освоили еще вполне свои безжизненные пустыни и не менее пустынные горные районы, морские и океанские глубины, а водные просторы составляют почти семьдесят процентов внешней поверхности земного шара. К тому же последние являются огромным ресурсом полезных ископаемых, растительных и животных продуктов, энергии — за счет большей близости дна к центру Земли,— археологических фактов, широких возможностей в научных исследованиях, в создании поселений как на дне, так и плавучих в глубинах и на поверхности океанов, возможностей в туризме и искусстве, возможностей в грядущем развитии человека,— заявил академик Гиносян.

— Совершенно верно! «*Земля родная — колыбель золотая*»,— говорит русская пословица. Кстати, и во внутренней полости, что показали наши изыскания, проведенные через слиперов, имеются плодородные почвы с лесами и иной растительностью, абсолютно земной воздух, небо, наполненное электрическим фосфоресцирующим светом, моря, озера и реки, водная и сухопутная живность. То есть вторая Земля с температурой атмосферы, приемлемой для обитания, с городами, промышленностью и сельским хозяйством. Правда, без времен года и без смены дней и ночей. Возможно освоить эту полость Земли, а также ее спутника, при определенных отношениях с их обитателями. К тому же мы можем далее осваивать и околоземное космическое пространство. Например, построить орбитальное кольцо-тор, расположив там НИИ, обсерватории и космопорты в целях приема кораблей с планеты и полетов к ее спутнику. А сама Луна? Ведь не запрещается создать искусственную атмосферу на ней, создать многолюдные города, специализированные заводы и плантации, развести обширные парки и сады, организовать добычу полезных ископаемых,— добавил профессор Соколов.

— У нас и у себя дома, пока этот имеющийся потенциал не отобрали наши озабоченные «соседи», хватит кропотливой работы, вместо того, чтобы тратить драгоценное время и созидательные силы на овладение другими мирами Солнечной системы и дальнего Космоса, да и у каждого из них вместе с тем есть свои владыки. Это более правильный путь! — заключила глава Комиссии Эбере Зулу.

— А еще: ведь современная наука приблизилась к непосредственному познанию *Надземного мира*,— продолжил Гиносян.— И к тому, что таковой имеется у любой планеты, даже если в плотном слое и нет разумных существ. «*В доме Отца Моего обителей много*»*. Притом существует древняя теория о периодическом переходе жизни, по мере достижения определенного уровня развития и для дальнейшей эволюции, с одного *планетного глобуса* на другой. Конечно, вы можете сомневаться и отрицать, но она также находит все больше научных подтверждений.

— И как хорошо, что у нас теперь иной общественный строй, иной, чем ранее, когда существовали недобрые капиталистические отношения, основанные на материальной выгоде и безграничном потребительстве, и когда могли возникнуть те или иные интриги с использованием непосредственных связей с марсианами в целях агрессии друг против друга ради победы и доминирования над противником, а пожалуй и уничтожения его, примеры чего в достатке видны в прошлом нашего мира. Ныне же мы, объединившиеся на совершенно иной основе, будем в силах многого достичь для человечества и его Дома,— подключился один из членов Совета Земли.

— Ради полного, пусть и постепенного, восстановления атмосферы Марса, по данным вышеуказанных исследований, им нужно черпать воздух нашей планеты. Помочь им в этом могут только человеконенавистники. А таковыми являлись гитлеровские нацисты. Известно, что остатки их высших чинов, кого не арестовали, кто не

* Евангелие от Иоанна 14:1—4.

бежал в Латинскую Америку или кого не вывезли в США, скрылись, как теперь знаем, в подземном мире. К настоящему времени их потомки расплодились там и прошли соответствующее воспитание. И, по-видимому, они все-таки имеют тайную сеть секретных агентов — своих «спящих» воплощенцев в нашей цивилизации. К тому же не все семьи бывших олигархов почил естественной смертью на уединенном острове-резервации, будучи переселенными в райские условия вслед за окончательной победой Нового строя во всем мире. Нескольким семьям, вероятно, с помощью той самой сети агентов, удалось скрыться, и, несомненно, туда же, куда скрылись и иные главари нацистов, оставившие после себя двойников.

Для осуществления собственного долгосрочного плана реставрации им необходимо установить тоталитарную диктатуру земного крупного капитала, свергнув Новый общественный строй.

При прошлом строе нашлись бы «денежные мешки», кто с великим удовольствием стали бы сотрудничать с «подземными» и марсианами с целью установления их власти, пусть и в роли приказчиков — простите, других эвфемизмов подыскать не могу. И таковые находились. Но, слава Богу, у нас Новый строй, и если сыщутся *потенциально* этикие, то они будут легко выявлены и подавлены. Хотя наша история со всей убедительностью доказала, что и при длительном существовании справедливого общества найдутся отдельные индивидуумы, могущие стать такими олигархами,— высказал свое мнение ноосферолог Гиносян.

— Однако марсиане хотят, пусть и целенаправленно, и успешно, но без лишнего для себя напряжения добиться своего, ибо имеют, несмотря на явную агрессивность, достаточно тонкую, чувствительную организацию. И они, в свете добытой нами информации, не намерены полностью лишать земной шар атмосферы, ибо планируют сделать его, как и Луну, собственной колонией, и брать из нее, и восстанавливать, брать и восстанавливать. Земля у них весьма приемлема для жизни в качестве тепло-го и благодатного места обитания. Устроить же ее таковой можно только в условиях единого диктаторско-олигархического строя, при котором продавать землянам пресную воду, воздух и все иные средства существования. Но они получили недвусмысленное предупреждение от Иерархии Светлых Сил, что неудержимое стремление достичь своих эгоистических целей через уничтожение нашей цивилизации приведет их к *самоуничтожению*.

В середине двадцатого столетия «подземными жителями» была предпринята активная попытка, как обычно, чужими руками,— руками *темной иерархии внешней Земли* и ее акторов: владельцев денег и возвращенной ими нацистской Германии — через ликвидацию СССР стать полными хозяевами всей планеты. Вместе с тем, на Тибете существует «Черный орден», бывший тесно связанным с гитлеровскими нацистами, представители которого как тайные идеологи, так и военные монахи находились в Берлине вплоть до его падения. В частности, они, подчиняясь космическому злу, использовали специальные методики лишения людей воли.

Кроме того, после капитуляции гитлеровцев, в 1949-м году планировалась безумная атомная бомбардировка СССР с самолетов, остановленных Светлыми Силами на их аэродромах. И далее происходило множество локальных конфликтов, с определенной целью разжечь мировую войну, множество рукотворных повальных эпидемий и пандемий, и в довершение — варварское разрушение СССР и социалистического лагеря, а также неприкрытая агрессия объединенного Запада против России в начале XXI века,— закончила свое выступление экскурсом в прошлое Зулу, историк по специальности.

— Если говорить об истории, следует упомянуть о том, что их тайными агентами в первом *провозвестнике* Нового общественного строя — Советском Союзе — возвращались одновременно националисты, либералы и бандиты как будущие разрушители социалистического государства. А приснопамятные личности: Горбачев и Ельцин, и

иже с ними были прямыми авторами этих последовательных деструктивных акций. И на некоторое время им удалось обратить развитие вспять... — сказал Соколов.

— Мы можем оставить все как есть, не вмешиваясь в ход текущих событий. Однако это, рано или поздно, исходя из полученной информации и медленной активности марсиан, ввергнет в результате в неминуемый крах нашу цивилизацию. Мы можем начать активные действия против них. Но хватит ли у нас достаточного общего потенциала для этого, учитывая их возможности с Луной и самим Марсом, анти-Землей и Новой Швабией, вернее уже Новейшей после стольких десятилетий непрерывного развития. Вместе с тем, если нам, подобно марсианам, начать делать зло, в конечном счете наше зло обернется против нас же. И так может происходить многократно, по принципу бумеранга.

Но есть еще один, *альтернативный путь* — помочь им восстановить свою планету, включая, кроме магнитного поля и атмосферы, еще и биосферу, и города, и водные артерии с морями, объединив усилия свои и теперешних потенциальных противников. Таким способом из заклятого врага нам в силах сделать, ну, если и не друга и союзника, то *нейтрального соседа* точно. А возможно в дальнейшем и *друга*. И похожие примеры есть в истории передовой части Земли, которая привела наш мир к Новому строю, в истории России, — добавил Андрей Петрович.

В итоге большинством членов Совета был принят к реализации альтернативный путь, предложенный Соколовым.

* * *

*«Истинно говорю — ногою человеческою <...>
Истинно рукою человеческою».*

(Ж. Сент-Илер. «Криптограммы Востока»)

Несмотря на все взаимопримирющие и взаимовыгодные предложения и действия, эта тотальная и беспощадная война все же разразилась и вишь и вглубь как на Земле, так и на Луне и Марсе. Никто не хотел уступать противной стороне. Однако усилия каждого из лагерей преобладать и победить были тщетны.

Он шел по отдаленно знакомому месту, ранее бывшему городом. Вокруг царил непроглядный серый сумрак, сквозь низкое небо, окутанное сильным смогом, едва-едва просвечивало тусклое солнце, дул ветер ураганной силы, срезая ветви с деревьев, поднимая пыль и мусор и неся удушливую гарь пылающих окрест лесов. И все же стоял холод — где-то несколько градусов тепла, и это в середине лета. Сильно хотелось есть — он изрядно голодал уже до того, как пришел в город и стал бродить среди мрачных развалин.

Массового мародерства: грабежей магазинов и складов, тирании сильных над слабыми не было — долгое существование Нового общественного строя дало позитивный результат. Большинство людей старались помочь другим, только считанные единицы думали лишь о себе и о своих семьях.

Он остановился перед ступеньками под вывеской ресторана, ведущими вниз, и с надеждой поживиться чем-либо съестным спустился по ним. На противоположной стене тускло мерцал экран чудом уцелевшего визора. Пройдя в подсобку, он нашел здесь пищу, и, хотя холодильники не работали, видимо, кабель оборван, потому что стена тут разрушилась, она была достаточно свежей. Поев и набив небольшой рюкзак консервами и хлебом, он вернулся в зал, подошел к визору и стал набирать номера каналов на сенсорной панели настройки. Из сотен их работали лишь два: один земной — диктор призывал к спокойствию, говорил, что все будет налажено, исходя из существующих реалий; и один подземный — он демонстрировал потрясающую панораму катастрофических разрушений и гибели глубинного города, находившегося в крошечном мраке и удушающей атмосфере.

Он выключил аппарат и вышел на улицу, ранее ведущую к центральной площади, а ныне в никуда...

Соколов отложил книгу. «Да, автор нарисовал правдивую картину возможного, если разразится война на уничтожение», — подумал он, прочтя, как обычно, начало и конец романа. Ведь середину можно было домыслить, тем более что он много читал о термоядерных сражениях, много читал и футурологических произведений. «А такой алармистский исход вполне реален. Поэтому нужно сделать все сверх осуществимого, чтобы избежать данного сценария!» — решил Андрей Петрович.

* * *

*Наилучшее — это нерушимый мир на Земле
и широкая кооперация всех разумных существ.*

После возвращения второй марсианской экспедиции профессор Соколов пригласил ее участников к себе и ознакомил их с последним заседанием Совета Земли. В заключение он сказал:

— Приоритетной целью жизни является гармоничное и всестороннее развитие души *до уровня духа и слияния с Творцом*. Для этого необходимо осознать, что каждое человеческое существо имеет Божественную Суть, осознать, что безусловная свобода индивидуальной воли есть абсолютное универсальное право и личная ответственность любого, независимо от того, нравится нам сие или нет...

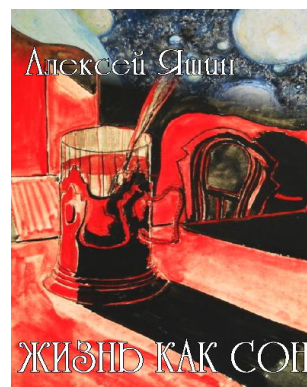
Мы со своей стороны предпримем все возможное, а дальнейшее будет обусловлено поведением наших нынешних скрытых противников: либо они согласятся на предлагаемый долгосрочный многообещающий проект и это даст хороший результат для обеих цивилизаций, либо нет, и тогда — или длительная, но горячая война, или быстрое взаимоуничтожение в неминуемом взрыве тотальной и окончательной катастрофы, *в которой не выйдет победителей*.

Во всяком случае, нужно предложить им такую *спасительную альтернативу*, предложить вместо гибридной войны, длящейся уже десятки и сотни тысяч лет, мирное сосуществование и мирное цивилизационное соревнование во всех областях. Что станет хорошим стимулом для общего развития, раз уж на Земле возникли два сообщества — земное и подземное. Быть может, они не поверят нам, не поверят нашему разумию, памятуя о истории противостояний человеческих народов и их агрессивности друг к другу. Они агрессивны, жестоки и едины со всеми обитателями внутренней поверхности. Потому мы обязаны доказать им *обратное* и, кроме восстановления их планеты, предоставить возможность желающим остаться жить в подкорковой полости. При упорствовании же в явной агрессии против нас, нужно будет выселить их на реанимированный Марс вместе с *«нашими» «подземными» и Новой Швабией*. Ибо *«свершить великое может тот, кто дерзает»*.

Однако при любых условиях, чем бы давнее и непреклонное противостояние не закончилось, победителями станут Светлые Силы: *эпистемология — достоверное знание* о Вселенной со всей убедительностью говорит об этом. Тьма Солнечной системы уничтожит сама себя, пусть и достанется это дорогой ценой нашей гибели. Свет одержит верх, от иерархии тьмы эта часть Галактики очистится. Но мы, как говорили древние римляне, *viribus unitis* — объединенными усилиями обязаны сделать все допустимое, чтобы земная, человеческая цивилизация продолжила свое светлое развитие. В противном случае потомки ее уничтожения нам не простят! — завершил Соколов.

Алексей Яшин
(г. Тула)

НАДОМНИКИ

— Насчет леденцов трудно сообразить,— начал он, усаживаясь подле меня на диване.— Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке,— не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того, чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность.

Ф. М. Достоевский
«Униженные и оскорбленные»

Приезжает в столицу иностранец-собственник и привозит с собой крокодила, которого и начинает показывать в Пассаже публике. Мы тотчас же поспешили приветствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостает нашему сильному и разнообразному отечеству.

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное событие или пассаж в Пассаже»

◆ Занимательное свое путешествие во времени с посещением явно или виртуально богоугодных вытрезвительных заведений Николай Андреянович в тот же майский день поведал другу своему профессору Скородумову, приняв его телефонное приглашение зайти после лекций к нему: «Посумерничаем, разок-другой по промилле* выпьем за очередное дежа вю по части вытрезвления, о котором и я по местному радио слышал». Николай Андреянович добро улыбнулся: рыбак рыбака видит издалека — в смысле люди с общими интересами и сходным образом жизни и новости-то из нынешнего информационного шума извлекают одни и те же, злободневные для них, хотя бы по памяти о прошлом.

В отличие от безлошадного доцента, довольствующегося на службе лишь своим столом в общей преподавательской, профессор Скородумов располагал в корпусе биофака небольшим, но уютно, по-домашнему обставленным собственным кабинетом, где друзья и встречались по поводу и без оного... Здесь же повод грандиозный представлялся. Первую стопку потому и подняли под девизом, что-де новое — всегда обязательно хорошо забытое старое. Николай Андреянович предварил рассказ сообщением, что виртуальная личная машина времени, идею которой подсказал и научно обосновал Игорь Васильевич, работает отменно и безотказно. «Главное,— перебил его залихватым смехом визави,— что такая машинерия даром дается, горючки и

* На инженерном арго-жаргоне означает пятьдесят граммов, естественно, разлитых по стопкам...

смазки, расхода электроэнергии не требует. И амортизация не должна беспокоить: пока мозг работает, крути себе верньерчик, как ты говоришь, и лишних мыслей в голову не бери». Слушая же дальше подробный пересказ исторического турне по богоугодным заведениям, Скородумов, живо реагируя на новые для него словечки, заинтересовался надомниками, дескать, а это что за класс трудящихся? Игорь Васильевич выслушал разъяснение, а после окончания рассказа приятеля что-то задумался, даже забыл о времени второй стопки, но — спохватился, разлил. Выпили-закусили, а Игорь Васильевич опять думу на лице изобразил.

— Что закручинился, друг мой ситный? Или воспоминания малоприятные связаны с вытрезвителями?

— Да нет, воспоминания как у всех. Чаша сия в нашем поколении миновала лишь сырых, убогих, непьющих, больших начальников и самих, ха-ха-ха! «красных шапок»... да и то с исключениями. Задумался же о другом; надомники твои, в смысле сами по себе бывшие, а кое-где и сейчас сохранившиеся, подтолкнули к завершению мысли, давно неявно выпестываемой. А вот надомники — предельно удачный образ человека с идефикс творчества. Неважно совсем, имеет ли он способности к нему, или же начисто лишен таковых. Это как кустарь-одиночка с мотором Виктор Михайлович Полесов из Ильфа — Петрова.

— То есть хочешь сказать, что, допустим, Архимед, Леонардо да Винчи, Жюль Верн, Эдисон и... Виктор Михайлович есть одного поля ягоды?

— Получается, что так. Но, разумеется, не в смысле результатов, ведь цыплят принято по осени считать, а по образу жизни, которую организует мышление человека всегда неуспокоенного, всегда ищущего приложение себя, хотя бы и в мечтаниях, к жизни в ее расширенном понимании. Такой человек одновременно изгой своего социума и чудак, и счастливейший из смертных, и неудачник в этой жизни, и мечтатель не хуже социальных утопистов, и обуза для близких, и ... много чего «и». Впрочем, остановимся пока на таком расширенном толковании надомника. Как-нибудь вернемся к этой теме. Раз-з-зливай!

♦ Полагая анализ обобщением опыта прошлого и известного настоящего, Игорь Васильевич высшей формой творческого мышления полагал синтез, ибо он давал возможность предвидеть будущее. Так он представлял себе устройство личной машины времени, уже проверенной в работе его другом Николаем Андреевичем. О чем они намереди и беседовали, из какого разговора и запало в его недюжинную по части размышлений голову занятное слово «надомники». Дав в том разговоре общее толкование понятию надомничества, присовокупив к нему различие между анализом и синтезом, как базовыми методологиями любой исследовательской деятельности, профессор Скородумов четко для себя определил: в поисках надомников по жизни и содержанию, причем при езде на личной машине времени («Езда на остров любви», — усмехнулся Скородумов, вспомнив старинного стихотворца Василия Кирилловича Тредиаковского), следует при путешествии в прошлое поворачивать верньер — тож слямзил у приятеля словечко — настройки на время против часовой стрелки, то есть в сферу мышления-анализа, а в будущее — по этой самой стрелке, в область синтеза.

...Досадливо отогнав эту квазинаучную дурь, мол, долгое профессорство, как и профессиональный спорт, делает человека инвалидом: мышления и физического здоровья, соответственно, Игорь Васильевич, выбрав досужее время, обратился в собственное прошлое, в наиболее богатые на встречи с надомниками «лихие девяностые». Профессор закрыл глаза и мысленно сконструировал нечто похожее на пульт машины времени с черной ручкой верньера посередине. Обхватив его большим и указательным пальцами, он осторожно начал поворачивать ручку против часовой стрелки. Почему-то Игорь Васильевич решил, что ручка верньера проворачивается не плавно, а по образу старинного электромеханического шагового искателя, что использова-

лись на телефонных станциях: шелк, шелк — каждый шелчок, явно звучащий в ушах, один год назад — и дошелкался до самого начала этих «лихих». В тот год он защитил диссертацию доктора технических наук и уволился из знаменитого в отечественном, в мировом тоже! военпроме НПО «Меткость», руководимого академиком Гусаковым, поскольку жизни ему, «молодому выскочке», все одно не дали бы, и устроился по протекции добрых знакомых в только что созданный медико-биологический научно-исследовательский институт аж первым заместителем директора, то есть замом по науке.

Здание, в котором институту отвели три верхних этажа из пяти, располагалось через неширокий проезд от крупного городского рынка. Как ни странно, но именно соседство с этим общенародным торжищем способствовало дальнейшему тесному знакомству Скородумова с беспокойной семьей — в смысле родственности занятий последних — надомников. Известно, что сумбурное то время, отчаянное и веселое одновременно, лихорадило людей и сподвигало их к тесному междусобойному общению — по части безудержной разговорчивости. Как с утра до полуночи радио и телевидение стрекотало: дескать, измученный семидесятилетним большевистским утеснением народ радостно приветствует наступивший демократизм, открытость и иной консенсус (при этом слове народ обычно ухмылялся: что-то в нем было созвучно непристойности...), отсюда и его жажда взаимного общения и одобрения проводимой... и так далее, под дуду кого следует.

А где наибольшее скопление народа досужего, охочего к выслушиванию всяких небезлиц? — Конечно, рынок, то бишь базар, толкучка. Главное, за карманами своими приглядывай: ворья молодого, на приучке, вмиг несчетно объявилось. Для них рынок — школа профессии.

Где же еще как не на базаре надомникам, бесплатным труженикам самоорганизованного мыслительного творчества, благодарных слушателей найти? Да еще приятное с полезным совместить: ведь не бродяги они, семейные, дома жены с маленькими либо великовозрастными детками ждут не дождутся, когда папаня вернется с рынка и едова принесет.

Заблагодумствовал наш профессор, перенесясь в те времена, увы, несбывшихся народных надежд, даже и не заметил, как перешел в размышлениях своих на псевдонародный, даже чуток сюсюкающий язык...

Поначалу, когда коллектив обживался на новоселье, на входе висела вывеска прежних хозяев — строительного конструкторско-исследовательского института, который на исходе «консенсусной переустройки» за ненадобностью распустили. Но вот заменили ее на новую, научную медико-биологическую. Эта-то вывеска с еще не высохшими лаковыми буквицами надписи мигом заморозила спешащих поутру на рынок надомников мысли неумной. Наскоро закупившись харчами по спискам их женушек — известно, творческие люди забывчивы на презренные бытовые мелочи,— ринулись они, радея о научном и промышленном процветании новодемократической страны, в институтские двери со своими гениальными идеями, открытиями, замыслами и изобретениями, которым бы позавидовал американский Эдисон. Особо мощной оказалась когорта экстрасенсов, парапсихологов и «рамочных» отыскателей природных и иных ресурсов.

◆ Уже по привыкнув выслушивать словоохотливых надомников, Игорь Васильевич, ублаживаемый их рассудительными, мягкобархатными баритонами, порой терялся: наяву он все это слышит или во сне? Именно тогда он понял великий смысл выражения *жизнь как сон*. И в который раз досадливо вспомнил, что так до сих пор и не дошли его руки, в смысле глаза, напрямую соединенные с мозгом, до пьесы Кальдерона с таинственным названием...

Поначалу, то есть в первые недели-месяцы, как на здании обновили вывеску — со строительной на медико-биологическую,— надомники с утра заполняли прием-

ную директора, рассевшись, аки шумливые воробушки, на диване и стульях, несколько нервирюя секретаршу, которая по записной очереди впускала их к шефу. И тот, человек обходительно-воспитанный, интересующийся не только официальной, академической биологией и медициной, но и околонучными веяниями, подолгу беседовал с энтузиастами умственной целеустремленности. Но скоро ему, как архизанятому устройением новопоставленного исследовательского института, поднаскучили несколько однообразные рассказы доморощенных гигантов мысли. Тем более, что длительные их монологи всегда заканчивались удивительно однообразно до монотонности: принять их на службу на должности старших научных сотрудников по нетрадиционным методам диагностики и лечения. Все они, за малым исключением, имели пенсионный возраст. И еще одна удивительная особенность: многие экстрасенсы, парапсихологи и «рамочные» искатели природных ископаемых и вредных для массового здоровья геопатогенных зон в черте города, имели степени кандидатов технических наук. Значительна в среде набежавших на институтскую вывеску надомников была и прослойка отставных майоров и подполковников — почему-то служивших по артиллерии и интендантству...

Будучи, так сказать, обходительным и воспитанным, директор не решился прибегнуть к грубости в отношении соискателей научных должностей, то есть приказать секретарше «не пущать и отваживать», но принял соломоново решение: при появлении изобретателей велосипедов и вечного движения, экстрасенсов и парапсихологов, Вера Леонидовна с самой искренней приветливостью, сочетаемой с огорчительной извинительностью, сообщала: директор очень занят с прибывшим из Москвы академиком *N.*, поэтому, к сожалению, принять столь уважаемого посетителя не может, а рекомендует обратиться к своему первому заместителю, отвечающему в институте за науку, профессору Скородумову, с которым у директора имеется договоренность на сей счет. К тому же, задушевно распевала секретарша, Игорь Васильевич большой знаток и инициатор внедрения в жизнь, медицинскую и биологическую науку и промышленность новейших достижений в части нетрадиционных подходов к диагностике, лечению и профилактике самых различных заболеваний.

Обрадованный вниманием надомник, слегка погромыхивающий в хозяйственной сумке банками с тушенкой и плитой замороженного до температуры жидкого азота мятая, только что купленными по поручению супруги на ближнем рынке, выходил из приемной в коридор, сворачивал направо и шел к указанной милейшей Верой Леонидовной двери с табличкой зама по науке. Конечно, размышлял по пути посетитель, зам, даже и первый, все же супротив целикового директора вроде как менее серьезно... зато и говорить с ним можно попроще, не выискивая официальных слов; главное, про вакансию старшего научного сотрудника можно будет без обиняков и намеков спросить — и вообще конкретно поузнуть про размер зарплаты и регулярность ее выплаты (на дворе начало девяностых, обычные задержки с выплатой кровно заработанных).

♦ Вот именно такой посетитель первым явился к Игорю Васильевичу: плотный, коренастый, в ватинном пальто «гроб с каракулем» (дело случилось зимой), лет шестидесяти. Бесцветное, грубоватое, слегка оплывшее лицо выдавало мастерового-работягу, а налет отстраненной задумчивости — явно надомника. И матерчатую сумку-нищенку держал в пудовом кулачище, но только не с тушенкой и замороженным мятаям, а с чем-то цилиндрическим, по форме напоминающим многолитровую кастрюлю. При движении посетителя, раскачиваясь, она постоянно погромыхивала.

— Я... того, тут кое-что изобрел,— от необычности обстановки забыв поздороваться и представиться, начал тот, сделав пару-тройку шагов от двери и остановившись посередине просторного кабинета: штат института только подбирался, поэтому все отведенные ему три этажа пустовали, каждый из замов и «столоначальников» заселялся в чем-то приглянувшейся ему комнате.

— Так вам, очевидно, к директору следует обратиться,— вяло попробовал отбиться Игорь Васильевич, но не тот, девяностых годов, а примчавшийся на машине времени из начала пятой пятилетки воследующего века и тысячелетия, миллениума по-американски. Но гость вкратце, путаясь и запинаясь, но в общем-то толково, передал свой разговор с Верой Леонидовной. Игорь Васильевич погасил на губах неуместную при постороннем ухмылку, весело подумав, что-де шефу просители малодоходных должностей явно наскучили (он уже пару раз за праздничными табльдоками прилюдно жаловался на докучливых изобретателей и экстрасенсов с «рамочниками»...), теперь чаша сия ему перепоручена. Что ж, я начальник — ты дурак и наоборот.

Порекомендовав посетителю снять пальто, указав на угловой одежный шкафчик, и присесть, хозяин на миг задумался, рассеянно окинул затвердевшее от напряженности лицо изобретателя и, вспомнив не забытые все в новом веке и тысячелетии, откуда он прибыл, нравы лихих девяностых, взял быка за рога, предложив для знакомства выпить. Изобретатель заметно оживился, расслабился, убрал каменную настороженность с пролетарского лица. А Игорь Васильевич, еще не успевший опохмелиться (вот они, девяностые!) после вчерашнего празднования дружным коллективом дня рождения главбуха, уже вынимал из кабинетного холодильника бутылочку запотевшей и нехитрую закуску; из хозяйственного шкафчика — стопки и вилки. Выпили-закусили, познакомились по именам-отчествам. Изобретатель перешел к делу, высвободив из мешковатой сумки действительно угаданную Игорем Васильевичем большую алюминиевую кастрюлю, в каких хозяйки больших семей в три поколения варят недельные щи. Но в любопытной кастрюле матрешечно были установлены еще три кастрюльки последовательно уменьшающихся диаметров, закрепленные в «материнской» посудине на обечайках с распорками до диаметра последней. Игорь Васильевич оценил добротность и слесарную аккуратность конструкции, не преминув догадаться о назначении, все же доктор наук!

— Перегонная установка трехфракционная, если не ошибаюсь? И-и, позвольте поинтересоваться: как ваше, так сказать, изобретение может быть использовано по нашему медико-биологическому профилю? Вы же целенаправленно именно к нам пришли, а, скажем, не на химическое или какое-нибудь пищевое производство?

— Так ведь вот племяшка моя, что после медучилища лаборанткой, значит, в эпидемной санитарной станции в Орле, тама сестры моей семейство проживает, работает, так что говорит, мол, дистилляторы эти всюю применяют,— разговорился, хотя пока и коряво от уличного мороза и ста грамм «разгонной», изобретатель,— вот и вывеску вашу углядел давеча, когда на рынок, что через проезд, шел кой-что по хозяйству прикупить из инструмента и крепежа...

— И решили предложить свое изобретение нам? — сократил хозяин кабинета несколько запутавшуюся речь посетителя.

Получив утвердительный ответ, Игорь Васильевич сразу не нашелся, как ответить изобретателя, поэтому подошел со стороны:

— На чем испытывали устройство?

И тут же, не дожидаясь ответа замешкавшегося Василия Фомича, как ранее представился посетитель, но зорко отметив неволью брошенный тем мимолежный взгляд на стоявшую обок на столе бутылку, продолжил:

— Так полагаю, что опытное опробование на домашней кухне проводили, к празднику домашнюю тройной очистки готовили?

Здесь Василий Фомич и вовсе оживился, тем более, что Игорь Васильевич гостеприимно разлил по второй. Поговорили о том, о сем, о наступившей демократизации, о разгуле торговли-спекуляции. Одоблив творческую продумку конструкции, ее эффективность, Игорь Васильевич в мягких выражениях, чтобы особо не огорчить творца мысли, все же сообщил: такой принцип конструкции с конца девятнадцатого

века используется на нефтеперегонных заводах. А в медицинских, фармакологических и других производствах используются давно промышленно освоенные автоклавные и иные дистилляторы. В лабораториях же есть очень компактные и простые в конструкции перегонные установки с трубой Либиха. И объяснил заинтересовавшемуся гостю что это такое. У Василия Фомича загорелись глаза. Расспрашивал, где такую штуковину можно раздобыть.

Расстались они через полчаса дружески. Убрав в шкафчик опустевшие бутылку и закусочную тарелку, стопки и вилки, приободренный беседой с истинным стихийным творцом — «и малое в натуре есть великое в мышлении», — афористически отметил Игорь Васильевич, он прошелся по просторному своему кабинету. Вот именно так, размышлял он, это есть чисто русская особенность: надомничество мысли, пусть слабо организованной, незаадминистрированной... а потому, собственно говоря, и вольной в своем приложении! Это ведь не долларолюбивый Эдисон — архиталантливый изобретатель, но только с оговоренной таксой. И такие русские надомники творчества не то что были в девяностые годы (ведь Игорь Васильевич из предбудущего века и тысячелетия припожаловал, отщелкал на верньере машины времени под тридцать шелк-шелк-шелк!), но именно в это сумасбродное десятилетие, особенно в первые его две трети, когда организованная наука и ранее пестуемая ею техника и все остальные отрасли практической человеческой деятельности единомоментно ухнули в пропасть, надомники творческой жизни воспряли духом, вышли из полутени домашних кухонь, самостройных мастерских в дворовых сарайчиках, отвлекаясь от рутинной работы инженерами и младшими научными сотрудниками в конструкторских бюро, исследовательских институтах, лабораториях. Именно воспряли, полагая, что только сейчас, в пересменке довлеющей административной заорганизованности, смогут они облагодетельствовать свою страну, может и весь мир, выстрадавшими и десятилетиями выношенными великими идеями — все на пользу, на добро вечно пресмыкающемуся перед сильными мира сего человечеству.

«Да, друг мой, Игорь Васильевич, счастливое это русское изобретение — опохмелка, желательно сам-двое с гармонично с тобой настроенным собеседником, — размышлял Скородумов, все так же по диагонали меряя шагами своей кабинет, — однако, пора и мне *надомничать*. Ишь, хитрован какой! — решил совместить свободу научного творчества и какую-никакую хлебную должность...» — усмехнулся он из двадцать первого века.

♦ К регулярно набегавшим — по пути на рынок и обратно — изобретателям по медико-биологической части Игорь Васильевич очень скоро выработал подход, сводивший до *minimum minimorum* потери его и посетителя время, которое, как с начала девяностых, переняв кальку с американского, говорили, что оно деньги. Понятно дело, что любое время, размерное и безразмерное, все одно ни Скородумову, ни надомникам никаких денег не обещало. Этот так присказка, для красного словца. Да Игорь Васильевич особого-то подхода не искал, ибо сам был опытным изобретателем высшей квалификации: до поступления на службу в институт последние два года работы в «Меткости» являлся начальником патентной службы. На солидном оборонном предприятии должность эта значимая, мимоходом на это место не попадешь... просто предыдущий начальник Миша Тубиншлак в духе наступившего времени устремился на просторы забурлившего в стране *business 'a*, а Игорь Васильевич, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, сам известный изобретатель, попал в патентное кресло случайно, по принципу того рака на безрыбье... Словом, изобретателей он щелкал, фигурально, конечно, как белка орешки. И те тотчас переставали лапшу на уши ему вешать, с первых минут общения поняв с кем имеют дело.

Более того, беседы с изобретателями-надомниками скоро стали душевно расслаблять, веселить и даже радовать Игоря Васильевича, ибо стали чем-то навряде школьных перемен; школьники во время их отдыхают от нудных уроков, особенно

по математике и литературе, Игорь же Васильевич на эти четверть-половину часа выбрасывал из головы всю безалаберность, неразбериху, полный административный идиотизм, что обычно наваливаются на руководство вновь созданного учреждения в первые год-другой становления.

Ничего нового, полезного для себя Игорь Васильевич, знамо дело, от домодельных эдисонов не узнавал: сам с усам, сам доктор наук и патентный специалист! Однако же физику, химию и биологию в школе, что есть главный источник знаний на всю жизнь, даже если академиком станешь, он хорошо и со вниманием изучал. Но нравилось, прямо-таки душевно захватывало общение как с бесхитростными изобретателями перегонных аппаратов, велотренажеров и озонаторов воздуха по методу профессора А. Л. Чижевского, так и с хитроулами из числа матерых инженеров на пенсии, которые все норовили убедить зама по науке, что лучшей кандидатуры на должность главного инженера или главного же конструктора, чем его визави, руководству института не найти. И для подтверждения своей компетенции пододвигали к Игорю Васильевичу по столешнице пяток дипломов на авторские свидетельства. Учитывая историческую милитаристскую направленность городской промышленности, все эти изобретения касались орудийных откатов, спусковых механизмов пулеметов, способов штамповки ракетных закрылков и пр. Опять же хитрецы били на логику: если он проявил себя изобретателем по военно-технической части (при этом горделиво вздергивал подбородком), то что нам стоит дом построить! неужто не совладает с новой конструкцией хирургического скальпеля или аэрозольной пшикалки для астматиков? Логике Игорь Васильевич уважал, сам продумывал теорию нового ее раздела — аналогового, но рассуждения просителей о возможном сотрудничестве в рамках штатного расписания института как-то ловко и необидно отклонял.

Редко, но и в гнев впадал, когда проситель должности не ниже главного конструктора вел себя хамовато, дескать, вы *обязаны* развивать передовую медицинскую технику, ее науку и промышленность. И в качестве доказательства своей профпригодности доставал из сумки пустой кожух от лазерной установки — дескать, я ее проектировал, а почему один кожух только принес? а чтобы у *вас здесь* не подсмотрели техническое решение и воспользовались им. Узрев этот кожух, явно на городской свалке металлических отходов (она до начала девяностых еще сохранялась в Косолулье — до массового воровства цветмета на сдачу в пунктах приема) подобранный, Игорь Васильевич вспыхнул. Именно этот микромощный лазер он еще недавно, в «Меткости», патентовал в качестве «товара широкого потребления»! (конверсия!) — для медицинских надобностей. Понятно, наглый проситель должности в числе авторов конструкции не значился. Через свою секретаршу вызвал охранника и велел вывести просителя и более в институт не впускать.

♦ Но вот в беседах с кем Игорь Васильевич полностью душой отдыхал, словно участвуя актером в постановке психологически нарочито запутанных пьес Эжена Йонеско, Августа Стриндберга, Юджина О’Нила, опять же «Жизнь есть сон» Кальдерона (наш герой и литературой не манкировал), так это с теми, вышедшими из подполья и новонародившимися, адептами ранее неизвестного простодушному советскому человеку, что Игорь Васильевич обобщенно называл экстрасенсами. Это как общепринято называть вороньем вкупе всех городских птиц: собственно ворон и воронов, галок и сорок, грачей и наиболее противных из них — голубей. Так и здесь: этот своеобразный класс надомников дробился на экстрасенсов-парапсихологов, то есть теоретиков; экстрасенсов-практиков, конкурентов знахарок и гадалок из цыганок; «рамочников» — искателей геопатогенных зон и полезных ископаемых; исследователей ауры человека с патологией — тож конкурентов, но уже собратьев по ремеслу из разряда сугубых экстрасенсов. Бесконечно дробясь и конкурируя друг с другом, список этот продлевался еще на десяток специализированных позиций. Че-

ловец чисто русский, несколько безалаберный в душе, тем не менее Игорь Васильевич в научной своей ипостаси не хуже дисциплинированного немца склонялся к строгой классификации. Это как старинный русский купец из старообрядцев (образ друга Николая Андреяновича тотчас всплыл в голове Скородумова), неизменный герой Островского, Лескова... да и почти всех наших сочинителей девятнадцатого века: в разгуле громит зеркала в «Яру» и «Славянском базаре», пляшет с цыганками, веером осыпая радужными «катеньками», но в трезвости, в купеческих своих делах суть «государственный стяжатель» — лишней копейки с грошом, не говоря уже о семишнике и алтыне*, мимо пальцев не упустит, все в точности сочтет и оприходует в конторкорректной книге.

Не только изощренная классификация еще совсем недавно предосудительного рода занятий надомников восхищала Игоря Васильевича. Но главное — их беспредельная увлеченность избранным жизненным кредо. Уже в общении с ними Скородумов выделил некоторые, объединяющие их обстоятельства. Как отмеченное странное совпадение: увлеченные психогуманитарии, большинство из них имели степени кандидатов технических наук, но главное, много чего по жизни повидали. Потому-то Игорь Васильевич и получал истинное, без намека на натянутость и интеллигентское лицемерие, удовольствие в беседах с этой категорией надомников.

Если, как говорится, мир тесен, то что говорить о не очень-то великом провинциальном городе! Потому замдиректора по науке новосозданного института не очень и удивился, когда на другой же день после визита изобретателя медико-самогонного аппарата из набора алюминиевых кастрюль в кабинет воспитанно-вежливой поступью вошел бывший преподаватель студента местного политеха Скородумова, доцент по курсу надежности радиоэлектронных устройств и систем, да не просто доцент, а носивший звание «лучшего методиста института», лекции которого посещали сто процентов все студенты — столь великолепно он их преподносил обычно скучающему на занятиях юношеству. Радостно поприветствовали друг друга. Сожалая, что Галик (имя чудное, но был он чистым русаком) Леонидович, как человек абсолютной позитивности, ни капли в рот от рождения не берет, предлагать освежиться с морозца не стал. Сразу выяснилось: доцент на пенсии стал главным городским «рамочником», что тотчас и продемонстрировал, вынув из внутреннего кармана пиджака любовно самолично изготовленную складную рамку из алюминия (отогнал Игорь Васильевич неуместное воспоминание о вчерашних кастрюлях из алюминия...), взял ее в вытянутую правую руку и за считанные минуты по различным маршрутам обследовал весь кабинет, поясняя прихотливое вращение рамки сложным наложением физических и биологических полей в объеме. Прощаясь после обстоятельной беседы, в которой воспоминания давних политеховских лет умело перемежались Галиком Леонидовичем на уникальные возможности рамок, отставной доцент презентовал своему бывшему студенту, к стати отличнику и старосте группы, только что изданную на кровные пенсионные книжку *«Опытное руководство по локациям геопатогенных зон в городских районах плотной застройки»*. Как человек глубоко воспитанный, Галик Леонидович даже и не помышлял «насчет местечка». Пенсий им с супругой хватало, сын служил водителем в милиции, оказавшись малоспособным к наукам, так что экс-доцент был счастлив возможности заниматься научными изысканиями, не отвлекаясь на иные дела.

Из прошедшей через кабинет Игоря Васильевича внушительной когорты экстрасенсов, в широком их определении, в числе которых был и отставной офицер, защитивший диссертацию по танкам, и также кандидат технических наук, отсидевший в лагере четыре года за незаконное занятие целительством, а сейчас издав-

* То есть двух- и трехкопеечные медные монеты; время единой мировой криптовалюты на носу, потому не грех и напомнить уже сейчас позабытые названия этих монет.— Прим. авт.

ший книгу воспоминаний «*Экстрасенс за колючей проволокой*», и дипломированный врач, искавший в институте «крышу» для открытия первой в городе частной лечебницы по фрейдовской психоаналитике... Наконец, пару раз заходил несколько обтекаемый молодой человек — судя по манерам и вопросам, явно стажер-лейтенант из Кленового переулка; так в городе называлась в обиходе «самая компетентная служба». Так просто приходил, для отчетности. Наиболее яркой личностью оказался бывший директор шахты, неизменный кандидат технических наук. А бывший — по причине упразднения в начале девяностых всей угольной отрасли в Мосбассе, то есть подмосковном угольном бассейне, что на территории нашей слабой области. Плотный, коренастый, с чисто русским лицом, каковых уже мало на свете и осталось, но вот светло-голубые его глаза светились такой чертовщиной, что не по себе собеседнику его становилось. Подружившись с Игорем Васильевичем, тот часто наезжал. Про экстрасенсорику и парапсихологию, как оба люди разумные, они почти сразу и позабыли. Бывший шахтер все более красочную и диковинную свою биографию рассказывал. Как в детстве его, круглого деревенского сироту, взял на личное воспитание барон Федор, чей цыганский табор кочевал по их району. Подросши, научившись читать и писать самостоятельно, «купил» аттестат за среднюю школу, отработав два сельхозсезона на личном огороде ее директора. Примерно также получил и диплом выпускника горного факультета местного политеха. То есть вещи в советские шестидесятые-семидесятые годы немислимые. Но природный стихийный и хваткий ум, воспитанное в таборе барона Федора доскональное знание психики человека, все это позволило ему полтора десятка лет держать шахту передовой в своем угольном тресте. ...На момент знакомства с Игорем Васильевичем он разрабатывал и на себе опробовал новую практику медитации и лечения пациентов со средней степенью невроза — посредством демонстрации танцев народов мира, с каковой целью он полгода занимался ими в своем районном доме культуры.

Чтобы ученый собеседник не сомневался, хлопнув с профессором пару стопок «для разогрева», экс-директор с полчаса плясал в кабинете Игоря Васильевича, особо налегая на наурскую лезгинку и краковяк...

◆...«Экономически активные россияне, несмотря на третью волну пандемии в Европе и Азии, отправились путешествовать за границу». — Что за черт? а-а-а, сообразил Игорь Васильевич: экономически активные — это принятое в эсэмэи политкорректное название прослойки граждан, умеющих зашибить денюгу на спекуляциях, перекупке, взятках по мелочи (с крупными сейчас опасно стало), компьютерном хакерстве, пресловутом предпринимательстве и пр. А к чему эти «экономически активные» привязались? — Значит я, слушая занимательные рассказы воспитанника барона Федора, а затем любясь лечебной лезгинкой в его исполнении, ненароком задел ручку верньера личной машины времени и попал невесть куда — аж в начало пятой пятилетки воспоследующего века! Это надо же, ошарашенно размышлял Игорь Васильевич из «лихих девяностых», но, приняв стопку-другую, переродился-перетек в Игоря Васильевича в этой самой пятилетке, где нет уже места надомникам стихийной творческой мысли; табор барона Федора давно осел на окраине областного города и переквалифицировался, перезагрузился — на нынешней американонижгородской мове, на розничную торговлю наркотой. «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной тревоги», — сфальшивил дважды — по тексту и по мелодии — Игорь Васильевич, расхаживая по своему профессорскому кабинету-ку-закутку, — нет, надо позвонить Николаю Андреяновичу; питье в одиночку, все одно что цифровое траханье с предохранением от электронных сперматозоидов, говоря на той же мове... или фене?»

СТАТСКИЙ ГЕНЕРАЛ, ИЛИ СТОП-МАШИНА ВРЕМЕНИ! ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ

Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя за 1876 год»

Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда.

Джеймс Джойс «Улисс»,
часть II. Эпизод 9

◆ Не дозвонившись до приятеля своего Николая Андреевича ни по одному из телефонов — служебному, домашнему и мобильному («как все вымерли!»), — профессор биофака Скородумов огорчился: бутылочка приличного — или искусно подделанного подмосковными умельцами? — коньяка откупорена, не в русском характере початую посудину оставлять недопитой до доньшка. Хорошо бы на личной машине времени откатиться годков этак на двадцать-тридцать назад в эпоху, когда только свистни и компаньона приятного, по плечу себе, мигом отыщешь. Но вот незадача: хотя молодцам-гаишникам машины времени неподвластны, но в нее, виртуальную, бутылку-то не прихватишь. Ибо она сугубо реальная, сорокоградусная... И тут же рассмеялся, легонько прихлопнув себя по высокоученому лбу: ба-а! Да зачем же по времени в лихие девяностые или золотые советские семидесятые перемещаться? Стоп-машина времени! Ведь достаточно спуститься с третьего этажа, где располагался его скромный кабинет, на первый, принадлежащий дружественному их биофаку спортивно-физкультурному факультету. Точнее, все большое хозяйство спортфака, включавшее два солидных физкультурных корпуса, также пару бассейнов, футбольное поле, лыжную базу, учебные аудитории, располагались в различных местах университетского городка, раскинувшегося на территории в два городских квартала. В левом же крыле первого этажа их корпуса, где в советские годы помещалось общежитие горного факультета, в полудесятке скромных комнаток гнездились спортфаковское начальство, то есть деканат с его канцелярскими службами, а также пару столь же небольших помещений занимала лаборатория биомеханики с уклоном по физкультурной физиологии.

Образовалась она недавно и целевым назначением под ее заведующего, математического профессора Владимира Ивановича Маловичко. Тот же получил ее за успешное руководство докторской диссертацией сына крупного деятеля областного масштаба. Зря досужие людишки, явно из зависти, чешут языками об извечной неблагодарности высокого начальства. Просто условия благодарности надо заранее обговаривать, а сама благодарность всенепременно должна быть единоразовой. И избу рубить по себе. Итак, в одной комнате располагалась собственно лаборатория с ее исполнительским штатом сотрудников: дочь Маловичко и его же зять, а в другой, совсем крохотной, — сам матерый профессор с компьютером, посудным шкафчиком и несколькими гостевыми стульями.

Дверь-в-дверь с комнаткой Владимира Ивановича, через коридор напротив, располагался более просторный, но пенальный по конфигурации, кабинет заместителя декана спортфака по учебной работе, тоже Владимира, но только Николаевича, отставного подполковника с артиллерийскими петлицами в бытность, но политработника по должности и мастера спорта по волейболу, приятеля ректора, который до перехода на руководство университетом являлся деканом физкультурного факультета.

Оба *vis-à-vis* Владимира, профессор и отставной подполковник, представители старой матерой гвардии, ввиду доверительного к ним отношения начальства позволяли себе роскошь служебного времяпрепровождения ностальгически упомянутых девяностых и золотых советских годов. Для творческого — у профессора и служебного — у волейболиста-подполковника вдохновения и общения с многочисленными гостями, что всегда слетаются на широкое русское гостеприимство, обе достопримечательные в университете личности совмещали работу с «злоупотреблением во благо». У замдекана всегда стоял под столом водочный ящик, который по мере опустения заменялся затаренным новым. Профессор же предпочитал коньяк, пакет с несколькими бутылочками которого прятался в уголок комнаты, затененный посудным шкафчиком. Конечно, оба даже близко не жмотничали, своих кровных на святое дело посидеть в хорошей компании не жалели, но имели благодарных почитателей: замдекана из числа именитых в городе спортивных руководителей, а профессор всегда опекал нескольких аспирантов и докторантов. Им-то грех великий обходить вниманием и благодарностью своего учителя и благодетеля. Опять же гости из деликатно воспитанных со своей приходили. Самое существенное, чего никакой немец или иной западник никогда понять не смогут (о, загадочная рашенская душа!): с каждой новой стопкой работоспособность обоих возрастала: профессор сходу решал самые сложные уравнения — дифференциальные и даже интегральные, а замдекана так горячительно наставлял нерадивых в учебе физкультурных студентов, что те сразу брались за ленивый свой ум, а в спортивной части ставили рекорд за рекордом... Истинно добрый наш народ говорит: пьян да умен, два угодия в нем. Опять же пьяный проспится, дурак никогда.

Игорь Васильевич не манкировал компанейством с обоими, но все же более склонялся к коллеге-профессору, который курил и курящих гостей привечал; опять же их равный ранг и обоюдная широта интересов и знаний располагали к взаимопознавательным беседам. Но и у отставного подполковника имелись свои плюсы: запас свежих анекдотов, обычно армейской грубости содержания, и знакомство с другими его посетителями — из большого спортивного и околоспортивного миров, выпускников прежних лет спортфака, который в девяностые и начале двухтысячных сам гостеприимный хозяин иначе как кузницей бандитов и рэкетиров не именовал. Все-ррез или в шутку армейскую? — понимай как хочешь.

♦ Ревнителям науки психологии доподлинно известно, что характер и умственная предпочтительность человека запросом опытным взглядом оценивается по его походке, но особенно по мнемонике произвольных движений рук. Если наиболее развязна у него, то есть хватает за все что ни попадя, левая рука, значит у владельца ее (наряду, конечно, и с другой...) преимущественно развито правое полушарие головного мозга, ответственное за творческий потенциал. Принадлежит к таковым правополушарным, Игорь Васильевич, свернув в *левое* крыло первого этажа и идучи по коридору, достигнув противорасположенных дверей в кабинеты подполковника и профессора, совершенно произвольно взялся за ручку *левой* от него двери — к замдекану. Но дверь закрыта на ключ. Судя по слышным через нее веселым голосам и стеклянному звону, у Владимира Николаевича был большой «закрытый» прием, то есть основательно обмывалась кому-то оказанная подполковником «образовательная услуга». Игорь Васильевич добродушно усмехнулся, памятуя, что добродетельный армеец предосудительных «денежных взносов» не берет, ограничиваясь регулярным пополнением водочных запасов — опять же все для гостей. «Ведь в три горла я ее не жру!» — охотно отвечал Владимир Николаевич иному интересующемуся вчерашним банкетом при закрытых дверях, что обычно гостеприимно приоткрыты.

«Да, видно не судьба,— огорчился Игорь Васильевич, поскольку уже парутройку недель не встречался с профессором Маловичко, что обычно выходило почти каждодневно: походя в коридоре первого этажа корпуса, на улице — в студгородке

встречными курсами: Игорь Васильевич из дома в пешем порядке на службу, а Владимир Иванович уже из их корпуса на механико-математический факультет, где он сохранил за собой полставки после обретения лаборатории. Иногда и вовсе в «географическом центре», предварительно не сговариваясь, лоб-в-лоб сталкивались в распивочной «Наливай-ка!», куда забегали с удивительно однообразным желанием: хватануть сотку водочки в середине трудодня...

«И где это он пропадает, куда запропастился уважаемый Владимир Иванович?» — порой в эти недели мелькало по поводу и без него в голове профессора Скородумова. Впрочем, что-то мельком, не придав этому никакого значения, слышал он на днях о командировании завлаба куда-то между Волгой и Уралом. Действительно, как известного специалиста в области прикладной математики, прочниста, то есть занимающегося прочностью и устойчивостью корпусов снарядов, ракет и самолетов (университет, будучи политехом, славился своими военно-инженерными направлениями), Владимира Ивановича часто «дергали» оппонировать на диссертационных защитах по всей стране. «Значит, задержался, загулял между Волгой и Уралом, — усмехнулся Игорь Васильевич, — народ там простой, гостеприимный, всегда рад свежемю человеку *из центра*, новостям околостолничным, скучают они в глухомани, в стороне от бурной жизни... тьфу, тьфу, зарпортовался! Сейчас всюду жизнь одинакова: бурление девяностых сгинуло, осталось суконно-цинковое администрирование. Задержался значит — ну и бог ему навстречу! Главное, чтобы мед-пиво в рот попадало, а не по усам текло. Тем более, усов Владимир Иванович отродясь не отращивал».

И уже сделав «кру-у-гом!» собрался было в обратный ход по коридору на выход из *левого* крыла, но опять же по мнемонической инерции, раз теперь дверь завлаба оказалась *слева*, машинально взялся *левой* рукой за ручку и надавил на нее. И дверь легко подалась вовнутрь комнаты.

— Заходите, заходите! — послышался мягкий баритон хозяина, — а, драгоценнейший Игорь Васильевич в нашу келью таки пожаловал, — узрел лицо и фигуру коллеги с третьего этажа, — милости просим к нашему шалашу!

Затворив за собою дверь, Игорь Васильевич вступил в задымленную (уже второй год кряду завлаб все собирался заказать в соответствующей службе университета хотя бы примитивную вытяжку) комнатку. Лицом ко входу, за столом с компьютером, початой коньячной бутылкой почему-то треугольной формы в сечении, стопкой и тарелочкой с сиропливой парой бутербродов с сыром, сидел Владимир Иванович, высокий, крупный, истинный выходец из станишников кубанских казаков с их предками-запорожцами, отсюда и его «хохлацкая», как он сам усмехался, фамилия. Как раз при входе в кабинет Скородумова вставил он в губы новую сигарету, а сидевший обочь хозяина его вьетнамский аспирант по-восточному почтительно и уже заученно (завершающий год аспирантуры) поднес зажигалку.

— Присаживайся, герр профессор, закуривай... нет, сначала со свиданьем — хлопнем по рюмахе. Будь добр, Тхой, — мотнул он головой в сторону шкафчика. Аспирант, поприветствовав знакомого ему гостя также по-восточному, привстав, поклонившись головой с улыбкой на губах и подержав протянутую ему руку Игоря Васильевича в обеих своих, повернулся налево и достал с зеркальной полочки вторую стопку, после чего наполнил их коньяком. Сначала, верно машинально, налил по этикету, на две трети, но уловив поощряющий взгляд *своего* профессора, еще более заулыбался и долил вровень с краями — с мениском, как принято говорить в инженерных кругах.

— С возвращением в родные, так сказать, пенаты.

Едва заметная угрюминка проскочила по лицу Владимира Ивановича, но тост он поддержал охотно и привычно. Не успели приятели закусить экономными половинками бутербродов и прикурить от зажигалки аспиранта Тхоя, как в дверь постучали, причем, для интеллигентской проформы, поскольку тотчас же дверь отворилась, в

комнату вошел хорошо известный Игорю Васильевичу давний друг профессора Маловичко, его коллега с мехмата, того же возраста, что и оба профессора, доцент Олег Сергеевич. Тхой заученно достал с полки шкапчика третью стопку, наполнил «с мениском» две из них, столь ж приученно, не вслушиваясь в объяснение доцента — почему нелегкая, она же сейчас и легкая, занесла его в корпус биофака, который располагался на самом южном окончании студгородка, а родной мехмат на самом же северном, поставил опустевшую посудину в уголок за шкафом, оттуда же из пакета достал новую, той же диковинной треугольной формы в сечении, приученно, совсем по-русски, скрутил крышечку и наполнил третью.

— Опять же с возвращением, Владимир Иванович! Давай внеурочную с приходом Сергеевича, — заулыбался не хуже Тхоя Скородумов, — теперь у нас классика жанра: на троих! — и извиняюще, уловив в своих словах некоторую неловкость, кивнул аспиранту, дескать, без обиды, дорогой...

Допив стопку, Олег Сергеевич, ухмыльнувшись в сторону сиротской тарелочки, поднял с пола свой старорежимный портфель доцента*, усадил его на колени и выставил на стол бутылку без этикетки, а к ней основательный пакет с буханкой еще теплого бородинского хлеба и почти килограммовым кусом любительской колбасы.

— Зашел в магазин за закуской по пути сюда. Вы ведь как москвичи — на еде всегда экономите.

— А в емкости что? — заинтересовался завлаб, хотя и со сниженным энтузиазмом: жидкость в бутылке на просвет слишком прозрачна, без коньячной коричнево-сти, хотя и отдает желтоватым.

— Вот дойдет до нее очередь, так сами оцените. Впрочем, самогонка, но тройной очистки и настоенная на кориандре. У меня ведь по супружницкой линии родственники деревенские, все умеют делать! Руки из нужного места растут. Что-то вот выпил, чувствую коньячный запах, а почему треугольные бутылки?

— С оптовки сетевой. Там мой бывший студюозус, кстати, с большими математическими задатками был, командует экспедиторами и грузчиками. Этот коньячишко под какую-то образцово-показательную проверку попал — конкуренты подослали, не прошел по сертификации... или еще чего-то там, я в этой фене не разбираюсь. Вот и толкают по половинной цене. Мне позвонил и подогнал вчера, по моему приезду, пару ящиков. Для пробы несколько штук принес: похож на настоящий, а дешевле водяры выходит! Должны же быть и небольшие приятности от торгово-воровского якобы капитализма... Война войной, а обед должен быть с запивкой. Меж тем аспирант Тхой снял с верха шкафа разделочную дощечку, а с полки его две большие плоские тарелки, и принялся неторопливо, аккуратно, с восточной добросовестностью нарезать хлеб и колбасу, заставляя тарелки ловко построенными бутербродами.

Итак, компания сформирована, материальная база — словно в день прибытия в полк наркомовского обоза, как любил в подобных случаях одобрительно говорить отец Игоря Васильевича, ротный старшина на Втором Белорусском фронте. Из его же фронтовых аллегорий: после артподготовки идет боец в наступление, а после сытного обеда положена ему самокрутка и разговоры с рассуждениями о грядущей мирной жизни...

◆ Но в компании наших друзей на этот раз говорили о жизни не совсем мирной. Поначалу Владимир Иванович как-то обходил вопросы гостей о затянувшейся командировке в областной город между Волгой и Уральскими горами — Камнем по историческому названию. Так, доценту Олегу Сергеевичу, поинтересовавшемуся темой диссертации, которую тот оппонировал, хозяин банкета сначала наполнил ему первому стопку, явно искусственно создавая паузу, а затем перевел разговор на скорую защиту присутствующего здесь вьетнамского аспиранта Тхоя:

* Еще с царских университетов присказка: чем отличается профессор от приват-доцента? — Профессор носит портфель, а доцент — портфель... — Прим. авт.

— ...Молодец Тхой, — он поощрительно кивнул заулыбавшемуся аспиранту, — не привередничает: дал ему тему по флаттеру несущих крыльев, он под козырек и в лучшем виде модельную задачу сформулировал, свел к системе дифуров и промоделировал. Вот и сегодня принес мне флешку с программой оптимизации модели с ориентацией на изменяющиеся начальные условия... ну-у, это вам, герр профессор и синьор доцент, скорее всего малоинтересно. Словом, трудяга парень, не чета многим нашим бездельникам. Остался во Вьетнаме еще созидательный тонус социализма! Дай-то им их местный бог — Будда, наверное, — как можно дольше продержаться против козней глобализаторов. Как они держались, сражались и победили америкосов. И заметьте, что уже год с гаком Тхой из-за чертовой пандемии не может на каникулы домой смотаться: дочь у него в конце прошлого года родилась, так только на экране смартфона ее и видит и заочно руководит воспитанием! Действительно, скоро мы все, как утверждает герр профессор Скородумов, перейдем в полную виртуальность. И не без основания, в чем в последний год убеждаемся. Так что, дорогой Игорь Васильевич, ты сподобился Достоевскому. Как гениальный наш Федор Михайлович предрек-таки отечеству нашему несчастливую судьбу на полтора года вперед, так и ты, необидно выражаясь, накукарекал своими высокоучеными теориями нам неизбежное темное будущее, сбывающееся прямо на глазах. Нд-да! Лето пролетит, Тхой, защитишься — и к себе в Ханой, жену с дочерью обнимешь, отдохнешь, затем облачишься в форму и продолжишь трудовые будни на своем аэродроме.

— А разве Тхой военный? — удивился Игорь Васильевич.

— Капитан вьетнамских ВВС, — ответил Тхой, даже сидя приняв уставное «смирно», — в исследовательской летной части около Ханоя. Оттуда и в аспирантуру к вам направление получил.

— И думаешь продолжить служить?

— Думаю. Но скорее всего в гражданские перейду, если устроюсь доцентом в технический институт в Ханое.

— Ну и правильно, — одобрил Владимир Иванович, — военная карьера она требует стремительности в самые начальные годы службы, а у тебя они на учебу и аспирантуру раздробились. Тем более, что на технических, исследовательских должностях звания медленно набегают. Опять же сугубая дисциплина, командировки и переезды... получается, что в собственной семье вроде как двоюродный муж и отец. А так степень к осени считай что на руках, устроишься в институт, а там лет через пять к нам же прибудешь за докторским дипломом. Потом профессорство, кафедра. Жизнь спокойная и размеренная, дети подрастают, и им легче будет путь направить. Как говорится, в добрый путь, Тхой! Ты ведь к нам учиться-то студентом еще приехал после военного училища? Не ошибаюсь? — сколько-то лет тебя знаю.

— Так точно, профессор, — заулыбался Тхой, — как по-русски говорится: свежее испеченным лейтенантом...

— Да-а, привык я к тебе, ладно, знаю, что меня не забудешь, связь держать будем: все же какие-то достоинства у чертова глобализма с его цифрофренией — твоя терминология, герр профессор! — имеются хотя бы по части общения. Конечно, и ты, Тхой, будешь добрым словом нас поминать...

— Это уж точно так, Владимир Иванович, почти десять лет в России живу с двухгодичным перерывом перед аспирантурой на службу у себя дома. Привык — второй дом, хотя и в общежитии, а последние три года, в аспирантуре, и в разлуке с женой. Теперь, получается и с дочерью.

С восточной пронизательностью почувствовав, что у гостей есть вопросы к *его* профессору, что называется, без лишних ушей, Тхой засобирался:

— Так я пойду, Владимир Иванович? Задание по оптимизации модели, по ее разработке, вы мне дали. Постараюсь через пару дней доделать. Больше сегодня я вам не нужен?

Распрощавшись с каждым из собеседников пожатием их руки двумя своими, не снимая с губ улыбки, Тхой вышел из комнаты.

— Да можно было и при нем рассказать, но дело такое вышло... зачем парня смущать нашими русскими чудесами. Опять же авторитет руководителя у них высоко чтится, зачем же сомнения в это богополезное дело вносить. Пусть память о годах в России проведенных останется в его голове и душе чистой и безмятежной. Однако, примем по стопарику и я вам, многоуважаемые, поведаю о моем приключении, о котором любой сочинитель повестей и романов услышав, не пожалел бы выставить бутылек-другой настоящего грузинского, что-то навроде советских времен «Греми» десятилетней выдержки. Так что, герр профессор, ты пока воздержись этот сюжетец пересказывать своему дружку из писателей...

— Это ты имеешь в виду Бурцева, что литературный журнал «Срединная Россия» редактирует? Нет, конечно, писарчуки падки на дармовщину. Я тебя как-нибудь сведу с Андреем Матвеевичем — сами меж собой и сговоритесь. Ладно, ближе к делу, Владимир Иванович. Заинтриговал до высшей меры нетерпения выслушать и, как говорят в кругах служб услуг правопорядка, запротоколировать, подшить в дело номер такой-то и... обмыть опять же. Как говорится, дело мастера боится, не умеешь — не берись. Но вы, мистер профессор, все умеете: чего-чего, но высоким штилем мать природа тебя, друг мой математический, не обделила. По стопке для разгона?

◆ — Друзья мои, — несколько рассеянно начал повествование математический профессор Маловичко, — в детстве слышал от деда своего Никифора, в котором через кубанских предков-казачков еще какая-то крохотная капля крови запорожцев сохранилась, много разных присказок, явно от лихой хортицкой днепровской вольницы идущих. А вот сейчас, после случившегося со мною приключения, одна из них крепко в голове засела: гулять собрался, держись хаты своей, а на коня сел, так про горилку забудь. Что-то в этом роде дед говорил, только у него похлеще и поскладнее выходило.

Словом, вопреки присказке той, решил приятное с полезным совместить. Командировку выписал с расчетом, чтобы пару дней в Москве провести, а потом на заволжском поезде как раз к защите поспеть на оппонирование докторской диссертации. Оно, конечно, после ликвидации внутренней пассажирской авиации в пределах Европейской России нудновато стало поездами с пересадкой добираться, но опять же совпали эти самые полезное и приятное. Полезное — хороший друг и отменный математик, лет двадцать на разных конференциях и симпозиумах встречаемся, сам он из Питера, попросил прооппонировать на защите его младшего брательника в провинциальном университете. А приятное так аж в квадрате! — Собственно встреча на защите и банкете с этим питерцем, а до того, в Москве и вовсе два дня без перерыва праздника: пригласили меня в Бауманку на солидный юбилей академика Благодеева, величины мировой и крестного отца научной школы, к которой честь имею принадлежать. Вот и получилось, что на коня, то есть на электричку до Москвы, сел трезвый, а на юбилее все сплошь старинные друзья и приятели — так все завертелось, что уже и на поезде опаздывал к защите. Хорошо, там чудом аэропорт гражданский сохранился, так меня в Москве, не хуже того парня из новогоднего фильма, в «анюту двадцать четвертую» загрузили. Словом, в неспешном полете несколько отошел, на защиту успел, захвалил диссертанта... народ в дальней провинции и без того гостеприимный, как уже говорил вам, а потому еще на пару дней задержался. Совсем забыл про пословицу деда Никифора. Ну, думаю, пора отчаливать: хотя гость-то и званый, но очень гостеприимные хозяева, что русские, что татары — их там в Заволжье много по всем городам. На третий день с почетным эскортом доставили меня в аэропорт, но рейс, как назло, из-за тумана, накрывшего все пространство между Волгой и Уралом, на четыре часа задержали. В общем банкет отзвуками продолжили в аэропорту. Провожающие постепенно рассеялись, только одного толково-

го молодого доцента оставили при мне, чтобы с рук на руки передал меня небесным ангелам.

Все же, несмотря на относительную крепость организма с алкоголькрепкими генами кубанцев и запорожцев, развезло меня в этом треклятом аэропорту, причем по нашему математическому правилу доказательства от противного: то есть не столько от пятидневной гульбы, сколько... от ее резкого завершения. Ну-у, разумеется и выпитое в аэропорту явно не на пользу сработало. Главное, мерзкие эти вокзальные стульчики: пластмассовые, скользкие, со складывающимися сиденьями. Только отвалишься на спинку, а причинное место сразу уходит в щель, образовавшуюся между спинкой и накренившимся сиденьем. А чтобы сохранить устойчивость, организм на автомате, которым он своей физиологией в выпившем хорошо человеке поднимает колени на уровень груди, а это, в свою очередь, для равновесия выбрасывает вперед ноги и даже на угол в двадцать-тридцать градусов к полу их поднимает...

— Во! Чувствуется, что наш математик, получив для прокорма лабораторию, отменно постиг теорию и практику биомеханики,— невежливо перебил хозяина Олег Сергеевич.

— А то,— отозвался рассказчик,— не пальцем деланы и не языком шиты! но продолжу, если не наскучило. Да-а, забыл вам сказать, вот Сергеич напомнил, что оппонировал-то как раз в совете по специальности биомеханики; их университет почти что самый ведущий в стране по этой науке. И доцент мой сопровождающий, тож спец в этом деле, с интересом исследовательским на мои антитрезвые элоквенции смотрит, совет дельный дает: «Вы, Владимир Иванович, для *устойчивости* несколько сместитесь, э-э, корпусом к краю сиденья, спиной ближе к плечам откиньтесь на спинку стула, а ноги распрямите в коленях и вперед себя по полу вытяните». Сделал я так, смотрю, действительно удобно, поблагодарил доцента, дескать, сразу видно по полету скорого будущего доктора наук. Доцент аж зарделся, а меня от такой устойчивости позы в дремоту потянуло, уткнулся подбородком в грудь и на пять минут в мгновенный сон провалился.

♦ Хотя короткий сон случился, но приятный и ободряющий, так сказать дидактический по содержанию. Привиделось, что вышло распоряжение по образовательному министерству, как то принято в этом веке, многословное, канцелярски лихо закрученное, с многочисленными *a la justice* повтором определений, со множеством калек с американского и прямыми американизмами, то есть навроде «дорожной карты» и «контента». Но сон — спасительное в части языка средство: все эти карты и контентны как бы в отдалении, фоном глухо звучали, а сонное подсознание утомленного профессора автоматически переводило содержание распоряжения на обычный великорусский, на котором еще четверть века тому назад у нас письменно и изустно объяснялись. Итак, согласно министерскому распоряжению, доводимому до руководства всех государственных вузов (многочисленных, как клопы в теплой избе времен доисторического материализма, частных образовательных лавочек это благоразумно не касалось...), для повышения статуса преподавателей, усиления общевузовской дисциплины «подачей собственного примера», а также возвращением в вузовский обиход лучших традиций дореволюционной и советской высших школ... Здесь в документе пояснялось: в царевых университетах профессор имел чин действительного статского советника, что соответствовало военному чину генерал-майора, носил мундир. А при Сталине в военные и первые послевоенные годы наиболее выдающиеся профессора, особенно в медицинских и технических институтах, получали прямо звание генерал-майора и на лекциях красовались в военных тужурках с погонами и золочеными пуговицами. Также статские чины имели и царевы доценты, исключая приват-доцентов, не считавшихся состоящими на службе. Отсюда и приват, то есть частный.

Вот с учетом-то этих славных традиций — от царей и Вождя — министерское

распоряжение символически, то есть без повышения оклада содержания до военных норм, приравнивало полных, то есть имеющих диплом доктора наук и профессорский аттестат, профессоров к армейским генерал-майорам (доценты и ассистенты тоже к чему-то приравнивались), а для визуального отличия от обычных штатских граждан для них вводится форменный мундир со знаками чинов на петлицах. Но — без погон; это как советские прокуроры. Обосновывался в распоряжении и цвет мундиров: элегантный светло-бежевый с вертикальной прострочкой с шагом в три сантиметра. Того же цвета и фасона форменные фуражки с лаковым козырьком. Объяснялся и выбор такой фактуры: все остальные цвета уже разобраны ранее для многочисленных служб и ведомств. Мелким шрифтом в распоряжении пояснялось: ввиду ограниченности и т.п. вновь вводимые мундиры *строятся* за счет их счастливых обладателей.

...Во все крепчающем сне Владимира Ивановича окатило пряным жаром сауны, куда его водил благодарный защищенный доктор наук вчерашним днем, жаром извещенного счастья: ведь как он мечтал именоваться статским генералом! Вовсе не лавролюбив был профессор, даже с юмором относился ко всяким званиям и должностям, но вот запало ему в голову генеральское именование профессоров при царях и Иосифе Виссарионовиче! Словом, наваждение. С неизъяснимым удовольствием примерял он во сне новенький, с иголки, прохладный от накрахмаленной подкладки мундир. И уже слышится откуда-то издалека: «Честь имею, ваше превосходительство! Извольте ваши ноги подобрать...» — Что за чертовщина?

Почувствовав вежливые, но настойчивые толчки локотком доцента, Владимир Иванович, еще ощущая приятную прохладу мундира, с усилием открыл глаза: перед ним стоял дежурный по залу ожидания сержант: «Гражданин, подберите ноги. Вы мешаете проходу». Владимир Иванович, все еще в прохладном мундире с вертикальной прострочкой, страшно обиделся: какой-то сержантишка ему замечает! «Я — генерал», — выкрикнул он, подняв голову и повернув ее в медальный профиль в сторону стража порядка. «Извиняюсь, товарищ генерал, но за ваши ноги могут задеть проходящие, споткнуться и упасть!» Только собрался профессор в генеральском чине распушить сержанта, приняв более приличествующую его званию позу, как:

— И тут я потерял со сна равновесие на этом чертовом стульчике, сиденье сзади скользнуло вниз, вытянутые ноги подскочили по законам кинематики вверх и, до сих пор не соображу, правая нога задником ботинка оказалась на погончике малорослого сержанта. Дальше как в тумане: дежурка аэропортовская, сержант кричит про оскорбление мундира. Здесь и лейтенант, просмотрев паспорт и университетское мое удостоверение, узнав, что я никакой не генерал, а профессоришка из другого вовсе города, начал перечислять статьи уголовного кодекса.

...Спасибо доценту, со мной доехал до отделения, вызвонил через друзей своих адвоката. К вечеру под подписку о невыезде, под ответственность и адрес все того же доцента выпустили до завтрашнего дня визита к судье — за мерой пресечения. И пошло и поехало. Адвокат, молодой и ловкий татарин, оказался докой в своем деле, уже через неделю все уладил: сто тысяч в равных долях на троих: адвокату, сержанту и — здесь адвокат подмигнул, дескать, на известные издержки. Позвонил жене, успокоил, объяснил ситуацию. Через пару часов перевела требуемое на карточку. А неподеленную тыщонку оформили под штраф за административное нарушение: нахождение в нетрезвом виде в общественном месте — аэровокзале. Еще через тройку дней — судебное присутствие: адвокат технично, не хуже профессора и доцента биомеханики, обрисовал ситуацию со случайным, непредумышленным попаданием ботинка моего на плечо сержанта. Тот тоже подтвердил: все бывает, особенно если человек уставший и заснул в ожидании аэроплана в неудобной, верткой позиции.

Сдружившийся со мной адвокат Равиль звал на пару деньков отдохнуть у него на даче, развеяться, — дача приличная, под загородный коттедж, на высоком берегу ре-

ки с роскошным видом на низменное заречье... Чур меня, чур — отказался, но пару дней заигрывал обиду с университетскими.

— Ну и ну,— только и промолвил ошарашенный услышанным доцент Олег Сергеевич,— а говорят еще, что в России генерал не звание, а счастье?

— Это Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович изрек,— поправил герой заволжской эпопеи,— хотя сам был статским генералом, но особого счастья не имел. Вечно его с одной должности в другую губернию переводили. Правда, по извечному правилу русской административной бюрократии: с повышением. Все хорошо, что хорошо кончается, хотя и с ущербом для домашнего бюджета. Опять же пьяный не дурак — проспится...

ОТКУДА НАСЫПАЛОСЬ, ТУДА ЖЕ И ПРОСЫПАЛОСЬ

Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Все больше типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударились, что смысл текущего потеряла.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя за 1881 год»

*Summa jus summa injuria.**

Из утверждений римского права

◆ Наутро, после увлекательного повествования своего приятеля профессора Маловичко о его заволжских приключениях с тамошней Фемидой, профессор тож Игорь Васильевич Скородумов, как не связанный преподавательской дисциплиной, что называется на вольном научном выпасе, решил устроить себе выходной. Благо вчера за россказнями в тесной дружеской компании смешали несертифицированный коньяк с принесенным доцентом Олегом Сергеевичем самогоном. А ведь отец в давние годы юности надоедливо талдычил сыну: «Когда подрастешь и баловаться с бутылочкой начнешь — по надобности или с устатку,— то заповедь первая: не мешай! ни по градусам, ни по цвету».

Месяц май в его свежести и ласкающих запахах разгара весны особенно чувствуешь с самого раннего утра. Игорь Васильевич заварил чаек, закурил на кухне первую за день, самую духмяную сигарету. Попробовал послушать радионовости, но в уши все больше идиотская реклама лезла с ее мерзейшими, сюсюкающими словечками: макаронки и сосиски-баварушки, треклятые искаженные пироженные и пелимени... Отключил радиоточку.

Памятуя порой, когда и без нее можно обойтись, отцову заповедь вторую: с утра не опохмеляйся, ибо опохмелка — новая пьянка,— Игорь Васильевич, не дожидаясь пока домашние проснутся, наскоро попил чаю, без особого аппетита съел пару бутербродов с бужениной и сыром и вышел из квартиры. Спускаясь, экономично выключал свет на площадках: явно он сегодня первым шел по подъезду на выход. Такое часто было, соседи в основном пенсионеры и люди непьющих профессий, когда «труба заводская» не зовет ранним утром на труд и подвиг.

Выйдя на улицу и взяв курс на недалекий городской парк, Скородумов с сожалением подумал, что сегодня у его друга Николая Андреевича, доцента с военнотехнического факультета их университета, как раз подряд две утренние пары лекций.

* Высочайшее право есть высочайшее бесправие (лат.).— Прим. авт.

Проживал доцент-ракетчик с противоположной дому Игоря Васильевича стороны парка, так что обычно они, сговорившись, в парке и встречались, неспешно прогуливались, беседовали. Старинный огромный парк, заложенный еще радением городской думы и санитарной управы в конце позапрошлого века, навевал темы разговоров вечные, умиротворяющие, где грусть уходящего переключается с оптимизмом будущего... вернее, сейчас все наоборот. Но — кашу маслом не испортишь, то есть основание и содержание жизни непустяшной не совратишь новыми испытаниями, что приносит не только огорчения изменившегося мироустройства, но и неизбывное чувство продолжающегося познания.

...Как-то так размышлял профессор Скородумов. Утренняя весенняя свежесть, распеваящие, словно оперные тенора и баритоны перед выходом на сцену, свои голоса проснувшиеся с первыми солнечными лучами птицы — все это вкупе заблагодушествовало голову и тело. Даже на некоторое время не то что забыл (не страдал забывчивостью!), но отеснил в ближнюю кладовку подсознания вчерашнюю досаду, которую последние пять-семь лет остро испытывал, входя в парк. Его, парк с императорским и советским прошлым, о котором Есенин восхищенно писал, что полюбил он его, это лучшее, что есть в городе, в последние годы постигла участь всего ныне нас окружающего, что можно в нескольких словах определить: украшательство под невзыскательный обывательский вкус, кажимость заботы о посетителях и примитивная, голливудская американизация. И все это случилось после выделения городским бюджетом солидных сумм: ведь лицо города! отчетность в порядке, телесъемки впечатляют, народ в восторге.

Как-то получилось, что Игорь Васильевич до этих самых пяти-семи лет пару годков вовсе там не бывал. Вроде как увлекся грандиозной научной идеей, с утра до вечера в своем кабинетике все писал, писал, думал, думал... Даже с другом Николаем Андреяновичем сократил посиделки до извинительного минимума. Не до вольнолюбивых прогулок под сенью столетних дубов, елей, тополей и берез, некоторые из которых еще помнили садивших их по призыву и организации городской думы и санитарного ведомства чиновников в мундирах и фуражках с императорским двуглавым орлом, офицеров и солдат гарнизонной службы, гимназистов и реалистов — тоже все в мундирной одежде. Это Скородумов видел в музее парка на старинных фотографиях... Только неомундиренных рабочих казенных заводов, мастеровых, лавочных приказчиков и мещан он не обнаружил на тех пожелтевших от времени дагерротипах. Усмехался Игорь Васильевич, разглядывая те фотографии. Понятно дело, народ истари в городе проживает своеобразный — всю Россию заставили хохотать несколько русских писателей, живописавших местные нравы. Казюки они и есть казюки, а глядя на них и все остальные городские обыватели: по характеру истовые поплевисты, на все им наплевать с высокой горы. Работать — пожалте, что надо в лучшем виде сгомозим; работать бесплатно, даже вроде как для пользы общества, то есть и себя — нате вам с кисточкой! от бесплатной работы, да еще без магарыча, и конидохнут. Другое дело которые в мундирах и школярских форменках: дума городская порешила, губернатор-граф одобрил, архиерей благословил, начальники, директора, управляющие под козырек: рады стараться, ваше вашество! И все мундирные города на субботник, еще не советский, под царевым орлом.

Прокатившись на личной машине времени туда-сюда в рамках ста с гаком лет, Игорь Васильевич удовлетворенно заухмылялся: от царевых субботников через советские и к нынешним: только по подчиненности, только в «фуражках с кокардами!» Правда, в советское время субботничали все без фуражек; наблюдался восхитительный симбиоз: добровольно-принудительное и искренне сознательное, а над всем этим добродушие, дескать, все для блага человека под руководством партии и правительства, а главное — истинный коллективизм, особенно под окончание сознательного коллективного труда с обязательной обмывкой: бутылек на троих и уже мелки-

ми группками по интересу — кто в парковой пивной «У круга» до темноты засидится, а с широкой душой и вовсе шикуют в ближнем ресторане «Дружба»: пошли, мол, подружим!

Но вот двухгодичная трудовая горячка сгинула, а тут еще в голове засели восторженные отзывы сослуживиц, от лаборанток до доцентш: ах! какой наш парк красивый за последние год-два стал, не налюбуйешься... Поэтому в первый раз после затянувшегося трудового подвига шел Игорь Васильевич в недалекий от его дома парк с вековой историей даже заинтересованный.

Увиденное не то что поразило или огорчило его, но повергло в смятение сродни тому, что охватывает человека из категории ныне именуемых несостоятельными, живущего на нищенскую бюджетную зарплату, который за целый год скопил-таки нужную сумму дензнаков для вожденной поездки в отпуск на юг, где он не бывал с советских времени, не просто для поездки дикарем скопил, но на приличный курорт, бывший «цековский» санаторий. В поездке все мечтал, настраивал себя на атмосферу давнишних впечатлений: солнце, море, очаровательные молодые курортницы, изобилие фруктов, шашлычные на каждом шагу, вино настоящее из массандровских погребов, безмятежных отдых и легкий флирт без медицинских и иных последствий... Но вот приехал, а неустойчивый климат глобального потепления где не надо и похолодания в иных местах вовсе неуместную подлянку подкинул: весь срок путевки дождь ливнем лил, холодное море штормило, вино поддельное, а для флирта возрастом великоват, молодые курортницы нынче в Таиланд, Египет и Турцию *лѣтают*. Не до того, Федя, не до того...

Так и Игорь Васильевич парк почти что не узнал: вместо арочного центрального входа не поймешь что, асфальтовая площадь, забитая машинами, слева на месте снесенного Дома культуры — ямища площадью и глубиной в несколько уменьшенное Черное море: главный торговый армянин города Тофик Нерсесян строит самый большой в Европе и Азии аквапарк. В самом парке (без «аква»...) три четверти деревьев вырублены, на их месте свежесажённые метровые елочки, топольки и березки. Все свободные от растительности пространства закатаны в асфальт, а по их территории разбросаны фанерные избушки под салуны из голливудских вестернов. Сплюнул да и только.

♦ За прошедшие после переустройства парка годы Игорь Васильевич не то что привык к его новому облику, но просто перестал фиксировать это, гулял и посматривал по сторонам отстраненно, мысленно ставя на место дурацких фанерных салунов фактотумы давно прошедшей эпохи. Вот и сегодня, освежая в парковой свежести от еще сохранившихся старых деревьев голову, несколько отуманенную вчерашним компанейством с профессором Маловичко и доцентом Олегом Сергеевичем, Игорь Васильевич все подсмеивался над заволжскими приключениями Владимира Ивановича. Вполне тонкая и таинственная игра подсознания может и связала рассказ завлаба-математика с той воображаемой географической точкой территории парка, где во времена многодесятилетней давности располагалась одна из пивных точек, то есть ларек с окошком для выдачи кружек с пивом. Умеренно, по совести разбавленным, ибо забота о благе народа — рабочий девиз тех лет. Так явно и ясно ностальгическая пивная, торгующая настоящим пивом, а не нынешней ебурлыгой*, представилась профессору, что только усилием воли и резким поматыванием высокоученой головы заставил себя признать, увы, состоявший факт: перед ним оштукатуренная и покрытая крышей сборная строительная секция, где вместо «жигулевского» и «мартовско-

* По советскому ГОСТу тогдашнее натуральное пиво имело цикл изготовления в шестьдесят дней: время брожения сваренного солода. Сегодняшнее, «по мировым стандартам», якобы пиво имеет «коммерческий» шестидневный цикл и есть наскоро сваренный солод (вспомните напиток «солодок» времен горбачевской «борьбы с трезвостью» 80-х гг.), в который добавлены спирт, стабилизатор, ароматизатор, консервант и закачан углекислый газ... — Прим. авт.

го» в весенние месяцы могут при желании выдать лишь квитанцию о штрафе за нарушение «правил пользования парком». Солидный список таких предосудительных деяний содержится в начертанной уставным шрифтом табличке на наружной стороне пункта охраны правопорядка. «К красным шапкам своей волей идти и в страшном сне не приснится»,— пришла в его голову окраинная косолученская присказка. И хотя уже много лет, как все законолюбивые службы мира перешли на унифицированный под американскую бейсболку головной прибор, но хрен редьки не слаще, а потому Игорь Васильевич, мигом вспомнив вчерашнего рассказа одиссею Владимира Ивановича, поспешил отойти от воображаемой географической точки территории парка. Культуры и отдыха тож.

...В беседах последнего времени с Николаем Андреевичем по обозначившейся у них теме машины времени, что у каждого сущего в черепной коробке заключена, если доцент-ракетчик, как практик конструкторской мысли, склонялся к отождествлению этой машины со сновидениями, на худой конец с воспоминаниями своей прошлой жизни наяву, то теоретик биофизической и психологической мысли профессор Скородумов развивал, обычно после третьей стопки, более аргументированную теорию. Согласно ей, во-первых, жизнь человеческая и есть подобие сна, где явь — всего лишь временной срез такого сна, когда подсознательное на известное время суток передает функции мышления оперативному сознанию; во-вторых, если сновидения о прошлом или будущем, равно как и таковые воспоминания или мечтания (о будущем) наяву, являются лишь конструкциями мышления, то, включая личную машину времени, человек своим сознанием именно в пространстве-времени перемещается в прошлое или в будущее. То есть в этом процессе он не вспоминает-мечтает, но *живет* в таком времени.

Николай Андреевич несмело соглашался, то есть оставался при своем мнении, в то же время из вежливости не огорчая приятеля. Ведь он новую теорию, как два пальца об асфальт, прямо на глазах, расхаживая по диагонали своего кабинета, создает! Очень Николай Андреевич уважал безбрежный полет творческой мысли...

Игорь же Васильевич, отойдя на десяток шагов от географической точки парка, где ранее располагалась пивная, какие с послевоенных лет и до скончания советской власти по всей стране называли «голубыми Дунаями», а ныне пункт охраны правопорядка, вдруг сообразил, почему таковая правопреемность, да еще в контексте вчерашнего повествования математического профессора Маловичко, не то что заняла его, но даже отогнала прочь из головы все остальные мимолетные мысли. И здесь-то, в точном соответствии с разработанной им теорией, он включил личную машину времени, прокрутив верньер ее настройки влево, в прошлое, отмерив по шкале нужное число лет, и с мгновенной скоростью, точнее мгновенно, отринув всякие научные относительности и якобы наибольшие, допустимые в физике скорости света, переместился всем своим сознанием в золотые советские семидесятые годы — ближе к последней их трети.

♦ И уже никакой не заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов, но начинающий инженер, молодой специалист второго года работы Игорь Скородумов, которому даже в горячем похмельном сне не привиделось его профессорское будущее, в этот злосчастный вечер теплого майского дня оказался все в той же географической точке парка в нескольких шагах от пивной, перед которой шумела возбужденная мужская очередь. ...Но прежде, чтобы без ребусов и недомолвок обойтись, ибо нынешний читатель, воспитанный на интернете, малосообразителен, расскажем об одном увлечении Игоря и нескольких его друзей. Увлечении на грани предосудительного и смехотворного.

Как это ни странно, но опять-таки сакральное совпадение: история такого увлечения началась в Заволжье, там же, где будущий друг Игоря Васильевича профессор Маловичко вообразил себя статским генералом. Совпадение ли? Тем более, что истории эти разделены не только десятилетиями, но случились в разных городах, не со-

всем уж рядом друг с другом расположенных, но по тем заволжским широким пространствам почти что и рядом. Чтобы и нам не запутаться в прикладной к географии теории относительности, возьмем быка за рога. После четвертого курса группа, старостой которой состоял Игорь, была направлена на двухмесячную технологическую практику на завод в районном городе на Каме. Крупный тот завод, явно «не по чину» городку, хотя бы с именитым купеческим прошлым, само собой разумеется, возник в годы войны: корпуса сами построили, а станки и специалистов привезли эвакуационными эшелонами из близких к фронту мест.

Поселили их, а также группы из технического института Кирова и медичек из Ижевска, в свежестроенном, но еще не заселенном заводскими общежитиями. Лето, широченная Кама с прекрасными пляжами, очаровательные медички (и свои девушки, что приехали, не хуже), а в соседнем с общежитием гастрономе изобилие уже давно подьеденных в центре страны баночных кальмаров и превосходного болгарского десертного вина «Тамянка». Пей — гуляй — закусывай не хочу! Стипендия на все лето и заводская зарплата, а главное — народные цены, все это позволяло по вечерам ужинать с приглашенными медичками и своими девушками в двух ресторанах города, один из которых и вовсе сохранился с купеческих времен: весь в зеркалах, как столичный «Яр», впрочем, знакомый им только по книгам русской классики...

А после ресторации коллективные прогулки по поздневечерним благостным улицам старинного городка. — И с песнями, конечно. А навстречу и тоже с песнями на своем языке — татарская молодежь. Известно, что между Волгой и Уралом повсюду расселились татары. И на здешнем заводе их много трудится. Поприветствовали друг друга, распрощались до завтрашнего трудового дня. Такое чудесное лето только раз в жизни случается! Так думал Игорь и, конечно же, не ошибся. Но — это все в будущем, которого он не ведает.

Завод и близкое к нему общежитие располагались в старинной части города, застроенной столетней и большей давности домами купцов, ремесленников, торговых мещан. С неопишымым восторгом обнаружили практиканты на деревянных стенах, под скатами крыш различной формы, почерневшие от времени жестяные таблички, извещавшие, что дом защищен от пожара городским «Товариществом взаимного от огня страхования». И дата основания товарищества выбита. Все начала двадцатого и прошлого веков. Реже встречались таблички времен Наполеонова нашествия и восстания декабристов. И в полное восхищение привела табличка с датой окончания царствования Екатерины-царицы! «Ну и лесоматериал растет здесь, — восторгался приятель Игоря, по институтскому прозвищу Минька, — по двести с гаком лет дома стоят, не трухлявятся и даже не покривились!»

Воровать грешно, даже если предметы такового действия относятся к эпохе упраздненного царизма, но — азарт личной причастности к событиям далекой истории с всегдашней тягой человека к коллекционированию всяких необычных кунштюков превозмогли нормы советской нравственности, которая, как всем грамотным людям известно, воплощенная в «Моральном кодексе строителя коммунизма», есть переписанные из Св. Евангелий заповеди блаженств Нового Завета, то есть Христовой морали. Такие тонкости и религиозную терминологию Игорь знал со слов своей тетки по матери, доцентши пединститута по кафедре обществоведения. Словом, к окончанию практики у Игоря и трех его лучших друзей-однокашников имелось по такой табличке. К сожалению, «екатерининская» была принайтована к фасадной стене дома на углу двух улиц: всегда вечером освещенном и на пути в сторону завода, работавшего (на оборонпром) в три смены, то есть с постоянно проходящим народом. С тем и отбыли в конце августа из гостеприимного города на Каме.

Самое интересное, что слово «табличка» у Игоря и его друзей, по возвращению в родной город, приобрело нарицательный смысл, став объектом шутейского коллекционирования. После дружеских сходов в «стекляшках с подачей» и в парковых и

инных пивных непременно и с хохотом отчиняли от заборов всякие мелочные таблички, исполненные на жестянках и пластиковых полосках, навроде: «Осторожно, во дворе злая собака!», «Проход закрыт» и «Прием ведет врач-гомеопат из Москвы». В ближайшие домашние генеральные уборки хозяйки весь этот мусор выносили на помойки. Только жестяные таблички пожарных товариществ суеверно — ведь от пожаров охраняют! — не трогали.

Мечтой же веселых коллекционеров оставались серьезные таблички в рамках и под стеклом у входов в чем-то знаменательных учреждений навроде старинного, с царевых времен, городского ликероводочного завода, что напротив центрального парка. Но — это уже табу, посягательство на государственную собственность.

◆...В тот злосчастный вечер теплого майского дня Игорь оказался в той географической точке парка рядом с пивной в превосходном настроении. Именно в полдень того дня он и его наставник Володька Болт — кликуха, созвучная первому слогу фамилии — получили расчет за художественно-ремесленную халтуру, которыми они с Болтом подправляли невеликую зарплату молодых инженеров. Сам Болт, постарше Игоря на пяток лет, человек исключительно предприимчивый, хорошо известный в различных городских средах от лабухов и оформителей до комсомольских функционеров и партторгов заводов и учреждений, то есть где, с одной стороны, кипела веселая молодая жизнь с ресторанным завсегдатайством, безотказными девицами, разудалыми загулами, а с другой — у функционеров и партторгов — постоянно требовались оформители всевозможных красных уголков, ленинских комнат, стендов передовиков соцсоревнований и уличных растяжек с обессмертившим дорогого Леонида Ильича лозунгом «Экономика должна быть экономной». У многоталантливого на ремесла Болта не только руки из нужного места росли. Был он великолепным организатором и договорщиком, мастером фото- и киносъемки, оформителем и шрифтовиком, а заочное институтское радиотехническое образование и опыт службы в армии и вовсе делали его незаменимым в халтурах высокого технического пошиба. А в часы расслабления с льнувшими к нему (все у него росло из нужного места...) девушками-женщинами Болт километрами на полном вдохновении читал хорошо поставленным баритоном белые стихи... то, что сейчас именуют по-американски рэпом. Но немалые, относительно конечно, водившиеся у него деньги в карманах Болта не задерживались: раз в пару-тройку месяцев впадал он в грандиозный запой и все спускал. ... С тем большей энергией после загула он возвращался к халтурам. В специальном конструкторском бюро при заводе, где Игорь и Болт трудились, последнего видели только в дни получения зарплат. Зато партторги бюро и всего завода души в нем не чаяли: их красные уголки и парткабинеты, внутренняя и наружная наглядная агитация твердо держали передовые места на районных и даже городских смотрах.

Молодого специалиста конструкторского бюро Игоря Скородумова Болт рассмотрел в качестве «мальчика краски растирать», узрев в день выдачи зарплат, когда он появился в КБ, учрежденческую стенгазету, добротню выделанную Игорем, которого по комсомольской разрядке определили в ответственные за выпуск этого органа «местной печати»: комсорг как-то узнал о тщательно скрываемом молодым специалистом умении рисовать дружеские шаржи, писать короткие заметки-репортажи, главное — навыки столярного ремесла, то есть сколачивать рамы для стенгазеты, обтягивать их холстом, загрунтовывать его. Всему этому Игорь обучился еще в старших школьных классах, где также был ответственным за выпуск стенгазеты: не по своему желанию, конечно, но по причине тайной влюбленности в молоденькую организаторшу (та по школьному штату числилась), только что из пединститута, удивительно красивую и изумительной стройности. В число ее обязанностей входила и школьная стенная печать. Также стремительно она выскочила замуж за физрука и ушла в беременный отпуск, но дело-то сделано: Игорек при общественном поручении, а стенгазета при нем...

Вот скоро год, как он подмастерьем при Болте: заказов тот намного вперед всегда имеет, платят парторги и прочие ответлица не скупясь, работа по вечерам и в выходные даже в удовольствие. Главное, скупердяйство в старшем товарище отсутствует напрочь: сколько заработали, то и делится пополам. За вычетом представительских и иных непредвиденных расходов.

...А вот сегодня, в субботний выходной день, еще накануне пошавив недельную халтуру, встретились они в полдень с Болтом у входа... да-да, у входа в райотдел милиции их района! И вошли в него добровольно, сами, без понуканий и сопровождения, прошли коридором первого этажа, остановились напротив двери заместителя начальника по организационно-хозяйственной (что-то в этом роде) части, главное — он же руководитель партячейки райотдела. «Подожди здесь. Менты свидетелей не по своей специальности не любят», — пояснил Болт и вошел в кабинет.

Когда старшой неделю с лишком назад сообщил, что нашел непыльную халтуру: оформить «приемную для граждан» в райотделе, — то Игорь поначалу подумал, что Болт с похмелья, не отошел еще, потому и шуточки примитивные и непристойные. Милиция и вольные халтурщики? — Ведь это все одно, что сода с кислотой... Но тот, изумительно трезвый и свежий, пояснил предложение: работа плевая, на недельку вечеров, стенды собрать и оформить, разместить на них потребные для этих непонятливых граждан образцы заполнения бланков, написания заявлений и все остальное. «Ну и самую малость по части художественной оформилочки, про несомненный высокоморальный облик советского мента и прочая туфта, — продолжал глава мероприятия, — главное, при их материалах почти две сотни рубчиков на два же наших рыла. Тебя-то что затревожило?» Игорю же, тотчас после первых слов Болта про халтуру в ментовке, припомнилась слышанная не раз в детстве от бабуши своей Елизаветы Парфеновны странная присказка: «Откуда насыпалось, туда же и просыпалось». Обычно так бабушка Лизавета говорила, получив из рук почтальонши Нади пенсию, разложив ее по нескольким кучкам, бормоча про себя: «Энта в магазин снесется, четвертную Василью (отцу Игоря) в копилку на машину...». И так далее все распределила. «Видишь, Игорек, все взад государству и ворочается: откуда насыпалось, туда же и просыпалось!»

Но — хозяин барин, Болту виднее. Опять же почти сотня за неделю вечеров! Полная месячная зарплата начинающего инженера. Главное, у него и своя копилка имеется — с мечтой охотника (от отца перенял) накопить триста с гаком рублей и купить только что появившуюся в «Охоте — рыболовстве» новинку, мечту всех коллег по увлечению: пятзарядную «тулку» двенадцатого калибра. В копилке той уже сотенка в одиночестве томится, подружек ждет не дождется...

Согласился, конечно, но присказка бабушки Лизаветы порой неприятно свербила в голове.

Работа, действительно, непыльной оказалась. Все ладилось в руках: когда работа в удовольствие, то и руки сами снуют! И на душе тепло и уютно в отделении: вроде все в той же, цвета маренго, форме обитатели, но отношение-то к ним с напарником совсем противоположное: охотно сигаретами угощают, анекдоты рассказывают, шутят пристойно, словом, на равной с собою ноге держат. Особенно милицейские женщины из паспортного стола и других служб райотдела: что постарше, так не преминут чайком с бутербродами угостить, а молодая лейтенантша уже с Болтом шушукается. Видать, на лад у них дело пошло: на третий вечер работы тот, подмигнув Игорю и кивком головы адресовав в сторону пробегавшей по коридору и мелькнувшей в проеме растворенной двери лейтенантши, тихо сказал в том смысле, что резвая кобылица, верно застоялась; утром вышел от нее, так даже ноги в коленях подрагивают...

♦ Болт в кабинете у «зама по тылу» не задержался. Все же менты если и не военные люди, но в погонах, то есть причастные к дисциплине. Судя по коньячному запашку, денежный расчет сопровождался и дружеским посошком. Тут же, в коридоре,

Болт поделил нематые еще пятерки поровну, вручил компаньону одну из половин и предложил, «по нижегородскому обычаю», обмыть завершение халтуры: «освежиться очищенной, благо и день субботний», в недалеком от райотдела кафе «Спортивное». В гостеприимном околофизкультурном заведении, где весь персонал и большинство посетителей — спортсмены после тренировки (напротив, через площадь, спорткомплекс: стадион, велотрек, теннисные корты, волейбольные и баскетбольные площадки) — короткие знакомцы Болта, засиделись до начала вечера. Оценив число опорожненных графинчиков и другой посуды, прикинув по времени года и месяцам, Игорь сообразил: старшему товарищу пришло время очередного запоя, который только что и стартовал. К их гостеприимному столику уже подсаживались на «рюмку чая» несколько сомнительные личности, явно безденежные и жаждущие. И девица, знавшая Болта, крутилась вокруг, а затем по приглашающей отмашке банкующего и вовсе присоединилась к отдыхающим оформителям. Пора и ноги делать: попрощался, передав Болту свою долю складчины, и был таков. Как говорила бабушка Лизавета: «Не хитро дело в кабаке зайти, да хитрец поближе к выходу усядется!»

В приятном хмелю, но с уверенностью в шаге, с расслабленностью в голове, но с ясной памятью, Игорь взял курс на домашний очаг. А компас этот указывал кратчайший путь через центральный парк. «Все же у Болта чуйка на халтуру отменно работает,— усмехался про себя Игорь,— знает где сорвать хорошо можно. Кому деньги легко идут, там и подкормиться можно. Опять же бабушка Лизавета, кладезь народной мудрости, со смыслом бы сейчас сказала: «Казенного козла за хвост подержал — можно шубу сшить». Даже тихо рассмеялся. Встречные парень с девицей со смыслом на него посмотрели, усмехнулись.

Под субботний майский вечер парк плотно затарился гуляющим народом. Возле пивной, со всех сторон обступленной мужчинами с пивными кружками, его обогнал в дупель пьяный, дурковатый мужик, что-то несуразное и плоское несший в обеих руках. «Гражданин! Ну-ка остановитесь»,— послышался милицейский голос — ни с каким другим не спутаешь. Хотя и пьяный, но мужик не полным дураком оказался: ловко всунув оторопевшему Игорю свой предмет, сам тотчас затерялся в пивной толпе. Еще не придя в себя от неожиданности произошедшего, он повернул это плоское в руках и вовсе обомлел: это была та самая вывеска у входной двери ликероводочного завода: в рамке, под стеклом. Хмельная расслабленность торმოзила изображение, да оно уже и не требовалось: два сержанта в облегченных летних формах и красных фуражках под руки вели его на выход из парка. Старший патруля, с широкой старшинской лычкой на погонах, поспешал позади. Вывеску он нес подмышкой в левой руке, лицевой стороной обернув к себе. Веселые и дружелюбные по погоде конвоиры радостно смеялись на рассказ пришедшего в себя Игоря о врученной ему вывеске каким-то запьянцовским мужичонкой, явно взявшим ее на память...

Когда страдальца усадили в задний, зарешеченный изнутри отсек воронка и с металлическим грохотом затворили дверцу, ошеломленный быстротой действия Игорь все же отметил про себя: сдавая клиента, патрульный сержант что-то сказал на ухо сидевшему с водилой на переднем сиденье сержанту, кивком головы указывая в сторону решетки. Тот охотно и согласно тоже кивал головой, но не в сторону зарешеченного постояльца, а подтверждающе.

Мигом протрезвевшего Игоря до ночной темноты катали в воронке. Уже и ноги заныли от сиденья на стальном стульчаке, приваренном к полу между внутренней решеткой и задней дверью машины — без ручки изнутри, а его все возили и возили. Словно забыв о нем, красношапочные справляли свою службу, то и дело подсаживая к Игорю новых клиентов — на второй, супротивный стульчак. И развозили их: кого в отделение, но чаще в трезвяк. В какой-то момент, задумав предложить сержантам отступное, залез рукой во внутренний карман пиджака и обнаружил... вернее не обнаружил ни единой кредитки. Припомнил, что предыдущий его сосед, выходя в

дверь во дворе вытрезвителя, дружески с ним попрощался, обняв понравившегося ему парня-страдальца...

Когда в промежутках между доставкой клиентов Игорь оставался сам-трое с сержантами, те замечали его, соболезнующее качали головами, сочувствовали: «Да-а, парень, инженер говоришь? Влип ты серьезно: кража госимущества, да еще с особой дерзостью! И главное — лицо предприятия, вывеска! Да-а, статья серьезная, не менее как на пятерик потянет».

Ближе к полуночи совершенно измученный Игорь робко заговорил о штрафе. Сержанты, смена которых заканчивалась, проявили интерес. Несколько огорчило их отсутствие у задержанного денег с собой. Как раз проезжали по Севастопольской улице. Машина притормозила на углу со Строительным переулком. «Вот что, парень, вижу, ты не дурак, опять же инженер. Но и нас пойми: улика-то вот она. Давай так: удостоверение твое у нас останется. Запомнил этот угол? Завтра в шесть вечера стой здесь со ста рублями. Не вздумай нас провести, мол, документик свой потерял, я — не я и кобыла не моя. Тогда точно посадим!»

Выпущенный из воронка Игорь, не чуя ног под собой, как раз по Строительному переулку быстро пошагал в сторону дома. Голова мало что соображала.

...В шесть вечера следующего, воскресного дня Игорь, потративший немало душевных мук, чтобы взять из копилки сотню рублей, стоял на углу Строительного и Севастопольской. Вздрыгнул, узнав *тот самый* воронок, что нарочито медленно проехал мимо него по Севастопольской. Игорь стоял в недоумении, но через пять минут к нему подошел парень лет восемнадцати: «Принес?» — «Да-да,— заторопился Игорь,— вот...» — «Иди за мной». — И парень пошел сначала по Строительному, потом повернул налево, еще через сотню метров направо. «Давай» — и, не оборачиваясь, завел правую руку за спину, раскрыв ладонь. Игорь вложил в нее тонкую пачку пятирублевых и червонцев. Все также не оборачиваясь, парень завел за спину левую руку с удостоверением. После чего, не прощаясь, резко свернул в неприметный узкий проулок.

Игорь, удрученный, побрел в сторону дома. А в ушах явственно звучал воркотливый голосок бабушки Лизаветы: «Вот так-то, внучек, откуда насыпалось, туда же и просыпалось...».

Но здесь донельзя огорченный воспоминанием профессор Игорь Васильевич резко подкрутил вправо ручку верньера машины времени.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

ИЗ КНИГИ «ПОХОЖАЯ НА ОБРАЗА»

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ЛЕБЕДЬ С ДЕВИЧЬИМ ЛИЦОМ

Стены дома, что напротив,
залиты косым дождем.
Но — весна! Уже на противень
рукодельных птиц кладем.
Мама жаворонков лепит,
любы ласточки сестре.
Ну а я — ваяю Лебедь!
С жемчугами на пере!
Чтоб во лбу звезда горела,
месяц косу золотил!..
Говорит сестра: «Ва-ре-ла!
Ты все тесто захватил!..»
Ты прости меня, сестренка —
я иначе не могу:
скоро-скоро жаворонка
я услышу на лугу,
скоро ласточки, ликуя,
пронесутся над крыльцом.
Но вот встречу ли такую
Лебедь — с девичьим лицом?..

ПОДЗОРНАЯ ТРУБА

Подзорной трубы
непонятная магия,
необъяснимое свойство:

Меж линз раздвижных
и, казалось, предельно простых
Весь мир помещая,
внушать и внушать беспокойство,
Что важное — скрыто
и главного — я не постиг.
Вращал окуляр я —
и видел все, как на ладони:
далекие рошу и поле,
Еще переезд станционный,
и насыпь, и рельсы,
дорогу, шлагбаум, избу.
И два силуэта...
И все мне казалось,
что там от отчаянья,
горькой обиды и боли —
Моя одноклассница Люба,
красивая добрая Любушка,
плачет, свою проклиная судьбу.
А, может, не плачет уже —
а задумала страшное что-то:
как ей не казниться?
Ведь сам рассказал мне
хвастливый ее ухажер,
Как вел ее в рошу,
клянясь,
говоря, что она — лучше всех,
что навек полюбил,
обещая жениться,
А после смеялся: «Плевал я на этих жен!»
Ходил он в героях,
не вскакивал ночью с постели
От сдавленных стуков,
рыдающих стуков колес,
А я просыпался и видел в трубу мою,
как под луной
станционной избушки той
окна блестели,
Как будто бы это глаза милой Любушки,
бедной обманутой Любы —
за миг до трагедии
полные ужаса, полные слез!
И странно мне было наутро,
и страшно мне было,
что нужен, как прежде, ей он лишь —
предатель,
Чьи речи бесстыдны, поступки жестоки,
коварны, нахально-грубы!
А я — посторонний,
а я — третий лишний, увы,
я всего лишь
влюбленный в нее наблюдатель,

К тому ж обладатель, к несчастью,
отличной подзорной трубы...

ПОДАРОК

Может, просто ты была рассеянна,
может, разлюбив — не отвечай! —
мой подарок в томике Есенина
возвратила вдруг и невзначай.
Мы расстались. Ты другого выбрала,
и была другому ты мила...
Но однажды медуница выпала
и легла на зеркало стола.
И рукою, вздрогнувшей и робкою,
я к цветку притронуться боюсь —
будто, отраженный полировкой,
как и он, внезапно раздвоюсь.
И опять с тобою рука об руку
в царство фей, берез и медуниц
мы пойдем, беспечные, по облаку
песенных есенинских страниц.
И опять — все кончится: рассеянна,
не сказав последнего «Прощай!»,
медуницу в томике Есенина
возвратишь ты — вдруг и невзначай...

КОЛОКОЛЕНКА

Восемь дней мы гребли без устали,
и рубеж загаданный взят.
С колокольни Ниловой Пустыни
мы оглядываемся назад.
Вспоминаются дали дальние,
песни долгие у костра,
вспоминаются Богом данные
селигерские вечера...
Дым струится, стирая лица,
но отчетливо вижу ту —
на какую перекреститься
захотелось мне — красоту.
И мне кажется: не случайно я
ждал и нежность приберегал
для очей твоих цвета чайного,
цвета сосен по берегам.
Все — родное, и все — в диковинку,
и я знаю: навек уже,
будто звонкую колоколенку,
унесу я тебя в душе!
Унесу я тебя, высокую,
с песней щедрою и простой,
камышом и речной осокою
выводящую на простор.

Чтоб в моей Одинокой Пустыни
свет сосновых очей светил,
чтоб идти мне всегда без устали
на надежный ориентир.

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ БЛОНДИНКА

Как забыть, скажите, Вас
если каждую весною —
миллионом Ваших глаз
листья блещут надо мною?!
Если у любой из роц
Ваш черемуховый локон!
И, как я с цветами, дождь —
с радугой у Ваших окон!
Если правите давно
миром этим, солнце застя,
Вы одна — и зелено,
белокуро в нем, глазасто!..

В УСАДЬБЕ ГРИНА В СТАРОМ КРЫМУ

Наконец-то! Вот мне и награда:
я в усадьбе Грина, я в Крыму!
Пару слив из гриновского сада
в Тулу я, на родину возьму.
Говорят, что это на удачу,
на любовь и нежность, на стихи!
Может быть, я жизнь переиначу,
может, отмолю свои грехи.
И всего добыюсь: в большом и в малом —
и для той, из мира «Майкрософт»,
стану наконец-то самым алым
из неvirtуальных парусов.
Знаю: ей, компьютерной особе,
часа нет — взглянуть по сторонам,
но она — из гриновских Ассолей,
из его Бегущих по волнам.
Ночью просыпается и грезит:
Грзя ждет иль Грина самого.
Будет она верная, как Дэзи —
Нина Николаевна его.
С ней, с такой, и в бурю я не сгину,
и коль все случится, как хочу,
всей семьею мы приедем к Грину —
и сорвем для дочки алычу!
Боже мой, как просто стать счастливым! —
верить ветру, верить небесам,
верить алыче и верить сливам,
верить своим алым парусам!!!

ЗЕРКАЛА

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
в этом городе и мире, где не встретили друг друга,
ты была моей мечтою, ты надеждою была.
И антракт уже кончился — жизнь дошла до середины,
и когда устал я верить, обнимая пустоту,
пошептались мрак со светом, и зеркальные глубины,
перебрав свои запасы, вдруг явили мне мечту!
Я не знаю, что мне делать с неожиданным подарком:
страстью, дочкою, подругой и мечтою, что искал, —
что вдруг стала мне всем сразу!
И тревожно в мире ярком
щедрых пьес и карнавалов и смеющихся зеркал.

ДОМИК ТВОЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ ОТ УГЛА

Будто старичок подслеповатый,
Вот же он, четвертый от угла,
Домик голубой, где ты когда-то
Маленькою девочкой жила.
Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:
Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду.
Вы храните, милые, храните
Даже гвоздь, где вешали белье,
И тяните, бережно тяните
Нити снов безоблачных ее.
Тает лет шагреновая кожа.
Но дождемся, может быть, мы дня —
Рассказать все той, что так похожа
Будет на нее и на меня.

ДНЕВНИК

Людмиле

Я нашел его случайно
среди старых школьных книг,
и не понял я сначала,
что тетрадка та — дневник.
А когда прочел запоем
чью-то юность, чью-то грусть —
в смысл вник,

стихи запомнил,
что встречал там,
наизусть
повторя —
зарябило вдруг в глазах,
и обомлел:
это — жизнь моей любимой,
где — ни слова обо мне!
Устыжусь: читал! Но каюсь
в той нечаянной вине.
Да и что дневник твой? — Казус,
где — ни строчки обо мне!
В нем — чужие люди жили,
милой думы полоня,
и нисколько не тужили,
что не знают про меня...
Наконец, припомнив даты,
смог я истину извлечь:
был закончен он когда-то
в предэпоху наших встреч!
Почему же то пустое,
что, быть может, в дневниках
и описывать не стоит,—
не забудется никак?
Тени тайного укора
закрывают небосвод:
переплет из коленкора —
мой невольный переплет!
И, растерянный, ревную —
к тем, к далеким временам,
где судьбу свою иную
ты звала по именам...

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
важный,
ждуший: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
смертные, отпел ее собор —
и такого вкусного, ржаного
не едал я хлебушка с тех пор...
Замело поселок — лишь церквушки
светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
вынимала мама из плиты.

Смазывала маслица кусочком,
ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
ждушим: ну когда же пировать.
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
где спяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
я уже, конечно, не едал..
Замело Заречье и Зарядье:
город весь — как в праздничной парче!
Вынимает милая оладьи
из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
подожду, пока им остывать,
посижу я мужем постаревшим,
вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу: «Небесной манны —
вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки,
без мамы —
и боюсь я траурных обнов...

Владимир Гуляев
(г. Барнаул)

Родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края. Председатель Алтайского регионального отделения Российского союза писателей. Печатался во многих журналах. Лауреат многих литературных конкурсов.

РОДИНА

Моя Родина там, где березы в сережках,
Там, где Обь омывает волной крутояр,
Где шаг первый я сделал в жизнь по дорожке,
Там, где пчелы с цветов собирали нектар.
Моя Родина там, где «курлы» журавлей,
где черемухи цвет кружил голову мне,
где целебный родник, превратившись в ручей,
затерялся в широкой сибирской реке.
Моя Родина там, где в белесом тумане
звезды прячутся на день, встречая рассвет,
где рожок пастуха зазывает и манит,
из далекого детства посылая привет!

НЕ НАДО ВРЕМЯ ЖИЗНИ ТОРОПИТЬ

Не надо время жизни торопить,
Все происходит в срок и постепенно:
Рождение, школа, начали дружить,
Взрослеем, и ведем себя степенно.
Друзей находим и теряем вдруг —
Внезапно разбегаются дороги.
Жизнь кружит нас и, замыкая круг,
То розы, то шипы швырнет под ноги.
По кругу ходим, вглядываясь вдаль,
Тропинки перепутались за годы.
Жизнь проверяет хрупкость в нас и сталь,
Переменяя счастье и невзгоды.

ВСТРЕЧИ — УДАЧИ

В каждой встрече бесспорно найдется удача
для решения даже сверхсложной задачи!

Все вопросы уладят простые ответы,
только мы усложняем их сами при этом.
Выбирая достойный маршрут и дороги,
мы порой обиваем чужие пороги.
Выбирая дороги на сложном распутье,
почему-то трусливо пасуем пред сутью.
И любому льстецу с умилением верим,
получив вместе с лестью большие потери.
Ждем откуда-то манны небесной и блага,
не желая подумать, отстав на полшага.

ПТИЧЬИ ГОЛОСА

Смотрю на череду бегущих облаков,
Все выше, выше. Ближе к звуку голосов.
Там «птицы» разного калибра и окраса,
Различных типов, подотрядов, классов.
В разноголосье птичьем ясно слышу,
Как каркают, трещат — свободно дышат.
По разным этажам птиц голоса и трели
Звучат залиvisto в природной акварели.
У каждой птички ярус свой и свой полет,
Их пение зависит от полета и высот.
Одни, как воронье — то каркают, то грают,
Другие, как вальдшнепы — хоркают, цокают.
У каждой птицы остров свой или болото,
Шесток иль малое пространство для полета,
Где можно гусем гоготнуть, иль пошипеть,
Или трескучей коростелью песню спеть.
...Сегодня в дальних рощах кое-где еще звучат
рассыпчатые трели соловья, ку-ку — кукушки.
Но уже меньше с горлицами голуби гуляют,
И меньше тетерев токует на опушке.
И в чистом небе жаворонок реже трелит,
Кулик бормочет с грустью, еле-еле.
И тетерева ток, протяжный свист дрозда
Доносится с полей уже не часто. Иногда.
Смотрю на череду бегущих облаков...
Там места нет для подхалимов, дураков,
Там восхвалений лестных не услышишь,
Там вольный ветер чистотою дышит!

Тася Ярина
(г. Иркутск)

Тася Ярина (псевдоним Татьяны Козловой) родилась в г. Усть-Куте. Закончила Иркутский лингвистический университет и Высшие литературные курсы. Автор трех поэтических сборников. Лауреат премий «Образ» и «Славянское Слово-23», вошла в число финалистов Поэтического конкурса Литературного института им. Горького «Новые имена 2022-2023».

РОССИЯ

Немало стихов о России,
И нового я не скажу,
В открытые окна гляжу —
И небо врывается синим
И белым (черемухи цвет),
Волнующим, неповторимым...
Так солнце над полем озимым
Льет мягкий ласкающий свет.
И красное утро встает,
Меня наполняя, как кровью,
К земле моей тихой любовью,
Что к детям моим перейдет.

В ЛЕСУ

Яркие всполохи солнца
Лягут на теплый песок,
Берег зеленый уткнется
В темный прохладный лесок.
Алые грозди рябины,
Черные серьги ольхи,
Тонкие беличьи спины —
Как золотые штрихи.
Пахнет прозрачною смолкой
И почерневшим грибом,
Дятел стучит без умолка
О проходящем земном...

У РЕКИ

Там, где белые кувшинки
Караулят диких ос,
Ловят утки-мандаринки
Толстых голубых стрекоз.
Вязок розовый суглинок
Под присмотром черных ив,
Там, где ляжет мой ботинок,
Спешен и нетерпелив.
И на желтом, и на белом,
Солнцем схваченном песке
Ляжет очертаньем смелым
Тень, идущая к реке.

ГЕОРГИНЫ

В гостиной тихо, сонно и темно,
И георгинов головы надменны,
Глядящие в немывтое окно,
Как старые надменные кузены.
Не оторвусь от книги ни на миг!
Пускай глядят и ждут меня смиренно, —
С зеленой лейкой, льющей на цветник,
Все брызги звезд танцующей вселенной.

БАБУШКЕ

Ты мало читала
И много молилась,
Ты думала мало
И много трудилась.
И утром воскресным,
Ленивым и длинным,
Кружила нам голову
Запахом блинным.
И мы собирались,
Как сонные птицы,
Чтоб доброго чая
В дорогу напиться.

ЮБКА

Бабушка юбку кроила
И раскрошила мелок...
Это, наверное, рок —
Лодку о скалы разбило.
Боже, какая печаль,
Мела обломки на ткани...
Берег пустынный песчаный,
Дымки туманной вуаль.
Тонкие строчки легки,

Вышло на зависть лекало!
Море спокойнее стало,
Вышли на лов рыбаки.
Кто-то лежит на бугре
Облаком белым в тенечке.
Папа родился в сорочке,
Я родилась в октябре.

СЛОВА

Искать слова, как камешки на пляже,
Которые и глаже, и белей,
Сбежав от суеты многоэтажек
В зеленый шепот белых тополей...
Сидеть в беседке, наблюдая волны,
Не ждать друзей и милого не ждать.
И мир в словах — огромный, безусловный,
Сквозь сердце, как сквозь сито, пропускать.

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

К ЛИТЕРАТУРНЫМ ЮБИЛЕЯМ

Наш постоянный автор.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

К 210-летию со дня рождения

Лермонтов Михаил
Кавказ знал и любил.
Его Кавказ уважал,
Как благородный кинжал...
Каждый Измаил-Бей
Помнит вьюгу полей,
Помнит черкес доброту
Шагавших на Кабарду...
Под барабанный бой
По-волчьи живи. Стой!
Пушки лезгинку поют,
Штыки создают уют...
Создали! Посмотри:
Горы-поводыри,
Гордые есть города,
Звонкие здесь провода...
Каждый Измаил-Бей
(Призрак синих ночей)
Будто из нашенских мест:
В теле кольшется крест.
В синих горах лежат
Кости русских солдат —
Голые и без креста...
Такие эти места.
Мечется среди могил
Лермонтов Михаил.
Средь гор дымит его след
Таков он — русский Поэт!
Каждый Измаил-Бей
Сегодня, как суховей,
Сквозь вьюгу под эполет —
Бурку уступит сосед.

Бьет горячая кровь,
Жалит звонкая бровь!
Встанет отважный берет,
Как Лермонтов, под пистолет.
Вместе... сквозь провода,
Закусив удила,
Летят под ракетный стон
Куда-нибудь за Херсон.
За Белгород, народ
Вновь положить живот.
Артемовска буй-кирпич,
Арты межгорловый клич.
В знамя, в красный атлас —
Нерукотворный Спас!
Рядом кряхтят казаки,
Перебирая штыки.
Вместе, в который раз,
Не дрейфит «контрабас»:
В глазницах Измаил-Бей
Сквозь завируху полей.
В касках Россия-мать —
Снова казаковать.
Всех первых опередил
Лермонтов Михаил!

ПУШКИН

К 225-летию со дня рождения

Он самый русский — не брונет... Поэт!
Он вечно в бурях на лихой пирушке...
Всем Черноморам он поныне свет,
Наш Александр, не Македонский,— Пушкин!
Поднял он знамя западных славян,
Поднял он знамя всех славян полночных.
Он, как тайфун, как вольный ураган,
Строкой рассек доспех Ближневосточный...
Руслан, Людмила, Всадник и Борис...—
Вся эта песня до конца не спета.
На запятой отчетливо повис
Очередной отъявленный Мазепа.
О, Александр — уже за шестьдесят,
Но также скор у этой колыбели!
Как и вчера, твой прогремел набат
Вдоль нашей неуклюжей параллели.
В полночных странах знают наперед:
Мы долго запрягаем по утряни,
Но верно мчим — не задом наперед,
А как стрела в худеющем колчане.
Тогда держись Мазепа или сэр,
Наполеон, кощеи и квакушки...
У нас есть Пушкин, а за ним в карьер

Летят незацелованные кружки...
Он добрый малый — дивный Горбунок.
Он был любим, и сам любил без сдачи!
Но если что, Руслан уже отсека
У колдуна бродатую удачу.
С небес ли грянет иль из-под коры —
Сподобится под самые румяна.
С ним Елисей и те богатыри
Из царства достославного Салтана!

ЕСЕНИН

Ко дню рождения поэта

Сергей Есенин! Есть такой соколик...
Он душу дьяволу, вестимо, не продал.
И не был он пропащий алкоголик,
А был живой, чувствительный кристалл.
Крутил его тот пугачевский ветер,
Родных хибар осиротевший дым!
Сергей Есенин был на белом свете
Такой хороший... честный гражданин.
Золотогривый... честным барабаном
Гремел про то, о чем молчал Господь.
И если был однажды коммунарком,
То для того, чтоб рифмами пороть.
Господь молчал, ну а потом ответил —
Смахнул с кудрей гнилую шелуху:
Все услышали в золотом поэте
Сердечный гром. На нашем берегу!
На том берегу кудрявятся березы,
Его судьбы летящей за страной.
Его стихи идут, как паровозы,
Сквозь поколения чрез точку...
С запятой!

ПРОЧИТАВ МАЯКОВСКОГО ТОМ...

Прочитал Маяковского том!
Нет вопросов: классик и глыба.
Его стих, словно банщик кнутом,
Вздул меня и чем-то засыпал.
Только чем? Не пойму я никак:
Не дерьмом, но чем-то галимым.
Уловил — это радия шлак
От Везувия, Хиросимы...
На моем позвонке он сыграл,
Из ноздри вдруг «Облаком» вышел.
Отчего меня манят вокзал
И чужие лысые крыши?
Улететь бы куда?! За компас!..
Где испить той Арктики пиво?!

Бородою я в противогаз
Уж не влезу — мне некрасиво.
С бородой или без — по ночам...
Пушки днем курлыкают небо:
Каждый залп — миллион богачам,
Беднякам не выдали хлеба.
То... у них, а у нас... на Луне —
На мопедах пепл, на рулесах.
На какой (на «хорошей»?) войне
ЧЕЛОВЕКОВ прут в труповозах?!
Хиросима — она на Луне!
Хиросима — она на Солнце!
На Венеру — ее по весне
Отбашляют свежим японцем.
Это ветер остывших морей,
Всех *БАГДАДИЩЕВ* вместе взятых!
Уже гунны седлают коней,
И гориллы куют лопаты...

* * *

То у них, а у нас лепота.
Мы в огне не горим. Не тонем!
Городов-лебедей борода —
Плясовень на плечах колоколен...
Наши парни — они, как гранит,
Наши танки быстры, как ветер!
Есть на этой Земле Айболит,
О котором мечтали дети!!!
Им... то эхо не сдвинуть с Луны,
Где на треть этажей — штиблеты,
Где отвисшие в пол карманы,
Затмевают братишек береты.
Но есть город! И есть волонтер!
Пусть не Китеж. Не Буратино!
У них все: и душа, и мотор,
И губастый бидон бензина...
Там рисунков и мишек не счесть,
Где-то Пушкин заместо каши.
Маяковский? Доподлинно здесь!
В рюкзаках его патронташи...
Прочитал Маяковского том,
Еще девять вошли экспрессом...
...Будто честно прошлись топором
По моим и живым волнорезам...
Самый верхний и светлый этаж
Книги эти ждет по утрам:
И Есенина пряный тираж,
И «Границу» из Лебедяни.
Вдруг звонок! Или буй-почтальон
Постучал в раскудрявый терем?!
«Проходите! О книгах потом.

Расскажите, как там... на Венере?»
Барабанщик тот выложит все —
Барабанщик межзвездный в теме,
Где пасет марсоход воронье,
И какие системы в Поэме.
Опосля, нахлобучив картуз,
И забрав что просили дети,
Маяковский шагнет в звездный шлюз.
«Как один!» В винтокрылом берете.
И подхватит Поэму Господь,
Парашют зацепив о тучи.
Облака без штанов, как водь.
Облака без штанов могучи.
Брызнут слезами те кисели,
Когда винт разбинтует вымя.
То архангелов поводыри
Остужают тебя, Хиросима...

.....
Кордебалет безумия...
Человек или мумия?
Серебро или платина?
Прочитайте Замятина.

Александр Ковалев
(г. Геленджик)

Александр Николаевич Ковалев родился в 1953 г. на Кубани, в станице Мингрельской. С 1957 года живет в Геленджике. Его стихи и песни написаны сердцем. Они несут искреннюю любовь к России, своему краю и, ставшему родным, городу Геленджик. В Санкт-Петербурге в издательстве «День» вышли две его книги: «День новый — новая дорога» и «За добрый мир готов сражаться я». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Я РОЖДЕН НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Я когда-то учился ходить...
Я шагнул к материнской улыбке!
С каждым шагом учился любить
Все, что дарит Земля без ошибки!
Добрым словом ее согревал,
Чтоб в Отечестве память не стыла,
Свои песни я ей напевал
И хранил, и любил то, что было.
В чистых росах бродил босиком,
Вдоль полесья, где певчие птицы...
Часто в детстве я плакал тайком,
Когда правды не мог добиться...
И шагов мне моих не забыть,
Что судьбой мне дано, я отведал...
Я у мамы учился любить,
А дружить — у отца и деда!
Я рожден на планете Земля!
И хожу я по ней аккуратно...
Берегу, обнимая, хваля...
А она мне все дарит обратно!

1 МАРТА 2022 ГОДА

Сегодня утром, не робея,
Ко мне в окно стучит весна!
То посильней, потом слабея
Резвится с дождиком она!
Столь юный март, бросая свежесть,
Спешит напомнить о весне...
Но почему-то эта нежность
Сегодня не звенит во мне...
Все чувства трепетно роняя,

Поднять пытаюсь и сберечь,
А сердце болью заполняет...
И тяжесть войн не сбросить с плеч...
В сей битве правда, честь и сила!
Отчизне служим и Отцам!
В защиту стала вновь Россия!
Ее не свергнуть подлецам!

А НА ДУШЕ ТРЕВОЖНО...

Время нынче настало такое,
Что качнулся весь мир на земле...
И в душе моей нету покоя,
Я как будто прикован к скале...
Мне б в цветенье лугов окунуться...
Прикоснуться улыбкой к весне...
Но душа, не успевши проснуться,
Снова рвется к священной «войне»...
И тревогой наполнена снова,
И, вдыхая весны аромат,
Ищет трепетно нужное слово,
Чтоб звучал лишь победный набат!

ДУМЫ СОЛДАТА

Державны думы ночью лунной
В мгновенье сна меж тополей...
Души натянутые струны
Среди неубранных полей...
В полях Луганщины, Донбасса
Он видит, как горит трава,
Снарядом выбитая трасса...
Березка выжила едва...
Но он твердит: «Я воин чести!
Я твой солдат, поверь, народ!
Победу мы приблизим вместе!
За Мир мы движемся вперед!
О! Мой народ! Народ России!
Прошу тебя, не унывай!
В твоей поддержке дух и сила!
Об этом ты не забывай!
Только в единстве! Мощным фронтом
Фашизм изгоним навсегда!
Чтоб этот гад над горизонтом
Нам не маячил НИКОГДА!

ТРОПИНКА ПАМЯТИ

Свой срок отжили глиняные хаты...
Просели в землю... крыши набекрень...
И в отклике судьбы витиеватой
Печален образ старых деревень...
Но в образе печальном дышит сила —
Из времени сплетая торжество!

Вернуться в детство память попросила...
И вот я там, где греет озорство...
Босые ноги бережно ласкают
Тропинку узкую, бегущую к реке...
И памятью мне в душу проникают
Те образы, что где-то вдалеке...
Смельчак забавный, пусть штаны в заплатках,
Бегу за вереницею гусей!
Бегу в родную глиняную хату
С рыбалки... да с ведерком карасей!
В сенях прохладных, с камышовой крышей
Встречает бабушка внучонка — рыбака...
И нежно гладит выгорело-рыжий
Мой чуб ее покровная рука!
Благодарю судьбу за хаты эти,
Где расцветали детства кружева!
Нет ничего прекраснее на свете,
Когда тропинка памяти жива....

РАССКАЗ ИЮНЬСКОГО УТРА

Месяц, трепетно, к рассвету
Плыл в безмолвии глухом...
Спал июнь... и спали дети,
Мир не думал о плохом...
На лугах дремали росы...
Сонный Днепр прилег на плес...
Ветер нежно гладил косы
Сном окутанных берез...
Лето ласково дышало
На бескрайние поля...
И все это принимала
С благодарностью Земля...
Вдруг... внезапно, над Землею
Разорвало тишину...
Самолеты, злобно воя
В лето сбросили войну...
Превратился в поле боя
Луг цветущий, на глазах...
Лето светло-голубое
Стало черным, все в слезах...
Зашумели в рощах птицы...
Резал небо детский крик...
Боль и страх впечатал в лица
Вероломный этот миг.
Все охвачено в огне...
Мирный хлеб, с росой хрустальной...
Утро с болью и печалью.
Так рассказывало мне...

САЖЕНЦЫ ИЗДАЛЕКА

Остался жив. Он шел с войны...
Но сердце сжалось от тревоги:
Родные села сожжены,

Лишь ветер рыщет вдоль дороги...
Он куст рябины откапал.
Копнул отросточки березы.
Щенка бездомного поднял,
А душу жгли мужские слезы.
И зубы скрипнули от боли,
Судьбы дорога нелегка...
Шел человек с солдатской долей,
Нес саженцы издалека.
Шел по распутице осенней,
С трудом ступал на костыле
По снежной слякоти кисельной,
По бездорожью на земле...
Он возвращался к месту боя,
Он шел к могилам, к тем местам,
Где небо серое и злое
Еще войной шептало там...
Он нес щенка, согрев в шинели,
Прижав бинтованной рукой,
Он шел туда, где отгремели
Бои, за маленькой рекой.
И в землю палкой упираясь,
Искал кресты на берегу.
Глаза слезою наполнялись...
Нашел он бугорки в снегу...
И, опустившись на колено,
Снимал он саженцы с плеча.
Здесь — санитарочка Елена.
Здесь — бугорочек Ильича...
Вот там — сержант, а там — Серега,
Что на гармошке нам играл...
Мужские слезы у дороги
Пес грустным взглядом провожал.
Война жестоко всех косила,
Не оставляя адресов...
И сколько лет им — не спросила,
А кто-то и не брил усов...
А кто-то не увидел сына,
А кто-то потерял отца...
А где-то мать, склонясь над тыном,
Ждет, не дождется письмеца...
Солдат, взглянув на пса с надеждой,
Сказал: «Немного посижу.
И чтобы помнить всех, как прежде,
Я здесь деревья посажу!»

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ

Повстречавшись однажды с другом,
Задал я банальный вопрос.
Его брови поднялись кругом,
Взгляд как будто ветер унес...
Неохотно он мне ответил

И неловкую фразу сказал:
«Жизнь моя, будто в черном цвете» —
Произнес, и вдруг замолчал...
И сказал я ему осторожно:
— Ты с надеждою в мир посмотри,
И, быть может, поймешь, что можно
Ночью видеть начало зари.
А когда на полоске вспаханной,
Кружит стаями воронье,
Черный цвет не встречай со страхами,
Что он мертвый — это вранье!
Черный цвет на полях распаханых
Возрождение жизни ждет
И с волнующим хлебным запахом
Золотыми полями встает.
Письма пишем мы черным по белому,
Где бескрайние строки любви.
Черный цвет, он подвластен смелому,
Ты в делах к нему белый зови!
И тогда, как на поле шахматном,
Мудрой мысли откроется дверь.
Будь смелей, не живи со страхами.
Стань собой! И в себя поверь!

МГНОВЕНЬЯ ЖИЗНИ — ВЕТРЫ СУДЕБ...

Мгновенья мчатся по земле, как ветры,
Не зная, где их дерзкий поворот,
И судьбы держат жизни миллиметры,
А может быть совсем наоборот...
Мелькают лица жизненной дороги —
Женщина в черном, и слеза рекой.
Пред ней мгновения безжалостны и строги —
Сегодня ей рыдать за упокой...
В лицах прохожих время отражает
Бегущий день с неведомой судьбой.
День каждого по-разному встречает,
И неизвестно, что нас ждет с тобой...
Разбрасывает день судьбы картины.
И жизнь уже не дышит пустотою —
Обнявшись, молодые у витрины
Несут любовь с земною красотой.
И судьбами закруженное время,
Мгновеньями сплетенное в миры,
Несет необратимо свое бремя
Вдоль неизвестной жизненной игры...

ПОДАРОК НА РАССВЕТЕ...

Красив и свеж предутренний туман.
Его объятья тайной восторгают.
Вот и вчера, как серый океан,
Окутал все, любя, оберегая...

В молчанье нежном робость затаив,
Он проплывал с рекою обнимаясь...
Выглядывал из-под плакучих ив,
В безмолвной неге тишины купаясь...
В живительной прохладе, не спеша,
Росинками украсил паутину,
И, пробираясь в глубь среди камыша,
Сулил мне утра щедрую картину!
И вот я вижу: в дымке над рекой
Луч солнышка пробился нежным светом,
Нарушив этот царственный покой,
Мне дарит утро жизненным рассветом!

ОСЕНЬ, МОЯ РАДОСТЬ НЕРАЗЛУЧНАЯ

На зеленом сарафане лета
Осень золотом узоры вышила
И в прохладе южного рассвета
Песню как печаль свою услышала
Чуть взгрустнув от этого сюжета,
Расплескала, разлила, рассыпала,
Разбросала Сентябрем по свету
Краски... И листвою всех осыпала...
Унесла на скошенное поле
Листья золотые тополиные
И короче стали поневоле
Все деньки, что летом были длинные.
Ветерок игривый и застенчивый
Закружил листву без сострадания,
С робкою прохладою обвенчанный —
Счастлив от осеннего свидания
ВЕТвями багряными и рыжими
Засверкал узор многоголосия!
И всегда стремимся быть поближе мы
С величаво-сказочною осенью...
Улыбнись! Живи! Моя красавица! —
Осень, моя радость неразлучная!
Если даже дождь кому не нравится,
Для меня — Ты самая! Ты лучшая!

ВО ДВОРЕ ТРАВА...

Месяц май. В огороде трава.
А покос — это дело святое!
Я спешу засучить рукава
И с утра размахнуться косою
Не жалея ни пота, ни сил,
Я спешил двор убрать поскорее
Я косил и косил, и косил,
Утром рано вставал на заре я
В огороде скосил я траву,
У реки покосил, у дороги...
Только радости нет! Почему?!

Давит чувство нелепой тревоги...
И как хочешь меня понимай.
Я теперь упаду и заплачу.
Я скосил жизнерадостный Май!
У себя в огороде, на даче...

ВТОРОЙ ПОКОС

В июне я косил траву.
Гляжу, бутончика мордашка.
Да это ж расцветет ромашка!!!
А с ней полянки оживут!
И так хожу с косой по кругу,
Там клеверок скосить мне жаль...
Там васильки дрожат с испугу,
Искрятся в росах, как хрусталь!
И я поднял косу от луга,
Зачем сухие мне стога?
Пусть утром зацветут в округе
Мои домашние луга!

ШТОРМ

Холодный дождь смешался с бурей лютой,
Промозглым ветром хлещет по штурвалу —
Ненастный день, раздробленный в минуты,
Зловеще разрывает путь к причалу...
Резвится шторм, не хочет он покоя,
И гонит разъяренную волну.
Она ревет, как детище морское,
Повсюду дерзко вспенив глубину.
Скалистый берег с улыбкой горделивой,
Воскликнул буре: «О, прекрасный миг!!!»
В ее объятиях, могучий и счастливый,
Взыграл над валом штормовых интриг.
В безудержном порыве страстной бури
Пророчит он громящую волну,
Шторм заслонил небесный цвет лазури
И поглотил в безумстве тишину!
Море, как рок, в плену угрюмых туч,
И взрывы брызг взлетают в небосвод,
Не может к ним пробиться солнца луч,
И все летит во тьму бурлящих вод...
Разгневанной стихией рвется мир,
К борьбе, отваге, смелости вызывает,
Семь баллов за кормой, гудит эфир,
Штормующий корабль судьбы не знает...

Валерий Демидов
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА «ДЕРЕВЕНСКИЕ МОТИВЫ»

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

МЫ ИЗ ДЕРЕВНИ

Отцы наши, деды с косой здесь ходили —
в трудах деревенских не сыщешь идиллий,
но в нас ностальгия пшеничная дремлет,—
мы из деревни.
Коль крикнул петух — поднимайся с постели.
Здесь люди в трудах деревенских потели,
воочию здесь человеческий кремний,—
мы из деревни.
Нас всех повенчала родная природа.
Мужик из деревни отличен породой.
Здесь нет и не будет привычек тюремных,—
мы из деревни.
Вкушают продукты полей горожане,
все дети и взрослые мед обожают,
и шепчут листвою городские деревья:
«Мы из деревни...».
На Троицу едем в березовый лес,
любоемся видами красочных мест.
Живут в нас доньше обычаи древних,—
мы из деревни.
Из дома — на землю, без лифтов «высоток».
Здесь все измеряют аршином и соткой.
И вид поселений — не облик царевны,—
мы из деревни.
Здесь родина, ратная слава и сила,
здесь стержень и соль необъятной России.
«Откуда вы?» — спросят. Не будет дилеммы,—
мы из деревни...

МОЯ РОССИЯ

Когда меня бы попросили
сказать два слова о себе,—

я рассказал бы о России,
чья боль живет в моей судьбе.
Здесь каждая весна красива,
загадка — каждый человек.
Себя не мыслю без России,
ее полей, лесов и рек.
Я брежу в городе деревней,
на юге плачу без берез,
и вряд ли что-то есть напевней
коров мычания в утро рос.
Мне часто стала ночью сниться
в сугробах тещина изба.
Жаль, что не знает заграница
жизнь этих мужиков и баб,
не видевших лазури моря,
не слышавших напевы волн,
зато хлебнувших столько горя,
что горем этим каждый полн...
Мы позабыли о России,
хотя и граждане страны.
Как получилось, что всеильны
власть, деньги, козни сатаны?
Но если бы меня спросили,
то я б признался, не греша,
что сердце у Земли — Россия,
она же есть ее душа.

«БИЗНЕС» ПО-КРЕСТЬЯНСКИ

— Возьми лучок.
Картошечка вот, свекла...—
мне говорила бабушка в платке.
Она стояла
под дождем и мокла,
и прятала ладони под жакет.
Желтел октябрь.
Спешил куда-то город.
И лишь старушка время не считала,
поскольку выгнал
ее в город голод
и вечная в деревне нищета.
А дед остался
приглядеть за домом —
кур и собаку надо накормить,
да поросенку
постелить соломы
и старого соседа навестить.
Они вдвоем
давно уже остались —
с тех пор как сын уехал жить в Сибирь,
и от трудов,
от горьких дней устали,

по вечерам читали вслух Псалтирь.
Их пенсион,
как и везде, был жалок,
едва-едва хватало на житье,
но никогда
никто не слышал жалоб
от них на положение свое.
Дед все шутил:
— Мы бизнес по-крестьянски
теперь решили с бабкой завести,—
жаль, что нельзя
бомзам американским
картошки русской с хреном отвезти.
— Да ладно, дед,—
в ответ твердила бабка,—
какой с тебя таперча бизнесмен,
ты, вон, уже
из рук роняешь тяпку,
да под мешком не распрямишь колен.
Иди в сарай —
там крыша прохудилась,
подвал зальет — и лопнет бизнес твой.
Нам, почитай,
лет пять не приходилось
в долги влезать, хотя и не впервой...
— К зиме зарежем,
бабка, поросенка,
я сало сам на дыме закопчу,
пожарим печень,
почки, селезенку,
в райцентр подарок отвезешь врачу.
— Да, хорошо б
на сале и с горохом
вот эту зиму продержаться нам,
а то ведь, помнишь,
как корова сдохла,—
едва дождались, чтоб пришла весна...
Как долго длится
бизнес по-крестьянски!
И не прожить в России без него.
Он не немецкий
и не итальянский —
он русский стон от пота своего.
...Ряды сараев.
Огородов грядки.
Подножный корм в закутах поросят.
Век земляных полов
и мрак лампадки
сегодня чей-то разум поразят.
И не уйти
деревне от заботы
о хлебе, мясе, кочанах крутых,

от тягот вечных,
от красот природы
с рассветов и до самой темноты...
А может, этот
путь извечно трудный
и есть великий подвиг бытия?
И в час, когда
раздастся Голос трубный,
ты будешь с Богом, Родина моя.

В ДЕРЕВНЕ

Я родился в городе, но все же
по деревне мается душа...
Помнится, когда я был моложе,
мог наезды к теще совершать.
Мы купались в озере совхозном,
обходили все вокруг леса,
любовались по ночам на звезды
и соседский «навещали» сад.
Гуси гневно нам шипели что-то,
поросенок рылом бился в дверь,
возвращался пьяным тесть с работы
и кричал, что он голодный зверь.
Огород манил земной прохладой,
огурцы виднелись тут и там,
помидорам, вишням были рады,
трактору, гудящему как танк.
Этот трактор тестем собран лично,
пилорама — дело его рук.
Тесть гордился, что сосед столичный
называл Марeya «сельский друг».
Молоко коровье было жирным
и теплилось пеною в ведре.
Тесть казался будто бы двужильным,
дотемна копясь во дворе.
Теще тоже и забот хватало
(комбикорма нянчила мешки),
и в сарае падала устало
на прикрытых шубой две доски.
Печь «глотала» чуть подмокший уголь,
а уж дров сожженных — и не счесть.
Тесть кровать поставил к печке в угол
и будильник заводил «на шесть».
Я же дрых, от роя мух укрывшись,
слышал, как гремели чугунки
и стучал по старой кровле крыши
дождь (прогнозам тещи вопреки).
Скромный быт казался делом крайним, —
здесь важнее природа, чем ты сам,
и водой холодною из крана
умывались смело по утрам.

А когда была пора покосов,
руки ныли, плакала спина,
зло кусали оводы и осы,
обжигало зноем солнце нас...
Эти дни и годы — незабвенны,
лишь теперь я это смог понять:
что казалось нам обыкновенным,
стало лучшим в жизни для меня.

ВЕСНА, ВЕСНА...

Казалось, что не доживу
я до твоих листков зеленых,
не брошу взора в синеву,
не обниму ствол старенького клена.
Как много дней я ждал, весна,
цветенья желтых мать-и-мачех,
и даже в зимних своих снах
пил сок березового плача...
Все приходилось делать мне:
пахать, сажать растений семя,
и понимать, что по весне
беречь не силы нужно — время.
Поля черны. Галдят грачи.
А воздух! Деревенский, пряный!
Душа весною не молчит,
весною без вина я пьяный...
Вчера мне долго не спалось —
все вспоминал былые весны:
вот запах я твоих волос
ловлю, а в небе светят звезды;
вот, в половодье утопая
в еще не стаявшем снегу,
ищу в лесу подснежник мая
среди причудливых фигур;
вот на лужайке, чуть подсохшей,
в лапту играю, а потом
я рукавом промокшим сопли
стираю, еле бредя в дом...
Весна! Весна... Даруют силу
и солнца теплые лучи,
и радость от того, что зиму
я пережил, что нет причин
болезням подчиняться слепо,
ворчать на тысячи проблем, —
ведь за весною будет лето,
ведь дарит Бог любовь нам всем.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Разве могут врать деревья?
Разве людям лгут цветы?
Город — это не деревня,

где с природою на «ты».
Город с легкостью обманет,
он рекламною красой
мужиков доселе манит,
не расставшихся с косой.
Город — это мир иллюзий,
мир несбывшихся надежд,
где нас давит жизнь и грузит
в липкий дательный падеж.
И кому привалит счастье? —
неизвестно до сих пор.
Часто рубит нас на части
государственный топор.
И досуг иной в деревне,
и культура здесь не та, —
каждый дом имеет, хлев в ней,
да повсюду — нищета...
Город прячет деньги в банках,
город злобен и ершист, —
в деревнях же хранят бабки
нафталиновый аршин,
И на смерть отрез хранимый
будет молью иссечен,
а могильный холм под ивой
белой краской наречен.
Город — место броской моды,
здесь царят свои манеры,
а в деревне свиньи мордой
тычут в двери из фанеры.
Город ценит власть и силу,
в нем снимают стрессы кошки,
а в деревне мать носила
на себе мешки с картошкой...
По деревне я скучаю —
там душа моя ликует.
Я деревню величаю
и люблю ее такую —
чуть наивную, без грима,
без асфальтовых дорог...
Русь моя непобедима,
коли жив такой народ.

ДЕРЕВЕНЬКА

Опустели дома. И река обмелела.
Нет на пастбище старом мычащих коров.
А ведь ты, деревенька, себя не жалела,
когда было в тебе больше сотни дворов.
На заброшенном кладбище травы бушуют,
покосились кресты и ограды могил...
И в слезах очищенья у Бога прошу я:
«Миг прозренья даруй! Дальше жить помоги!»

Даже пес присмирел, что за мной наблюдает.
Дождь заплакал, и тучки поплыли окрест.
Ворон что-то кричит и тревожно летает.
Зашумел близлежащий таинственный лес...

Деревенька моя! Помню, как коромысло
моя мама легко и красиво несла,
и светлы были детские чувства и мысли,
и черемуха возле крылечка цвела.
Как легко мне дышалось! И радостно было
детским сердцем и мир, и себя понимать,
видеть смысл даже в том, что опять мне купила
вкусных жамок моя ненаглядная мать.
Я на речку ходил с ней — белье полоскали.
До кувшинок хотелось рукой дотянуться.
А потом мы с ней хлеб в чашку с медом макали
и с душицею чай сладко пили из блюдца...
На деревне и было всего-то пять улиц,
но далеким казался деревни конец...
Как же так, пацаны, с вами мы разминулись
и не слышу я стук ваших милых сердец?!
Разбросала судьба нас по долам и весям —
деревенька осталась местам тем верна.
Здесь не знали ни зла, ни коварства, ни спеси,
мужики же ругались, лишь выпив вина.
Стариков почитали. Детей баловали
то початком, то яблоком, то леденцом.
Ну а мы в годы те понимали едва ли,
что и нам предстоит стать семейства отцом...
Деревенька моя! Ты уже неживая.
Нет в тебе того духа колхозной семьи.
Очень редко теперь земляки здесь бывают,
и уже не играют в пыли воробьи...
Только можно ли нам позабыть эту землю?
Никогда не исчезнет из памяти то,
чему сердце внимало, чему оно внемлет...
Память высохла, будто гербарный листок...

МАЛАЯ РОДИНА

Родина там, где могильные плиты
предков, соседей, знакомых, друзей.
Родина там, где в терпении слиты
тысячи трудных дорог и стезей.
Родина там, где родился на свет ты
и в час рожденья издал первый крик.
Родина там, где пастушьи рассветы
были не хуже вечерней зари.
Родина там, где находится память,
там, где поэзия чувств неизбывна.
Родина там, где ласкался я к маме,
прятал дневник в лопухи и крапиву.

Родина там, где остались надежды,
где я мечтал не о благе себя,
а о России, могучей, как прежде,
и о народе, тонувшем в скорбях...
Вот я вернулся на родину снова,
но не узнать уже памятных мест,—
ныне не слышно мычания коровы
и петухов громкий голос окрест.
Ныне забыта пора сенокосов
и в деревнях — лишь одни старики.
Много имеется к власти вопросов,
но кто ответит на них по-людски?..
Страшно, коль родину мы потеряем,—
кто мы без родины? — щепки в волнах.
Мы на земле рождены матерями,
чтобы земле послужить той сполна.
Горе, когда обрываются корни
и ты становишься космополит,—
малая родина — верхняя горница —
будто в Иуде, в нас часто болит...
Родина нам уготована Богом.
Родина вечно в душе и уме.
Труден наш путь за родимым порогом —
важно к нему возвратиться суметь.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Я зареюсь в осенние листья,
задохнусь прелым запахом трав
и оставлю тревожные мысли
о суровости жизненных драм.
Залюбуюсь березовым небом,
полной грудью вдохну тишину...
Я давно таким радостным не был,
встретив осень как будто весну.
Разноцветье осеннего леса
так сродни разноцветью в душе:
то грущу, то заплачу, то весел,
то валюсь на крутом вираже.
Листья падают — годы уходят,
но из них собираю я букет,
и покажется, будто я, вроде,
еще молод на старости лет.

ПЕЧКА

Мы с братом выложили печь.
Кирпич к кирпичику ровняли.
Жаль, что нельзя на печку лечь,
а то бы койки променяли.
Чужой стоит пока в углу —
ее натура незнакома.

Раствор и мусор на полу
и неуютно в дачном доме.
Последний переход, и вот
уже мы перекрытий выше,
трубой закончен дымоход,
что возвышается над крышей.
Все, вроде, делали как надо,
но все же опасенья есть:
не будет тяге ли преградой
кирпичный ряд и глины смесь?
Не все ведь нам давалось гладко —
в печном мы деле не спецы.
Ведь это же искусство — кладка
и четко выводить венцы...
Пожалуй, все забудут скоро,
что в доме с печкою светло.
Мы почему-то любим город,
где коммунальное тепло.
Но разве трубные творенья
нам принесут тот добрый дух,
когда горящие поленья
ласкают взор и нежат слух?
Мы далеко ушли в прогрессе,
для дел нам не хватает дня.
Но как бы счастлив был я, если
гудела б печка у меня...

СЕНОКОС

И вот уж время. Сенокос.
У мужиков и баб — заботы.
Трава звенит от тонких кос
и спины мокнут от работы.
Я бросил город. Тоже здесь.
Кряхтя, с крепчайшего похмелья
чуть свет, с росой, встает мой тесть,
впитавший старые поверья.
С календаря все десять дней
не отрываются листочки:
«Страда для нас всего важней», —
глаголит дед на теплой кочке.
На небе — тучи. Мы спешим
все травы уложить в стожки.
А завтра снова ворошить
за ночь подмокшие валки.
Пьянит в сарае сенный дух,
и я, упав на стог спиною,
лежу и слышу, как петух
кричит о чем-то за стеною.
Мычит корова — сена просит.
Встаю, с охапкой к ней бегу...
И снова город, смог и осень...
Я *тем* живу, что берегу.

Я ПАС КОРОВ

Мне часто снится по ночам,
как росным тихим утром ранним
с кнутом и торбой на плечах
я сонным шел к села окраине.
А здесь — мычание коров,
кнутов стрельба для своенравных,
и, не ища культурных слов,
мы гоним их пастись на травы.
Коровы нехотя бредут
и вяло рвут соцветья мая,
губами теплыми жуют,
хвостами наглых мух гоняют.
А в полдень возле старых лип
хозяйки чисто вымя моют,
чтоб молоко в ведро сцедить
почти кипящее, парное.
Мы сладко дремлем в этот час —
сон пастухам всегда награда.
И, словно бы жалея нас,
лежит вокруг коровье стадо.
На водопое у реки
боками молча трутся в ветлы.
То тут, то там слышны шлепки
лепешек травного помета.
Вот солнца красочный закат
на лес набросил свои тени —
и мы уже спешим назад,
мечтая только о постели...
За тридцать лет я много раз
с кнутом бродил в полях, лугами,
и понял только лишь сейчас,
зачем хранит все это память.
Я пас коров. И в тех трудах
любил и познавал природу.
А кнут мне Бог затем лишь дал,
чтоб с ним почувствовать свободу.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор, награжден медалью «Николай Рубцов» Союза писателей России.

ОДНАЖДЫ ЗАБЛУДИЛАСЬ КОРОЛЕВА

*В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.
Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Положил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.
...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.*

«Принцесса». Н.С. Гумилев

1

Заблудилась в лесу королева...
В этой сказке начало такое.
Не спеша шла. И слышит вдруг слева —
Щебетание птиц небольшое.
Пригляделась: стоит перед ней
Неизвестный мужчина с ружьем.
Кто он? Это разбойник, злодей?
Что еще можно думать о нем?
Только это был бедный лесник.
Вышел он на охоту, как вдруг —
Незнакомку увидел... И сник,
Лишь промолвил: «Не бойтесь, я друг!
И не сделаю Вам ничего
Я плохого. Пойдемте, со мной!
Лучше станет Вам лишь оттого,
Что не будете в чаще одной!»

2

И привел королеву он в дом,
Уложил на простую кровать.
А себе выбрал место со мхом
Во дворе и ушел туда спать.
Королева промучилась ночь,
Не могла долго крепко уснуть.
Все гнала мысли грустные прочь,
Представляя обратный свой путь.
На заре он ее проводил,
Напоив молоком на дорогу.
Пожелал ей удачи и сил,
Дал картошки и хлеба немного.

3

Королева пришла во дворец,
Слуги ждали ее у дверей.
Тут у сказки быть должен конец...
Королева не спит много дней.
Жестко ей на кровати одной,
Вспоминает в лесу старый дом.
Жизнь была в нем особой, другой.
Двор, заросший травой и мхом.
И пошла королева вновь в лес.
И с собою взяла молока...
В сказках множество разных чудес.
Я свою приукрасил, слегка.

ВСТРЕЧА ДВУХ СЕРДЕЦ

*Так давно я ищу тебя,
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.*

«Песня Дриады» Н. Гумилев

Проходит встреча двух сердец,
В них много тайн и теплоты.
Печалим всем настал конец —
Собой украсишь вечер ты!
Твои глаза — как свет в окне,
А губы — словно ложки мед.
Судьбой подарена ты мне
И счастье нас обоих ждет.
Укрась собою этот вечер,
Печалим всем пришел конец!
Сегодня ласковая встреча —
Соединенье двух сердец!

ТА ДЕВЧОНКА, С ПЕРВОГО ОТРЯДА

Почему — то вспомнил лагерь наш
И девчонку с первого отряда.
Детство, лето, солнце и кураж.
Все промчалось и ушло куда-то.
Я забыл, как звали ту девчонку,
Лет ведь пролетело много столько.
Как она вела меня в сторонку,
Чтоб спросить: «Ты целовался, Колька?»
Я тогда, конечно же, краснел,
Но не думал виду показать.
Пусть же знает, что я очень смел,
Хоть молчал. Она же мне опять:
«Ты разочек целовался, Колька?»
Ну, скажи, признайся мне в ответ!»
Пролетело с той поры лет столько,
Затерялся той девчонки след...

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Не утихает ветер перемен
И время вдаль несется, словно птица.
Не избежали мы с тобой измен
И счастье нам теперь лишь только снится.
С тобою оба виноваты мы,
Свои ошибки не смогли понять.
Не вырвались из плена лжи и тьмы,
Не стоит повторять нам все опять.
Но счастье нам обоим снова снится.
Не избежали мы с тобой измен.
Промчалось наше время словно птица,
А впереди нас — ветер перемен.

НАБАТ В НОЧИ

Удары сердца слышу твоего,
Они похожи на ночной набат.
Хоть нет меж нами больше ничего,
Но в этом я ничуть не виноват.
Сейчас винить кого-то мне зачем,
Не лучше ль все забыть давным-давно?
Раз нет для разговоров нужных тем,
Так все за нас судьбою решено.
Теперь вот мы отдельно друг от друга
Уже способны время коротать.
Ведь ты с другим, и у меня подруга.
Зачем же что-то вспоминать опять?
Винить не стоит никого. Зачем?
Не проще ль все давным-давно забыть?
Нам не найти для разговоров тем.
Как будто порвалась меж нами нить.

Виктор Борисов
(п. Арсеньево Тульской обл.)

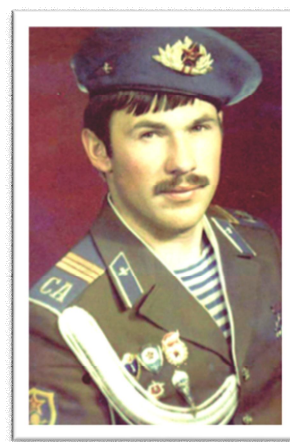

Виктор Михайлович Борисов родился в 1956 г. в д. Прилепы Арсеньевского района Тульской области. Первые стихи были опубликованы в Костромской области, печатался в литературном альманахе «ЛИРА». В 2020 году выпустил книгу «Гены мужества». Является автором стихов, положенных на песни.

ТВЕРЖЕ ШАГ, СЕДЬМАЯ РОТА!

*Однополчанам, служившим в 1980—1981 годах
в Костромском десантном полку в 7-й ПДР
Тульской десантной дивизии, посвящается*

А мы разведка хоть куда:
На горы, лес и провода.
Мы в ВДВ — почти пехота.
Эх, тверже шаг, седьмая рота!
А Журавлев комроты наш,
В седьмой «установ» дедам шабаш,
Был настоящий офицер,
Один из лучших в СССР.
Наши сестры — наши облака.
Наши мамы — роци и река.
А в нас чуть-чуть от Бога есть,
И нам важней любовь и честь.
Отец — Маргелов, он — герой,
Был за десантников горой.
В жару и холод окунал,
Как сталь булата нас ковал.
В десанте нас легко убить,
Но наземь нас не повалить.
Сомкните строй и шире шаг.
Пускай дрожит от страха враг.
Открыта рампа, хищный зев.
Десант к прыжку, как горный лев.
На боевом, чуть только свет,
Десант пошел: отказов нет.
Шуршащим куполом крыла
«Пехота неба», как пурга,
Прибьет к земле, как было встарь,
На нас поднявшуюся тварь.

Борисов В.М., седьмая ПДР

Ведь голубой на нас берет,
А для страны один ответ:
Мы за Россию, русский дух.
Бежит от нас афганский «друг».
Нас любят девушки порой.
В десанте братства всяк герой.
Крылатой гвардии устав
Не видел нас, хоть раз устав.
В след нам восторг и крик «ура!»,
Не сводит взгляд свой детвора.
Уж нет того, осталось фото...
Эх, тверже шаг, седьмая рота!

ЮНОСТЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ МОЯ

Я на родине нашей
Не простой соловей.
Я — певец наших пашен,
Их люблю без затей.
Не скучаю по Градам,
Мне район наш хорош.
С детства лучшей наградой —
Тучный колос и рожь.
Я в живительных водах
Родниковой воды,
Позабыв о невзгодах,
Детства вижу сады.
Стать любимых подружек,
Хоровод детворы,
Нерасплесканных кружек
Счастья вешней поры,
Где в обеденный отдых
Мы галопом скорей
Искупать наших потных
Поспешали коней.
Где, казалось, свободе
Не настанет конец,
А в саду-огороде
Счастья спрятан ларец.
Где, по жизни шагая,
Моя строгая мать
Хвостинкой пугая,
У крыльца будет ждать.
И отца-балагура
Громкий голос вдали,
Не исчезнет фигура,
Как весной соловьи.
А букеты сирени,
Райский запах и цвет —
Как девичьи колени,
Сладость юности лет.
Поцелуев небесных,

Пышность девы ланит,
Аромат цветов местных
Сердце вечно хранит.

ЛЮБВИ ОСЕННИЙ ПОЦЕЛУЙ

Мой любовный листок на осеннем ветру
Не сорвись, не вспорхни на морозе к утру.
От любви до любви, на закате страстей
Обвенчай нас, судьба, обвенчай без затей.
Пред святых куполов, перед Богом любя,
Я искал, я страдал и нашел вот тебя.
Мы любовью сливались — поток и река,
Мы во сне целовались за любовь на века.
Я в объятьях твоих возродился как день,
Моей радости час, нашей юности тень.
Золотистых волос от природы эскиз.
Ты — богиня от влас и до пяточек вниз.
Ты — подарок небес и мое дежа вю,
Обнимая, лаская, «люблю» — говорю.
Ну а женщин, любивших меня, не брани —
Просто, тихо молясь, из груди прогони.

ПРИЛЕПСКИЕ ЗОРИ

В предрассветной ночи спотыкаясь,
Надоила заря молока
С соловьем, что бессонницей маясь,
День и ночь не смолкает пока.
Надоила заря тот напиток
По озерам и балкам сполна,
Покрывалом из беленьких ниток
Закрывая березок тела.
За туманом касатки, мелькая,
Черно-белые фраки надев,
Ниоткуда стремглав возникая,
На опрятных похожие на дев.
И кукушку за белые горы
Пригласила заря — угадай!
Даже солнце за белые шторы
Посадила — сиди, отдыхай!
А заря белой лошадью скачет,
Под копытом росы изумруд,
И трава самоцветами плачет,
Хрусталем загорается пруд.
И с туманной зарей обнимаясь,
Только фермер тревожно не спит,
За судьбу урожая сражаясь.
Только кто это ценит и чтит?

ДОРОГИ, РУССКИЕ ДОРОГИ...

Погоны сосен снеговые
На ветках серебром горят.
Попутчицы-деревья вековые,
Бегущий за окном отряд.
Дороги, русские дороги,
Судьбы зеленый светофор
И ям ухабы и пороги
Полжизни здесь твои, шофер.
Страну кормящие машины,
Артерий на соляре кровь —
Прогресс не может быть без шины,
Как глаз всегда имеет бровь.
Поступки жизни роковые,
В плену у разума сердца,
А годы — вешки верстовые,
Конечна жизнь, дорога без конца.
Вновь встречи и опять прощанья.
Метели, гололед, дожди,
Любовь, семья и обещанья.
Ты жди, жена, шофера, жди.
Не любо с робкой обниматься
И слишком шустрых целовать.
Еще страшнее прогибаться,
А главное — не предавать.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

*Посвящается учителю и моей матери,
Борисовой Александре Семеновне*

Что на свете самое главное,
Что на свете всего сильней,
Что на свете самое славное —
Солнце, поле, рокот морей?
Солнце уходит с закатом незримо,
Безразлично темнеет и, раз,
Посветило, согрело — и мимо,
Покидает, уходит от нас.
Поле тоже зимой замирает,
Забываясь дремотой ночной.
Море бурно, и то затихает,
Застывает, приходит покой.
Все уходит, лишь мать остается.
Тело чахнет, любовь его нет.
Даже смерти оно не сдается,
Источая незримый свой свет.
Мамы, только вы неизменны и прямы,
Вечность жизни, светила светил.
Славьтесь, женщины, женщины-мамы.
Те, кто жизнь нам свою посвятил.

СССР

Ушла с перрона жизнь как электричка
И скорый поезд наш — СССР.
А я живу, как раньше, по привычке,
Где наш союз и дружба — всем пример.
Не лезу я умиленно к кормушке
И задницу начальству не лижу.
Я проживаю скромно в деревушке
И мазаный тружусь по гаражу.
Не сильно зависть мучает, ребята,
Лишь за державу душенька болит.
В Союзе для меня Россия свята,
А с Беловежья — словно инвалид.

ГЛАВНОЕ МОРЕ МИРА

На земле это главное море.
Ходит — бродит волна на просторе,
Золотое без берега море —
Наших фермеров русское поле.
А в волнах не лубочные краски,
А в волнах материнские ласки.
Злато-колос от солнца небес.
Это жизнь, это поле чудес.
Поле хлеба — ты жизни основа,
Птица «феникс» ты снова и снова,
Руки, солнце, земля и удача,
Колос в поле — всей жизни задача.
Точку жизни моей невозврата
Пересек я давно уж, ребята,
В нашей тихой России глубинке
Я и поле — мы две половинки.
Говорят, что не хлебом единым
На земле род ведет человек,
Но обычно три раза едим мы
Этот вкусный от фермера хлеб.

ПЕРВЫМ ФЕРМЕРАМ

Я гимн пою в атаке смелым,
За мной кто шел, идет в пыли.
Мы доказали нашим делом,
Мы накормить страну смогли.
На нас плевали по началу
И улыбались, в след шутя,
Вредив по-крупному и малу,
Жизнь циркулярами мутя.
Преодолев проблемы роста,
Мы все ж поднялись, тверже шаг.
Нас не убрать с дороги просто,
Идущих в кирзэ-сапогах.

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗЕМЛЯКУ
ЖИЖИНУ КОНСТАНТИНУ**

*1967—1987, рядовой, погиб при исполнении
служебного долга в Афганистане, награжден
орденом Красной Звезды.*

Посвящение:

*Нет, Костя, воин ты не рядовой
Арсеньев и матери герой.*

*Из ряда строя вышел наш земляк
В чуждой стране за Родину погиб туляк.*

Короткий бой, все как в тумане,
И ангел, отвернувшийся чуть твой,
И Костя в окровавленной панаме,
Друзей закрывший, Родину — собой.
И Костя в окровавленной панаме
Друзей закрывший, Родину — собой.
Нам «шурави!» кричали все в Кабуле,
И днем приветлив был для нас Афган,
Но ночью «духи» — словно волчьи стаи,
И был кровавый азиат обман.
«Войны там нет!» — с больших трибун кричали,
Там к миру принуждение идет.
За сыновей медали медь вручали,
Впридачу шел из цинка страшный гроб.
В тот день не сам пришел ты из разведки,
И к матери на юбилей — не сам.
На снег бросали траурные ветки,
А на открытке: «Ждите скоро, мам».
Земляк судьбы, броней незащищенный,
Погиб за нас, от боя кто далек.
Войны афганской смертью обреченный
Российской матери — Арсеньева — сынок.
Короткий бой, все как в тумане
И ангел, отвернувшийся чуть твой,
И Костя в окровавленной панаме
Друзей закрывший, Родину — собой.
И Костя в окровавленной панаме
Друзей закрывший, Родину — собой.

НИКТО, КРОМЕ НАС!

Десант, ура!!!

*Здесь из «салаг» солдат растут,
Защиту Родины куют.
В десант мальчишки все хотят —
Там песни мужеству поют.*

Мы облака руками гладим
И с чайкой делим небосвод,
Мы в облаках с богами ладим,

Нырря в синь воздушных вод.
Мы там, где нет другим дороги.
Где не пройдет пройдохи лезть,
Где у других откажут ноги,
Здесь наш десант, России честь.

Припев:

Мы голубого неба дети,
А наши мамы — на земле.
И нет сильней нас на планете
Десятки лет. Десятки лет.

А купола — десанта крылья.
Толчок от рампы — и пошел!
Летящей в стропах птицей был я
В строю десанта гордо шел.
Нам голубых беретов знамя
На целом свете краше всех,
Лишь знойный ветер спорит с нами,
В любом бою нас ждет успех.

Припев:

Мы голубого неба дети,
А наши мамы — на земле.
И нет сильней нас на планете,
И в поднебесье нет нигде.

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ГЕРОЯМ
ШЕСТОЙ ПСКОВСКОЙ РОТЫ ВДВ**

(Она не убита, она — из гранита)

Встает над горами тревожное солнце,
А в сонной России рассветный покой,
Лишь только в Аргуне солдаты десанта,
Как триста спартанцев, за Родину в бой!
Она не убита, она — часть гранита,
И рота шестая — скала для врагов,
В крови истекая, десанта элита,
Шестая не пустит в Россию волков.
А волчьи все рати в ущелья квадрате
Лишь мертвых героев сумеют пройти.
Неравна та схватка, в огне вся площадка,
Но рота шестая как Брест на пути.

Она не убита, она — часть гранита
И рота десанта — как полк для врагов.
Шестая бесстрашна, десанта элита,
Шестая не пустит в Россию врагов.

Тот псковский десант, та небесная рота,
Что сердцем закрыла Кавказа ворота,
Как в Спарте когда-то в бою честь солдата...
Не ждите их жены и мамы домой.

Десанта элита — теперь из гранита
Как прежде на страже России стоит,
А рота шестая, ты — вечно живая
И с неба, святая, Россию хранит.

Встает над горами тревожное солнце,
Но в нашей России как прежде покой,
Ведь снова на страже солдаты десанта,
Солдаты в тельняшках, потомки Шестой.

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

«Я РОЖДЕН ДЛЯ СЛУЖБЫ ЦАРСКОЙ»

Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова.

Будущий поэт, бравый кавалерист и герой войны 1812 года Денис Васильевич Давыдов появился на свет 240 лет назад 16 (27) июля 1784 года в городе Москве в семье военного.

Денис Давыдов личность разносторонняя и цельная в своих многочисленных талантах и интересах.

Ему с юных лет была предопределена судьба гусара. В период с 1806 по 1831 год он участвовал во всех войнах, которые вела Россия при его жизни.

Все эти годы Денис Васильевич постоянно в седле, в рубке, в партизанских рейдах.

*Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!..
(«Песня»)*

Уже в юности, когда он еще нес сторожевую службу в Зимнем дворце, у него сложилась репутация фрондера. Тогда доверие к нему в глазах первых лиц государства подорвали басни и сатирические стихи, критикующие императора, и разошедшиеся в рукописных списках по России («Голова и ноги», «Река и зеркало», «Орлица, турухтан и тетерев»).

Из-за них в 1803 году последовал его перевод из гвардии в Белорусский гусарский полк в звании ротмистра.

Его сослуживец, гусарский поручик Бурцов стал для Давыдова воплощением удачи, свободы, отчаянной храбрости.

*Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака
Посети домишко мой!*
(«Бурцову призвание на пунш»).

*Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылку перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих...»*
(«Гусарский пир»)

Послания становятся в творчестве поэта одним из основных жанров. Им были написаны послания: «Гусарский пир», «Герою битв, биваков и трактиров», «Другу повесе», «Товарищу 1812 года на пути в армию», «Зайцевскому, поэту моряку» и др. От стихотворения к стихотворению он строил свою поэтическую биографию.

«Гусарщина» под пером Давыдова превратилась в оригинальное явление русской поэзии с особым звучанием и колоритом. «Гусарство» воспитывало личную отвагу, предприимчивость, прямодушие, презрение к опасности, чувство товарищеской солидарности.

В 1812 году подполковник Д. В. Давыдов стал командиром первого военного партизанского отряда. Командуя отрядом из гусар и казаков, он успешно действовал в тылу наполеоновской армии.

Это было время, выковавшее беззаветных храбрецов, людей особенного героического склада, исполненных высокого патриотического чувства. Одним из них и был поэт-воин Денис Давыдов.

Первая его поэтическая публикация появилась в 1808 году в «Вестнике Европы». К этому времени он уже был поэтом с громкой известностью, заслуживший и славу, и опалу. Он воспринимался современниками как певец войны, любви, вина и славы.

Он создал жанр «гусарской песни» с нарочитой простотой военной тематики и свободной от патетического стиля. Стихи наполнены элементами солдатского фольклора и военными профессионализмами. В них Давыдов поэтически раскрыл военный быт и психологический образ «гусара» — лихого наездника и удалого рубаки, воспевая вино, буйный разгул, удалую жизнь, любовные интриги.

В. Белинский говорил: «В его стихах преужасные пуншевые стаканы и чаши не оскорбляют образованного чувства, но звучат весело и отраднo; облака табачного дыма не выедают глаз...». Критик видел в этом символ русской души — «свежей, могучей, раскидистой».

На произведения поэта писали музыку известные композиторы: Александр Даргомыжский, Александр Алябьев, Антон Рубинштейн и многие другие.

Звон клинков и пламя многочисленных сражений, в которых побывал поэт-гусар, нашли отражение в стихотворениях: «Я люблю кровавый бой...», «Песня старого гусара», «Партизан», «Полусолдат», «Песня». В них широта, удаль и непосредственность русской натуры.

*Где друзья минувших лет?
Где гусары коренные,*

*Председатели бесед,
Собутыльники седые?
Деды! Помню вас и я,
Испевающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!...
Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...»
(«Песня старого гусара»)*

Особое место в его творчестве занимает элегия «Бородинское поле», рассказывающая о великой победе русского оружия. Скорбью проникнуты заключительные ее строки, в которых присутствует также и зависть к судьбе павших воинов, не познавших разочарований и не испытывавших горечи забвения.

Молодежь переписывала и заучивала гусарские стихи Давыдова, в которых в трубочном дыму «вился гусарский ус» и с шумом вылетали пробки из бутылок с шампанским.

В 1832 году вышел сборник его стихотворений «Стихотворения Дениса Давыдова», который вызвал много положительных откликов. А в 1840 году увидел свет двухтомник его стихов и прозы.

Читая его стихи, попадаешь в особый мир мыслей, чувств, поступков и стремлений.

Любовная лирика поэта многообразна. В некоторых стихотворениях она превращается в видение чего-то недостижимого и прекрасного.

Этой теме посвящены стихотворения: «Душенька», «Договоры», «Поэтическая женщина», «Неверной», «Богомолка», «О, кто, скажи ты мне, кто ты...», «Романс» и др.

У Давыдова есть и стихотворения, написанные в элегическом стиле и навеянные любовной страстью и впечатлениями природы («Вальс», «Море», «Речка» и др.).

*Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви...
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!*

В России Денис Васильевич заслужил всенародную славу как поэт и партизан, лихой рубака. Он — пример бескорыстного служения России, яркий и оригинальный поэт, занявший свое особое место в нашей литературе. О его невероятной храбрости знал, без преувеличения, весь мир. Европейские газеты, рассказывая о его подвигах, называли Давыдова «черным капитаном».

Поэтому стихи поэта читались современниками как бы сквозь его реальную героическую биографию. Поэзия героя-партизана отразила патриотический подъем в армейских кругах России.

Нашли высокую оценку в русской военной науке и его военные мемуары, и теоретические труды по вопросам ведения партизанской войны. Прозаические работы

Дениса Васильевича делятся на две категории: личные воспоминания («Встреча с Суворовым», «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», «Тильзит в 1807 г.», «Дневники партизанских действий», «Записки о польской кампании 1831 года») и историко-полемические («Мороз ли истребил французскую армию», «Переписка с Вальтер Скоттом», «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского»).

Умер Денис Васильевич Давыдов 22 апреля (4 мая) 1839 года в своем имении Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Его прах был похоронен на территории Новодевичьего монастыря в Москве.

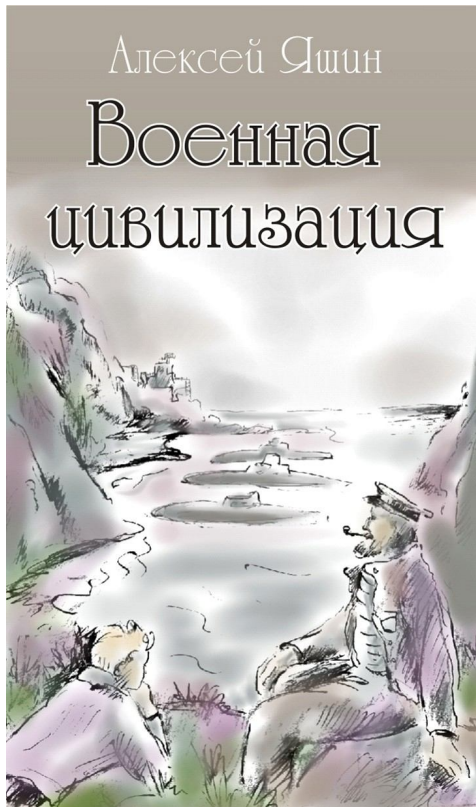
Он был душою дружеских бесед. Веселость его была заразительна и увлекательна. По словам князя П. А. Вяземского, Денис Васильевич до самой кончины сохранил изумительную молодость сердца и нрава.

ПОВЕСТЬ О ЛАСКОВЫХ ШИРОТАХ
(о повести Алексея Яшина «Военная цивилизация»)

*«...Только здесь бессмертны мы с тобой!
Пусть ветра шумят наперебой,
Что живет и здоровствует народ
Заполярных ласковых широт»*

В. Трусов
«Песня о заполярном городе»

Вполне логично, что рассказы Николая Андреевича, постоянного героя произведений А. А. Яшина, являющегося к тому же и alter ego автора, пополнились еще одним повествованием, завершающим направление, определенное двумя предыдущими: «Страна холода: детство в Гипербореях» и «Страна холода: Под опекой Арктогеи, погружающими читателя в жизнь удивительного, своеобразного, да что там, уникального мира — мира не просто заполярного города, но долгое время столицы самого молодого, а ныне самого мощного флота нашей страны, Северного.

Казалось бы, по современным расхожим понятием, а что тут уникального? Ну, еще одна ностальгическая повесть в стиле «эх, молодость..» или «где мои семнадцать лет...», да, написанная весьма увлекательно, да, рассказывающая о довольно давних временах, да, весьма информативная... Но в том-то и дело, что, ностальгия вовсе не является целью автора, поскольку нет в «Военной цивилизации» даже малой попытки как-то идеализировать описываемые время, события,

людей. Напротив, автор не изменяет своей излюбленной манере, в меру ироничной и самоироничной, что очень способствует правильному восприятию содержания повести. А ностальгия? Если она и есть, то сокрыта в подтексте, и проявляется очень неявно, спонтанно, ведь речь идет о малой Родине, где для Кольки-Николая каждый камешек родной, где волна баюкает, а не тревожит. Все вполне естественно и объяснимо настолько, что и объяснений не требует.

«Военная цивилизация» очень ненавязчиво и органично погружает читателя в повседневный быт и жизнь флотского города, где каждый его житель волей-неволей зависит от флота, но и флот, так или иначе, зависит от каждого из проживающих здесь. Жизнь на кораблях, в море, и жизнь на берегу, не только взаимосвязаны, а взаимопроницаемы, на первый взгляд в этом нет ничего удивительного, но для тех, кто мало знаком с подобными явлениями, очень полезно прочесть об этом и это ощутить, дабы уяснить, что любая мелочь в подобных условиях может иметь значение и по-

повлиять на ход тех или иных событий, а, значит, и на судьбы конкретных людей, не книжных уже, а вполне себе реальных. А из шага, из движений, поступков каждого складывается общий вектор существования города и флота, весьма важный и для жизни всей нашей страны.

Только вот все это преподносится автором без пафоса, очень, если угодно, приземлено, обыденно, а в данных характеристиках ничего негативного нет и быть не может. Это лишь подчеркивает детально особенности повседневной жизни и представляет нужные акценты ее восприятия читателями. Вместе с тем, «Военная цивилизация» знакомит или напоминает, это уж кому как, с таким явлением как флотская культура жизни, которая, как и армейская культура, столетиями являлась неотъемлемой частью нашей культуры в целом, как минимум, со времен государя-императора Петра Алексеевича. И, в известном смысле, по прочтении данной повести, даже человек неискушенный, вполне поймет, прочувствует и примет высказывание другого венценосца Российского, а именно Александра Третьего Миротворца, по чьему высочайшему соизволению и был построен город Александровск, впоследствии Полярный, да, нынче часто к месту и не к месту повторяемую тираду о том, что у России нет иных друзей, кроме ее армии и флота.

Армия и флот, а равно и присущие им образы жизни и действия, конечно же, существенно и во многом разнятся, но эти государственные институты имели и имеют поныне несомненное и существенное влияние на жизнь страны и народа, истина сия бесспорна до банальности, но иначе и быть не может. А. А. Яшин дает нам потрясающую фактологию и повседневных мелочей, и глобальных процессов, происшествий, даже катастроф, ныне малодоступную и малознакомую многим жителям даже Кольского края, особенно молодому его поколению, коему неплохо было бы знакомиться с подобными произведениями в рамках школьной программы, хотя бы факультативно. А разве сие не требуется для жителей России срединной, континентальной?!

Еще одна весьма ценная, с моей точки зрения, особенность повести — это воспоминания и впечатления совсем молодого человека, заканчивающего обучение в школе, делающего первые самостоятельные шаги в преддверии взрослой жизни, то есть, того самого обычного горожанина, еще не обремененного достаточным житейским опытом, и оттого очень близкого и вполне понятного, что создает атмосферу некоей доверительности и сокращается дистанция между автором и читателями. И вместе с тем присутствует в повести и повторная оценка уже зрелого и выдавшего виды Николая Андреевича. Такой вот двойной анализ былого.

Военные институты государства Российского, и армия, и флот, всегда имели среди всех своих довольно разнообразных функций и вполне гуманитарные, если не благотворительные. Достаточно вспомнить кантонистов — собираемых по стране, обычно в местах дислокации воинских и флотских подразделений, беспризорных сирот и определения их в начальные военизированные школы, в музыкальные команды, дающие возможность дальнейшей военной службы, получения образования и, в определенной степени, карьерного роста. Нередко из кантонистов вышедшие военнослужащие достигали и офицерского звания. Эта традиция глубочайшей нравственности не могла исчезнуть со сменой режима, моральные устои нельзя уничтожить ни приказом, ничем иным, они все равно сохранятся и дадут о себе знать. Описание повседневной жизни флота и флотского города, при всей лапидарности и жесткости службы, при всей высочайшей ее ответственности, и персональной, и коллективной, у А. А. Яшина отличается человечностью и добротой, несмотря ни на что. Вместе с тем автор несколько не стремится, еще раз вынужден повторить, к идеализации описываемого времени, людей и событий. Люди там действуют очень реальные, не ходульные, живые, со своими особенностями, достоинствами и слабостями.

Что меня еще привлекает и в «Военной цивилизации», и во всей прозе А. А. Яши-

на, так это то обстоятельство, что его повести и романы не нужно ни в малой степени пересказывать даже эпизодически, чтобы написать о них отзыв или пространную статью, а также привлечь к ним внимание читателей. Синопсис им не требуется. Есть о чем поговорить, в общем плане прежде всего, ибо книги автора во многом концептуальны. Я могу не всегда и не вполне соглашаться с Алексеем Афанасьевичем в отдельных оценках или точках зрения на то или иное событие, на конкретную личность, могу что-то оспаривать, но сие отнюдь не мешает ценить его книги, среди коих я не знаю ни одной «проходной». И «Военная цивилизация» еще одно тому доказательство. Мы с вами, к величайшему сожалению, очень плохо и неглубоко знаем историю своей страны, и недавнюю в том числе, что лишает нас порой трезво и взвешено оценивать происходящее сегодня. Так вот книги А.А. Яшина могут очень существенно помочь многим и многим гораздо подробнее познакомиться с прошлым, в частности, с летописью удивительной жизни людей, стоявших и стоящих ныне на страже Родины. Узнать не от постороннего наблюдателя, а от очевидца, до сей поры не утратившего любовь и признательность той «военной цивилизации».

Библиография: Алексей Яшин. *Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.*— Санкт-Петербург: «Астерион», 2023.— 269 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

Владимир Трусов,
член Союза писателей России,
г. Санкт-Петербург

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ПРОЗЫ
ВЛАДИСЛАВЫ ВАСИЛЬЕВОЙ
(рецензия на сборник рассказов «Сахар»)**

Страх! Конечно, страх. Иначе почему Аглая не верит в искренность Сашкиных намерений и не решаете себе признаться в...? В общем, не решаете. И Сашка боится. Себя? Ошибок? Отношений? Не боится Ольга. И Ольге все удастся! Даже людей строить под свои авантюры («А что они овцы-то такие?»).

Вот так мы с десятиклассниками поняли проблематику повести Владиславы Васильевой **«На побережье воздух свеж»**. И, как выяснилось, не поняли. Вопросы! Мы задали их автору при встрече. Встрече, надо сказать, актуальной. 10 класс — низкий старт перед экзаменами по русскому языку, 27-е задание которого по сути своей рецензия. А кто сказал, что рецензия обязана быть скучной? И кто не как Владислава Васильева может поделиться секретами успешного эссе? Участница Первой Школы литературной критики в Ясной Поляне, автор двух книг и пяти публикаций в толстых российских журналах, победитель регионального конкурса книжных обзоров 2022 г., победитель 5 слета молодых писателей Тульской области 2017 г.?

Повесть «На побережье», прочитанная накануне, показалась нам с ребятами подходящим для оценки материалом. Герои искренние, живые, сомневающиеся. Проблемы — самые те. И вопросы самые те. «Если ей (Ольге) всегда все можно, то... почему вам всегда все нельзя?» — спрашивает Аглаю Вадим. «Какого черта ты вмешалась?» — это уже Ольга злобно шипит на Аглаю, которая «спасла» ее. От чего? Здесь мнения героев расходятся. «От московских коллекторов» — убеждены подруги Ольги. От шикарного «романтического приключения» — считает сама Ольга. Как мнения расходятся, убеждения, принципы, мотивы. Сашка мечтает «жить скучно», и «герберы, водка и суп» — его осторожная заботливость, его опасения в отношениях с Аглаей (кто их, девушек, поймет?). Аглаю сначала это огорчает (будто «за ней и ухаживать-то не надо?»). А потом именно об этом мечтает. Ну, еще плюс Сашка. Вследствие чего вершатся трансформации? Не будет спойлера. Читайте!

С «Побережьем» разобрались. Так ли интересны другие произведения в сборнике «Сахар»?

«Пока идет снег».

Не «мамочник» он, Петька. И зачем выбирать из двух счастлих? Разве счастья бывает много? И как это, «трехцветное» и «отчаянно пищущее», мешает мамину? Мамино счастье — Валера с собственными и, наверно, правильными «понятиями о достойных людях». Которым они с мамой все время не соответствуют. А надо. Только вот кому надо и надо ли вообще, Петька не знает изначально, а мама задумывается, слава богу, не поздно. И права ведь Анька: ушел Валера — вернулось счастье. И права мама, сделавшая выбор между «счастьями». В пользу правильного мужчины. И прав Петька, который винит себя. И в том, что котенка обрек на смерть. И в том, что мама несчастна. Разумеется, не Петькина в том вина, но он по-взрослому разумно ищет причины бед в себе. В отличие от «достойного» Валеры, у которого все вокруг во всем виноваты. Ну, и кто мамочник после этого?

Рассказ «Пока идет снег» с проблематикой детско-взрослых отношений прямо просится в сборник педагогических упражнений для родителей с приложением из вопросов. Почему, например, Петька любит ходить к Аньке с дедушкой и не любит домой? Как портит (и портит ли!?) мама сына «женским воспитанием»? Понятие «достойные люди»: содержание и разночтения?

Еще рассказ — еще вопросы.

Почему **«такая женщина»** из одноименного рассказа, с «вечным испугом на

мордашке», которая только и может, что «с собачьей тоской в глазах» «ужин свечами портить», раздражает в роли домохозяйки и до вождения желанна, когда недосыгаема, исполнена достоинства и унижает?

О ком рассказ **«Пенсия для царицы»?**

Всесильной царице, в одночасье «впавшей в немилость»? Мудрой руководительнице, от «каждого тихо сказанного слова» которой исходил «свет окончательной истины», — и вдруг «с опрокинутым лицом» и «пытающейся уползти к правому уху дрожащей улыбкой»? «Прекрасной, милой женщине», которая не боится никого, кроме «всесильного начальника областной Службы статистики», и у которой даже стихи укладываются в схему-формулу, «заданную поэтами-мужчинами» (или женщинами — но уже по иной схеме»). Это персонаж № 1, начальница районного Управления статистики.

Или «чудной выпускнице юридического вуза», которая «как мужик», «отчеты делает — ругается!» и «часто ляпает, а потом только соображает, стоило ли»? Не умеющей плакать после смерти коллеги, потому что «плакать — значит верить, поверить — значит сдаться». Обожающей юридические задачки не меньше, чем житейские, с той лишь разницей, что профессиональные приносят радость, а в жизни ответа на вопросы нет». Это персонаж № 2, молодой юрист, в чьем видении предстает атмосфера учреждения — по всему резонер.

Или «обычно помалкивающей» «старухе-разведенке» (в двадцать семь-то лет!), которую опекали всем отделом, одновременно осуждая за связь с «малолеткой», личная жизнь которой стала предметом общественных забот всего управления статистики, а неожиданная смерть — импульсом размышлений о бессердечности? Персонаж № 3, ежедневник со стихами о собственной смерти которой (как выяснилось позднее — и не ее вовсе!) некому оказалось отдать и пришлось выбросить: «жег руки».

У кого сложилась жизнь? Чьи мечты реализовались? Кому возвращенных в детстве ресурсов хватило для адаптации во взрослой жизни и успешной профессиональной социализации? И подозревал ли автор о психолого-педагогических потенциалах своего замысла? Или это маниакальная учительская попытка из всего эти потенциалы за уши вытягивать? Разбираемся дальше.

Рассказ **«Перчатка»**. Здесь во всем виноваты духи. Еле уловимый запах «знаменитого «Кабочка» от перчатки, завалившейся за тумбочку — и все! Измученная мыслями об измене мужа, Лариса по рассеянности забывает сказать соседу, что у них нет вай-фая — в итоге сама изменяет мужу. Бездна испорченная — бабушкой, в раннем детстве! — Лариса крадет у мужа деньги. И в конце распоясавшаяся, заявляется домой в джинсах, кедах и рубашке, поменяв на них «каблуки, юбки, блузки с полупрозрачными рукавами». Полупрозрачными, чтобы было видно локотки, потому что «локотки у женщины главное». Так говорит ее Алешенька.

Правда, благодаря соседу она вдруг обнаружила, «что заниматься любовью можно... без боязни сделать что-то неправильно», что «не надо быть деликатной «до», не надо утешать «после», ничего не надо, все и так хорошо!»

Правда, украденное заработала сама Лариса, а Алеша «таскал у нее деньги», которые она с радостью отдала бы сама, если бы он не говорил: «Избавь меня от этих низких вещей». Говорил — и таскал. «Как гопник». Вот и разгадка — почему ее «зарплата уходила так быстро» и Лариса бегала занимать к маме, выслушивая всякий раз: «Какая ты ужасная хозяйка... погубишь ты его!»

Правда, испорченность заключалась в том, что, когда 4-летняя девочка «плакала, падала на пол и просила куклу», бабушка «покупала куклу, конечно», следуя своему глубокому убеждению умудренного опытом человека: «Желания женщины должны исполняться, даже если она маленькая!».

А узкую обувь, «широкие юбки в любую погоду, осанку, локотки и волосы до самой талии» — в угоду Алешеньке, чтобы быть музой известного в городе литератора

тора, который — вот странно! — своей «идеальной девочке» «читать черновики не даст... слушать запрещает». «Муза моя...», — шептал Алешенька, в счастливые моменты вдыхая у Ларисы за ухом. Пахло ландышем. «Из старого флакона, доставшегося Алеше то ли от мамы, то ли от бабушки», который он «вручил Ларисе, как другие мужчины вручают кольцо». Другие.

Духи. Забытая одной из «литературных девушек» Алешеньки перчатка. И распалась семья. Русская литература лишится «непризнанного гения»: по всему, брошенный Алешенька ушел в запой. А ведь автобиографический герой «гения» думает о «судьбах литературного процесса». Думает даже когда «снисходительно овладевает юной героиней», которая «страстно и бескорыстно любит» «великого писателя», «красивого, седовласого, талантливого».

Цепь катастроф. Каскад крушений. Или обновлений?

«Новая наглая Лариса», с «новым выражением лица» и «искусно воспроизведенным ироничным движением правой бровью». Откуда? Или мысль о мести. В ней, добровольно избравшей «великую миссию спутницы мужчины-гения, творца»? «Краснеющей от удовольствия», когда Алешины друзья «целуют ей ручки и шепчут на ушко» о том, какой ее муж «талантище»? Тоже ново. И бабушка, так легко подтвердившая новое Ларисино видение «вредного и бесталанного говнюка Лесика». И сосед Кир, в новой роли — спасителя.

Рассказ — кладезь вопросов. Нравственно-философских. В том числе о роли «наставников». В лице учительницы Светланы Викторовны, обеспокоенной, что легкомысленная Лариса способна «лишить русскую литературу великого писателя». А кто обеспокоен судьбой девочки? Может, мама, удивленная, что «такой великолепный экземпляр творческой интеллигенции (*Алешенька*) мог обратить внимание на ее непутевую избалованную дочь, не знающую ничего о бескорыстном служении искусству?»

Не роковой ли — или судьбоносной?! — видится в свете озвученных проблем роль заглавной героини?

«Сахар»

Взвешивать яблоко? Что за дичь? Не торт ведь. Какие единицы? В яблоке — хлебные? И в гречке? Смешно. Ладно, что еще? Разноцветные ручки-шприцы. Зачем два? Понятно-понятно. Длинный. Короткий. Да понял! Полежать уже можно? Зачем сок? На гипу, понятно.

Ничего пока Никите не понятно. И мама встревоженная и тихая.

А мама не тихая. Мама в тихой панике. Там, внутри, — воронка. Последствия взрыва. Да, бомба. Да, четвертая. Потому что был брат мужа. Затем ребенок подруги. Сын коллеги. Теперь Никита. Она не будет пугать его своими страхами. Она твердь и основа его... Его чего? Выздоровления? Стабильности? «Ни того, ни другого уже не будет». Но зато будут паузы-воронки. Потому что бомба все же угодила.

Бомба — это «хай». «Тридцать шесть. При норме не больше пяти с половиной». «Удивление врачей детской реанимации («Как он вообще еще шевелится?») И новое значение слова «сахар». Никита теперь «не больной, не мальчик». Сахар.

«Сахар» — книга Владиславы Васильевой о пожизненном приговоре и неукоснительном его исполнении. Не о горе матери, узнавшей о беспощадном диагнозе. Не об отчаянии. Не о борьбе. Исполнении. Методичном, в режиме «двадцать четыре — семь — триста шестьдесят пять». Неторопливом, потому что, «если не торопиться с нервами, то жить можно» и потому что «на войне неврозов не бывает». О планах на жизнь — в другом, правда, мире, потому что прежний «рушился и собирался заново». Правда, «уже другим».

«Объясни про диабет. В двух словах». Упс! Воронка. Книга не об этом. О чем? О подчинении жизни цифрам, потому что считать надо все, что не считается — измеряется: глюкометром, весами, шкалой на шприце — и строгому порядку: «контроль

за питанием», по алфавиту разложенные «маркеры» с «крупно написанной фамилией ребенка на колпачке», команда «На Са-а-ахар!» через каждые три часа, «таблицы углеводов и гликемических индексов, схемы действия инсулина, перечень причин повышения сахара, включающий в себя примерно все на свете». О «работе по ручному управлению химией организма». О «личной маленькой войне с невидимой болезнью». О «радости бытия» вопреки «Ужасным Историям», которыми «полон интернет». О «махровом индивидуализме» «саркастичного не по возрасту» ребенка, которого одноклассники, когда класс собрался в кафе, «испугались позвать». И о новгородном освобождении от планов на жизнь. Совпавшем с окончанием «медового месяца» Никитинового диабета.

А еще — о взрослых, которые — пусть не в силу человеческих качеств! — хотя бы по долгу службы должны быть внимательны к ребенку вообще, к «особенному» — особенно. А на деле? Читайте Владиславу Васильеву! У вас, уважаемые взрослые, есть шанс встать на путь эволюции. От правильного к мудрому детскому. Тогда снег будет идти вечно. «Такая женщина» не омрачит «вечер свечами». Не будет коллектив пенсионного фонда «наводнен предателями и «некомпетентными сотрудниками». Бабушка с еле уловимым «Кабошаром» на перчатке не испортит «маленькую женщину» исполнением желаний. Фраза «иди домой и жди меня» и ни разу не допетый Сашкой мотив про побережье покорит Аглаю, которой «почему-то всегда все нельзя». «Страшные Истории» растают. Как сахар. А экзамен успешно сдадут не только выпускники, но и родители.

Надежда Григорьева

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ

Несколько мыслей о новой книге Алексея Яшина

Новый роман известного российского писателя Алексея Яшина «Пир в Валгалле» носит подзаголовок «Семейная хроника 21-ого столетия». Однако, мне думается, это скорее философский роман. Более того — роман-памфлет. В век «расчеловечивания», «цифрофрениии», «отупления человека и превращения его в биотехнический придаток мировых телекоммуникационных и технологических систем» (*определение автора*) писатель стремится найти ответ на извечный русский вопрос: что делать?

Многим героям романа рай видится в порушенном социалистическом строе с его христианской моралью: не убий, не укради, не прелюбодействуй... Есть среди них «принципиальные отвергатели всего нынешнего». У разменявшей девятый десяток серьезной поэтессы Варвариной Зинаиды Прокофьевны так сильна любовь к стране Советов, что она ушла в добровольное затворничество. Старая мебель, техника 60-х — 70-х годов и, конечно, законы той жизни — это ее мир. Но его прозаично заносит пылью.

Главные герои романа не застряли примитивно в прошлом. Они ищут альтернативу потерянному раю в настоящем. Но фундаментом нового является прошлое. Все они собираются на улице Павелина в доме в полтора этажа с мезонином, который именуют — «зимовье». Такое название не случайно. Это место, где в век, когда по стране гуляют холодные ветры стяжательства, криминала, можно дожидаться более теплых времен. Невольно вспоминаешь поэму Пушкина «Пир во время чумы»:

*Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,—
Навстречу ей трещат каминьы,
И весел зимний жар пиров.*

Льнут к очагу на Павелина и люди театра, и технари-изобретатели, и журналисты, и предприниматели — несостоявшиеся «среднеклассцы»... Чем они согреваются в пору «душевного мороза»? Зимовье показано глазами главного героя романа Егора Болховитова, который женился на дочери его хозяйки Нины Григорьевны. Еще в первый раз, когда Лиза привела жениха «на смотрины», всем сердцем ощутил он необыкновенную атмосферу этого родового гнезда. Позднее, уже обосновавшись здесь на законных правах, молодой человек заметил за собой, что по вечерам возвращается в особнячок на Павелина с удовольствием, и не того, что просто хочет отдохнуть от

работы — ему нравится домашняя обстановка. Чем же притягательно место это для хозяев и гостей? Заглянем в зимовье.

Оно уже тем необычно, что здесь вполне мирно уживаются люди разных эпох. «Семья в зимовье получилась редкостная по нынешним временам: четырехпоколенная». Да еще и здесь придерживаются закона: «Дети должны воспитываться с равновеликими по возрасту домашними животными». И по мере сил дарят радость окружающим котятка Ерощка и Манька, щенок от нечистопородной деревенской лайки Фомка.

Одна из печальных примет «цифрового гетто» — унижение, изгнание из дома печатной книги. В зимовье «потомственно собиравшаяся библиотека». Под нее отдана целая комната. И какие тут фолианты! Какие богатства! Здесь не только вся русская, советская и зарубежная классика. «В глазах рябило от не подвластного времени золотого тиснения торцов словаря Брокгауза и Ефрона: его восемьдесят шесть томов, включая дополнительные». «Первое издание, прижизненное, конечно, «Мертвых душ». Девяностотомник Льва Толстого, издававшийся с конца двадцатых по начало шестидесятых годов. «Все издания типографии С. М. Проппера 1905—1907-го годов под серийным названием «Библиотека освободительного движения»...

Неудивительно, что речь обитателей зимовья не засорена иностранной лексикой, это не «американо-нижегородский язык наших эсмэи». Напротив! Тут на каждом шагу рассыпаны перлы народной мудрости, цитаты, стихотворные и прозаические. Бабуся Наталья, завхоз зимовья Степаныч знают уйму пословиц и поговорок: «Еще не пивши, говоришь уже, что кисло», «Каждая сосна своему лесу кланяется», «Не завидуй чужому счастью, свое береги»...

Но в зимовье же создаются и новые слова: «среднеклассцы», «умозамещенные», «тещинизм». Здесь рождаются и хлесткие, меткие — не в бровь, а в глаз! — выражения: «на всех фронтах компьютеризации», «духовная пустыня частнособственничества». «тэвэшные нудносериалы», «американизация телевидения», «глобальный электронный концлагерь с цифровыми кандалами». «раньше был бог, теперь его место занял блог»...

В зимовье даже хлеб насущный не отравлен ядом погони за сверхприбылью. Так, семена огурчиков-помидорчиков собирают из года в год сами. Потому и вкус у них — мощный, свежий, а не тот, что у заполнивших полки магазинов генно-модифицированных продуктов. Серебряные приборы, хрустальные фужеры, белоснежная хрустящая скатерть создают особый уют, ну, как кремовые шторы в «Днях Турбинных» Булгакова. Вообще еде и питию уделяется в романе довольно много места — на то он и пир. Домашняя буженина, запеченный самолично хозяйкой гусь — это все приметы прошлого, когда готовить любили и умели. И марки напитков выбраны те, что радовали ценителей в доперестроечные времена — кубинский ром «Гавана клуб», узбекский коньячок «Древняя Хива», «Старое Кахети». Пьют с удовольствием, а головы трезвы.

Собравшиеся за богатым столом «стараяются мыслить самодостаточно». На протяжении всего романа герои ведут нескончаемый спор о людях древних и новых — не по возрасту, понятно, а по эпохам. Кто они такие? Устами Сергея Станиславовича, одного из обитателей зимовья, автор определяет их так: «...водораздел проходит, плюс-минус, конечно, между прежними, то есть, по крайней мере, вступившими в сознательную жизнь в стране Советов, и нынешними — детьми новой эпохи. Это и те, кто до наступления девяностых годов не успел от пионерского галстука перейти к комсомольскому значку на лацкане пиджака». Вопрос вроде бы не нов и не катастрофичен: проблема отцов и детей из числа вечных. Но... «...были прежде старые и новые, которые в каждом поколении менялись местами, а вот с нынешних рубежных «полтинничных»... цепь эта порвалась: был один вид человеческий — стал совершенно иной». Это уже переключка с Шекспиром: «распалась связь времен». Иная стала жизнь.

«...заводские трубы вовсе перестали дымить, завод законсервировали до лучших времен». Когда-то самый большой в области магазин поделен на отсеки, где продаются отнюдь не перлы человеческой мудрости. «Детей воспитывают инкубаторскими куклами». «Деревья чахнут от кислотных дождей и сплошного асфальтирования».

Но главное — чахнут души. Люди пытаются спрятаться в своих берлогах, где теплее: «всяк спасается в своем закутке». Но зимовье зимовью рознь. У некоторых работяг только и радостей-то в жизни, что «завод-дом-четвертинка». Молодняк уходит в безвоздушное пространство Интернета. И в этом видит автор воплощение заветной мечты глобалистов-империалистов — «все и вся разобщить, разогнать по норам кротовым», чтобы люди ощутили себя «винтиками без исторической памяти, без семейной».

Зимовье на Павелина — это «островок обитания нерасчеловеченных». Суть его определяет Нина Григорьевна, в честь юбилея которой и устроен пир: «...любое зимовье, со стенами ли, в душевном единении или еще в каком образе представления — прежде всего отдых от сует жизни. С элементами защиты от ее агрессивных уродств». «Зимовье — спаситель от любой нравственной заразы», — уверена мудрая женщина. Ее тревожит «нынешняя потеря чувства дома и его уюта, как у американцев, постоянные переезды, смена квартир, городов... и стран». Потому с такой любовью, с таким упорством въет она большое гнездо, старается, чтобы не только древяние, но и новыя поняли его защитительную силу. Усилия ее не пропадают всуе.

Кристина, девушка в расцвете второй молодости, говорит: «Любовь, любовь — вот мой символ зимовья». «Любовь как естественный протест расчеловечиванию», — резюмирует брат ее Костя. В общем, рай XXI века ничем не отличается от библейского.

Время в романе течет в особом ритме. Иногда кажется, что и не литературное произведение перед тобой, а картина. Настоящее застывает надолго, а мы мчимся с героем в прошлое. Так, Егор положил руку на ручку калитки зимовья, но повернет ее только в следующей главе. На авансцену выходят воспоминания Болховитова, его раздумья. И этот ход автор применяет не единожды.

Заканчивается роман размышлениями молодой матери о том, что ждет ее детей в этом мире, который так стремительно несется вперед: «Сохранится ли до наступления их юности, поры терзаний и проходящих страданий, искренности душевных устремлений, а главное — всепоглощающей любви, такое мироустройство, которое позволит им остаться людьми в этих волнующих юных качествах?»

Зимовье стоит. И стены его крепки.

Предвижу, что не все, взявшие в руки роман, «досидят» с обитателями зимовья до окончания застолья — это чтение не для праздных умов. Не все разделят идеи автора. Но то, что им движет горячая «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», бесспорно. Да. Именно любовью и сильна книга родившегося в Заполярье обладателя многочисленных премий и наград писателя Алексея Афанасьевича Яшина.

Библиография: Алексей Яшин. *Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия: Академия российской литературы.* — Санкт-Петербург: Изд-во «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024. — 404 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

Ольга Артемова,
пос. Медвенка Курской обл.,
член СПР, лауреат Всероссийской литературной
премии им. Н. С. Лескова «Левша»

**ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА.**

**ПЕРВЫМ ПОЧЕТНЫМ ЛАУРЕАТОМ СТАЛА СТАРЕЙШАЯ
ПИСАТЕЛЬНИЦА РОССИИ НАТАЛИЯ ДИОМИДОВНА ПАРЫГИНА —
ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»**

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ПЕРВЫХ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2008-ГО
ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Геннадий Николаевич Маркин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Встреча», «Не стать хуже» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную общественно-литературную деятельность. Живет в г. Щекино Тульской области.

Александр Игнатьевич Ореховский — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «В орбите гармонии» («ПЗ», № 1, 2008) и за активную жизненную позицию, воплощаемую в его поэзии. Живет в г. Краснообске Новосибирской области. Профессор, зав. кафедрой философии и политологии.

Николай Ильич Боев — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование (книгу) «Плач по Высоцкому» («ПЗ», №№ 3, 4, 2008) и литературное подвижничество. Живет в г. Узловой Тульской области. Член Союза писателей России.

Евгений Григорьевич Воропаев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тульский оружейный завод в эвакуации» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную журналистско-публицистическую деятельность. Живет в г. Туле. Член Союза журналистов России.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
2009-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Николай Александрович Смирнов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за цикл рассказов «Варакша» («ПЗ», № 1, 2009). Член Союза писателей России. Живет в г. Новомосковске Тульской области. Руководитель крестьянского земледельческого хозяйства.

Галина Николаевна Дубинина (п. Шексна Вологодской области) — в жанре поэзии. Удостоена звания лауреата за цикл стихотворений «...Быть поэтом» («ПЗ», № 4, 2009). Член Союза российских писателей, редсовета альманаха «Московский Парнас» и Академии российской литературы, лауреат литературных премий. Работает помощником ректора Литературного института им. А. М. Горького

Борис Аркадьевич Кобринский — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества» («ПЗ», № 3, 2009). Живет в г. Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН и МАИ, работает в Московском институте педиатрии и детской хирургии.

Игорь Викторович Карлов (г. Улан-Батор, Монголия) — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тихий ток наших чистых рек» («ПЗ», № 4, 2009). Преподаватель русского языка и литературы в высшей и средней школе.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
2010-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Илья Игоревич Луданов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Путь» («ПЗ» № 1, 2010) и «Ясный день» («ПЗ» № 4, 2010). Журналист на телевидении, заочно учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в городе Узловой.

Евгений Иванович Елисеев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за повесть-поэму «Музыкант» («ПЗ» № 3, 2010). Ландшафтный лесовод, экономист и преподаватель. Служил на Северном флоте, на крейсере «Железняков». Живет в городе Новомосковске.

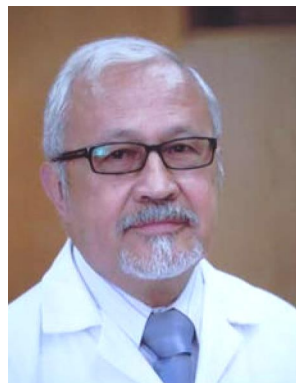
Николай Алексеевич Макаров — в жанре публицистики, включая историко-политическую. Удостоен звания лауреата за цикл публикаций в «ПЗ» №№ 1—4, 2010. Гвардии майор медицинской службы в отставке. Писатель, краевед, военный историк. Живет в городе Туле.

Наум Эфроимович Ципис — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерки-эссе «Сны на русском языке» («ПЗ» № 1, 2010) и «Прогулки с Мадонной», «Возвращение Мадонны» («ПЗ» № 3, 2010). Учитель, журналист, писатель. Жил и работал на Украине, в России и Белоруссии. Сейчас живет в городе Бремене, Германия.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
2011-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Рудольф Георгиевич Артамонов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за «Повесть о русской Сольвейг» («ПЗ» №№ 1—3, 2011). Доктор медицинских наук, профессор, известный врач-педиатр. Живет и работает в Москве.

Владимир Георгиевич Бояринов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

Валентин Викторович Киреев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 1, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем, руководитель литературных объединений г. Новомосковска и Богородицка Тульской области, Почетный гражданин города Богородицка. Живет и работает в Новомосковске.

Наталья Валентиновна Квасникова — в жанре публицистики. Удостоена звания лауреата за очерк «Вниз по лестнице, ведущей вверх» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем. Живет и работает в Москве.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
2012-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Марина Ильинична Майорова (мать Иоанна) — в жанре прозы. Удостоена звания лауреата за повесть «Джулиана. Попытка взлета» («ПЗ» № 3, 2012). Музыкальный работник. После принятия иноческого чина живет и работает в селе Пятница Владимирской области.

Игорь Владимирович Лукьянов — в жанре поэзии за поэму «Задонщина» (поэтическое переложение) («ПЗ» № 2, 2012). Сотрудник редакции газеты «Борисоглебские вести». Живет и работает в г. Борисоглебске Воронежской области.

Сергей Александрович Лебедев — в жанре поэзии за сборник стихотворений «Течет Ветлуга в памяти» (Тольятти, 2012), изданный в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Главный специалист производственного отдела ОАО «Куйбышев Азот». Живет и работает в г. Тольятти Самарской области.

Валерий Яковлевич Маслов — в жанре публицистики за очерки в «ПЗ» №№ 1—4, 2012. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов СССР и России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Тульского отделения Литфонда России. Живет и работает в г. Туле.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА
ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2013-ГО ГОДА
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Яков Наумович Шафран — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации — рассказы и повесть — 2013-го года по их совокупности («ПЗ» №№ 1—4, 2013). Главный редактор литературно-музыкального альманаха «Ковчег» (Библиотека журнала «Приокские зори»). Живет и работает в Туле.

Олег Викторович Пантюхин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 4, 2013) и сборник избранных стихотворений, вышедший в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Живет в Щекино, работает в Тульском государственном университете.

Игорь Григорьевич Герасимов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за первый в мировом литературоведении стихотворный перевод (не переложение!) «Слова о полку Игореве» («ПЗ» № 3, 2013). Доктор биологических наук, кандидат химических наук, профессор, научный работник. Живет и работает в Донецке на Украине.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за документально-историческую повесть «Юра, Сережа и бессмертие» («ПЗ» № 2, 2013) — К 70-летию подвига молодогвардейцев: о Сергее Тюленине и его друге Юрии Виценовском — дяде В. В. Резцова. Живет и работает в Калининграде.

Александр Иванович Субетто — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за философский очерк «Ноосферно-социалистическая миссия XXI века» («ПЗ» № 3, 2013). Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, полковник Космических войск в отставке, строил военный космодром в Плесецке. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2014 ГОДУ**

Лариса Леонидовна Семенищенкова — в жанре прозы и драматургии. Удостоена звания лауреата за пьесу «Лесков (портрет писателя)», опубликованную в «ПЗ» № 1, 2014. Член Союза писателей России, кандидат филологических наук. Живет и работает в Брянске.

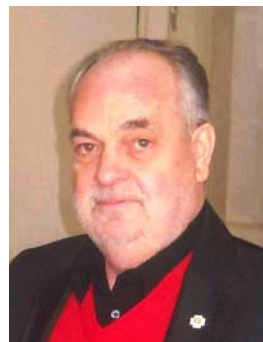
Игорь Алексеевич Мельников — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов, опубликованных в номерах «ПЗ» за 2014 год. Имеет гуманитарное и медицинское образование, член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Работает врачом-лаборантом, живет в Туле.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре поэзии. Удостоен во второй раз звания лауреата «Левши» за эпическую поэму «Песня о Гришке Отрепьеве», публикуемую в «ПЗ» с продолжением с 2012 года. Член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Профессиональный лингвист. Живет и работает в Калининграде.

Игорь Маврович Нехамес — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерк «Звучит ручьевская строка» («ПЗ» № 2, 2014). Член Союза писателей России и Союза журналистов России, действительный член Академии российской литературы и Академии гуманитарных наук, кавалер многих писательских орденов и медалей. Профессиональный юрист. Живет и работает в Москве.

Виктор Васильевич Буланичев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы» из цикла «Люди Сибири» («ПЗ» № 4, 2014). Главный редактор журнала «Бийский Вестник», известный в России писатель, публицист и организатор литературного процесса. Живет и работает в Бийске Алтайского края.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2015 ГОДУ**

Сергей Олегович Крестьянкин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации в №№ 1—3, 2015 «ПЗ» и книгу рассказов «Разгони тучи» (Тула, Изд-во ТулГУ, 2015 г.), вышедшую в «Приложении к журналу "Приокские зори"». Живет и работает в Туле. Член Союза писателей России и Академии российской литературы.

Сапожников Владимир Григорьевич — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «Есенинские мотивы», опубликованных в «есенинском» № 3, 2015 «ПЗ». Живет в Туле, работает заведующим кафедрой педиатрии Медицинского института ТулГУ, доктор медицинских наук, профессор. Член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

Рагим Гашимович Мусаев — в жанре прозы, включая драматургию. Удостоен звания лауреата за пьесу «Мейлах в октябре (Ёлупень)», опубликованную в № 4, 2015 «ПЗ». Живет и работает в Туле. Юрист. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», Академии российской литературы и Российского авторского общества.

Валерий Иванович Ксенофонтов — в жанре публицистики и краеведения. Удостоен звания лауреата за очерк «Тайна возраста Тулы», опубликованный в № 2, 2015 «ПЗ». Живет и работает в Туле. Издатель. Член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Кандидат экономических наук. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

Юридическое лицо: Республиканское общественное объединение «Белорусский литературный союз "Полоцкая ветвь"», Минск, Белоруссия (председатель Олег Николаевич Зайцев). Удостоен за подготовку и издание «белорусского» № 1, 2015 «ПЗ», активное сотрудничество с журналом «Приокские зори» в различных жанрах белорусских писателей, пишущих на русском языке.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В
ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2016 ГОД**

Леонид Кириллович Иванов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 4, 2016 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Тюмени. Член Союза писателей России, главный редактор альманаха «Врата Сибири», председатель Тюменской региональной организации СПР.

Владимир Николаевич Федоров — в жанре драматургии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 2, 2016 «ПЗ» исторической драмы «Созвездие Марии» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Москве. Член Союза писателей России и Академии российской литературы, главный редактор «Общеписательской литературной газеты».

Тимур Касымович Зулфикаров — в жанре художественной публицистики. Удостоен звания лауреата за публикацию в 2015—2016 гг. в «ПЗ» цикла притч «Апокалипсис XXI века». Живет и работает в Москве. Член Союза писателей России, лауреат многочисленных литературных премий СССР, России, Англии, США (Голливуд), кинофестивалей в Москве, Дели, Дамаске.

Анатолий Юрьевич Аврутин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 2, 2016 «ПЗ» цикла стихов «Вдали от России» и за активное участие в белорусском и российском литературных процессах. Живет и работает в Минске. Почетный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии, главный редактор журнала «Новая Немига литературная» (Минск).

Валерий Николаевич Савостьянов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 3, 2016 «ПЗ» цикла стихов «Personalia» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Туле. Член Союза писателей России и Международной Гильдии писателей, лауреат множества литературных премий и наград.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В
ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2017 ГОД**

Виталий Яковлевич Кузнецов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в № 2, 2017 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в городе Северомуйске, Бурятия. Член Европейского конгресса литераторов, учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни».

Валерий Владимирович Кулешов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию подборки стихотворений Personalia в № 1, 2017 «ПЗ». Живет и работает в городе Щекино Тульской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов СССР (1990). В 1987 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР (семинары С. А. Поделкова и В. Д. Цыбина).

Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы — удостоены звания лауреата за публикацию серии очерков «Герои, которых мы знаем» в № 2, 2017 года «ПЗ». Живут и работают в поселке Медвенка Курской области. Члены Союза писателей России, лауреаты и призеры многих областных и всероссийских литературных конкурсов.

Владимир Владимирович Трусов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за публикацию литературоведческих очерков в №№ 2—4, 2017 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в городе Мончегорске Мурманской области. Член Союза писателей России. Работал в промышленности и на телевидении, сейчас занимается литературно-концертной деятельностью.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2018 ГОД**

Федор Михайлович Ошевнев — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в №№ 1—3, 2018 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Член Союза российских писателей, выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор 12 книг, публиковался в 120 изданиях России и за рубежом. Яркий представитель жанра «жестотокото» реализма. Четверть века служил в армии и милиции. Участник боевых действий, имеет государственные и ведомственные награды. Майор внутренней службы в отставке. Живет и работает в Ростове-на-Дону.

Владимир Васильевич Корнилов — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 2, 2018 «ПЗ» цикл стихов «Personalia» («Берег детства») и активное участие во всероссийском литературном процессе. Член Союза писателей России, выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Лауреат многих литературных премий и дипломант поэтических конкурсов. Воспитывает поколение молодых поэтов. Живет и работает в Братске Иркутской области.

Борис Иванович Зорькин (псевд. Валерий Румянцев) — в номинации публицистики и литературной критики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в № 1, 2018 «ПЗ» материалы «Тиражи и выражи литературных журналов» и «Литературные премии в роли бижутерии» и активное участие во всероссийском литературном процессе. Автор 12 книг, публиковался в 180 изданиях России и за рубежом. Тридцать лет служил в органах госбезопасности. Имеет награды. Полковник ФСБ в отставке. Живет и работает в Сочи.

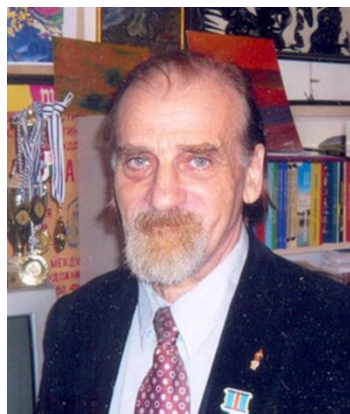
Сергей Владимирович Сенин удостоен звания лауреата по именной номинации за активную популяризацию музыкально-поэтического творчества и за создание альманаха «На лирической волне» журнала «Приокские зори» и альманаха «Тульская сторонка», выходящего в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» (периодичность издания альманахов 2—3 выпуска в год). Композитор, музыкальный педагог, пианист. Живет и работает в Туле.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В
ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2019 ГОД**

Михаил Иванович Смирнов — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в №№1—4, 2019 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; постоянный автор «Приокских зорь», печатается в различных российских периодических литературных изданиях, в интернет-изданиях. Лауреат ряда литературных премий, дипломант всероссийских литературных конкурсов. Живет и работает в Салавате, Башкирия.

Валерий Григорьевич Демидов — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованные в №1, 2019 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» и подборку новых стихов в № 4, 2019 «ПЗ». Член Союза журналистов СССР и Международного союза писателей. Работал много лет директором издательского отдела Заокской духовной семинарии. Печатается во многих региональных литературных изданиях, автор четырех книг религиозно-философских стихов. Редактор и корректор ряда тульских литературных изданий. Живет и работает в Туле.

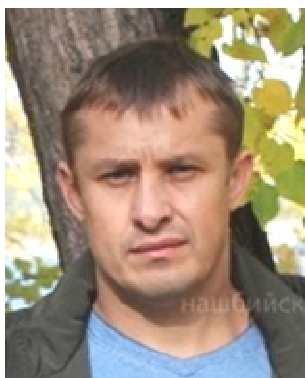

Ефим Аронович Гаммер — в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в №№1—3, 2019 «ПЗ» произведения и за активное участие во всероссийском и международном русскоязычном литературном процессе. Постоянный автор «Приокских зорь». Печатается в России, Израиле, США, Франции, Англии, Германии и многих других странах. Член израильских и международных союзов писателей, художников и журналистов. Автор двадцати книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий. Живет и работает в Иерусалиме, Израиль.

Евгений Иванович Трецев — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за публикацию в №№ 1, 3, 4, 2019 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств, Почетный учитель, Почетный работник общего образования РФ, Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор двадцати шести книг и многочисленных литературных публикаций. Живет и работает в Шекино Тульской области.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2020 ГОД**

Вячеслав Михайлович Лямкин — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию в №№ 1, 2, 2020 «ПЗ» повести «Отпусти его на небо, душа, отпусти...» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; технический редактор журнала «Бийский Вестник», кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского. Живет и работает в Бийске, Алтайский край.

Елизавета Михайловна Баранова (Весина) — в номинации поэзии. Удостоена звания лауреата за опубликованные в № 2, 2020 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» и подборки новых стихов в №№ 1, 3, 4, 2020 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; секретарь редакции журнала «Приокские зори», член Союза писателей России, регулярно публикуется в различных литературных журналах, переведена на английский и польский языки, автор четырех изданных книг. Кандидат технических наук, доцент в Тульском госуниверситете. Живет и работает в Туле.

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоена звания лауреата за опубликованные в №№ 1—3, 2020 «ПЗ» литературоведческие очерки о творчестве Н. С. Лескова и А. П. Чехова и за активное участие во всероссийском литературном процессе; историк литературы, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор. Автор многочисленных публикаций и победитель всероссийских литературных конкурсов. Живет и работает в Орле.

Валентин Михайлович Ознев — в номинации литературной публицистики и краеведения. Удостоен звания лауреата за публикации в №№ 1—3, 2020 «ПЗ». Постоянный автор журнала «Приокские зори»; в своих очерках и рассказах с глубоким знанием краеведческого материала, изучением которого давно занимается, знакомит читателя с далекой историей Тульского края. Полковник МВД в отставке. Живет и работает в Щекино Тульской области.

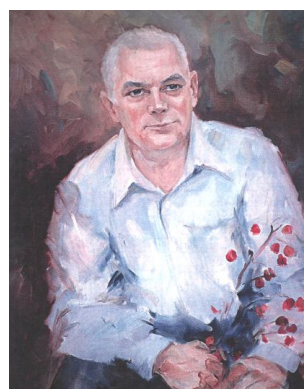

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2021 ГОД**

Евгений Иванович Асташкин — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы, опубликованные в №№ 1, 2, 2021 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; зам. главного редактора альманаха «Тарские ворота» (Омск), член Союза российских писателей, автор двадцати изданных книг, многих публикаций в российских литературных изданиях, дипломант литературных конкурсов. Живет и работает в Омске.

Николай Николаевич Еремин — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 2, 2021 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» «Сладкие желания» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; выпускник Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР, Союза российских писателей и международного ПЕН-клуба, автор-составитель ряда альманахов серии «Миражист», лауреат и дипломант различных литературных премий, автор собрания сочинений в 6 т., многих других публикаций в журналах и отдельно изданных книг, отмечен литературными наградами. Живет и работает в Красноярске (портрет работы художника Николая Бальшеева).

Людмила Анатольевна Воробьева — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоена звания лауреата за опубликованные в №№ 1, 3, 4, 2021 «ПЗ» очерки актуального современного литературоведения и за активное участие в белорусском и всероссийском литературном процессе; член Союза писателей Белоруссии, автор трех книг литературной критики и многих публикаций в белорусских, российских и зарубежных литературных изданиях, удостоена ряда белорусских, российских и международных литературных премий и наград. Живет и работает в Минске.

Александр Львович Балтин — в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в №№ 1—4, 2021 «ПЗ» очерки к юбилеям выдающихся русских писателей и за активное участие во всероссийском литературном процессе; зав. отделом поэзии журнала «Северо-Муйские огни», член Союза писателей Москвы, почетный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ, автор многих публикаций, лауреат ряда российских, белорусских и зарубежных литературных премий. Живет и работает в Москве.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2022 ГОД**

Эдуард Павлович Георгиевский — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 1—3, 2022 «ПЗ» рассказов из серии «Уличные зарисовки», за активное участие во всероссийском литературном процессе и в связи с 85-летним юбилеем. Член Союза писателей России, автор книг и многих литературных публикаций; двадцать лет возглавляет издание ежегодника «На крыльях Пегаса» — альманаха журнала «Приокские зори». Заслуженный врач РФ. Живет и работает в Туле.

Валерий Григорьевич Виноградов — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 4, 2022 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia», за книгу «В душе звучит напев...» (Тула, 2022) и за активное участие в региональном литературном процессе. Член Союза писателей России, автор книг и многих литературных публикаций, постоянный автор журнала «Приокские зори», лауреат литературных конкурсов. Полный кавалер знаков «Шахтерская Слава». Живет и работает в городе Алексине.

Борис Николаевич Григорьев — в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за публикацию в 2021—2022 гг. в номерах «Приокских зорь» документальной книги (очерка) «Рабы с Востока» о советских военнопленных в Норвегии (1941—1945). Имеет публикации книг в российских и шведских издательствах: «Молодая гвардия», «Вега», «Олма-Пресс». Служил в КГБ СССР и в СВР РФ. Полковник СВР в отставке. Живет и работает в Москве и в с. Порой Липецкой области.

Алексей Владимирович Гусаков — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 4, 2022 «ПЗ» цикла стихотворений «Personalia» и за книгу стихов «Искусственный мир» (Тула, 2022). Член Союза писателей России. Принимает активное участие в региональном литературном процессе. Публикует поэтические книги. Живет и работает в Туле.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА
ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
ЗА 2023 ГОД**

Валерий Федорович Неудахин — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикации рассказов в №№ 1, 3 2023 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Родом из города Бийска Алтайского края. Почти тридцать лет прослужил в Советской и Российской армиях, по выходу в отставку работал в кадетской школе. В настоящее время редактор литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала «Бийский Вестник», издающегося под эгидой Союза писателей России. Литературной деятельностью занимается с армейских лет. Автор восьми книг прозы и одного поэтического сборника, публиковал свои рассказы во многих российских журналах. Лауреат Православной литературной премии

имени святителя Макария, митрополита Алтайского за 2022 год; дипломант ряда региональных, российских и международных литературных конкурсов.

Эдуард Георгиевич Побужанский — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию подборки стихотворений в № 2, 2023 «ПЗ» и «Personalia» в № 4, 2023 «ПЗ», а также за активное участие во всероссийском литературном процессе. Родом из Молдавии. По окончании с золотой медалью школы служил в Советской армии, далее окончил с отличием факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэта Юрия Кузнецова). С 1993 года живет и работает в Москве. Основатель и главный редактор всероссийского поэтического издательства «Образ» (Москва). Автор пяти книг стихов, начиная с первой: «Святосплетенья» (Кишинев, 1992). Стихотворения публикуются во многих журналах: «Москва», «Юность», «Приокские зори», «Север» и др. Член Союза писателей России, лауреат и дипломант ряда литературных премий. Награжден культурно-просветительскими медалями.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

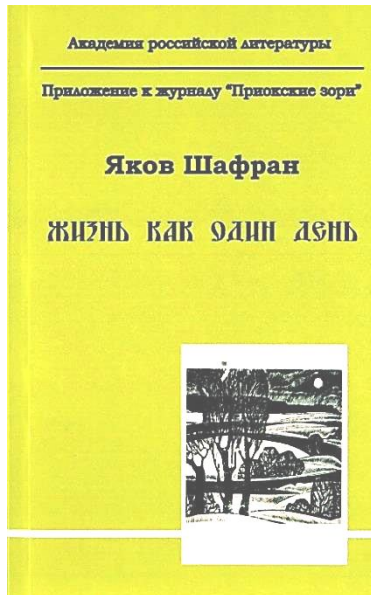
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2024.— № 3.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2024.— № 3. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2024.— № 2. (Опубликован материал Якова Шафрана).
4. *АлександрЪ*. Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Труба А. С., Макаров Н. А.* Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик.— Рязань: Изд-во ИП Коняхин А. В., 2024.— 468 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

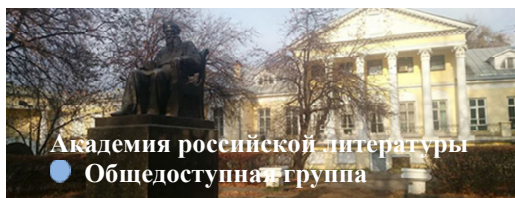
Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2024-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

6 июня день рождения солнца русской поэзии — А. С. Пушкина. Мы живем в стране, давшей миру гения! Пушкина знают во всем мире, так пусть же он будет путеводной звездой для новых поколений поэтов, писателей, филологов и литературоведов!

* * *

Нашу коллегу **Ольгу Карагодину** с медалью к 225-летию А. С. Пушкина от Российского союза писателей от всей души поздравляем и желаем ей новых творческих побед!

* * *

Уважаемые члены АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Предлагаем вашему вниманию видеоматериал о членах Академии и авторах Международного литературного альманаха «Московский Парнас». Фильм приурочен к выходу второго номера издания, но в общем представляет как постоянных авторов, так и других литераторов и общественных деятелей, которые

принимают активное участие в работе Академии: <https://drive.google.com/file/d/1jYunrYW6zevSjt3x35BXaRDraf6Pk2Jb/view>

Выражаем глубокую признательность и наилучшие слова благодарности нашему партнеру — Александру Новикову, администратору сайта Международного Союза Русскоязычных Писателей, за подготовку представленных видеоматериалов.

Всем доброго здоровья и новых творческих успехов!

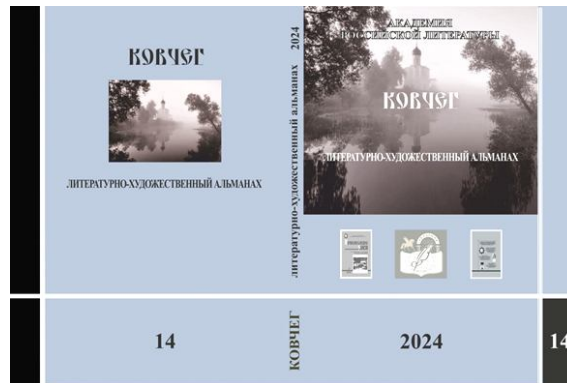
Правление Академии российской литературы

* * *

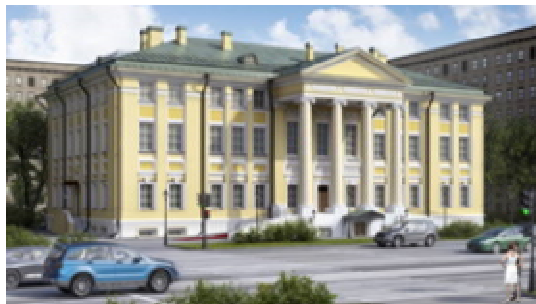
Вышел 14-й выпуск альманаха «КОВЧЕГ». Альманах размещен на сайте журнала «Приокские зори» <http://www.pz.tula.ru> Необходимо нажать на кнопку «Библиотека журнала», затем на строке «Альманах «Ковчег» нажать «Скачать» и Вам откроется его публикация.

Поздравляем всех участников альманаха!

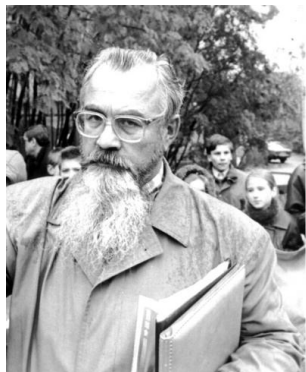
Информ. группа Академии РЛ

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В Мурманске названы победители Всероссийской арктической литературной премии имени В. С. Маслова.

ВСЕРОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ИМЕНИ В.С. МАСЛОВА

известный мурманский писатель **Борис Блинов** за сборник «Волна многошумного моря». Второе место — **Алексей Яшин** из Тулы за книгу «Страна холода (2)». Третье место — Вячеслав Нескормных из Красноярска за роман «Алмазные грани».

Вторая номинация, «Современная поэзия», тоже стала успешной для мурманских авторов. Первое место занял **Владимир Сорокожердьеv** за сборник «Две воды на коромысле». Второе место — **Алексей Полубота** из г. Реутова Московской области, а в прошлом мурманчанин, за сборник «На ослепительном снегу».

Третья номинация, «Кольское Заполярье — ворота Арктики», собрала краеведческие и художественные работы о нашем регионе. Первое место экспертное жюри присудило **Александре Горяшко** из Москвы за книгу «Полярный рай». Второе место занял **Борис Блинов**. Третье место у **Марины Чистоноговой (Доценко)** за сборник «Форштевнем рассекая пограничье».

Церемония стала частью празднования Дня славянской письменности и культуры. Одним из важных центров его празднования традиционно является Мурманск, где в 1986 году впервые в стране была возрождена традиция его празднования.

Начался день с традиционного митинга на Аллее писателей у Мурманской областной детско-юношеской библиотеки имени В. Махаевой. Участниками стали в том числе дипломанты и члены Экспертного совета Всероссийской арктической литературной премии имени В. С. Маслова.

Главным событием стал праздник «Слово», начавшийся у памятника Кириллу и Мефодию в полдень. Звуки колоколов и молебна, выступления властей, духовенства, культурных деятелей, школьники в костюмах литературных героев, цветы у подножия монумента и, конечно, Самарское знамя. Праздник получился ярким и массовым.

Заместитель губернатора Елена Дягилева в своем выступлении напомнила об истории возрождения праздника и значимости его для региона. Заместитель руководителя Облдумы Владимир Мищенко рассказал о значении Кирилла и Мефодия для страны и русской культуры. Министр культуры региона Ольга Обухова поздравила северян с этим значимым событием и наградила команды школ, победивших в конкурсе костюмов. Первое место в нем заняли учащиеся Мурманского академического лицея. Также со словами поздравления к собравшимся обратились представители властей города, митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан, почетный гость из Москвы — первый секретарь Правления Союза писателей России Геннадий Иванов.

Илья Виноградов, председатель Мурманского областного отделения Союза писателей России.

* * *

ДЕНЬ С ПУШКИНЫМ И РОССИЕЙ

Невероятно насыщенным оказался день рождения Поэта для писателей России, что не может не радовать.

11 утра. Около тридцати членов СП России собрались у памятника Пушкину в Москве — Н. Дорошенко, В. Дворцов, С. Вьюгина, Н. Никольская, И. Первозванова, Н. Костюк... Это оказалось удачей для корреспондентов телеканала «Москва-24», взявших интервью у Н. Поповой, Г. Иванова, С. Макаровой-Гриценко, В. Хайрюзова, Е. Хаплановой, Н. Дьяковой, Н. Канаана, А. Токаревой и других. После возложения цветов к подножию монумента Председатель СПР Н. Иванов сказал о значении Пушкина для нынешней России и современных литераторов на сцене, установленной в сквере Музея имени Пушкина.

Следующее место встречи писателей — в Александровском саду, у Могилы Неизвестного солдата. После смены караула в полдень служба охраны стала пропускать по два-три писателя для возложения цветов к Вечному огню. Поклониться памяти защитников Отечества подошли еще около двадцати членов СП России — Ю. Шурчков, А. Ретеюм, Ю. Белоусов, Р. Рахимов, Е. Калачев, В. Фролов, А. Тимофеев, Г. Шувалов и др.

На Красной площади писателей уже ждали творческие встречи — вначале прошел разговор в одном из шатров о лауреатах премии партии «Справедливая Россия — за Правду», посвященный произведениям о спецоперации, затем презентация тематического номера журнала «АлександрЪ», встреча с писателем О. Роем и главное событие — презентация совместно с издательством «Вече» альманаха «За други своя». Своими поэтическими строками с собравшимися поделились А. Ананичев, Н. Попова, В. Хатюшин, Е. Хапланова, И. Мацигура, Н. Дьякова, Л. Берзина, А. Токарева, И. Гуревич, издатели альманаха — Л. Палько и С. Дмитриев...

Вечером большая группа писателей выехала в Большое Болдино, чтобы и на нижегородской благословенной для поэта земле поклониться его памяти.

* * *

Наталья Миленченко

— **П. А. Вяземский:** «Язык есть исповедь народа».

— **А. И. Куприн:** «Язык — это история народа, путь цивилизации и культуры».

— **К. Д. Ушинский:** «Когда исчезает народный язык — народа нет более!.. Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ».

— **В. В. Личутин:** «Кто реже тоскует по Родине, тот быстрее позабывает язык... Слово-то само по себе и есть образное выражение мысли, ее незаурядности. Чем скуднее мысль, тем беднее язык, тем скорее пошлеет душа, о чем еще сто лет тому пекся Даль».

— **Ф. М. Достоевский** (из «Дневника писателя»): «Существует один знаменательный факт: мы на нашем языке можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков — европейские поэты и мыслители все переводимы и передаваемы по-русски, а иные переведены уже в совершенстве. Между тем на европейские языки... чрезвычайно много из русского народного языка и из художественных литературных наших произведений до сих пор совершенно непереводаемо и непередаваемо... Пушкин тоже во многом непереводаем».

* * *

ДНИ АРМЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

8—12 июня в рамках Дней армейской культуры в Тульской области прошел ряд значимых мероприятий, среди которых открытие Книжного фестиваля «Тульский библиогид», проведение Всероссийского патриотического Круглого стола, мастер-классов и творческой мастерской «Все для Победы!», цикл патриотических театральных постановок («А зори здесь тихие», «На всю оставшуюся жизнь...» и др.), выставки (армейских изданий 1940—1960 гг., «Уголь Донбасса», «Оружие победителей», «Великие люди Великой страны», «Рождает Родина Героев» и др.). Центральным событием стало подведение итогов регионального конкурса проектов, инициатив и разработок библиотек по военно-патриотическому воспитанию «ПОЗЫВНОЙ — КУЛЬТУРА».

Департаментом культуры Министерства обороны РФ и Министерством культуры Тульской области на торжественные мероприятия в качестве почетных гостей была приглашена делегация Союза писателей России — заместитель председателя Нина Попова и секретарь СПР Елизавета Хапланова.

Напряженная и насыщенная работа делегации началась с запланированной встречи с руководителем Тульской областной региональной организации СП России Николаем Жуковым, в ходе которой были обсуждены важные вопросы деятельности

организации. Особенно яркими моментами этих дней стали творческие встречи в библиотеках региона, участие в патриотических акциях и награждение победителей конкурса, состоявшееся на сцене Тульского академического театра драмы им. Горького. Стоит отметить, что все победители получили вместе с дипломами подарки от Союза писателей России — антологию патриотической поэзии «За други своя» и наборы художественно-поэтических открыток «Герои России — гордость Отечества». В ходе проведения творческих вечеров в библиотечный фонд области было передано весомое количество изданий Союза, среди которых серия патриотических сборников, антологий, а также авторские книги «Я посадила сад» (Н. Попова), «У Засечной черты» (Н. Попова, С. Размыслович) и «В ладонях века», «Открытые дневники», «За миг до тишины» (Е. Хапланова).

Символично, что именно в Тульском крае — родине известных оружейников, где в буквальном смысле ковалась Победа в Великой Отечественной войне, в мае 1957 года был зажжен первый в Советском Союзе Вечный огонь. И писатели не могли не посетить это священное место нашей исторической памяти вместе с начальником отдела культурных программ Департамента культуры Минобороны, членом СПР Ольгой Фаллер (инициатор событий), генеральным директором Регионального библиотечно-информационного комплекса Юлией Ивановой и главой администрации поселка Первомайский Щекинского района Ириной Шепелевой.

В эти дни Тула еще раз подтвердила свое высокое звание «Город-Герой», став на этот раз и героем культурно-исторических инициатив.

С места событий Нина Попова и Елизавета Хапланова

* * *

135 лет со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой.

23 июня 1889 года под Одессой в семье потомственного дворянина, отставного инженера-механика флота Андрея Горенко родилась дочь — будущий поэт, переводчик, литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX-го века Анна АХМАТОВА.

23 ИЮНЯ
Анна Ахматова
 23 июня 1889 - 5 марта 1966
 135-летие со дня рождения

* * *

100 ЛЕТ БОГОМОЛОВУ

3 июля исполняется сто лет со дня рождения **Владимира Осиповича Богомолова**.

* * *

Поздравляем с юбилеем литературного и театрального критика и публициста Вячеслава Дмитриевича Лютого!

Вячеслав Дмитриевич Лютый — заместитель главного редактора журнала «Подъем», член редколлегии журнала «Приокские зори», председатель Совета по критике Союза писателей России. Лауреат премий журналов «Подъем», «Русское эхо», «Аргмак», альманаха «Ковчег», премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово», «Кольцовский край». Лауреат сайта «Российский писатель» (дважды), газеты «День литературы». Награжден медалями им. В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева.

Из интервью с В. Д. Лютым:

— Когда мы говорим о современной литературе, разговор, как правило, упирается в те или иные имена. Хотя стоит, наверное, понять, куда движется литература в целом, обнаружить некую подложку под нее, которая — вне очевидности, скрыта. Произведение написано с элементом скандалозности или патриотизма — мы механически отнесем первое к скандальной литературе, второе к патриотике, не замечая того, что у них есть, может, что-то общее: мелкость рассмотрения предмета, ракурс и т.д. Недавно слушал радиопередачу, в которой прозвучало: единственный пробел нынешней литературы в том, что ее критически не осмысливают на уровне произведения. Это говорил филолог; возникло впечатление, что литература представляется ему популяцией мышей. Вот наблюдаем внимательно — и угадаем, через какое время мышинные хвосты будут загибаться направо. Или налево. Хочется спросить у такого исследователя: ты кто? Лаборант или заведующий лабораторией? Почему надо рассматривать нечто, отдельно взятое, изъятое из многообразной жизни?.. Связи литературы с жизнью таковы, что движение — от жизни к литературе и наоборот — идет постоянно. Постоянно литература

жизнью проверяется — на искренность. И на соответствие той высокой задаче, решение которой ей присваивали всегда. Если литературное течение не рассматривает эту задачу — оно разом выпадает из магистрального процесса. Становится на прикладную полку.

* * *

10 июля отмечается День воинской славы России, установленный в честь победы русской армии под командованием ПЕТРА I над шведами в Полтавском сражении.

После сокрушительного поражения шведы утратили стратегическое превосходство, а международный авторитет Карла XII серьезно снизился. Швеция утратила свои позиции в Прибалтике, в то время как Россия, напротив, укрепила их и стала морской державой, получив выход к морю. Это сражение привело к перелому в Северной войне в пользу России.

В июне 1709 года шведский король Карл XII по совету гетмана Мазепы, утверждавшего, что в Полтаве шведы найдут продовольствие и большие запасы снаряжения, решил осадить этот город.

Оборона Полтавы длилась два месяца. В результате осады Карл XII лишился примерно пятой части своей армии, ему пришлось израсходовать все боевые запасы.

Армия Петра в это время расположилась в восьми верстах от Полтавы. Она насчитывала 42 тысячи человек. Шведский король располагал 28 тысячами бойцов, оставшийся боезапас мог обслуживать только четыре орудия.

Ранним утром 27 июня шведы ринулись в атаку. После упорного боя им удалось захватить два редута, однако шведская конница спустя некоторое время была опрокинута русскими драгунами. Карл XII приказал пехоте не задерживаться у редутов и помочь коннице. Пройдя сквозь линию редутов, шведский строй рассеялся. Когда шведы подошли к укрепленному русскому лагерю, то были обстреляны картечью и в беспорядке отступили.

На короткое время сражение прекратилось, и Петр, ожидая вторичной атаки шведов, вывел часть войск из лагеря, намереваясь охватить противника с обоих флангов. Однако атаки так и не последовало. Петр сам пошел навстречу врагу. Столкновение продолжалось всего полчаса, и около полудня все было кончено.

Урон россиян составил 4 635 человек (1 345 убитыми и 3 290 ранеными) — немногим более десяти процентов армии. Шведы потеряли убитыми 9 234 человека и еще 18 746 человек (из них 1 160 офицеров) попали в плен. В качестве трофеев было захвачено 137 знамен и штандартов, 32 орудия.

Половина шведской армии была перебита либо взята в плен, другая половина, настигнутая драгунами Меншикова, сдалась 28 июля у Переволочны. Карлу XII удалось бежать в Турцию.

* * *

120 лет назад, в ночь с 14 на 15 июля 1904 года покинул этот мир Антон Павлович Чехов.

* * *

95 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина

Писатель, режиссер и актер Василий Шукшин родился 25 июля 1929 года в селе Сростки Сибирского края (ныне — Алтайский край). Его родители были крестьянами, вскоре после рождения сына вступили в колхоз, где и работали. Учился Василий плохо, но много читал. Мать вспоминала: «...Всегда у него под ремень в брюках была книга подоткнута. Читал без разбора, подряд. Читал и по ночам... однажды одеяло прожег». Книжки Шукшин брал в школе. Иногда приходилось делать это тайком: когда он получал плохие отметки, мать запрещала читать художественную литературу. До поступления во ВГИК Шукшин успел сменить несколько профессий: был слесарем, моряком, учителем и директором школы. Свои первые рассказы начал создавать еще в армии, а печатать — в студенческие годы. Известность Василию Макаровичу принесли книги о малой родине, Алтайском крае, и фильмы по собственным сценариям, среди которых у советских зрителей особенно популярны «Калина красная» и «Печки-лавочки». ...

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

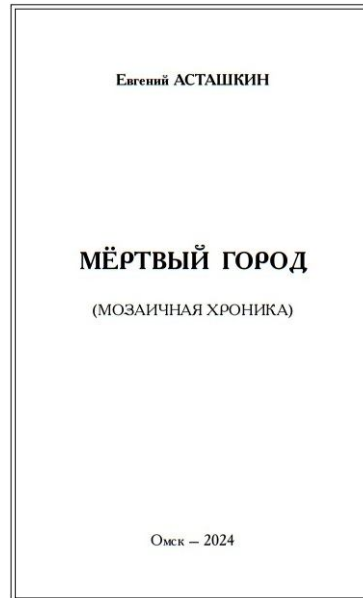
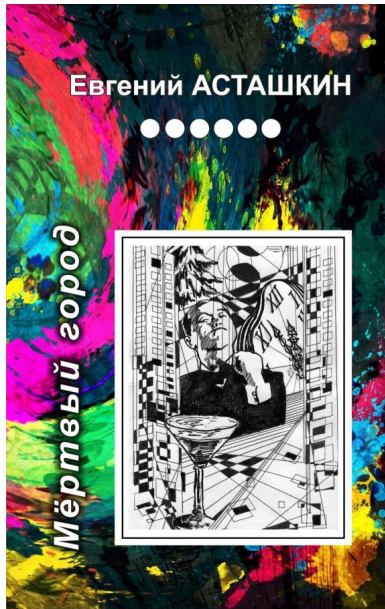

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» сердечно поздравляет с днем рождения известного российского прозаика, автора двадцати с лишним книг прозы, члена Союза писателей России, главного редактора Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», члена редколлегии журнала «Приокские зори», председателя Правления АРЛ **Евгения Марковича Скоблова.**

Редакция «Приокских зорь»

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Омске вышла в свет новая книга члена редколлегии журнала «Приокские зори» **Евгения Ивановича АСТАШКИНА** «Мертвый город».

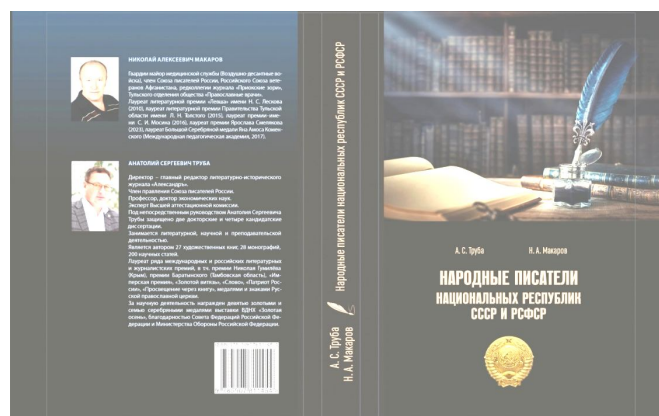

* * *

В июле 2024 года вышла в свет книга «Народные писатели национальных республик СССР и РСФСР»

Достойное продолжение и дополнение книги «Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик» появилось в июле 2024 года.

Увековечивание памяти отечественных литераторов стало одной из основных задач, стоящих перед **Союзом писателей России** и авторами вышедшего издания — **Анатолием Сергеевичем Труба** и **Николаем Алексеевичем Макаровым** (которым удалось успешно раскрыть данную тему).

Книга «Народные писатели национальных республик Союза Советских Социалистических Республик и Российской Федерации» — это систематизированный подробный биографический список писателей, отмеченных высшим званием национальных республик Советского Союза и Российской Федерации.

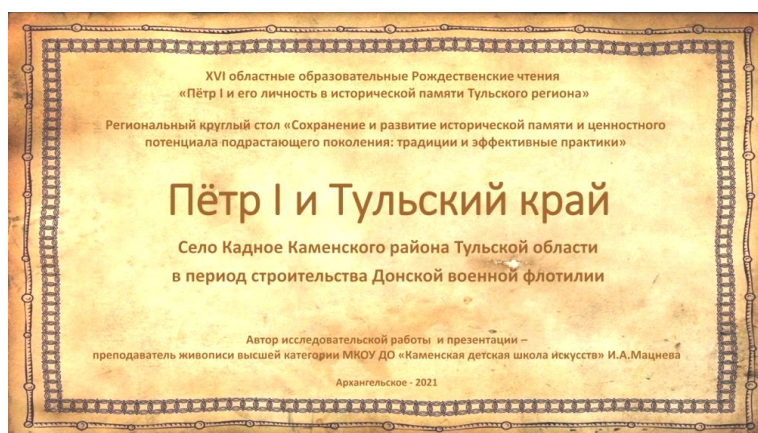
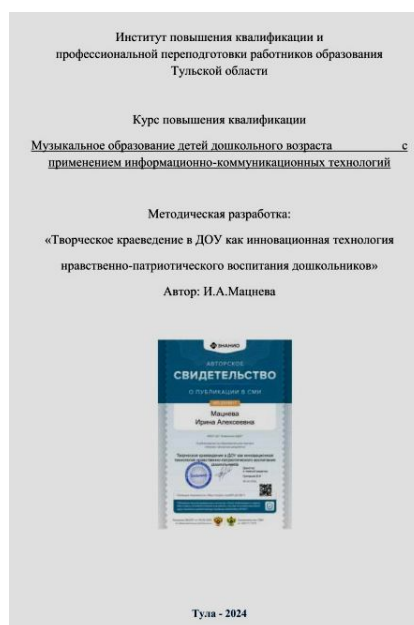
Издание содержит данные о жизни, а также сведения об истории награждения, литературной и общественной деятельности лауреатов. Являясь универсальным научно-справочным трудом, книга раскрывает литературные процессы, происходившие в Советском Союзе и Российской Федерации.

Издание иллюстрировано фотографиями из архивов награжденных.
Книга предназначена для широкого круга читателей.

Александр Сергеев

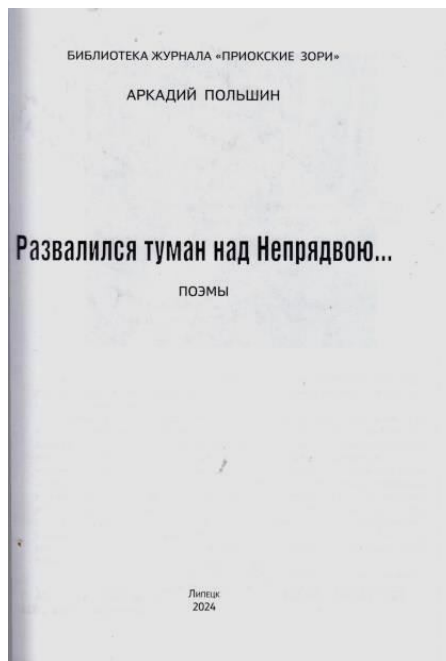
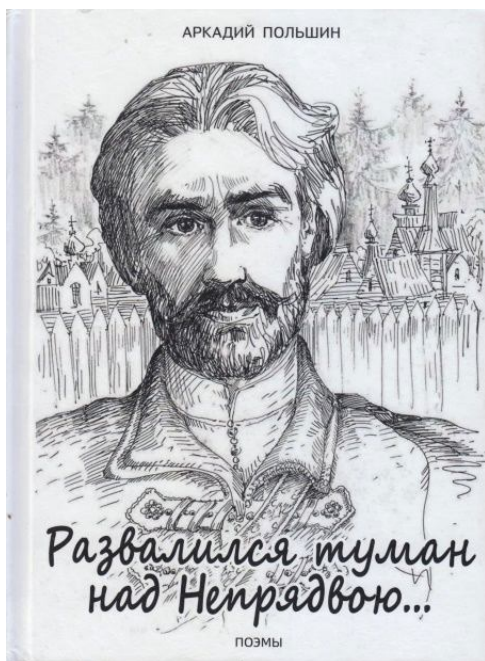
* * *

В 2024 г. вышли в свет работы нашего автора из села Каменское Тульской области Ирины Алексеевны Мацневой.

* * *

В г. Липецке в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышла в свет книга Аркадия Олеговича Польшина «Развалился туман над Непрядвою...»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3..4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2024
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

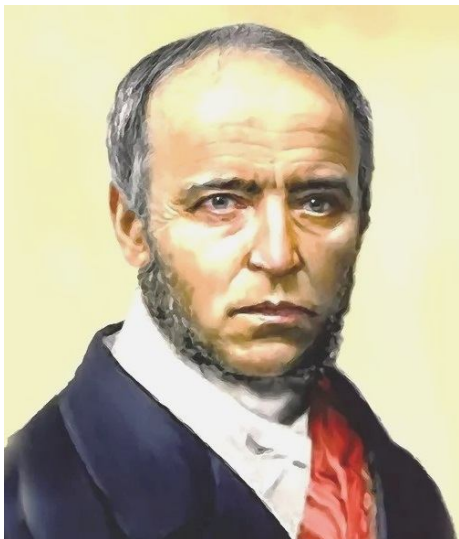
**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА —
РУССКАЯ КЛАССИКА XIX ВЕКА
(в порядке следования юбилейных дат)**

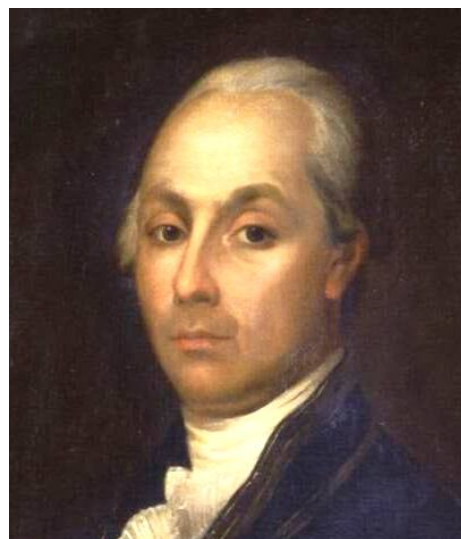
*235 лет со дня рождения
известного русского исторического
писателя Михаила Николаевича
Загоскина
(1789—1852)*

*240 лет со дня рождения
видного русского поэта и автора
военно-исторических работ
Дениса Васильевича Давыдова
(1784—1839)*

*220 лет со дня рождения видного
русского писателя, одного из
основоположников русского
классического музыковедения
Владимира Федоровича Одоевского
(1804—1869)*

*275 лет со дня рождения
известного русского писателя
и общественного деятеля
Александра Николаевича Радищева
(1749—1802)*

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА —
РУССКАЯ КЛАССИКА XIX ВЕКА**
(в порядке следования юбилейных дат)

*200 лет со дня рождения
самобытного русского поэта
и общественного просветителя
Ивана Саввича Никитина
(1824—1861)*

*215 лет со дня рождения
народного русского поэта, лирика
крестьянского труда и природы
Алексея Васильевича Кольцова
(1809—1842)*

*210 лет со дня рождения
выдающегося русского поэта,
прозаика и драматурга
Михаила Юрьевича Лермонтова
(1814—1841)*

*155 лет со дня рождения
видной писательницы,
поэтессы и мемуаристки
Зинаиды Николаевны Гиппиус
(1869—1945)*

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

